П.266.1
П-632

ИСТОРІЯ
РУССКАГО РАСКОЛА
СТАРООБРЯДЧЕСТВА.

Изданіе 6-е, вновь переработанное.

Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ 1-е и 2-е изд. *одобрены* къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ *учебнаго пособія* и къ пріобрѣтенію въ библіотеки тѣхъ церквей, въ приходахъ коихъ есть раскольники, а *Ученымъ Комитетомъ М-ва Народ. Просв.* 1-е изд. *рекомендовано* къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки гимназій и прогимназій, городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій.

1911

СОСТАВИЛЪ

примѣнительно къ послѣдней семинарской программѣ и указаніямъ 3 и 4 всероссійскихъ миссіонерскихъ съѣздовъ

К. Плотниковъ.

БИБЛІОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГІОЗНОГО
МУЗЕЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. П. Акинфіева, Басковъ пер., 10.
1911.

ПРОВ. 19

ВХ
601
Пло

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
135
54

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

Стр.

Понятіе о расколѣ вообще и русскомъ расколѣ старообрядчества и сектантствѣ въ частности: общій характеръ русскаго раскола и сектантства, различіе между ними. . . . . 1— 2

Понятіе о наукѣ расколо-сектантства, характеръ ея и значеніе, раздѣленіе на части. 3

Исторія русскаго раскола старообрядчества.

ГЛАВА I.

Происхожденіе раскола старообрядчества.

1. Историческія условія возникновенія раскола старообрядчества.

а) Обрядовое направленіе въ религіозной жизни русскихъ. . . 4— 8

б) Мнѣніе русскихъ книжниковъ о православіи русскихъ и грековъ. . . . . 8— 14

в) Эсхатологическія чаянія. . . . . 14— 15

2. Состояніе церковно-богослужебныхъ книгъ до книгопечатанія и послѣ него; опыты ихъ исправленія до патр. Никона. . . . . 15— 25

3. Перемѣна во взглядѣ русскихъ на православіе грековъ къ половинѣ XVII в. Патр. Никонъ и его распоряженія по исправленію церковныхъ обрядовъ и богослужебныхъ книгъ. . . . . 25— 43

4. Дѣятельность противниковъ церковныхъ исправленій. . . . 43— 52

5. Церковный судъ надъ приверженцами раскола. . . . . 52— 56

ГЛАВА II.

Расколъ старообрядчества въ первое время своего существованія до конца XVII вѣка.

1. Взглядъ раскольниковъ-старообрядцевъ на переживаемое ими время. Стояніе за вѣру въ Соловкахъ. Московская смута 1682 г. Бѣгство въ лѣса и за предѣлы государства. Самонстребленіе. . . . . 57— 68

2. Образованіе въ расколѣ безпоповщины и поповщины. . . . 68— 71

ГЛАВА III.

Безпоповщина.

Общія начала безпоповщины. . . . . 71— 75

Главнѣйшіе вопросы въ безпоповщинѣ, по которымъ возникли въ ней раздоры и раздѣленіе на толки. . . . . 75— 76

1. Поморскій толкъ; тропарщики, полубрачные даниловцы. . . 76— 83

2. Ѳедосѣевскій толкъ. . . . . 84— 92

Согласія, отдѣлившіяся отъ ѳедосѣевства: а) титловщина, б) Аристово согласіе, в) польскіе ѳедосѣевцы и г) рижскіе ѳедосѣевцы. . 92— 93

3. Новопоморскій толкъ. . . . . 93— 95

Любушкино согласіе. . . . . —

4. Филипповскій толкъ. . . . . 95— 96

Ароново согласіе. . . . . —

5. Странники или бѣгуны. . . . . 97—103

Лучинковцы. . . . . —

6. Толкъ нѣтовщины или Спасово согласіе. . . . . 103—105

7. Толки нѣтовскаго направленія: а) самокрещенцы или бабушкино согласіе и отрасли его: дырники и средники, б) рябиновцы. . 105—107

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ

8. Безпоповщинскіе толки раціоналистически-сектантскаго характера: а) немоляки, б) духовные христіане по второму пришествію, в) бѣлоризцы, г) неплательщики и д) самовосхитители архіерейства. . . 107—108
9. Мелкіе безпоповщинскіе толки: а) мелхиседеки, б) пасхальники и в) лѣвяки или лѣвшаки. . . . . 108—109

ГЛАВА IV.

Поповщина.

Общія начала поповщины. . . . . 109—110
1. Толкъ бѣглопоповщинскій: дьякопово и лужковское согласія. 111—123
2. Толкъ пріемлющихъ австрійское или бѣлокриницкое священство.
а) Учрежденіе бѣлокриницкой іерархіи. . . . . 123—132
б) Бѣлокриницкая іерархія при Амвросіи. . . . . 133—134
в) Бѣлокриницкая іерархія при Кириллѣ до изданія Окружнаго Посланія. . . . . 134—138
г) Окружное Посланіе; раздоры, вызванные имъ въ обществѣ пріемлющихъ австрійское священство, и распаденіе іерархіи: окружники и противоокружники. . . . . 139—148
Бѣглопоповщина и австрійское священство въ послѣднее время; поповцы, управляемые уставщиками. . . . . 148—149
3. Бѣловодская іерархія . . . . . 149—150

ГЛАВА V.

Отношенія церковнаго и гражданскаго правительства къ расколу старообрядчества. . . . . 150—151

а) Обзоръ духовныхъ дѣйствованій къ ослабленію раскола старообрядчества.
1) Духовныя мѣропріятія противъ раскола въ XVII в. . . . . 151—153
2) Духовныя мѣропріятія противъ раскола въ первой половинѣ XVIII в. . . . . 153—162
3) Духовныя мѣропріятія противъ раскола во второй половинѣ XVIII и первой четверти XIX вв. . . . . 162—165
4) Духовныя мѣропріятія противъ раскола съ царствованія Николая I до настоящаго времени. . . . . 165—175
б) Обзоръ гражданскихъ мѣропріятій противъ раскола старообрядчества.
1) Мѣры противъ раскола, предпринятыя въ XVII в. 175
2) Мѣры противъ раскола, предпринятыя въ первой половинѣ XVIII в. . . . . 175—178
3) Мѣры противъ раскола, предпринятыя во второй половинѣ XVIII и первой четверти XIX вв. . . . . 178—182
4) Мѣры противъ раскора, предпринятыя въ царствованія императоровъ: Николая I, Александра II и Александра III. . . . . 182—191
5) Пересмотръ законовъ о расколѣ въ царствованіе императора Николая II. . . . . 191—192

ГЛАВА VI.

Присоединеніе старообрядцевъ къ Церкви на условіяхъ содержанія старыхъ книгъ и обрядовъ.

Понятіе о единовѣріи; первое осуществленіе мысли о единовѣріи; «согласіе» въ Стародубьѣ и др. мѣстахъ; правила единовѣрія; введеніе единовѣрія на Иргизѣ и въ нѣкоторыхъ др. мѣстахъ; возникновеніе единовѣрія на Преображенскомъ и Рогожскомъ кладбищахъ; замѣчательные случаи обращенія въ единовѣріе; учрежденіе мужского единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ; черты внутренняго состоянія единовѣрія; ходатайства о расширеніи правилъ единовѣрія въ 1881 и 1885 гг.; изъясненіе о порицаніяхъ на именуемые старые обряды, изданное Св. Синодомъ въ 1886 г.; празднованіе столѣтія единовѣрія; единовѣріе за границей; заслуги единовѣрія . . . . . 193—208
Замѣченныя опечатки 208

ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе о расколѣ вообще и русскомъ расколѣ старообрядчества и сектантствѣ въ частности; общій характеръ русскаго раскола и сектантства, различіе между ними.

Въ Свящ. Писаніи словомъ «расколъ» (по-гречески-σχισμα) называется распря (Іоан. *7*, 43; *9*, 16; *10*, 19), раздѣленіе (1 Кор. *11*, 18)—церковное (1 Кор. *1*, 10), а въ твореніяхъ св. отцовъ и учителей Церкви и каноническихъ памятникахъ подъ нимъ разумѣется раздѣленіе «въ мнѣніяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ церковныхъ и о вопросахъ, допускающихъ уврачеваніе» (Твор. Вас. Вел. ч. VII, стр. 2), т. е. такихъ, заблужденіе въ которыхъ не причиняетъ существеннаго вреда вѣрѣ и спасенію, каковы, напр., вопросы обрядовые. Манихеи, валентіане, маркіониты и епузіане, замѣчаетъ св. Василій Вел.,—еретики, «ибо здѣсь есть явная разность въ самой вѣрѣ», каѳары же (новаціане, чистые), не принимавшіе на покаяніе отпадшихъ во время гоненій (1 всел. соб. 8 пр. и толк.)—раскольники, потому что «о покаяніи мыслити инако, нежели какъ сущіе въ Церкви, есть расколъ» (Твор. Вас. Вел. ч. VII, 2). Равнымъ образомъ и наши старообрядцы—тоже раскольники, потому что старообрядчество, въ сущности, есть послѣдованіе церковной старинѣ въ той области, которая касается внѣшней стороны Церкви, и существеннымъ признакомъ его служитъ содержаніе «старыхъ», т. е. употреблявшихся до патр. Никона, книгъ и обрядовъ. Книги эти напечатаны при первыхъ 5 патріархахъ не вполнѣ исправно и заключаютъ въ себѣ множество словъ и выраженій, ошибочно напечатанныхъ или неясно и неточно переведенныхъ съ греческаго языка, много разностей, прибавленій и отъятій, а обряды не совсѣмъ точно выражаютъ заключающіяся въ нихъ православныя мысли и ученіе. Между тѣмъ старообрядцы признаютъ тѣ и другіе не только вполнѣ правильными и спасительными, но и требуютъ ихъ исключительнаго употребленія. По ихъ мнѣнію, въ «старыхъ» книгахъ содержится все необходимое для спасенія: каждое выраженіе, каждое слово, каждая буква, въ нихъ начертанныя, заключаютъ въ себѣ тотъ или другой великій догматъ вѣры православной; равнымъ образомъ и обря-

ды, употреблявшіеся до патр. Никона, напр.: двуперстіе, сугубая аллилуія, хожденіе по-солонь, исполненіе поклоновъ, какіе когда положены, даже ношеніе стариннаго платья и т. п.—премудрые догматы православной вѣры, получившіе свое начало отъ Іисуса Христа и апостоловъ. Поэтому, когда патр. Никонъ рѣшилъ привести русскую церковь въ согласіе съ тогдашнею греческою относительно обрядовъ и обычаевъ и исправить наши богослужебныя книги по греческимъ, то нѣкоторые изъ русскихъ людей подняли протестъ противъ этого согласованія, отказались принять новоисправленныя книги и обряды, отдѣлились отъ православной Церкви и образовали свое особое, *раскольническое* общество. Такимъ образомъ русскій расколъ старообрядчества есть явленіе церковной жизни русскаго народа и существенной, характеристической чертой его служитъ букво-обрядо-вѣріе. Правда, впослѣдствіи старообрядцы стали учить неправильно и о нѣкоторыхъ догматическихъ вопросахъ, напр., о Церкви и таинствахъ, объ антихристѣ, а нѣкоторые и о Второмъ Лицѣ Св. Троицы, но такъ какъ ученіе ихъ появилось не съ начала раскола и общимъ, существеннымъ признакомъ служить не можетъ, то Церковь оставляетъ за ними прежнее названіе—*раскольниковъ*.

Слово «сектантство» (отъ латин. seco—рублю, отдѣляю) по своему первоначальному значенію близко подходитъ къ слову «расколъ», но по существу совершенно отлично отъ него. Такъ, раціоналистическое сектантство (сюда относятся: духоборчество, молоканство, штундизмъ, пашковщина и толстовство), совершенно отвергаетъ авторитетъ Церкви и допускаетъ свободомысліе въ толкованіи св. Писанія, не придаетъ должнаго значенія церковной внѣшности и тайнодѣйствіямъ, отвергаетъ іерархію, почитаніе иконъ и мощей, крестное знаменіе, посты въ смыслѣ неяденія той или другой пищи и т. д. Мистическое же сектантство (сюда относятся хлыстовщина и скопчество) признаетъ начало внутренняго озаренія и откровенія и учитъ о непосредственномъ, таинственномъ единеніи человѣка съ Богомъ путемъ воплощенія Божества въ человѣкѣ, а въ ученіи о нравственности держится дуалистическихъ идей, т. е., что въ мірѣ два начала: доброе и злое; душа — произведеніе добраго начала, а тѣло—злого, почему послѣднее (т. е. тѣло) слѣдуетъ умерщвлять. Самою основною, существенною частью богослуженія сектантовъ-мистиковъ служатъ «радѣнія», т. е. молитвенныя собранія, сопровождающіяся пѣніемъ, пляской, верченіемъ и мнимыми пророчествами. Отсюда ясно, что сектантство отнюдь не подходитъ подъ понятіе о расколѣ, а скорѣе должно быть подведено подъ понятіе «ересь».

Понятіе о наукѣ расколо-сектантства, характеръ ея и значеніе, раздѣленіе на части.

Наука, излагающая въ системѣ свѣдѣнія о расколѣ старообрядчества и сектантствѣ, называется: «Исторія и обличеніе русскаго раскола старообрядчества и сектантства». Характеръ ея—полемическій. Въ кругъ семинарскихъ наукъ она введена недавно (въ 1886 г.), но имѣетъ весьма важное значеніе, особенно для пастырей Церкви. Расколъ старообрядчества и сектантство распространены почти повсемѣстно въ Россіи и потому приходскіе пастыри «всегда должны быть на стражѣ и обладать способностью, чтобы и православныя свои паствы оградить отъ увлеченія расколо-сектантствомъ, и самихъ раскольниковъ и сектантовъ обличать и вразумлять съ цѣлію обращенія ихъ на путь истины. Для этого они должны быть основательно знакомы со всѣмъ, въ чемъ раскольники-старообрядцы и сектанты не согласуются съ православною Церковію, должны умѣть доказать, почему именно неправильны всѣ ихъ положенія и толки» (Объясн. зап. къ прогр.). Неправота эта обнаруживается, съ одной стороны, исторіей раскола старообрядчества и сектантства [1]), а съ другой—обличеніемъ ихъ. Но такъ какъ расколъ старообрядчества и сектантство существенно различаются между собой и пріемы обличенія ихъ совершенно различны, то и самая наука подраздѣляется на двѣ главныхъ части: 1) исторія и обличеніе [2]) русскаго раскола старообрядчества и 2) исторія и обличеніе русскаго сектантства [3]).

---

[1]) Исторія русской церкви не можетъ вмѣстить въ себѣ подробной исторіи русскаго раскола старообрядчества и сектантства, а въ видахъ успѣшной полемики эти подробности и важны.

[2]) Обличеніе раскола старообрядчества см. въ нашей книгѣ «Руководство по обличенію русскаго раскола старообрядчества», изд. 7, вновь переработанное примѣнительно къ *послѣдней* семинарской программѣ и указаніямъ 4 Всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда. СПБ., 1911 г.

[3]) Эта часть науки мною изложена въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Исторія и обличеніе русскаго сектантства»; въ 1910 г. вышелъ I вып., заключающій въ себѣ введеніе, краткую исторію и разборъ русскихъ мистическихъ сектъ, а II (и послѣдній) готовится къ печати.

Исторія русскаго раскола старообрядчества.

ГЛАВА I.

Происхожденіе раскола старообрядчества.

1. Историческія условія возникновенія раскола старообрядчества.

а) Обрядовое направленіе въ религіозной жизни русскихъ.

Вопросъ о происхожденіи раскола старообрядчества поднятъ въ литературѣ давно; рѣшеніемъ его въ прежнее время занимались очень усердно, занимаются и теперь, но къ единогласному выводу еще не пришли. Многіе думаютъ, что расколъ есть слѣдствіе умственнаго невѣжества нашихъ предковъ, не съумѣвшихъ отличить существенное въ вѣрѣ отъ несущественнаго и приписавшихъ буквѣ богослужебныхъ книгъ и формѣ обрядовъ значеніе догматической неизмѣняемости. Но такое объясненіе «не исчерпываетъ всего вопроса. Положимъ, извѣстные обряды, освященные преданіемъ, мѣстной стариной, могли получить не подобающее имъ значеніе догматовъ; но вѣдь и авторитетъ церковной іерархіи освященъ стариной и при томъ, не мѣстной, а вселенской, и его признаніе необходимо для спасенія. Св. отцы не спасались и безъ него. Какимъ образомъ старообрядцы рѣшились пожертвовать однимъ церковнымъ установленіемъ для другого, отважились спасаться безъ руководства законной іерархіи, ими отвергнутой» [1])? Затѣмъ, видѣть въ уваженіи къ буквѣ богослужебныхъ книгъ и формѣ обрядовъ слѣдствіе одного умственнаго невѣжества также несправедливо, потому что священный текстъ и обряды сами по себѣ имѣютъ важное значеніе въ нашей религіозной жизни: въ нихъ выражается сущность, содержаніе вѣроученія. Послѣднее, какъ извѣстно, слагается изъ свыше откровенныхъ истинъ и свыше откровенныхъ требованій— догматовъ и заповѣдей; первые недоступны логическому мышленію, а вторые — естественной волѣ человѣка и могутъ быть усвоены только религіознымъ познаніемъ или мышленіемъ и религіознымъ воспитаніемъ. Педагогическимъ пособіемъ для ихъ усвоенія слу-

[1]) Ключевскій, В. Курсъ рус. ист., ч. III, стр. 370. Москва, 1908 г.

жатъ священные тексты, дѣйствія и обряды. При этомъ, по закону психологической ассоціаціи, усвояемыя истины органически срастаются съ выражающими ихъ текстомъ, дѣйствіемъ и обрядомъ, такъ что онѣ чувствуются нами ближе, если сохраняются въ извѣстныхъ словахъ, въ одной опредѣленной формѣ. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ то же, что въ поэзіи, музыкѣ и живописи. «Забудете рисунокъ или музыкальное сочетаніе звуковъ, которое вызвало извѣстное настроеніе — и вамъ не удастся воспроизвести это настроеніе. Какое угодно великолѣпное стихотвореніе переложите въ прозу — и его обаяніе исчезнетъ. Придумайте тексты и обряды лучше, совершеннѣе тѣхъ, которые воспитали въ насъ религіозное чувство; но они не замѣнятъ намъ нашихъ худшихъ» [1]). Въ виду столь тѣсной связи церковныхъ текстовъ и обрядовъ съ свыше откровенными истинами и требованіями, Церковь издревле усвояла имъ важное значеніе, хотя никогда не придавала характера догматической важности и неизмѣняемости: выработавъ тѣ или другіе обряды и обычаи сообразно мѣсту и времени, она вводила ихъ въ употребленіе и, когда находила нужнымъ, то измѣняла ихъ или замѣняла новыми. При этомъ нерѣдко бывало и такъ, что новый обрядъ не успѣвалъ вытѣснить стараго и существовалъ на ряду съ нимъ, и такимъ образомъ получалось два различныхъ обряда, или же двѣ формы одного и того же обряда. Между тѣмъ наши предки, принявъ всѣ церковные обряды и чины въ готовомъ видѣ, были убѣждены, что эти чины и обряды ведутъ свое начало отъ самого Христа и апостоловъ, которые установили ихъ въ одной, строго опредѣленной формѣ и соединили съ ней точный, всегда опредѣленный смыслъ, такъ что если они поучительны, назидательны и спасительны для вѣрующихъ, то только подъ условіемъ сохраненія ихъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Значитъ, по своему происхожденію, смыслу и назначенію они должны быть всегда одинаковы во всей вселенской Церкви и измѣнять ихъ нельзя [2]). Этотъ взглядъ въ силу нѣкоторыхъ, чисто мѣстныхъ условій, мало по малу окрѣпъ и въ XV в. утвердился у насъ окончательно. Условія эти слѣдующія.

1) Во время принятія христіанства наши предки, отчасти по своей неразвитости, а отчасти по привычкѣ видѣть вѣру въ различныхъ обрядахъ (жертвоприношеніяхъ, куреніяхъ, поклоненіи идоламъ и т. п.), обратили особенное вниманіе на *внѣшнюю сторону* его: церковное богослуженіе, чины, уставы и обряды церков-

---

[1]) Ключевскій, В. Курсъ рус. ист., III, 370—372.

[2]) Голубинскій, Е. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Москва, 1905 г., стр. 3—5; Каптеревъ, Н. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Т. I, стр. 190—191. Сергіевъ-Посадъ, 1909.

ные. Наступившее затѣмъ монгольское иго своею тяжестью невольно обращало ихъ мысль къ Богу, «развивало потребность въ молитвѣ, а чѣмъ болѣе развивалась эта потребность, тѣмъ сильнѣе и вниманіе останавливалось на доступныхъ, видимыхъ сторонахъ религіи». Главною добродѣтелью нашихъ предковъ, особенно князей, было устроеніе и украшеніе храмовъ Божіихъ, снабженіе ихъ утварью, иконами и богослужебными книгами: это, по ихъ понятію, «душеполезный путь, возводящій къ Богу». Большимъ уваженіемъ пользовалась и христіанская святыня. Иконы и кресты ставились въ каждомъ домѣ и комнатѣ, на площадяхъ, большихъ дорогахъ и другихъ открытыхъ мѣстахъ, у князей и богатыхъ людей были особыя комнаты—молельни, гдѣ всѣ стѣны были увѣшаны иконами и крестами. Различные предметы, освященные въ церкви, напр.: просфоры, вода, елей и т. п., съ благоговѣніемъ уносились домой и употреблялись тамъ нерѣдко, какъ цѣлительныя средства; богослужебнымъ книгамъ придавалось значеніе наравнѣ со словомъ Божіимъ. Молитва, сопровождаемая усердными поклонами, строгое соблюденіе постовъ считались обязательными для всѣхъ и выполнялись съ такою строгостію, что вызывали удивленіе иностранцевъ. Самая мірская жизнь устроялась по подобію монастырской.

2) Просвѣтивъ Русь христіанскою вѣрою, греки обратили вниманіе на умственное просвѣщеніе русскихъ и пытались ввести образованіе научное; о томъ же заботилось и правительство. Но русскіе, по своей неразвитости, не видѣли въ такомъ образованіи никакой пользы, а потому оно и не привилось. Все дѣло образованія было сведено на одну *грамотность* и *начитанность*. Со времени татарскаго нашествія просвѣщеніе на Руси не улучшилось, а ухудшилось, потому что не стало ни книгъ, ни учителей. Прежніе учителя-греки, испугавшись татарскаго погрома, бѣжали изъ Россіи, а на западно-европейцевъ наши предки смотрѣли, какъ на еретиковъ. Приходилось ограничиваться собственными образовательными средствами; но эти средства были недостаточны. Существовавшія при нѣкоторыхъ церквахъ, монастыряхъ и въ домахъ частныхъ лицъ *школы* не были правильно организованы, и въ нихъ обучали только грамотѣ и богослужебной практикѣ. Учителями въ нихъ были духовныя и свѣтскія лица; послѣднія назывались мастерами и, при обученіи дѣтей, большею частію преслѣдовали корыстныя цѣли. По свидѣтельству Стоглава, эти мастера грамотѣ часто сами мало умѣли, а силы писанія совсѣмъ не разумѣли, и потому могли научить своихъ учениковъ немногому. Новгородскій архіепископъ Геннадій (1495—1511 г.) въ своемъ посланіи къ митр. Симону [1])

[1]) См. это посланіе въ Ак. Истор. 1, № 104.

также свидѣтельствуетъ: «Мужики-невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только рѣчь имъ портятъ... а отойдетъ (ученикъ) отъ мастера— ничего не умѣетъ, едва только по книгѣ бредетъ, о церковномъ же порядкѣ понятія не имѣетъ». Ко времени Стоглаваго собора количество и этихъ школъ значительно *убавилось*: почти совсѣмъ негдѣ было учиться (Стогл. гл. 25). Не увеличилось количество школъ и послѣ Стоглаваго собора, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ иностранцы. «Во всей Московіи, говоритъ одинъ изъ нихъ, нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, чему можно научиться въ монастыряхъ» (Кобенцель). Но и монастырскія школы въ это время были въ упадкѣ. Одни священники, да и то немногіе, обучали дѣтей чтенію и письму.

Дальнѣйшее образованіе происходило подъ руководствомъ церковной письменности, состоявшей, большею частію, изъ переводныхъ сочиненій, помѣщенныхъ въ разнаго рода сборникахъ—законодательныхъ, учительныхъ, библейскихъ и т. п. Чтеніе подобныхъ сборниковъ, конечно, нѣсколько развивало нашихъ предковъ, но лишь въ одномъ направленіи, такъ какъ самые сборники трактовали, главнымъ образомъ, о томъ, какъ угодить Богу и наслѣдовать царство небесное, при чемъ все дѣло спасенія сводилось къ требованіямъ внѣшней набожности. Въ большомъ употребленіи были затѣмъ апокрифическія произведенія, но они болѣе противодѣйствовали, чѣмъ содѣйствовали умственному просвѣщенію.

При такихъ образовательныхъ средствахъ не удивительно, что въ обществѣ распространилось мнѣніе, что не дѣло мірянъ «чести книги»; сами мастера (учителя) говорили: «грѣхъ простымъ (мірянамъ) чести апостолъ и евангеліе» и своихъ любознательныхъ учениковъ отговаривали отъ чтенія, говоря, что отъ чтенія можно сойти съ ума и впасть въ ересь. Равнымъ образомъ вполнѣ естественно было свести всю сущность религіи на одну внѣшнюю набожность, которая мало по малу превратилась въ мертвообрядовое направленіе.

Въ XVI в. это направленіе достигло крайней степени. Въ литературныхъ произведеніяхъ того времени можно нерѣдко встрѣтить подробныя правила относительно часовъ для молитвы, количества поклоновъ и молитвъ при чтеніи каѳизмъ, качества пищи, вкушаемой въ тѣ или другіе постные дни, и т. п. Внѣшней, механической молитвѣ придавалось значеніе дѣйствительной молитвы, независимо отъ внутренняго расположенія. Дѣйственность молитвы нерѣдко измѣряли часами; поэтому говорили, что придти къ церковному богослуженію послѣ чтенія евангелія — тоже самое, что совсѣмъ не ходить въ церковь. Многіе думали, что для соблюденія поста достаточно только не вкушать мясныхъ и рыбныхъ блюдъ и т. п. Такое направленіе русскаго народа съ особенною ясностію

выразилось въ постановленіяхъ Стоглаваго собора *(Стоглавъ)*: сугубая аллилуіа, двуперстіе и небритіе бороды и усовъ разсматриваются здѣсь, какъ догматы вѣры, и неприкосновенность ихъ ограждена анаѳемой (гл. 31, 40, 42).

б) Мнѣніе русскихъ книжниковъ о православіи русскихъ и грековъ.

Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою русскіе приняли отъ грековъ весь церковный чинъ и обрядъ и всю вообще церковно-обрядовую практику. Но въ то время церковно-обрядовая практика у самихъ грековъ не установилась еще во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ, а продолжала развиваться и видоизмѣняться. Даже самый уставъ церковный перемѣнился: вмѣсто студійскаго, перешедшаго и къ намъ, былъ введенъ потомъ іерусалимскій. Отсюда естественно должны были явиться значительныя перемѣны въ церковной практикѣ. Эти перемѣны, благодаря постояннымъ, живымъ сношеніямъ съ православнымъ востокомъ и особенно митрополитамъ-грекамъ, переходили къ намъ и, сталкиваясь съ нашими порядками, вызывали вопросы, недоумѣнія и даже споры, такъ какъ при своемъ взглядѣ на значеніе церковныхъ чиновъ и обрядовъ, наши предки никакъ не могли допустить ихъ измѣненія, равнымъ образомъ и того, чтобы одинъ и тотъ же обрядъ могъ существовать въ различныхъ формахъ. Съ особенною силою споры эти возгорѣлись по поводу возглашенія пѣсни аллилуіа и церковныхъ кругохожденій при освященіи храмовъ.

Споръ объ аллилуіи былъ поднятъ во Псковѣ. Слыша двоякое возглашеніе аллилуіи и думая, что православно только одно которое-либо, псковичи недоумѣвали, который изъ двухъ способовъ возглашенія есть истинный и православный. За рѣшеніемъ недоумѣнія они обратились къ московскому митрополиту Фотію. Тотъ, имѣя въ виду практику современныхъ грековъ, въ посланіи отъ 12 августа 1419 г., приказалъ имъ троить аллилуію. Послѣ этого въ Псковѣ и псковской области утвердился единообразный обычай троенія аллилуіи, но въ другихъ мѣстахъ на ряду съ нимъ продолжало существовать и двоеніе. Поэтому спустя лѣтъ 35 снова былъ поднятъ вопросъ объ аллилуіи. Особенно сильно интересовался имъ инокъ псковскаго Елеазарова монастыря Евфросинъ. По словамъ его житія [1]), за рѣшеніемъ этого вопроса онъ обращался ко многимъ лицамъ, но удовлетворительнаго отвѣта не получилъ, и потому отправился въ

[1]) Житіе Евфросина составлено неизвѣстнымъ монахомъ въ концѣ XV или началѣ XVI в., по случаю усилившихся тогда споровъ объ аллилуіи, а впослѣдствіи переработано и отчасти передѣлано священникомъ Василіемъ.

Константинополь, а оттуда на Аѳонъ и въ другіе греческіе монастыри. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ аллилуію сугубили; патріархъ константинопольскій Іосифъ также велѣлъ сугубить ее. Поэтому, по возвращеніи съ востока, Евфросинъ ввелъ въ своемъ монастырѣ сугубую аллилуію. Но противъ него возстало все псковское духовенство во главѣ съ распопомъ *Іовомъ*, пользовавшимся большимъ уваженіемъ у псковичей. Чтобы убѣдить Евфросина употреблять трикратную аллилуію, рѣшено было отправить въ Елеазаровъ монастырь посольство, въ которомъ были діаконъ Филиппъ и какой-то священникъ, «оба мудра зѣло философа». Посланные говорили Евфросину: «ты колеблешь церкви Божіи, мутишь благодатный законъ; мы издревле навыкли троить аллилуію: гдѣ тройная аллилуія, тамъ есть совершенная Троица». Но Евфросинъ стоялъ на своемъ и ссылался на авторитетъ патр. Іосифа. Тогда псковичи отправили къ нему посланіе, написанное Іовомъ. Онъ прочиталъ посланіе и сказалъ, что Іовъ, написавшій это посланіе и бывшій прежде столпомъ благочестія, сталъ теперь «столпомъ смраднымъ и мотыльнымъ» и что такихъ людей слушать не слѣдуетъ. Тогда всѣ псковичи вооружились противъ Евфросина и открыто называли его еретикомъ, а его монаховъ—вѣроотступниками. Поселяне, проходя мимо его монастыря, перестали снимать шапки. Находясь въ такомъ положеніи, Евфросинъ послалъ письмо къ новгородскому епископу Евѳимію (1434—1458 г.), съ просьбой разрѣшить возгорѣвшійся между нимъ и псковичами споръ и запретить Іову называть его (Евфросина) еретикомъ. Но Евѳимій не рѣшилъ спора и не защитилъ Евфросина отъ его обвинителей. Тогда послѣдній обратился къ московскому митр. Іонѣ, но тотъ въ отвѣтъ лишь написалъ псковичамъ увѣщаніе не допускать разногласія въ церквахъ Божіихъ и въ православной вѣрѣ. Видя упорство Евфросина и будучи не въ силахъ побороть его, псковичи кончили дѣло тѣмъ, что написали указъ, чтобы троить аллилуію, потому что кто двоитъ ее, тотъ разлучаетъ Св. Духа отъ Отца и Сына. Послѣ этого споръ утихъ, но не прекратился окончательно, продолжая волновать общество и послѣ смерти главныхъ виновниковъ его—Евфросина († 1481 г.) и Іова. За рѣшеніемъ его новгородскій архіеп. Геннадій (1484—1504 г.) обращался къ ученому греку Дмитрію Герасимову (Толмачу), и тотъ (въ 1491 г.) отвѣтилъ, что въ догматическомъ отношеніи то и другое употребленіе аллилуіи безразлично, такъ какъ трегубая аллилуіа являетъ тріипостасное единосущное Божество, а сугубая — выражаетъ мысль о двухъ естествахъ во Христѣ. Но это разумное рѣшеніе не удовлетворило нашихъ предковъ, и споры продолжались.

Чтобы защитить правильность сугубой аллилуіи, ревнители

его прибѣгли даже къ поддѣлкамъ и вымысламъ. Такъ, приказаніе митр. Фотія троить аллилуію было передѣлано въ приказаніе сугубить, затѣмъ кѣмъ то было составлено житіе преп. Евфросина псковскаго, въ которомъ на преп. Евфросина были перенесены данныя изъ исторіи монаха Аѳанасія [1]) и придуманъ нелѣпый разсказъ о явленіи сочинителю Божіей Матери, протолковавшей «тайну сугубой аллилуіи» и запретившей троить ее. Въ 1547 г. священникъ Василій помѣстилъ въ этомъ житіи новый вымыселъ, будто бы цареградскій патр. Іосифъ далъ Евфросину даже письменное наставленіе сугубить аллилуію. Нѣчто подобное допускали со своей стороны и защитники трикратной аллилуіи [2]).

Споры о церковныхъ кругохожденіяхъ происходили въ самой Москвѣ. Въ 1479 г., при освященіи московскаго Успенскаго собора, митр. Геронтій (1473—1489 г.) ходилъ съ крестами противъ солнца. Какіе-то «прелестники» были недовольны этимъ и наклеветали великому князю Іоанну Васильевичу III, что митрополитъ поступилъ не по правиламъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ слѣдовало ходить по солнцу. Тотъ разгнѣвался на митрополита и сказалъ, что «того ради гнѣвъ Божій приходитъ». Въ слѣдующемъ году началось разслѣдованіе вопроса. Сначала это дѣло было поручено новгородскому архіепископу Ѳеофилу (1471—1486). Но тотъ не нашелъ въ книгахъ рѣшенія. Тогда составили соборъ. На этомъ соборѣ «рѣчей было много и много спору учинися». Митрополитъ въ защиту себя ссылался на то, что діаконъ, при кажденіи престола, начинаетъ съ правой стороны и, слѣдовательно, ходитъ вокругъ престола противъ солнца; а одинъ игуменъ заявилъ, что онъ былъ свидѣтелемъ освященія церкви на Аѳонѣ и видѣлъ, что тамъ ходили съ крестами противъ солнца. Противъ митрополита говорили чудовскій архимандритъ Геннадій и ростовскій архіепископъ Вассіанъ (1468—1481 г.). Они не представляли никакихъ свидѣтельствъ, а только говорили, что «Христосъ—солнце праведное наступилъ на адъ, связалъ смерть и освободилъ души; потому и на Пасху исходятъ, тоже прообразуютъ на утрени» [3]). Препирались долго, но истины не обрѣли. Скоро вопросъ проникъ въ общество и вызвалъ большіе толки. Митрополитъ не рѣшался освящать новыхъ церквей и придѣловъ и, не зная, что дѣлать, въ 1482 г. удалился въ Симонову обитель. На сторонѣ его было

---

[1]) Подроб. см. объ этомъ въ сочиненіи Голубинскаго «Къ нашей полемикѣ съ старообр.», стр. 208—212.

[2]) Смирновъ П. С. Ист. рус. раск. старообр., стр. 14. СПБ., 1895 г., изд. 2-е.

[3]) Вѣроятно, эти слова имѣютъ такой смыслъ: должно ходить, при освященіи церквей, по солнцу, съ востока на западъ, какъ Христосъ—солнце праведное притекъ съ востока на западъ, гдѣ побѣдилъ адъ и смерть, и какъ на Пасху и во всякую утреню исходятъ изъ алтаря отъ востока на западъ—въ притворъ для литіи.

большинство, и потому великій князь долженъ былъ уступить. Сначала онъ послалъ своего сына къ митрополиту въ Симонову обитель, а потомъ и самъ поѣхалъ: «билъ ему челомъ, самъ во всемъ виновнымъ учинися» и предоставилъ на его волю ходить въ крестныхъ ходахъ, «якоже велитъ, какъ было въ старину», но «*устава не учинили*».

Кромѣ указанныхъ разностей, возбудившихъ столь жаркіе споры, были у насъ и другія; съ теченіемъ времени число ихъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Невольно являлся вопросъ, откуда онѣ и кто ихъ виновникъ. Винить себя наши предки не считали возможнымъ, пот. что, при существовавшемъ тогда у насъ взглядѣ на благочестіе, они, сравнительно съ греками, далеко отставшими въ отношеніи наружной набожности, были людьми весьма благочестивыми. Не видя у современныхъ грековъ своего благочестія, наши предки заключили, что тѣ утратили благочестіе древнихъ грековъ; а отсюда легко было заключить и о томъ, что едва ли у нихъ сохранилось въ чистотѣ и древнее отеческое православіе. Обстоятельства вполнѣ благопріятствовали такому выводу. Греки давно уже возбуждали къ себѣ недовѣріе нашихъ предковъ. Еще первый нашъ лѣтописецъ Несторъ замѣтилъ: «Греци льстивы суть и до сего дне». Съ теченіемъ времени недовѣріе къ грекамъ усиливалось все болѣе и болѣе, чему не мало содѣйствовали сами они своими неблаговидными поступками, а *послѣ принятія флорентійской уніи* (1439 г.) московскимъ митр. Исидоромъ-*грекомъ*, оно достигло высшей степени. Теперь уже не только грековъ, но и саму греческую церковь заподозрили въ православіи. И дѣйствительно, византійскіе императоры изъ-за политическихъ разсчетовъ не разъ готовы были измѣнить православію и иногда находили себѣ помощниковъ въ патріархахъ. По принятіи флорентійской уніи, до самаго паденія Константинополя, предстоятели цареградской церкви нерѣдко были уніатами. На самое паденіе Константинополя русскіе смотрѣли, какъ на наказаніе Божіе за унію. Такъ митр. Филиппъ (1464—1473 г.) писалъ новгородцамъ (1471 г.), задумавшимъ предаться литовскому королю: и «о томъ, дѣти, подумайте: царствующій градъ Константинополь непоколебимо стоялъ, доколѣ, какъ солнце, сіяло въ немъ благочестіе, а какъ соединился царь и патріахъ Іосифъ съ латинею... не впалъ ли въ руки Царьградъ поганымъ и не въ турецкихъ ли рукахъ и нынѣ»?... Такая точка зрѣнія оправдывалась, повидимому, и современными міровыми событіями: православный Востокъ и сама Византія подпадали подъ агарянское иго почти въ то время, когда русскіе свергали его. Поэтому послѣ паденія Константинополя, который считался у нашихъ предковъ за второй православный Римъ, имѣв-

шій своею миссіей охранять православіе на землѣ, среди русскихъ книжниковъ составился взглядъ, что Москва есть третій Римъ, призванный занять мѣсто второго Рима. Она имѣетъ на это не отъемлемыя права, какъ столица сильнаго и вполнѣ православнаго государства, въ которомъ православіе съ самаго начала хранилось въ цѣлости и неповрежденности. По словамъ Симеона Суздальскаго, присутствовавшаго на флорентійскомъ соборѣ, когда весь соборъ собрался и недоставало только одного представителя Россіи — митрополита Исидора, то греческій императоръ просилъ подождать его, говоря папѣ: «восточніи земли суть Рустіи и большее есть православіе и высшее христіанство Бѣлыя Руси»... Особенно ясно выраженъ взглядъ на особое призваніе Москвы въ посланіяхъ старца псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея [1]) (конца XV и нач. XVI ст.). По его словамъ, русская церковь, «просіявшая вмѣсто римской и константинопольской, во всей поднебесной паче солнца свѣтится»; правая вѣра осталась на одной Руси и всѣ прежде бывшія православныя царства «снидошася въ едино царство» русское; «два Рима падоша, третій стоитъ, а четвертому не быть, уже русское христіанское царство инемъ не останется». Чтобы подкрѣпить такой взглядъ, были придуманы или переработаны особыя сказанія, въ которыхъ проводилась та мысль, что послѣ паденія Константинополя перешли изъ Византіи на Русь символы высшаго церковно-іерархическаго величія и даже самая святыня. Выраженіемъ первой мысли служитъ *повѣсть о бѣломъ клобукѣ* [2]). Въ этой повѣсти разсказывается, что бѣлый клобукъ нѣкогда былъ врученъ Константиномъ Великимъ римскому папѣ Сильвестру, какъ отличительный знакъ первосвященническаго достоинства. Потомъ, вслѣдствіе нечестія папъ, по особому откровенію, въ виду приближавшагося паденія Царьграда, отосланъ былъ на Русь. Тенденція этого сказанія выражена въ слѣдующихъ словахъ папы Сильвестра, явившагося во снѣ константинопольскому патріарху: «якоже бо отъ Рима благодать, слава и честь отняты бысть, такоже и отъ царствующаго града благодать Духа Святаго отымется въ плѣненіе агарянское и вся святая предана будетъ отъ Бога велицей рустѣй земли». Подтвержденіе другой мысли находится въ сказаніи *о Тихвинской иконѣ Божіей Матери*. Здѣсь говорится, что икона эта сначала находилась въ Греціи, но за 70 лѣтъ до паденія Константинополя, когда «нача быти въ самѣхъ патріарсѣхъ и въ грецѣхъ гордость и братоненавидѣніе и неправда», она удалилась от-

[1]) Эти посланія напеч. въ Прав. Собесѣд. 1861 г. т. II и 1863 г. т. I.

[2]) Эта повѣсть встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ XVI в. и напеч. Кожанчиковымъ въ 1861 г. отдѣльною книжкою.

сюда въ русскую землю, гдѣ только можетъ найти теперь для себя достойное и безопасное убѣжище [1]).

Съ тою же цѣлію разсказывали, что когда нѣкоторые благочестивые греки бѣжали изъ Константинополя на западъ, захвативъ съ собою книги, чтобы и тамъ соблюсти православіе, то латиняне всѣ эти книги сожгли и стали печатать греческія богослужебныя книги въ своихъ типографіяхъ, наполняя ихъ разными новшествами и еретичествами.

Такой взглядъ на грековъ и особое призваніе Москвы былъ общимъ для большинства русскаго общества и поддерживался самимъ правительствомъ. Послѣднее, чтобы оправдать поставленіе митрополитовъ безъ участія константинопольскаго патріарха, начавшее имѣть мѣсто со времени флорентійской уніи, выпустило «Слово избранно отъ святыхъ писаній, еже на латыню» и пр., въ которомъ право русскихъ имѣть митрополита независимаго отъ патріарха доказывало тѣмъ, во 1-хъ, что русскій царь есть преемникъ византійскихъ императоровъ, а во 2-хъ, что русская земля просіяла благочестіемъ, «исполнилась цвѣтущихъ храмовъ Божіихъ, яко звѣздъ сіяющихъ» и что въ ней «большее православіе и высшее христіанство», чѣмъ въ Греціи [2]). Это же подтверждали и пріѣзжавшіе за милостыней представители греческой церкви. Такъ, Іеремія, патріархъ константинопольскій, посвятившій въ 1589 г. московскаго митрополита Іова въ санъ патріарха всероссійскаго, говорилъ царю Ѳеодору Іоанновичу: «Воистину въ тебѣ Духъ Св. пребываетъ и отъ Бога такая мысль (объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества) внушена тебѣ; ветхій Римъ палъ отъ ересей, вторымъ Римомъ-Константинополемъ завладѣли агарянскіе внуки, безбожные турки, твое же великое россійское царство, третій Римъ, всѣхъ превзошло благочестіемъ; ты одинъ во всей вселенной именуешься христіанскимъ царемъ» [3]).

Все это повело къ тому, что русскіе стали считать себя *единственно православнымъ* народомъ, наслѣдниками грековъ и охранителями благочестія. Отсюда уже само собой слѣдовало, что они считали своею обязанностью не только тщательно беречь наслѣдованную отъ предковъ вѣру во всей чистотѣ, не допуская перемѣнъ ни въ чемъ—даже въ малѣйшей частицѣ каноновъ и пѣсней, не убавляя и не прибавляя ни единаго слова ни у какой рѣчи, но и признавать *свое русское нормою* для опредѣленія того,

---

[1]) Эти свѣдѣнія находятся въ сказаніи XVII в., напеч. въ Гродно въ 1789 г., а въ сказаніяхъ болѣе раннихъ (XVI в.) нѣтъ указанія, откуда и когда явилась Тихвинская икона Божіей Матери (Брат. Сл. 1888, II, 776—80, 787—791).

[2]) Голубин. Къ наш. полем. съ стар., стр. 19—20.

[3]) Ключев. Кур. рус. ист. III, 378.

что православно и благочестиво, а что—нѣтъ. Если русскіе такъ крестятся, такъ читаютъ свои книги, содержатъ такіе, а не иные чины и обряды, то, слѣдовательно, такъ долженъ дѣлать, того долженъ держаться и всякій, кто хочетъ быть истинно-православнымъ христіаниномъ. Непрерывный рядъ св. угодниковъ русской церкви своею святостію и прославленіемъ отъ Бога ясно доказываетъ это. Лучшей и болѣе надежной провѣрки достоинства и истинности русскаго благочестія быть не можетъ, а потому *истинному благочестію* слѣдуетъ теперь учиться *не у грековъ*, какъ это было прежде, *а у русскихъ*. Так. обр. русская церковь поставила себя на мѣсто вселенской и «на мѣсто вселенскаго сознанія мѣриломъ христіанской истины стала національная церковная старина».

в) Эсхатологическія чаянія.

Мысль о Москвѣ, какъ единственномъ и послѣднемъ оплотѣ православія очень льстила самолюбію русскихъ, но въ то же время наполняла ихъ сердце тревожными думами о судьбахъ Россіи. «Четвертому Риму не быть, русское царство инемъ не останется», самоувѣренно говорили русскіе книжники. Значитъ, съ паденіемъ Москвы, должны погибнуть истинная вѣра и Церковь на землѣ и наступить послѣднія времена, т. е. явиться антихристъ, послѣдовать кончина міра и вторично придти на землю Господь Іисусъ Христосъ. Когда же это будетъ? *О дни томъ и часѣ никтоже вѣстъ, ни ангели небесніи, токмо Отецъ Мой единъ* (Мѳ. *24*, 36), сказалъ Спаситель Христосъ; когда же ученики спрашивали, когда будетъ кончина вѣка, то Онъ отвѣчалъ притчами и указалъ лишь нѣкоторые общіе признаки, какъ то: появленіе лжехристовъ, кровопролитныя войны, тяжкія скорби, проповѣданіе евангелія по всей вселенной (Мѳ. 24 и 25 гл.) Между тѣмъ мысль человѣческая съ первыхъ вѣковъ христіанства стремилась опредѣлить время послѣднихъ событій міра и церкви. Появились разныя мнѣнія. Одни, основываясь на словахъ Апокалипсиса (20 гл.) о связаніи сатаны на 1000 лѣтъ, утверждали, что послѣднія времена наступятъ по истеченіи 1000 лѣтъ отъ Рождества Христова. Другіе, имѣя въ виду, что міръ сотворенъ въ 6 дней, а въ 7-й Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, думали, что эти 7 дней указываютъ на 7000 лѣтъ существованія міра, по истеченіи которыхъ и послѣдуетъ его кончина. Нѣкоторые же кончину міра ставили въ связь съ судьбой римской имперіи и приписывали Риму вѣчность. Но въ V в. Римъ политически палъ, между тѣмъ кончины міра не послѣдовало. Тогда стали думать, что подъ Римомъ нужно разумѣть новый Римъ—Константинополь, а послѣ паденія Константинополя идею Ри-

ма перенесли на третій Римъ—Москву и стали строить новыя догадки о кончинѣ міра, тѣмъ болѣе, что и условія благопріятствовали этому. Въ 1596 г. латиняне посредствомъ уніи отторгли отъ православія большую часть западной Россіи и стали сильно тѣснить православныхъ, а въ XVII в., въ лицѣ поляковъ, они нанесли страшныя бѣдствія и сѣверо-восточной Руси. Все это невольно наводило на мысль, что приближаются послѣднія времена. Одинъ ученый защитникъ православія, Стефанъ Зизаній, въ своемъ толкованіи 15 огласительнаго слова св. Кирилла Іерусалимскаго, напечатанномъ въ 1596 г., опредѣлилъ и время кончины міра (8 вѣкъ=8 тысяча лѣтъ). Другой ревнитель православія—Захарія Копыстенскій, соединяя древнія мнѣнія съ своими толкованіями, изложилъ слѣдующее мнѣніе о послѣднихъ временахъ. По тысячѣ лѣтъ, Римъ палъ духовно; въ 1596 г., западная Русь приступила къ римскому костелу, а въ 1666 г. «не непотребно и намъ отъ сихъ винъ (т. е. отъ зараженія латинствомъ) опасеніе имѣти. Кто вѣсть, аще въ сихъ лѣтѣхъ 1666-хъ явственныхъ предотечевъ антихриста или того самого не укажетъ». Мысли эти перешли въ Москву, были усвоены здѣсь и впослѣдствіи причинили не мало тревогъ и волненій.

2) Состояніе церковно-богослужебныхъ книгъ до книгопечатанія и послѣ него; опыты исправленія до п. Никона.

Первыя церковно-богослужебныя книги на славяно-русскомъ языкѣ получены нашими предками отъ грековъ при князѣ Владимірѣ. Онѣ представляли собою переводъ, сдѣланный разными лицами съ разныхъ языковъ (греческаго, болгарскаго и сербскаго). Переводчиками были или греки, или славяне. Но первые плохо знали славянскій языкъ и переводили «ино по славянски, ино по-сербски, ино по-болгарски; а вторые были недостаточно знакомы съ греческимъ языкомъ и при переводѣ или оставляли цѣликомъ непонятное для нихъ слово, или опускали его, или давали ему значеніе невѣрное. Стоитъ, напр., слово «*ѥпсилосъ*—нагой, а они переводятъ знакомымъ словомъ «*ипсилосъ*» — высокій, стоитъ «*еккликсе*»—отлучить отъ церкви, проклять, а переводятъ «*екклисіа*»—церковь и т. п. Поэтому въ переведенныхъ книгахъ одного и того же содержанія явилось не мало разнообразія въ словахъ и выраженіяхъ.

Не было также однообразія въ составѣ и расположеніи чиновъ и въ обрядахъ. Въ XIII—XV вв. наше богослуженіе, подобно богослуженію греческой и южно-славянскихъ церквей, постепенно развивалось: измѣнялись или составлялись вновь чины церковные, одинъ обрядъ замѣнялся другимъ, новымъ, а потомъ снова входилъ

въ употребленіе и т. п.; не рѣдко различныя редакціи одного и того же чина соединялись вмѣстѣ и все это вносилось въ богослужебныя книги; самый уставъ церковный былъ не одинаковъ: сначала употреблялся студійскій уставъ, а потомъ (въ XV'I в.) сталъ входить въ употребленіе іерусалимскій, который и утвердился окончательно (въ XV'I—XV'II в.), но испытавши нѣкоторыя измѣненія, подъ вліяніемъ студійскаго устава.

Переписчики книгъ, особенно когда переписка обратилась въ ремесло и заниматься ею стали «мастера», допускали въ переписанныхъ ими книгахъ множество описокъ и недописокъ. Мало того, считая себя людьми знающими, они дѣлали иногда поправки и измѣненія въ текстѣ книгъ, а иногда, стараясь объяснить непонятныя слова, писали на поляхъ свои объясненія. Послѣдующіе же переписчики, считая эти объясненія за пропускъ, вносили ихъ въ самый текстъ.

Наконецъ, нѣкоторые портили книги *умышленно*. По свидѣтельству митр. Геннадія, еретики жидовствующіе извращали книги по своему еретическому мудрованію, а по свидѣтельству инока Вассіана Патрикѣева, нѣкоторые монахи, вслѣдствіе спора о правѣ монастырей владѣть вотчинами, «выкрадывали изъ книгъ преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе и на тожъ мѣсто и въ тѣ же книги вносили лучшая и полезная себѣ свидѣтельства».

Нѣкоторые лучшіе люди того времени вполнѣ сознавали неисправность богослужебныхъ книгъ и, по возможности, старались исправить ихъ. Таковы, напр., митр. *Ѳеогностъ* (1328—1353 г.), исправившій по греческому списку Требникъ; м. *Алексѣй* (1354—1378 г.), исправившій славянскій текстъ Новаго Завѣта по греческимъ спискамъ; м. *Кипріанъ* (1378 — 1406 г.), старавшійся согласить богослуженіе русской церкви съ восточною и установить однообразіе въ текстѣ богослужебныхъ книгъ, и нѣкоторые другіе. Но попытки ихъ имѣли частный характеръ и мало помогли дѣлу исправленія.

Въ первый разъ мысль о неисправности богослужебныхъ книгъ и необходимости ихъ исправленія открыто была высказана на Руси преп. *Максимомъ Грекомъ*.

Максимъ Грекъ, родомъ изъ Албаніи, былъ монахъ Ватопедскаго монастыря (на Аѳонѣ). По своему уму и образованію, онъ стоялъ высоко въ глазахъ своихъ современниковъ, а по характеру былъ человѣкъ прямой и открытый. Въ 1518 г. онъ прибылъ въ Москву, по вызову великаго князя Василія Іоанновича, для разбора великокняжеской библіотеки и перевода Толковой Псалтири. По окончаніи этого дѣла, ему было поручено исправленіе и пересмотръ церковно-богослужебныхъ книгъ. Преп. Максимъ со своими

помощниками — *Михаиломъ Медоварцевымъ* и старцемъ *Силуаномъ*—исполнилъ и это порученіе: исправилъ Тріодь, Часословъ, Праздничную Минею, Толковое Евангеліе и Апостолъ. При этомъ онъ замѣтилъ много ошибокъ, противныхъ не только грамматическому и логическому смыслу рѣчи, но и православному ученію, напр.: объ Іисусѣ Христѣ въ Часословахъ говорилось, что Онъ—«единъ точію человѣкъ», въ Толковыхъ Евангеліяхъ—что Онъ «безконечною смертію умре», въ Тріодяхъ—что Онъ «созданъ и сотворенъ», въ канонѣ въ недѣлю Ѳомину—что плоть Его по воскресеніи «неописуема»; о Богѣ Отцѣ въ Часословахъ встрѣчалось выраженіе, что Онъ «собезматеренъ Сыну» и т. п. Причину такой порчи книгъ онъ видѣлъ въ необразованности прежнихъ русскихъ переписчиковъ и переводчиковъ и доказывалъ, что всѣ эти книги должны быть исправлены не чрезъ сличеніе ихъ только съ древними славянскими списками, но посредствомъ новаго перевода ихъ съ греческихъ книгъ лицами образованными, знакомыми съ грамматикой, риторикой и философіей. Но такой взглядъ преп. Максима Грека, при тогдашнемъ недовѣріи русскихъ къ грекамъ, былъ признанъ смѣлымъ и оскорбительнымъ для русскаго національнаго чувства. Противъ Максима поднялся ропотъ среди писцовъ и книжниковъ, преданныхъ буквѣ писанія, какъ святынѣ. Они стали говорить, что Максимъ не исправляетъ, а портитъ книги; что хулами на нихъ онъ «прилагаетъ велію досаду русскимъ чудотворцамъ, иже сицевыми священными книгами благоугодиша Богу». Впрочемъ, на первыхъ порахъ дѣло ограничивалось одними толками, потому что преп. Максимъ находилъ поддержку въ великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ и митр. Варлаамѣ (1511—1521 г.). Но вскорѣ обстоятельства перемѣнились. Митрополитъ Варлаамъ былъ удаленъ съ каѳедры. Великій князь охладѣлъ къ Максиму, потому что послѣдній не одобрялъ развода его съ бездѣтною супругою Соломоніею, духовенство также было недовольно имъ за рѣзкія обличенія. Въ 1525 году былъ созванъ соборъ въ княжескихъ палатахъ подъ предсѣдательствомъ митр. Даніила (1522—1539 г.), и Максима позвали на судъ. Здѣсь на него было возведено много обвиненій, но самымъ важнымъ изъ нихъ было обвиненіе въ неправославіи: говорили, что онъ не допускаетъ дѣвства Божіей Матери, восшествія Іисуса Христа на небо съ плотію, вѣчнаго сидѣнія Его одесную Бога Отца и т. п. Въ доказательство послѣдняго обвиненія ссылались на ошибочно сдѣланныя преп. Максимомъ поправки въ Тріоди, гдѣ вмѣсто словъ: «Христосъ *взыде* на небеса и *сѣде* (оконченное дѣйствіе) одесную Отца» или «*сѣдяй* (настоящее дѣйствіе) одесную Отца» было написано: «*сѣдѣвъ* (прошедшее дѣйствіе) одесную Отца, *сѣдѣвшаго* одесную Отца, или *сидѣлъ* одесную Отца».

Указаны были и другія ошибки, сдѣланныя Максимомъ, напр., «*нестрашно*» или «*безстрашно*» (вм. «*безстрастно*») Божество и т. п. Нѣкоторыя изъ обвиненій преп. Максимъ совершенно отвергалъ, въ другихъ оправдывался недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка [1]), въ иныхъ же не съумѣлъ оправдаться. Дѣло кончилось тѣмъ, что Максима осудили и сослали въ Волоколамскій монастырь (въ 1525 г.). Здѣсь ему запрещено было писать и получать письма; его мучили голодомъ, холодомъ, дымомъ и т. п. Но Максимъ считалъ себя невиннымъ, переписывался съ преданными ему людьми и оправдывалъ свои дѣйствія. Между тѣмъ, въ переведенныхъ и исправленныхъ имъ книгахъ были найдены новыя погрѣшности. Въ 1531 г. его снова позвали на соборъ. Здѣсь были прочитаны нѣкоторыя мѣста изъ переведеннаго имъ житія пресвятой Богородицы, говорящія, повидимому, противъ дѣвства Богоматери, напр.: «Іосифъ... обручаетъ себѣ отроковиду... *совокупленія* (вм. совѣщаніе) же *до обрученія бѣ*» и др. Затѣмъ, было указано, что Максимъ загладилъ въ книгѣ Дѣяній св. Апостоловъ слова 8-й гл. 37 ст., говорящія о вѣрѣ въ І. Христа, какъ Сына Божія, а изъ Троицкой вечерни вычеркнулъ большой отпустъ. Повторялись и прежнія обвиненія. Преп. Максимъ оправдывался, но отцы собора нашли въ его сочиненіяхъ признаки ереси жидовствующихъ и осудили, «аки хульника и св. писаній тлителя»: отлучили отъ причастія Христовыхъ таинъ и въ оковахъ отправили въ тверской Отрочь монастырь. Сотрудниковъ его также осудили: Михаилъ Медоварцевъ былъ сосланъ въ Коломну, а старецъ Силуанъ—въ Волоколамскій монастырь и тамъ задушенъ дымомъ. Находясь въ заключеніи, преп. Максимъ написалъ «Исповѣданіе вѣры», изъ котораго ясно было видно, что онъ не содержитъ никакихъ еретическихъ мыслей; однако заточеніе его продолжалось. Тверской епископъ Акакій (1522—1567 г.) старался, насколько было можно, смягчить его положеніе. Максиму дозволено было писать и держать при себѣ книги, а митр. Іоасафъ разрѣшилъ ему пріобщаться святыхъ таинъ; въ 1553 г. преп. Максимъ былъ переведенъ въ Троицко-Сергіеву лавру и принятъ здѣсь съ честію, а въ 1556 г. скончался.

Мѣры къ исправленію книгъ, принятыя правительствомъ. Несмотря на неудачу, исправленіе древлеписьменныхъ книгъ преп. Максимомъ Грекомъ имѣло благотворныя послѣдствія. Мысль его о необходимости исправленія книгъ была усвоена самимъ правительствомъ и къ осуществленію ея были приняты мѣры; самый способъ

---

[1]) Дѣйствительно, Максимъ Грекъ въ то время мало еще зналъ по-русски и потому переводилъ съ греческаго языка на латинскій, а съ латинскаго на славянскій языкъ переводили два толмача: Димитрій и Власій. При этомъ, конечно, неточности въ переводѣ, искаженія и даже грубыя ошибки были неизбѣжны.

его исправленій былъ признанъ впослѣдствіи вполнѣ правильнымъ и примѣненъ къ дѣлу; наконецъ, еще при жизни его, самъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный заявилъ на Стоглавомъ соборѣ, что «божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ (списковъ), а написавъ не правятъ же; опись къ описи прибываетъ и недописи и точки не прямыя» (Стогл. гл. 5). Сознавая эту неисправность, отцы *Стоглаваго собора постановили*, чтобы въ городахъ поповскіе старосты и избранные священники пересмотрѣли по церквамъ богослужебныя книги и, если онѣ окажутся неисправленными и сомнительными, исправляли бы ихъ соборомъ съ добрыхъ переводовъ; чтобы писцы писали книги также съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правили бы, а потомъ продавали; а тѣмъ, которые будутъ продавать книги неисправленныя, возбраняли бы съ великимъ запрещеніемъ (Стогл. гл. 28). Это постановленіе не могло принести существенной пользы, потому что трудно было установить контроль надъ списываніемъ книгъ и отыскать добрые, исправные переводы; не было и лицъ, умѣющихъ отличить исправные переводы отъ неисправныхъ.

Важнѣе была другая мѣра, принятая правительствомъ къ исправленію книгъ, — это устройство въ Москвѣ *типографіи* въ 1562 г. [1]). Царь Іоаннъ Васильевичъ IV принималъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе: онъ устроилъ на свой счетъ печатный дворъ и поручилъ печатаніе книгъ знающимъ людямъ: діакону Ивану Ѳедорову и Петру Тимоѳееву Мстиславцу. Печатаніемъ книгъ имѣлось въ виду остановить дальнѣйшую порчу ихъ необразованными переписчиками и дать церкви одинаковыя и исправленныя книги. Но типографія на первыхъ порахъ не принесла той пользы, которую отъ ней ожидали. Явились враги, которые пустили въ народъ молву, что въ типографіи работаютъ еретики, и вскорѣ печатный дворъ былъ сожженъ, а печатники должны были бѣжать изъ Москвы. По возобновленіи, типографія работала вяло. Впрочемъ, и при благопріятныхъ условіяхъ, печатаніе книгъ не могло служить ручательствомъ за ихъ правильность: оно могло предотвращать ошибки, происходившія отъ переписчиковъ; но въ неисправности книгъ виноваты были не одни переписчики. Необходимо было пересматривать и исправлять самый оригиналъ; но на первыхъ порахъ было обращено исключительное вниманіе на одно печатаніе книгъ. Книги печатались съ разрѣшенія высшей духовной власти, но не всегда съ благословенія собора и подъ личнымъ надзоромъ митрополита или патріарха. Во главѣ книжной печатной справы на первыхъ порахъ стояли печатники, которые распоряжались этимъ дѣломъ со-

[1]) Голубинскій, Е. «Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ». Бог. Вѣстн. 1895 г., т. I, стр. 229—238.

образно со своими личными взглядами. А такъ какъ они были, большею частію, люди неученые, то внесли въ печатныя изданія множество новыхъ, не бывшихъ въ рукописныхъ книгахъ, ошибокъ. Особенно извѣстна съ этой стороны фамилія Невѣжиныхъ, давшая трехъ печатниковъ и заправлявшая печатаніемъ богослужебныхъ книгъ въ теченіе 40 лѣтъ (1568—1609). Во всѣхъ богослужебныхъ книгахъ, изданныхъ ими, въ молитвахъ сдѣланы измѣненія конечныхъ славословій, противныя содержанію молитвъ и православію; чрезъ неправильную разстановку знаковъ препинанія измѣненъ и затемненъ смыслъ рѣчи; допущены опечатки въ словахъ и цѣлыя выраженія, проводящія еретическую мысль. Въ Цвѣтной Тріоди 1591 г. 8 членъ символа вѣры напечатанъ со словомъ *истиннаго*: «и въ Духа Св. Господа *истиннаго* и животворящаго»; въ Требникѣ 1602 г., въ чинѣ освященія воды, въ водосвятной молитвѣ прибавлены слова «и огнемъ»; въ тотъ же Требникъ, въ чинѣ вѣнчанія, и въ Уставъ 1610 г., въ наставленіи, какъ осѣнять крестомъ въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня, внесено требованіе *ходить по солнцу*; въ Уставѣ, кромѣ того, въ первый разъ напечатана *сугубая аллилуіа*; въ Служебникахъ 1602 и 1616 г.г. повелѣвалось больныхъ младенцевъ крестить чрезъ обливаніе [1]).

Первый опытъ тщательнаго исправленія первопечатныхъ книгъ былъ произведенъ *архим. Діонисіемъ* съ сотрудниками. Сряду послѣ смутнаго времени, вслѣдствіе истребленія пожаромъ типографіи и недостатка въ свѣдущихъ справщикахъ и въ правильныхъ книгахъ, дѣло исправленія книгъ было перенесено въ Троицко-Сергіеву лавру, гдѣ было и «книгами исполнено» и «разумныхъ старцевъ», способныхъ на дѣло, довольно. Въ 1616 году царскимъ указомъ повелѣно было архимандриту Троицко-Сергіевой лавры *Діонисію*, старцамъ того же монастыря *Арсенію Глухому* и *Антонію Крылову* и священнику монастырской Клементьевской слободы *Ивану Наспдкѣ* заняться исправленіемъ Потребника. Сознавая необходимость исправленія книгъ, они занялись дѣломъ очень усердно и 1½ года исправляли Требникъ не только по славянскимъ, но и по греческимъ спискамъ. Ошибокъ было найдено много, и большая часть ихъ была исправлена. Важнѣйшими изъ сдѣланныхъ ими исправленій были слѣдующія: въ водосвятной молитвѣ «Самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ *и огнемъ*» они зачеркнули слова «*и огнемъ*», какъ позд-

---

[1]) О словѣ «истиннаго» подробнѣе сказано въ нашемъ Руков. по облич. рус. раск., изд. 7-е, стр. 156—159; о «хожденіи по-солонь» тамъ же, стр. 234—235; о сугубомъ аллилуіа тамъ же, стр. 211 – 217; о поливательномъ крещеніи тамъ же, стр. 161—166.

нѣйшую прибавку; исключили двѣ молитвы, въ которыхъ священникъ предъ литургіей разрѣшалъ самъ себя отъ грѣховъ, и внесли молитву храминѣ; во многихъ молитвахъ, обращенныхъ къ одному лицу Св. Троицы, но имѣющихъ въ заключеніи славословія, обращенныя ко всѣмъ тремъ Лицамъ («и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу, и Сыну, и Святому Духу»), передѣлали концы. По исправленіи Потребника, они пересмотрѣли нѣкоторыя другія книги, изданныя раньше, и вездѣ нашли не мало ошибокъ. Въ 1618 г. исправленный ими Потребникъ былъ представленъ крутицкому митр. Іонѣ (1613—1624 г.), завѣдывавшему тогда патріаршествомъ. Нашлись недовольные сдѣланными въ немъ исправленіями. Не понимая догматическихъ основаній сдѣланныхъ исправленій и видя какъ бы пренебреженіе къ обряду погруженія зажженныхъ свѣчъ въ воду, во время освященія воды на Богоявленіе, нѣкоторые стали говорить, что Діонисій съ сотрудниками «имя Св. Троицы марaютъ и Духа Святаго не исповѣдуютъ, яко огнь есть». Тѣ защищались, но соборъ 1618 года осудилъ ихъ. Діонисій былъ отлученъ отъ Церкви и заточенъ въ Новоспасскій монастырь, гдѣ морили его голодомъ, томили въ дыму, били, заставляли класть по 1,000 поклоновъ на день; въ праздники таскали къ митрополиту на смиреніе въ цѣпяхъ; собѣгавшійся за нимъ народъ бросалъ въ него грязью и всячески смѣялся надъ нимъ. Арсеній Глухой томился въ цѣпяхъ на Кирилловскомъ подворьѣ, а Иванъ Насѣдка, какъ человѣкъ ловкій и хитрый, какъ-то увернулся отъ заточенія. Въ слѣдующемъ году, по ходатайству іерусалимскаго патр. Ѳеофана, дѣло было вновь пересмотрѣно и всѣ троицкіе справщики были оправданы. Однако прибавка «*и огнемъ*», противъ которой они возставали, не была исключена изъ Требника. Она печаталась по прежнему въ книгахъ до 1625 г., только на поляхъ дѣлалось замѣчаніе: «быти сему глаголанію до патріаршего указу», каковой и послѣдовалъ въ этомъ году, послѣ полученія грамотъ отъ патріарховъ александрійскаго и іерусалимскаго объ изъятіи ея изъ употребленія.

Печальное дѣло архим. Діонисія и его сотрудниковъ не остановило исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, а только побудило относиться къ нему съ бо́льшею осторожностью. Въ патріаршество *Филарета* (1619—1633 г.) книжное исправленіе получило болѣе *правильную организацію* и было установлено *на прочныхъ началахъ*. Въ прежнее время должности печатника и справщика не были строго разграничены между собою: обѣ онѣ сосредоточивались въ лицѣ главнаго печатника, къ которому назначались «товарищи» (помощники); а теперь справщики были выдѣлены изъ числа другихъ должностныхъ лицъ печатнаго двора и составили особую корпорацію. Составъ справщиковъ съ 1620 г.

сталъ быстро пополняться и замѣняться новыми людьми, лицами, по тому времени, образованными. Во главѣ ихъ стояли троицкіе старцы: *Антоній Крыловъ* и *Арсеній Глухой*. Для контроля надъ книжною справою была учреждена особая должность *наблюдателей* и *цензоровъ*, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за печатаніемъ и исправленіемъ книгъ. Первымъ такимъ лицомъ былъ игуменъ Богоявленскаго монастыря *Илія*, а вторымъ свящ. *Иванъ Наседка*, бывшій троицкій справщикъ, а теперь ключарь большого Успенскаго собора. Стоя во главѣ книжнаго исправленія, образованные троицкіе справщики ревностно стремились къ тому, чтобы привести въ единство и порядокъ чины богослуженія, устранить разности въ церковной практикѣ и исправить погрѣшности. Самъ патріархъ принималъ живое участіе въ дѣлѣ исправленія книгъ: многія изъ напечатанныхъ книгъ онъ лично свидѣтельствовалъ, для иныхъ указывалъ переводы, съ которыхъ слѣдовало печатать. Однако труды его не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Чтобы вполнѣ исправить книги, необходимо было вывѣрить ихъ по древнимъ греческимъ и славянскимъ образцамъ. Но греческихъ книгъ въ правильной палатѣ печатнаго двора не было, а древнихъ славянскихъ переводовъ въ патріаршей библіотекѣ числилось немного: около 100 книгъ, и приходилось пользоваться тѣми книгами, которыя можно было найти при архіерейскихъ каѳедрахъ, въ монастыряхъ и у частныхъ лицъ. Затѣмъ, книгъ напечатано было много, а исправлены только Требники 1624 и 1625 г.г., Служебникъ и Слѣдованная Псалтирь 1627 г. и церковные Уставы 1632 и 1633 гг. Въ этихъ книгахъ были сдѣланы исправленія конечныхъ славословій въ молитвахъ, согласно грамматическому и логическому ихъ смыслу; исправленъ текстъ или новымъ переводомъ нѣкоторыхъ мѣстъ по древнимъ греческимъ спискамъ, или новою разстановкою знаковъ препинанія; въ нѣкоторыхъ чинопослѣдованіяхъ введены новыя молитвы, отсутствовавшія въ старопечатныхъ книгахъ и находившіяся въ древнихъ греческихъ и славянскихъ харатейныхъ книгахъ; иногда измѣнялся и чинъ послѣдованія службы и совершенія таинства. Остальныя книги напечатаны съ прежнихъ изданій, при чемъ удержаны и тѣ обрядовыя особенности, которыя впослѣдствіи были исключительно приняты старообрядцами. Такъ, въ Требникахъ, въ чинахъ—вѣнчанія и освященія церквей, велѣно ходить *по-солнцу*; въ большомъ Катихизисѣ, изданномъ въ 1627 г., 8-й членъ символа вѣры напечатанъ со словомъ «истиннаго», а 7-й—со словами «нѣсть конца»; въ томъ же Катихизисѣ въ первый разъ напечатано ученіе о двуперстіи, при чемъ оставлено и находившееся въ подлинникѣ ученіе о троеперстіи, такъ что получилось два противорѣчивыхъ отвѣта о перстосложеніи: одинъ о троеперстіи, а

другой—о двуперстіи [1]). Всѣ вновь напечатанныя книги разсылались по церквамъ и монастырямъ для употребленія, но при этомъ не запрещалось употреблять книги и прежнихъ изданій, за исключеніемъ Устава 1610 г., который, по приказанію патр. Филарета, былъ отобранъ и сожженъ. Такимъ образомъ, въ церковной практикѣ продолжалось разнообразіе, которое особенно усиливалось еще тѣмъ, что самыя книги Филаретовскаго изданія, напр., Потребники, были несогласны между собой.

Со вступленіемъ на патріаршій престолъ *Іоасафа I* (1634 г.), организація книжной справы *измѣнилась къ худшему*. Патріархъ былъ совершенно отстраненъ отъ вмѣшательства въ дѣла печатнаго двора, и царскіе указы объ исправленіи и печатаніи книгъ, разсылавшіеся по епархіямъ, исходили даже безъ упоминанія имени патріарха. Правда, книги издавались повелѣніемъ царя и съ благословенія патріарха, но въ выходныхъ листахъ нигдѣ не говорилось, чтобы онѣ были свидѣтельствованы патріархомъ и соборомъ. Естественно, что, при такомъ порядкѣ дѣлъ, на печатномъ дворѣ получили силу и извѣстность не справщики и печатники, а приказные. Составъ филаретовскихъ справщиковъ былъ измѣненъ: на прежнемъ мѣстѣ остался только *Арсеній Глухой*, другіе же были замѣнены новыми, мало извѣстными лицами [2]). Съ перемѣною справщиковъ, система и характеръ прежней справы измѣнились; на ряду съ славянскими рукописными и московскими печатными книгами стали пользоваться кіевскими и западно-русскими. Впрочемъ, въ первое время патріаршества Іосифа печатный дворъ былъ занятъ перепечаткою филаретовскихъ изданій безъ всякихъ перемѣнъ въ нихъ; но съ 1636 г. въ этихъ изданіяхъ замѣчаются уже измѣненія, дополненія и исправленія. Главное исправленіе состояло въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ чиновъ и обрядовъ церковныхъ, изложенныхъ въ филаретовскихъ Требникахъ, Служебникахъ и Уставахъ, въ замѣнѣ и восполненіи этихъ чиновъ новыми чинами, молитвами и обрядами и въ привнесеніи въ богослужебныя книги новыхъ дополнительныхъ статей. Такъ, въ Иноческій Потребникъ съ Номоканономъ, напечатанный въ 1639 г., внесено ученіе *о седмипросфоріи* и «Соборное изложеніе» патр. Филарета о перекрещиваніи латинъ и всѣхъ крещеныхъ поливательно, а въ Мірской Потребникъ 1639 г.—статья «о стриженіи

---

[1]) Подробнѣе см. объ этомъ въ нашемъ Руководствѣ по облич. рус. раск., изд. 7-е, стр. 197—198.

[2]) Главными справщиками были: игуменъ Кожеозерскаго монастыря *Авраамій* и за нимъ игуменъ московскаго Богоявленскаго монастыря *Варлаамъ*; низшія же мѣста занимали: старецъ *Савватій*, вдовые дьяконы — *Сергій Ивановъ* и *Иванъ Селезневъ* и *Шестой Мартемьяновъ*.

брадъ», запрещающая брить бороду и подстригать усы [1]). Съ внѣшней стороны, т. е. со стороны чистоты и правильности языка и самой печати, іоасафовскія изданія большею частію неудовлетворительны.

Со вступленіемъ на престолъ патр. *Іосифа*, характеръ и направленіе книжной справы значительно *измѣняются* и въ дѣлѣ исправленія замѣчается *сильное оживленіе*. Въ теченіе 10 лѣтъ (1642—1652 г.) его патріаршества было издано такое количество книгъ (116), какого не выходило ни при одномъ изъ прежнихъ патріарховъ. Главными справщиками [2]) книгъ были протопопъ московскаго во имя черниговскихъ чудотворцевъ собора *Михаилъ Роговъ* и ключарь большого Успенскаго собора *Иванъ* (въ монашествѣ Іосифъ) *Наседка*, а помощниками ихъ—старецъ *Савватій* и міряне *Шестой Мартемьяновъ* и вологжанинъ *Захарій Афанасьевъ*; въ 1651 г. на должность главнаго справщика былъ опредѣленъ архимандритъ Андроніевскаго монастыря *Сильвестръ*, а въ помощь ему въ 1652 г. были назначены *Захарій Новиковъ* и *Сила Григорьевъ*. Будучи людьми, по тому времени, образованными и начитанными, іосифовскіе справщики хорошо сознавали неисправность нашихъ богослужебныхъ книгъ, какъ древлеписьменныхъ, такъ и печатныхъ, и видѣли несогласіе ихъ между собою со стороны текста, содержанія и порядка отправленія церковной службы. Поэтому, хотя на первыхъ порахъ только перепечатывали іоасафовскія изданія, но вскорѣ же внесли въ нихъ значительныя *перемѣны*. Перемѣны эти касались, съ одной стороны, изложенія, языка богослужебныхъ книгъ, а съ другой—ихъ состава. Изданныя ими книги отличаются болѣе правильной конструкціей рѣчи, чистотой языка и соблюденіемъ грамматическихъ формъ, такъ что съ этой стороны могутъ быть признаны *лучшими* изданіями московскихъ старопечатныхъ книгъ XVII в. Подобныя же перемѣны были произведены и въ составѣ богослужебныхъ книгъ. Съ одной стороны, въ нихъ внесены нѣкоторыя новыя статьи, какихъ въ іоасафовскихъ изданіяхъ не было, а съ другой—многія статьи, бывшія въ іоасафовскихъ изданіяхъ, опущены, чрезъ что значительно сокращено содержаніе книгъ. Перемѣны въ книгахъ еще болѣе усилились въ послѣдніе годы патріар-

---

[1]) Разборъ этихъ неправыхъ мнѣній см. въ наш. Руков. по облич. рус. раск.

[2]) Въ нашей литературѣ до послѣдняго времени держалось мнѣніе, что справщиками книгъ при патріархѣ Іосифѣ были первые наши расколоучители: протопопъ Аввакумъ, Иванъ Нероновъ, попъ Лазарь и дьяконъ Ѳедоръ. Но мнѣніе это въ настоящее время отвергается наукой и — вполнѣ справедливо. Ни одно изъ означенныхъ лицъ не принимало участія въ книжной справѣ. См. подробнѣе въ соч. Каптерева. «Никонъ и его противники» стр. 51—57 и въ Хр. Чт. за 1891 г. т. I, стр. 149—151 и примѣчанія.

шества Іосифа. Въ это время не только справщики, но и само правительство сознало, что въ дѣлѣ исправленія книгъ нельзя ограничиваться одними славянскими добрыми переводами, а необходимо справляться съ греческими образцами. Вслѣдствіе этого за исправленіемъ и изданіемъ книгъ былъ усиленъ надзоръ, и одинъ изъ справщиковъ, протопопъ Михаилъ Роговъ, за свои упущенія въ книжной справѣ былъ даже уволенъ отъ службы. Печатаніе книгъ стало производиться съ особенною тщательностью; нѣкоторыя изъ нихъ предварительно разсматривались на соборахъ, чего прежде не было, и издавались съ благословенія не только патріарха, но и собора. Исправленіе книгъ стало производиться не только по славянскимъ спискамъ, но и по греческимъ, при чемъ, въ случаѣ несогласія ихъ между собою, предпочтеніе отдавалось послѣднимъ. Самыя употребительныя богослужебныя книги, изданныя въ послѣдній годъ патріаршества Іосифа, напр., Служебники и Потребники 1651 г., во многихъ мѣстахъ носятъ на себѣ явные слѣды исправленій по греческимъ источникамъ. Однако и теперь книги не были совершенно исправлены, въ чемъ сознаются и сами справщики. Особенно рѣзко выражено это сознаніе въ предисловіи къ Кормчей, изданной въ 1650 г. «Воззри убо, говорится здѣсь, аще не лѣностенъ еси, абрящеши ли гдѣ правѣ списаную безъ всякаго порока въ церквахъ святыхъ книгу, обрящеши ли чинъ и послѣдованіе по указанному святыхъ и богоносныхъ отецъ узаконенію... и по чину вся бывающая въ церкви? Но вѣмъ, яко не *удобь обрѣсти возможеши* не точію въ соборныхъ градскихъ церквахъ, но ниже въ епископіяхъ, паче же ни въ монастырѣхъ» (Кормч. 1650 г., предисл. л. 3).

3. Перемѣна во взглядѣ русскихъ на православіе грековъ къ половинѣ XVII в. Патр. Никонъ и его распоряженія по исправленіи церковныхъ обрядовъ и богослужебныхъ книгъ.

Въ то время какъ русскіе книжники настойчиво заявляли, что позднѣйшіе греки отступили отъ чистоты православія, нѣкоторые изъ русскихъ признавали ихъ по прежнему православными и настаивали на необходимости тѣснаго единенія съ греческою церковію, такъ какъ эта церковь, по ихъ мнѣнію, никогда не утрачивала своего исконнаго православія, не измѣняла ни въ чемъ своихъ древнихъ чиновъ и обрядовъ и никогда не теряла своего права на руководство въ дѣлахъ православнаго міра, а слѣдов., и въ дѣлахъ русской церкви. Были даже лица, которыя на первыхъ порахъ освобожденія московской митрополіи отъ константинопольскаго патріарха стояли за прежнее подчиненіе. Само правительство, хотя по государственнымъ соображеніямъ стояло за

независимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха, но поддерживало непрерывныя связи съ православнымъ востокомъ, посылало туда щедрую милостыню, радушно принимало у себя всѣхъ просителей милостыни, приходящихъ съ востока, и нѣкоторыхъ изъ нихъ даже оставляло у себя на житье. По настояніямъ его первый нашъ патріархъ (Іовъ) былъ поставленъ въ Москвѣ константинопольскимъ патріархомъ, а третій (Филаретъ)—іерусалимскимъ. Ставши патріархомъ, Филаретъ Никитичъ оказывалъ своему рукоположителю особую любовь и расположеніе и въ то же время находился въ самыхъ живыхъ и дѣятельныхъ сношеніяхъ со всѣми восточными патріархами, ведя съ ними постоянную переписку. Нѣсколько греческихъ іерарховъ постоянно жили при немъ въ Москвѣ и имѣли большое вліяніе во всѣхъ дѣлахъ по сношеніямъ съ православнымъ востокомъ. На своемъ патріаршемъ дворѣ онъ хотѣлъ было устроить греческую школу, сдѣлалъ нѣсколько церковныхъ исправленій въ видахъ согласованія рускихъ церковныхъ чиновъ съ греческими и вообще всячески содѣйствовалъ развитію и укрѣпленію у насъ идеи о необходимости тѣснаго единенія между русскою и греческою церквами. Царь Алексѣй Михайловичъ понялъ эту идею еще шире и всестороннее проведеніе ея въ жизнь считалъ одною изъ главныхъ и насущнѣйшихъ задачъ своего царствованія. Поэтому въ его царствованіе связи съ восточною церковью стали еще тѣснѣе и превратились, наконецъ, въ рѣшительное грекофильское направленіе. Главными представителями этого направленія были: царскій духовникъ, протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, царь Алексѣй Михайловичъ, патріархъ Никонъ, бояринъ Ѳеодоръ Ртищевъ съ сестрой Анной Михайловной, бояринъ Морозовъ, воспитатель царя, и нѣкоторые другіе. Считая современныхъ грековъ вполнѣ православными и видя разныя нестроенія въ русской церкви, эти лица рѣшили реформировать послѣднюю на началахъ единенія съ церковію греческою: провѣрить наши богослужебныя книги по греческимъ подлинникамъ и согласовать нашу церковно-обрядовую практику съ современною греческою. Иниціатива реформы принадлежала Стефану Вонифатьеву и царю Алексѣю Михайловичу, а исполненіе патріарху *Никону*.

Никонъ родился въ 1605 г.; по своему происхожденію онъ былъ крестьянинъ Нижегородской губ. и въ мірѣ назывался Никитою. Научившись грамотѣ, Никита, 12-ти-лѣтъ отъ роду, тайкомъ убѣжалъ въ Макарьевскій Желтоводскій монастырь. На 20-мъ году его поставили въ священники. Потерявъ дѣтей, онъ уговорилъ свою жену поступить въ монастырь, а самъ удалился въ Анзерскій скитъ (на Бѣломъ морѣ) и принялъ тамъ постриженіе. Отсюда, вслѣдствіе неудовольствій съ игуменомъ и братіей, перешелъ въ Кожеозерскій монастырь и

тамъ былъ избранъ въ игумены. Въ 1646 г., въ бытность свою въ Москвѣ по монастырскимъ дѣламъ, онъ своею величественною наружностію и сильною рѣчью обратилъ на себя вниманіе царя Алексѣя Михайловича. По желанію послѣдняго его сдѣлали архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, чрезъ три года (11 марта 1649 г.) возвели въ санъ митрополита новгородскаго, а въ 1652 г. въ патріархи. Какъ историческая личность, патр. Никонъ—человѣкъ замѣчательный. Богато одаренный отъ природы, очень умный, живой, воспріимчивый, энергичный, начитанный, онъ во всемъ и всюду проявлялъ незаурядную натуру. Поселившись въ Москвѣ и сдѣлавшись новоспасскимъ архимандритомъ, онъ заявилъ себя виднымъ общественнымъ дѣятелемъ: неустанно ходатайствовалъ за всѣхъ несчастныхъ и бѣдныхъ, обиженныхъ на судѣ, вдовъ и сиротъ. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ показалъ себя выдающимся епархіальнымъ архіереемъ: ввелъ единогласіе въ церковномъ богослуженіи и кіевскіе напѣвы, говорилъ поученія, что для того времени было мало обычно, строилъ въ Новгородѣ богадѣльни, кормилъ нищихъ и голодныхъ, заботился о поднятіи въ глазахъ паствы престижа духовенства и смѣло боролся съ бунтовавшею чернью, рискуя быть убитымъ. По характеру своему это былъ человѣкъ очень властный, суровый, самолюбивый, неуступчивый, очень увлекающійся, мало выдержанный, способный часто дѣйствовать подъ вліяніемъ просто гнѣва и неудовольствія и вообще случайныхъ, чисто внѣшнихъ впечатлѣній, но въ то же время очень добрый, сострадательный къ чужому горю и несчастію. По своимъ взглядамъ и воззрѣніямъ Никонъ не выдѣлялся изъ ряда своихъ современниковъ т. е. въ сущности былъ типичный русскій книжникъ: приравнивалъ обряды и обычаи къ догматамъ вѣры, очень подозрительно относился къ православію современныхъ грековъ и думалъ, что истинное благочестіе сохранилось только у русскихъ. Но поселившись въ Москвѣ и сблизившись съ царемъ и Стефаномъ Вонифатьевымъ, онъ попалъ въ такую среду, гдѣ смотрѣли совершенно другими глазами на грековъ. Какъ человѣкъ умный и воспріимчивый, онъ не могъ не обратить вниманія на эти взгляды, не могъ не понять ихъ превосходства, тѣмъ болѣе, что въ этомъ убѣждали его самъ царь со своимъ духовникомъ и другими приближенными лицами, восточные святители и пріѣзжіе кіевляне.

Въ 1649 г. прибылъ въ Москву за милостыней іерусалимскій патріархъ *Паисій*. Чтобъ получить отъ царя побольше милостыни, онъ постарался пріобрѣсти расположеніе его приближенныхъ. Однимъ изъ наиболѣе близкихъ къ Алексѣю Михайловичу лицъ былъ въ то время Никонъ. Патр. Паисій сблизился съ нимъ и часто бесѣдовалъ. Во время бесѣдъ онъ всячески старался дока-

зать несправедливость мнѣнія о современныхъ грекахъ, откровенно указывалъ Никону тѣ разности въ чинахъ и обрядахъ, которыя замѣтилъ въ практикѣ русской церкви сравнительно съ восточною, тѣ «новшества», какимъ особенно показалось ему двуперстіе, и «зазиралъ» въ неисправленіи ихъ. Эти «зазиранія» такъ сильно подѣйствовали на Никона, что онъ рѣшительно измѣнилъ свой прежній взглядъ на грековъ. Въ іюнѣ 1650 г. патр. Паисій уѣхалъ изъ Москвы, но и послѣ отъѣзда старался воздѣйствовать на русское правительство и Никона, въ цѣляхъ дальнѣйшаго укрѣпленія грекофильскаго направленія, чрезъ нарочито посылаемыхъ лицъ. Такъ, въ концѣ того же года онъ прислалъ въ Москву назаретскаго митрополита Гавріила, который, съ разрѣшенія царя, велъ бесѣды съ Никономъ, «зазиралъ» наши церковные порядки, а также церковно-богослужебныя книги и указывалъ на необходимость ихъ исправленія согласно съ греческими. Въ 1652 г. п. Паисій послалъ въ Москву митрополита Навпакта и Арты Гавріила Власія, человѣка ученаго, знавшаго языки греческій и славянскій и хорошо знакомаго съ интересовавшими русскихъ вопросами и недоумѣніями. Но какъ послѣдній выполнилъ данное ему порученіе, съ точностью неизвѣстно, хотя можно съ полною вѣроятностію думать, что его бесѣды, какъ человѣка ученаго и уже ранѣе подготовившагося къ нимъ, еще болѣе укрѣпили Никона въ его рѣшеніи. Наконецъ, не малое вліяніе на перемѣну въ воззрѣніяхъ Никона на грековъ оказали кіевскіе ученые, пріѣхавшіе въ Москву въ 1649 г., по вызову царя Алексѣя Михайловича, для исправленія Библіи, и въ особенности ученый іеромонахъ Епифаній Славинецкій. Они только что пережили у себя на родинѣ церковную реформу, произведенную митр. Петромъ Могилой въ цѣляхъ согласованія кіевскихъ чиновъ и обрядовъ съ греческими, и знали, какъ горячо тамъ отстаивали неповрежденность православія у грековъ, вопреки увѣреніямъ латинъ и уніатовъ, а потому, слыша московскіе отзывы о грекахъ, рѣшительно опровергали ихъ и тѣмъ еще болѣе убѣждали Никона въ несправедливости его прежняго взгляда. Чтобы убѣдиться въ справедливости ихъ словъ и точнѣе узнать разности между нашей и восточной церквами, Епифанію поручено было перевести литургію св. Іоанна Златоуста съ греческаго языка на славянскій, а для осмотра и описанія св. мѣстъ и греческихъ церковныхъ чиновъ отправленъ былъ на востокъ старецъ *Арсеній Сухановъ*, строитель Богоявленскаго подворья въ Кремлѣ, человѣкъ бывалый и хорошо знающій греческій языкъ. Арсеній отправился въ путь вмѣстѣ съ п. Паисіемъ, но изъ Яссъ два раза пріѣзжалъ въ Москву и только въ маѣ 1651 г. поѣхалъ по назначенію. Во время второго пріѣзда изъ Яссъ, онъ

представилъ въ Посольскій приказъ два сочиненія: 1-е, «Статейный списокъ», (въ родѣ дневника) [1]) и 2-е, «Пренія о вѣрѣ» [2]). Въ послѣднемъ сочиненіи Арсеній описываетъ свои пренія съ греками (п. Паисіемъ и его свитой) о перстосложеніи, лѣтосчисленіи, поливательномъ крещеніи и другихъ предметахъ и вездѣ выставляетъ себя побѣдителемъ. Дѣйствительно, онъ смѣло провелъ давнее мнѣніе русскихъ книжниковъ, что истинное благочестіе сохранилось только на Руси. Однако въ его отзывахъ о грекахъ заподозрили пристрастіе и, при новомъ отъѣздѣ изъ Москвы, строго наказали, отъ имени государя, писать «правду, безъ прикладу». Так. обр., новое направленіе явно брало перевѣсъ, хотя многіе и въ томъ числѣ самъ патріархъ (Іосифъ) были противъ него. Держась самыхъ твердыхъ русскихъ правилъ, п. Іосифъ не допускалъ никакихъ реформъ въ русской церкви—изъ за одной такой реформы (единогласія въ чтеніи и пѣніи) у него произошла сильная ссора съ царскимъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ,—но подѣлать ничего не могъ, такъ какъ потерялъ къ тому времени всякое значеніе и чувствовалъ, что самое положеніе его на патріаршемъ престолѣ не прочно. «Перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а будетъ и не отставятъ, я самъ за соромъ стану бить объ отставкѣ», нерѣдко говорилъ онъ своимъ приближеннымъ. Тревога его особенно усилилась, когда Арсеній Сухановъ разсказалъ ему слѣдующій случай, бывшій на Аѳонѣ. Одинъ аѳонскій старецъ, родомъ сербъ, держалъ у себя книги московской печати и крестился двуперстно. Узнавъ объ этомъ, аѳонскіе монахи составили соборъ, книги московской печати, іосифовскаго изданія (Кириллову и Псалтирь), на которыя онъ ссылался, признали еретическими и сожгли, а съ самаго старца взяли обѣщаніе впредь не креститься двуперстно и другихъ не учить этому.

Въ апрѣлѣ 1652 г. патр. Іосифъ умеръ; на патріаршій престолъ, по желанію царя, былъ избранъ Никонъ. Но послѣдній «хотѣлъ быть патріархомъ на всей своей волѣ: ни царь, ни бояре, никто не долженъ былъ вмѣшиваться въ патріаршую его дѣятельность», а лишь исполнять его архипастырскія распоряженія. Поэтому онъ долго отказывался отъ патріаршества и согласился лишь послѣ того, какъ всѣ, начиная съ царя, дали обѣщаніе слушаться его, какъ пастыря и отца. 25 іюля совершилось поставленіе Никона на патріаршество. Первымъ дѣломъ, на которое онъ обратилъ самое серьезное вниманіе, было исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. Дѣло это, безусловно желательное по существу, съ точки зрѣнія Никона было совершенно необходимымъ. Измѣнивъ свой

---

[1]) Напеч. въ Христ. Чт. за 1893 г. II, 676—92.
[2]) Тамъ же стр. 694, 721.

взглядъ на православіе современныхъ грековъ, онъ, однако, по прежнему смотрѣлъ на обряды и обычаи церковные, какъ на догматы вѣры, и на разности въ нихъ, какъ на еретичество, только виновниками этого еретичества считалъ теперь не грековъ, а русскихъ. Поэтому исправленіе книгъ и обрядовъ ему казалось дѣломъ столь же необходимымъ, какъ очищеніе православія отъ ересей и погрѣшностей [1]), и онъ принялся за него со всею страстностью своей натуры.

Въ 1652 г. печатный дворъ находился въ вѣдѣніи дворцоваго приказа, однако новые справщики были назначены по выбору и указу патріарха. Въ томъ же году, осенью, въ виду неудовлетворительности состава «правильныхъ» и «кавычныхъ» книгъ печатнаго двора, обнаруженной еще описью 1649 г. (книги были исключительно славянскія и въ большинствѣ печатныя, при чемъ всѣ онѣ были «ветхи, гнилы, неполны и разбиты»), патріархомъ Никономъ былъ отправленъ въ Новгородъ Арсеній Грекъ для покупки въ тамошнихъ библіотекахъ греческихъ книгъ, а въ январѣ слѣдующаго года, по указу патріарха, составлена опись славянскимъ книгамъ, находившимся въ степенныхъ русскихъ монастыряхъ, чтобы знать, гдѣ какія книги взять для исправленія вновь печатающихся. Самое печатаніе книгъ въ это время стало производиться въ духѣ новаго взгляда. Особенно важны были отличія, произведенныя въ Псалтири 1652—1653 г.; въ ней, между прочимъ, были опущены двѣ статьи—о перстосложеніи и поклонахъ, занимавшія важное мѣсто въ іосифовскихъ Псалтиряхъ. Это опущеніе вызвало недовольство прежде всего среди самихъ справщиковъ. Двое изъ нихъ (Іосифъ Насѣдка и старецъ Савватій) сразу же оставили свою должность. Вслѣдъ затѣмъ, предъ началомъ великаго поста (въ 1653 г.), патр. Никонъ разослалъ по московскимъ церквамъ «*Память*» (распоряженіе) относительно тѣхъ же предметовъ, съ требованіемъ полагать при чтеніи молитвы Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего» только 4 земныхъ поклона, а остальные 12 поясные, и креститься тремя перстами. Противъ этого распоряженія уже открыто возстали нѣкоторыя вліятельныя лица изъ духовенства, а именно: протопопъ московскаго Казанскаго собора *Іоаннъ Неронов*ъ, иногородніе протопопы—*Аввакумъ* Юрьевскій, *Даніилъ* Костромской, *Логгинъ* Муромскій, епископъ Коломенскій *Павелъ* и нѣкоторые другіе. Всѣ они отличались истовостью въ отправленіи богослуженія, книжностію, учительностію и ревностію по благочестіи, за что и были выдвинуты Стефаномъ Вонифатьевымъ на протопопскія мѣста въ разныхъ городахъ, а Нероновъ нарочно переведенъ изъ Нижняго-Новгорода даже въ Москву. Разсѣянные

[1]) Подроб. у Голубин. Къ наш. полем. съ стар., стр., 58—69.

по разнымъ городамъ, эти лица составляли изъ себя довольно тѣсно сплоченный кружекъ, главою котораго былъ Стефанъ Вонифатьевъ, всегда готовый поддержать ихъ въ трудныя минуты жизни, оградить отъ обидъ и насилій, предстательствовать за нихъ предъ царемъ и доводить до свѣдѣнія послѣдняго ихъ ходатайства о тѣхъ или другихъ мѣрахъ, необходимыхъ для успѣха ихъ нравственно-просвѣтительной дѣятельности въ народѣ. Нѣкоторыхъ изъ членовъ этого кружка царь зналъ лично. Благодаря такой поддержкѣ кружекъ мало-по-малу сталъ крупною силою и началъ оказывать очень замѣтное вліяніе и даже давленіе на ходъ церковныхъ дѣлъ, на замѣщеніе архіерейскихъ каѳедръ и т. д. Въ бытность архимандритомъ и митрополитомъ Никонъ также принадлежалъ къ этому кружку и былъ однимъ изъ видныхъ и ревностныхъ его членовъ; дѣятельно проводилъ идеи кружка и съ членами его находился въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ. Поэтому, когда онъ былъ избранъ на патріаршество, то члены кружка не видѣли въ этомъ ничего для себя дурного, а напротивъ, разсчитывали играть при немъ въ церковныхъ дѣлахъ еще болѣе видную и дѣятельную роль, чѣмъ при патр. Іосифѣ, такъ какъ считали его своимъ другомъ и единомышленникомъ. Между тѣмъ взгляды Никона измѣнились; притязанія кружка на руководство въ церковныхъ дѣлахъ лишь стѣсняли его. Поэтому онъ рѣзко и рѣшительно порвалъ съ кружкомъ всѣ прежнія связи и не только устранилъ своихъ бывшихъ друзей отъ всякаго участія въ церковномъ управленіи, но, какъ замѣчаетъ протопопъ Аввакумъ, «не сталъ ихъ и въ крестовую пускать». Понятно, какое озлобленіе и ненависть должны были почувствовать къ Никону члены кружка и какъ трудно имъ было помириться съ опальнымъ своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что патр. Никонъ, порывая съ ними связи, не только лишалъ ихъ прежняго почетнаго положенія, но и оказывалъ пренебреженіе къ тѣмъ воззрѣніямъ и идеаламъ, представителями и дѣятельными поборниками которыхъ они были. Отсюда естественно между той и другой стороной должна была возгорѣться борьба.

Первое открытое столкновеніе между ними произошло по поводу вышеуказанной «Памяти» о перстосложеніи и поклонахъ. Это распоряженіе было издано Никономъ единолично и не было подробно мотивировано; между тѣмъ затрогивало старый привычный церковный чинъ и обрядъ; поэтому многіе смутились, не зная, что дѣлать: остаться ли вѣрными старому обряду или послушать патріарха. Особенно же поражены были члены кружка, безъ совѣта съ которыми до сихъ поръ не проводилась ни одна церковная реформа. Распоряженіе п. Никона ясно показывало имъ, что ихъ роль совѣтниковъ и руководителей по церковнымъ дѣламъ кончилась, что всѣми церковными дѣлами патріархъ

хочетъ управлять единолично. Поэтому какъ только «Память» получена была въ Казанскомъ соборѣ, Нероновъ созвалъ своихъ друзей. «Мы же, разсказываетъ протопопъ Аввакумъ, сошедшеся, задумалися, видимъ, яко зима хощетъ быти, сердце озябло и ноги задрожали», «начали ужасаться вельми и всеплачевно рыдать о новой непоклонической ереси», поясняетъ впослѣдствіи Денисовъ. Нероновъ даже оставилъ свою церковь, поручивъ ее Аввакуму, удалился въ Чудовъ монастырь и цѣлую недѣлю молился, прося у Бога помощи въ трудное для православія время. Тамъ ему будто бы послѣдовало чудесное извѣщеніе отъ иконы о наступающихъ, тяжкихъ для церкви, временахъ. Объ этомъ извѣщеніи онъ «плачучи» разсказалъ протоп. Аввакуму, коломенскому епископу Павлу (1652—1654 г.) и всей «братіи». Рѣшено было бороться съ патріархомъ. Протопопы Аввакумъ съ Даніиломъ Костромскимъ написали «изъ книгъ выписки о сложеніи перстъ и о поклонахъ и подали государю»; «много писано было», замѣчаетъ Аввакумъ, но царь, «не знаю, гдѣ скрылъ, мнится, Никону отдалъ». Тотъ на этотъ разъ оставилъ ихъ въ покоѣ.

Вскорѣ послѣ этого (16 апрѣля) прибылъ въ Москву бывшій константиноп. патр. *Аѳанасій*. Ознакомившись съ русскими церковными чинами и обрядами, онъ «зазиралъ» въ «неисправленіи» ихъ, указывалъ на несогласіе ихъ съ восточными и, чтобы показать, какія отступленія допущены у насъ въ чинѣ литургіи, написалъ сочиненіе: «чинъ архіерейскаго совершенія литургіи на востокѣ», которое тогда же было переведено на славянскій языкъ. Въ іюнѣ возвратился съ востока старецъ Арсеній Сухановъ. Во время поѣздки онъ побывалъ въ Константинополѣ, на островахъ Архипелага, заѣзжалъ въ Египетъ и довольно долго жилъ въ Іерусалимѣ. Отчетъ о своей поѣздкѣ Арсеній представилъ царю и и патріарху въ особомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ *Проскинитарій*. Это сочиненіе состоитъ изъ 46 главъ, но по своему содержанію можетъ быть раздѣлено на три части. Первая (33 главы) представляетъ собою дневникъ или путевыя замѣтки Суханова, вторая часть—«о градѣ Іерусалимѣ и окрестъ его святыхъ мѣстахъ», третья—«Тактиконъ или чиновникъ, како греки церковный чинъ содержатъ». Въ первыхъ двухъ частяхъ есть много лишняго, не относящагося къ цѣли путешествія: описанія природы, рѣкъ, городовъ, жителей, обычаевъ народныхъ и т. п. Но встрѣчаются изрѣдка и свѣдѣнія, касающіяся церковныхъ чиновъ и обрядовъ. Такъ, въ первой части, въ числѣ отвѣтовъ Іоанникія, патр. александрійскаго, находится отвѣтъ объ аллилуіи, есть указаніе на пятипросфоріе и даже единопросфоріе, на противосолоніе и др. Съ особенною подробностію восточные чины описаны Арсеніемъ въ третьей

части. Въ этихъ чинахъ онъ отмѣтилъ слѣдующія особенности: священникъ начинаетъ вечерню стоя на клиросѣ, а не предъ царскими вратами: аллилуіа говорится трижды, а иногда дважды, съ прибавленіемъ: «слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ», или «Упованіе наше, слава Тебѣ», «Свѣте тихій, «Утверди Боже» на вечерни, «Вѣрую» и «Отче нашъ» на литургіи читаетъ или патріархъ, или вообще «начальный человѣкъ»; каѳизмы и евангеліе на утрени и литургіи читаютъ иногда, обратившись лицомъ на западъ; на великомъ выходѣ внизъ лицомъ не лежатъ и т. п. Эти и подобныя имъ разности должны были показать русскимъ, что многое въ восточныхъ чинахъ и обрядахъ не такъ, какъ въ Россіи. Объ этомъ же свидѣтельствовала и присланная въ 1653 г. константинопол. патр. Паисіемъ, по просьбѣ патр. Никона, книга Скрижаль, заключающая въ себѣ толкованіе литургіи и другихъ тайнъ церковныхъ въ томъ видѣ, какъ ихъ содержала и понимала греческая церковь. Так. обр. вопросъ о несогласіи русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ съ греческими выяснялся для патр. Никона все болѣе и болѣе. Между тѣмъ члены кружка, возставшіе противъ перваго его распоряженія, не хотѣли слушаться и теперь, критиковали всѣ его дѣйствія, обвиняли въ произволѣ и открыто заявляли, что онъ—недостойный патріархъ. Видя это, патр. Никонъ понялъ, что въ лицѣ ихъ онъ встрѣтитъ сильныхъ и опасныхъ враговъ, способныхъ подорвать въ мнѣніи общества проводимыя имъ реформы и даже самый его патріаршій авторитетъ. Поэтому онъ рѣшилъ отъ нихъ освободиться при первомъ же случаѣ. Такой случай скоро представился.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1653 г. на муромскаго протопопа Логгина со стороны муромскаго воеводы послѣдовала жалоба; созвали соборъ; Логгину предъявили обвиненіе въ похуленіи образа Богородицы, Спасителя и святыхъ. Онъ далъ, повидимому, удовлетворительное объясненіе. Однако п. Никонъ велѣлъ отдать его «за жестокаго пристава». За Логгина вступился Іоаннъ Нероновъ и наговорилъ патр. Никону не мало непристойныхъ и оскорбительныхъ словъ, а о соборѣ отозвался такъ: «не знаю, чѣмъ и назвать сей соборъ вашъ... Что вы кричите и вопіете? Я не во св. Троицу погрѣшилъ, но похуляю вашъ соборъ». За такое безчиніе онъ былъ лишенъ скуфьи и сосланъ въ Спасо-каменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ (Вологод. губ.), гдѣ велѣно было держать его «въ черныхъ службахъ». Друзья рѣшились ходатайствовать за него предъ государемъ. Съ этою цѣлію протопопы Аввакумъ и Даніилъ написали челобитную и подали государю, но тотъ передалъ ее патріарху.

Между тѣмъ, проводивъ Неронова, Аввакумъ пошелъ въ Казанскій соборъ, намѣреваясь читать тамъ поученіе вмѣсто него; но казанскіе протопопы не дозволили ему этого. Тогда онъ

переставъ совсѣмъ ходить въ Казанскій соборъ, а завелъ свое всенощное на дворѣ Ивана Неронова, въ сушилѣ, и началъ переманивать сюда прихожанъ Казанскаго собора, говоря: «въ нѣкоторое время и конюшня иныя церкви лучше». Духовенство Казанскаго собора донесло объ этомъ патріарху. Послѣдній распорядился схватить Аввакума съ богомольцами, которыхъ, вмѣстѣ съ подписавшими челобитную о Нероновѣ, было до 40 человѣкъ и больше. Аввакумъ былъ отведенъ въ Андроньевъ монастырь, а другіе посажены въ тюрьму. Чрезъ недѣлю былъ произведенъ судъ надъ виновными. Богомольцы и челобитчики были преданы анаѳемѣ и отлучены отъ церкви, а Даніилъ Костромской и Логгинъ Муромскій лишены священнаго сана и отправлены въ ссылку—первый въ Астрахань, гдѣ и умеръ, а второй—въ Муромъ, подъ началъ къ отцу.

Во время разстриженія Логгинъ крайне безчинствовалъ. По словамъ прот. Аввакума, онъ, «Никона порицая, чрезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ. Распоясался, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ. И—о чудо! растопырилась рубашка и покрыла на престолѣ дискосъ бытъ-то воздухъ». Судъ надъ протоп. Аввакумомъ происходилъ послѣ. Чрезъ 10 дней послѣ своего заточенія онъ былъ позванъ въ патріаршій приказъ и цѣлый день пробылъ на разспросѣ про челобитную, а затѣмъ снова отведенъ въ Андроньевъ монастырь. 15 сентября онъ долженъ былъ подвергнуться одной участи со своими друзьями, но, по просьбѣ царя, не былъ разстриженъ, а только сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ ему было дано священническое мѣсто.

Расправившись со своими противниками, патр. Никонъ еще энергичнѣе сталъ продолжать начатое дѣло. Для лучшаго наблюденія за ходомъ исправленія и печатанія церковно-богослужебныхъ книгъ и большей свободы дѣйствій онъ взялъ (въ началѣ 1654 г.) печатный дворъ въ непосредственное свое вѣдѣніе и сталъ полновластнымъ его распорядителемъ. Затѣмъ тогда же послалъ на востокъ, въ аѳонскіе монастыри, съ богатою милостынею, для покупки греческихъ книгъ, извѣстнаго старца Арсенія Суханова, и тотъ привезъ оттуда до 498 рукописей. Правда, въ числѣ этихъ книгъ было немало такихъ, которыя едва-ли были нужны при исправленіи книгъ, предпринимаемомъ патр. Никономъ, какъ-то: слова и бесѣды Іоанна Златоуста, слова о подвижничествѣ Василія Великаго, бесѣды Макарія Египетскаго, Патерики, Лавсаики и т. п. духовно-нравственныя сочиненія, и даже совсѣмъ ненужныя, напр.: эллинскаго философа Троя, Сахосклея Исхила, Аристотелева преестественная и т. д. Однако между ними были и такія, которыя вполнѣ годились для предназначенной цѣли. Таковы, напр., Евангеліе, которому

считали 1050 лѣтъ, Псалтирь—650 лѣтъ, Служебникъ—600 лѣтъ и другія книги, писанныя за 400, 500 и 700 лѣтъ.

Заручившись книгами, которыхъ не мало привезли и прислали еще другія лица,—напр., сербскій патр. Гавріилъ привезъ книгу, въ которой были напечатаны три литургіи, антіохійскій патр. Макарій также привезъ нѣсколько богослужебныхъ книгъ, отъ іерарховъ александрійскаго, іерусалимскаго и др. прислано не менѣе 200 книгъ и т. д.,—патр. Никонъ обратилъ серьезное вниманіе на книжныхъ *справщиковъ* и постарался наполнить правильню людьми вполнѣ пригодными для дѣла, не только знавшими греческій языкъ, но и убѣжденными въ необходимости и пользѣ книжнаго исправленія. Всего имъ было назначено семь человѣкъ, изъ числа которыхъ особеннымъ расположеніемъ его пользовался *Арсеній Грекъ*, бывшій однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ справщиковъ. Послѣ долгихъ скитаній по разнымъ государствамъ, Арсеній, по происхожденію грекъ, въ 1649 г. прибылъ въ Москву въ свитѣ патр. Паисія іерусалимскаго и, какъ человѣкъ ученый, былъ оставленъ здѣсь въ качествѣ учителя въ греческой Чудовской школѣ. Но вскорѣ стали носиться упорные слухи о его неправославіи, отчасти подтвердившіеся его собственными показаніями, и правительство сочло нужнымъ отправить его въ Соловецкій монастырь. Здѣсь Арсеній своимъ хорошимъ поведеніемъ и православнымъ образомъ мыслей заслужилъ доброе мнѣніе о себѣ. Патр. Никонъ, въ бытность свою за мощами святителя Филиппа, замѣтилъ его и вскорѣ, по вступленіи своемъ на патріаршество, вызвалъ въ Москву, сдѣлалъ библіотекаремъ патріаршей библіотеки и главнымъ справщикомъ и переводчикомъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Арсеній вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ справщика: кромѣ греческаго языка, зналъ нѣсколько другихъ языковъ, а въ Соловецкомъ монастырѣ выучился славянской грамотѣ и русскому языку. Въ должности справщика онъ пробылъ до 1663 г., когда его мѣсто занялъ архим. аѳонской горы *Діонисій*. Другимъ, болѣе извѣстнымъ, справщикомъ былъ старецъ *Евѳимій*, человѣкъ образованный: онъ хорошо зналъ греческій языкъ, а также латинскій, польскій и еврейскій; кромѣ, того былъ знакомъ съ составомъ и характеромъ тогдашнихъ богослужебныхъ книгъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ. Кромѣ нихъ справщиками были: *Иванъ Озеровъ*, ученикъ Ртищевской школы и Кіевской академіи, старецъ Новоспасскаго монастыря *Матѳей*, протоіерей церкви Рождества Богородицы *Адріанъ*, патріаршій архидіаконъ *Евѳимій* и Чудовскій старецъ *Іосифъ*. Въ качествѣ неоффиціальнаго лица не мало трудился на печатномъ дворѣ *Епифаній Славинецкій*, составлявшій, по порученію патріарха, церковные каноны и предисловія къ богослужебнымъ книгамъ.

Съ такими справщиками патр. Никону вполнѣ можно было приступить къ дѣлу исправленія книгъ, однако онъ не рѣшался единолично начать это важное дѣло, потому что видѣлъ противодѣйствіе своимъ личнымъ распоряженіямъ, а сталъ дѣйствовать путемъ *соборнымъ*.

Первый соборъ по дѣлу книжнаго исправленія былъ созванъ въ *1654* г. (не раньше второй половины марта и не позже первой половины апрѣля) и происходилъ въ царскихъ палатахъ. На немъ, подъ предсѣдательствомъ царя и патріарха, присутствовали пять митрополитовъ, четыре архіепископа, одинъ епископъ—Павелъ коломенскій, 11 архимандритовъ и игуменовъ, 13 протопоповъ и царскій синклитъ. Патріархъ Никонъ открылъ соборъ *рѣчью*, въ которой указалъ сначала причины, побудившія его созвать соборъ, а затѣмъ изложилъ вопросы, подлежавшіе разсмотрѣнію и рѣшенію собора. Первымъ побужденіемъ къ созванію собора, по его словамъ, служила лежащая на немъ и на всѣхъ пастыряхъ церкви обязанность блюсти чистоту и неприкосновенность церковныхъ каноновъ, не только относительно догматовъ благочестія, но и «священнаго церковныхъ вещей устава», а другимъ—очевидная поврежденность чиновъ и обрядовъ русской церкви, совершаемыхъ по новымъ московскимъ печатнымъ книгамъ. Указывая первую причину созванія собора, патр. Никонъ, въ доказательство своихъ словъ, сослался, кромѣ Св. Писанія и правилъ церковныхъ, на дѣяніе константинопольскаго собора (1593 г.), въ которомъ ясно говорится о необходимости «потреблять» въ церковныхъ чинахъ всякую «новину», такъ какъ «новины» нерѣдко служатъ причиною смутъ въ церкви. Дѣяніе это, въ виду важности его содержанія, было прочитано предъ соборомъ. По прочтеніи дѣянія, патр. Никонъ въ семи вопросахъ указалъ для примѣра въ Служебникахъ московской печати нѣкоторые нововводные чины и обычаи, именно: разрѣшительную архіерейскую молитву, которую незаконно было положено читать священнику предъ совершеніемъ литургіи; обычай оставлять царскія врата отверстыми до великаго входа; начинать праздничную литургію въ 1—2 часа пополудни; обычай при освященіи храмовъ не полагать мощей подъ престоломъ; употребленіе земныхъ поклоновъ въ четыредесятницу вмѣсто 12 малыхъ и др. Указывая каждую изъ этихъ «новинъ», патр. Никонъ объяснялъ, что она не соотвѣтствуетъ ни греческимъ, ни славянскимъ древнимъ Служебникамъ, и каждый разъ спрашивалъ у отцовъ собора, какъ поступить въ данномъ случаѣ—оставить ли ее по прежнему въ употребленіи или исправить согласно греческимъ и славянскимъ уставамъ. Отцы собора единогласно отвѣчали, что необходимо исправить «противо (сообразно) старыхъ харатейныхъ и греческихъ».

Разногласіе вышло только по вопросу о поклонахъ. Основываясь на двухъ уставахъ, *Павелъ*, епископъ коломенскій, не соглашался признать употребленіе земныхъ поклоновъ, при чтеніи молитвы Ефрема Сирина, вмѣсто 12 малыхъ, новшествомъ и потому сдѣлалъ *возраженіе* патріарху [1]). Но возраженіе его, въ виду общаго согласія остальныхъ членовъ собора, не имѣло силы. Такимъ образомъ, общая мысль о необходимости исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ московской печати по древнимъ славянскимъ и греческимъ, проведенная патр. Никономъ на соборѣ, была принята всѣми отцами собора. Поэтому, «ради совершеннаго укрѣпленія», все «уложенное» на соборѣ было записано и скрѣплено собственноручною подписью участниковъ собора.

Чтобы придать рѣшенію собора 1654 г. болѣе прочности и законности, царь Алексѣй Михайловичъ и патр. Никонъ рѣшились снестись съ восточною церковію и опереться на ея авторитетъ. Поэтому вскорѣ послѣ собора была составлена *грамота* къ *Паисію*, патріарху константинопольскому, съ вопросами о разностяхъ и новшествахъ, замѣченныхъ въ нашихъ церковно-богослужебныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ, и послана съ грекомъ Мануиломъ Константиновымъ съ просьбою разсмотрѣть ихъ соборнѣ и дать отвѣтъ [2]).

Въ это время прибылъ въ Москву сербскій патріархъ Гавріилъ, а въ февралѣ 1655 г. антіохійскій патріархъ Макарій. Патр. Никонъ поспѣшилъ воспользоваться пребываніемъ ихъ въ Москвѣ, чтобы ихъ мнѣніемъ и авторитетомъ оправдать свои дѣйствія по дѣламъ церковнымъ; приглашалъ ихъ на свои богослуженія и просилъ замѣчать ему о всемъ, что найдутъ достойнымъ порицанія въ русскихъ церковныхъ чинахъ. И тѣ сдѣлали много такихъ замѣчаній. Первое выдающееся замѣчаніе касалось неправильности употреблявшагося въ Россіи двуперстія для крестнаго знаменія. Въ недѣлю православія, послѣ совершенія установленнаго церковію чина, патр. Никонъ говорилъ рѣзкую проповѣдь противъ иконъ латинскаго письма и о необходимости креститься тремя перстами. Во время этой проповѣди онъ открыто обратился къ патр. Макарію

---

[1]) Несогласіе по вопросу о поклонахъ еп. Павелъ коломенскій выразилъ и въ своей подписи подъ соборнымъ уложеніемъ: «смиренный Павелъ еп. коломенскій и каширскій; а что говорилъ на святѣмъ соборѣ о поклонѣхъ и тотъ уставъ харатейной положилъ здѣ, а другой письмяной».

[2]) Бѣловой списокъ грамоты п. Никона къ п. Паисію не найденъ и потому о содержаніи ея можно судить лишь на основаніи отвѣтной грамоты п. Паисія. Правда, въ приложеніяхъ къ Дѣянію Московскаго собора 1654 г., изданному Братствомъ св. Петра митр., напечатана, какъ бы черновая, грамота п. Никона къ п. Паисію; но признать эту грамоту за черновую той грамоты, которая была послана въ Константинополь, нѣтъ основательныхъ данныхъ. См. въ Христ. Чт. за 1881 г. статью «Нѣсколько словъ по поводу новаго изданія грамоты констант. патр. Паисія I къ московск. п. Никону».

съ просьбою высказать свое мнѣніе по затронутымъ вопросамъ; тотъ торжественно, предъ всѣмъ народомъ, засвидѣтельствовалъ справедливость наставленій его. Затѣмъ Макарій указалъ Никону, что въ Россіи литургія совершается на простомъ холщевомъ антиминсѣ безъ изображеній и мощей, изъ 3-й просфоры вынимается не 9 частицъ, а 1; сдѣланы ошибочныя измѣненія въ символѣ вѣры; незаконно допускается крещеніе поляковъ, обращающихся въ православіе и др. Для разсмотрѣнія этихъ вопросовъ въ концѣ марта *1655 г.* былъ созванъ *соборъ*. На немъ присутствовали три патріарха: Никонъ, Макарій и Гавріилъ съ митрополитами, архіепископами, архимандритами, игуменами и другимъ духовенствомъ. Въ началѣ собора патр. Никонъ указалъ нѣкоторыя разности въ нашихъ чинахъ и обрядахъ сравнительно съ восточной церковію и въ доказательство своихъ словъ представилъ собору для разсмотрѣнія древнія греческія и славянскія книги и новопечатныя московскія, а патр. Макарій присовокупилъ къ нимъ свой Служебникъ и сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія. Разсмотрѣвъ книги, отцы собора нашли, что новопечатныя славянскія книги во многомъ не согласны ни съ древними славянскими, ни съ греческими, и потому повторили опредѣленіе собора 1654 г. объ исправленіи ихъ согласно съ древними греческими и славянскими книгами. При этомъ патр. Никонъ, обращаясь къ присутствующимъ на соборѣ, сказалъ: «я—русскій, сынъ русскаго, но мои убѣжденія и моя вѣра греческія», на что одни изъ членовъ собора подобострастно замѣтили: «свѣтъ вѣры во Христа и всѣ обряды религіи и ея таинства возсіяли намъ изъ странъ востока»; другіе же изъ за боязни предъ патріархомъ молчали, или съ неудовольствіемъ говорили про себя: «мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои приняли издревле». Затѣмъ отцы собора разсмотрѣли новоисправленный Служебникъ, одобрили его и повелѣли напечатать, что и было исполнено въ томъ же году [1]).

Спустя около 2 мѣсяцевъ послѣ этого собора въ Москвѣ былъ полученъ отвѣтъ константиноп. патр. Паисія на предложенные ему патр. Никономъ вопросы. Отвѣтъ этотъ составленъ

---

[1]) Отпечатанный въ это время Служебникъ значительно отличается отъ Служебниковъ, изданныхъ при первыхъ 5-ти патріархахъ. Въ немъ нѣтъ тѣхъ добавочныхъ статей изъ Требника, которыя находятся во всѣхъ патріаршихъ Служебникахъ, за исключеніемъ Служебника 1651 г. Въ началѣ его помѣщено предисловіе, въ которомъ подробно, хотя и съ хронологическими неточностями, излагается исторія исправленія книгъ при патр. Никонѣ, кончая соборомъ 1655 г. Послѣ предисловія излагается уставъ священнослуженія, послѣдованіе вечерни и утрени и чины литургій Іоанна Златоуста, Василія Великаго и Преждеосвященныхъ Даровъ. Въ этихъ чинопослѣдованіяхъ сдѣланы значительныя измѣненія, касающіяся, съ одной стороны, богослужебныхъ дѣйствій, а съ другой—количества, состава и текста молитвъ, прошеній и возгласовъ.

былъ соборнѣ и посланъ патр. Никону въ видѣ *соборнаго посланія* или грамоты, подписанной не только патр. Паисіемъ, но и многими святителями и другими должностными лицами константинопольской церкви. Посланіе это состоитъ изъ вступленія, 38 вопросо-отвѣтовъ и заключенія. Во вступленіи патр. Паисій высказываетъ общій взглядъ на обрядовыя разности. «Ты жалуешься, пишетъ онъ, на несогласіе въ кое-какихъ порядкахъ, существующихъ въ помѣстныхъ церквахъ, и думаешь, не вредятъ ли эти различные порядки нашей вѣрѣ. Хвалимъ мысль; поелику кто боится впасть въ малыя погрѣшности, тотъ предохраняетъ себя отъ великихъ; но исправляемъ опасеніе... Если случится, что какая-нибудь церковь будетъ отличаться отъ другой какими-либо порядками неважными и несущественными для вѣры, каково, напр., время совершенія литургіи, или вопросъ о томъ, какими перстами долженъ благословлять священникъ и т. п., то это не должно производить никакого раздѣленія... Не слѣдуетъ думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто-нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся отъ другого въ вещахъ несущественныхъ». Послѣ этого идутъ вопросо-отвѣты, въ которыхъ патр. Паисій рѣшаетъ всѣ предложенныя ему недоумѣнія. Изъ числа ихъ одни были серьезные, напр.: отвѣтъ о литургіи (1-й, самый обширный), о положеніи въ церкви мощей (17 отв.), о совершеніи крещенія и т. п.; другіе были злобой дня того времени, какъ-то: о Павлѣ, еп. коломенскомъ, и Иванѣ Нероновѣ (8—9 отв.), о перстосложеніи для крестнаго знаменія и священническаго благословенія (24—25), о поклонахъ въ св. четыредесятницу и др.; третьи совершенно незначительные, напр.: когда лампадарій зажигаетъ свѣчу, чтобы звать іерарха въ церковь (3 отв.), когда патріархъ носитъ митру или кидаръ (5 отв.), слѣдуетъ ли отдѣлять въ церкви мужчинъ отъ женщинъ (28 отв.) и т. п. Въ своихъ отвѣтахъ патр. Паисій остается вполнѣ вѣренъ тому взгляду, который высказанъ имъ во вступленіи. Такъ, говоря о разногласіяхъ по поводу чина литургіи, онъ пишетъ: «Что касается полемики, которую ведете изъ-за чина божественнаго тайноводства, то умоляемъ прекратить ее; ибо *рабу Господню не подобаетъ свариться* въ вещахъ, не принадлежащихъ до членовъ вѣры» (отв. 7). Заговоривъ о Павлѣ Коломенскомъ и Иванѣ Нероновѣ [1]), которые были несогласны съ патріархомъ Никономъ касательно книгъ, литургіи и крестнаго знаменія, отвергали греческія молитвы и утверждали будто на литургіи патріархъ молится иначе, чѣмъ іереи,

[1]) Въ подлинной грамотѣ, напечатанной въ Христ. Чт. за 1881 г., указанъ протопопъ Исаія, а не Иванъ Нероновъ,—но думаютъ, что это—ошибка писца.

онъ замѣчаетъ, что все это—признаки ереси и раскола, и совѣтуетъ отлучить такихъ людей отъ Церкви. По вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія патр. Паисій отвѣчалъ, что они имѣютъ древнее обыкновеніе слагать вмѣстѣ три первыхъ перста въ образъ св. Троицы. Что же касается священническаго благословенія, то «Церковь благословляетъ всѣхъ, изображая іерейскою рукою имя Мессіи, или—что тоже—имя Іисуса Христа, т. е. конечныя буквы этого имени Іс. Хс. А какими перстами начертываетъ кто эти буквы, это безразлично». Въ заключеніи патр. Паисій выражаетъ желаніе, чтобы Господь далъ п. Никону успѣхъ въ исправленіи къ лучшему.

Грамота патр. Паисія, какъ выраженіе взгляда всей константинопольской церкви на дѣло исправленія книгъ и обрядовъ, должна была бы имѣть для патр. Никона руководственное значеніе и, при правильномъ пониманіи, могла бы предохранить его отъ слишкомъ поспѣшной ломки русскихъ чиновъ и обрядовъ. Она ясно показывала, что въ дѣлахъ вѣры необходимо различать существенное отъ несущественнаго, не важнаго; что «интересы вѣры и благочестія, правильно понимаемые, вовсе не требуютъ уничтоженія существующихъ въ различныхъ церквахъ помѣстныхъ обрядовъ и чиновъ; что единеніе церквей вовсе не состоитъ въ тожествѣ ихъ обряда во всѣхъ его частностяхъ и подробностяхъ, а «въ одномъ и томъ же исповѣданіи вѣры съ однимъ разумѣніемъ и съ одною мыслію», и что при такомъ условіи различіе обряда въ помѣстныхъ церквахъ, какъ въ прежнее время никогда не нарушало, такъ и теперь не можетъ нарушить единства вселенской церкви» [1]). Но такой взглядъ былъ, съ одной стороны, выше пониманія п. Никона, а съ другой совершенно противорѣчилъ его собственному взгляду. Поэтому патр. Никонъ не придалъ грамотѣ п. Паисія должнаго значенія, хотя и ссылался на нее, и продолжалъ начатое дѣло въ прежнемъ направленіи.

12 февраля 1656 г., въ день памяти Алексія, митрополита московскаго, и Мелетія, патр. антіохійскаго, по случаю именинъ царевича, происходило торжественное служеніе патр. Никона въ Чудовомъ монастырѣ, въ присутствіи царя и восточныхъ патріарховъ. Во время утрени патр. Никонъ читалъ по Прологу слово о Мелетіи антіохійскомъ. Прочитавъ то мѣсто, гдѣ говорится, что на соборѣ противъ аріанъ, когда Мелетій показалъ три перста, то не было знаменія, а когда два совокупилъ и одинъ пригнулъ, то «изыде отъ него огнь, яко молнія», онъ при всѣхъ обратился къ патр. Макарію съ просьбою разъяснить—какіе три перста Мелетій показалъ. Тотъ отвѣтилъ, что св. Мелетій сначала показалъ три

[1]) Каптер. П. Ник. и царь Ал. Мих., стр. 175.

первыхъ перста разлученными, а потомъ ихъ совокупилъ въ ознаменованіе единосущія Св. Троицы, и что кто изображаетъ крестъ не первыми тремя перстами, но два послѣдніе соединяетъ съ великимъ пальцемъ, а великосредній съ указательнымъ простираетъ, тотъ подражаетъ армянамъ, потому что армяне такъ крестятся. Вскорѣ наступила недѣля православія. Въ Успенскомъ соборѣ совершали богослуженіе три патріарха. Когда окончился чинъ православія, Макарій, патр. антіохійскій, по настоянію Никона, ставъ предъ царемъ и его синклитомъ и предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ, сказалъ, что православному христіанину слѣдуетъ изображать на себѣ крестное знаменіе тремя первыми великими перстами и что кто крестится двуперстно, тотъ проклятъ. То же проклятіе повторили сербскій патр. Гавріилъ и никейскій патр. Григорій. Затѣмъ и на письменный запросъ патр. Никона всѣ они единогласно отвѣтили, что, по преданію, нужно изображать на себѣ крестное знаменіе тремя первыми перстами, и что кто не творитъ крестъ тако, тотъ еретикъ и подражатель армянъ, и того они отлучаютъ отъ Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Заручившись такими ясными и авторитетными свидѣтельствами въ пользу троеперстія, патр. Никонъ, для окончательнаго рѣшенія вопроса о перстосложеніи, созвалъ *соборъ* русскихъ святителей (23 апрѣля *1656* г.). Соборъ этотъ онъ открылъ рѣчью. Сказавъ, какъ зазирали ему приходившіе въ Москву восточные святители за разныя неисправности въ церковно-богослужебныхъ книгахъ и обрядахъ, а особенно за двуперстіе, патр. Никонъ указалъ на недавнее происхожденіе и внесеніе въ богослужебныя книги двуперстія; объяснилъ, что соединеніемъ трехъ перстовъ, великаго съ двумя малыми, неправо исповѣдуется таинство св. Троицы, а совокупленіемъ двухъ перстовъ, указательнаго съ великосреднимъ, неправо исповѣдуется таинство воплощенія; припомнилъ устныя и письменныя свидѣтельства о троеперстіи Макарія, Гавріила и другихъ восточныхъ святителей и предложилъ отцамъ собора высказать свое мнѣніе о перстосложеніи, а также разсмотрѣть напечатанную въ 1655 г., но еще не выпущенную въ свѣтъ книгу Скрижаль. Выслушавъ эту рѣчь, соборъ узаконилъ троеперстіе, предалъ проклятію всѣхъ крестящихся двуперстно [1]), а книгу Скрижаль разсмотрѣлъ и одобрилъ. Послѣ этого п. Никонъ, чтобы объяснить и оправдать сдѣланныя распоряженія, велѣлъ напечатать въ приложеніи къ Скрижали грамоту патр. Паисія съ отвѣтами на вопросы, предложенные имъ для разрѣшенія; сказаніе

*) О клятвѣ собора 1656 г. см. подробнѣе въ наш. Руковод. по облич. раск. старообр., изд. 7, стр. 204—205.

о соборѣ 1656 г. съ изложеніемъ его рѣчи, подъ заглавіемъ «слово отвѣщательно»...; отвѣтъ восточныхъ патріарховъ Макарія и Гавріила о крестномъ знаменіи; слово иподіакона Дамаскина Студита въ недѣлю крестопоклонную; Николая Малаксы, протоіерея навплійскаго, о сложеніи перстовъ для архіерейскаго и іерейскаго благословенія; Максима Грека о неизмѣняемости символа вѣры и др. Въ такомъ видѣ книга эта была скрѣплена подписями отцовъ собора, выпущена изъ типографіи и разослана. Изданіе Скрижали было *весьма важно* для русскихъ по современнымъ обстоятельствамъ. Въ ней они находили изъясненіе литургіи и другихъ таинъ церковныхъ въ томъ видѣ, какъ понимала ихъ тогда восточная церковь,—опредѣленія соборовъ о необходимости исправленія книгъ и ясные отвѣты на волновавшіе ихъ тогда вопросы. Въ ней собраны столь сильныя доказательства противъ тогдашнихъ заблужденій, что трудно было опровергнуть ихъ.

За изданіемъ Скрижали послѣдовало *изданіе* и *другихъ книгъ*. Въ томъ же году были напечатаны: Канонникъ, Часословъ, Служебникъ и Тріодъ постная; въ 1657 г.—Евангеліе напрестольное, въ первый разъ изданное съ раздѣленіемъ на главы и стихи, Апостолъ, Ирмологій, Псалтирь слѣдованная; въ 1658 г. Служебникъ, Требникъ и Псалтирь слѣдованная (послѣдняя дважды). Въ виду важности содержанія, Требникъ былъ разсмотрѣнъ на соборѣ. Всѣ эти книги предварительно печатанія исправлялись. Исправленіе производилось такъ: брали книгу, употреблявшуюся въ обычной греческой церковной практикѣ, и переводили ее на славянскій языкъ, затѣмъ провѣряли этотъ переводъ по древнимъ греческимъ и славянскимъ спискамъ и исправляли согласно съ ними. Патр. Никонъ не принималъ въ этомъ дѣлѣ непосредственнаго участія, такъ какъ совсѣмъ не зналъ греческаго языка и не могъ слѣдить за справою съ греческихъ книгъ, а довѣрилъ все дѣло справщикамъ. При этомъ никакихъ руководящихъ началъ, никакого опредѣленнаго плана и метода, которыми они могли бы руководствоваться въ дѣлѣ исправленія книгъ, установлено не было и потому личному усмотрѣнію и разумѣнію ихъ давалось слишкомъ много мѣста, а это неизбѣжно вело къ неустойчивости самой книжной справы. Справщики провѣряли переводы нынѣ по однимъ древнимъ спискамъ, а завтра—по другимъ, сегодня находили нужнымъ внести одно, а завтра—другое, одному казалось лучшимъ въ старыхъ спискахъ то, а другому—другое, почему то, что одни справщики находили лучшимъ и вносили въ исправляемыя книги, другіе замѣняли другимъ, по ихъ мнѣнію, еще болѣе лучшимъ. При такихъ порядкахъ неизбѣжно должны были явиться разности и несогласія въ книгахъ, и дѣйствительно различные выходы Служеб-

ника всѣ разнились между собой, что невольно смущало многихъ. А такъ какъ въ исправленіи этихъ книгъ принималъ дѣятельное участіе Арсеній Грекъ, человѣкъ подозрительный и ненадежный въ вѣрѣ, то недовѣріе къ исправленнымъ книгамъ еще болѣе увеличивалось и давало основаніе противникамъ исправленій утверждать, что книги не исправляются, а портятся, что въ нихъ внесены разныя новшества и даже ереси [1]). Въ такомъ именно смыслѣ они и объясняли потомъ всякое новое, не согласное со старымъ, мѣсто, неточное, малопонятное слово или выраженіе, даже типографскую ошибку и собственное недоразумѣніе или недомысліе.—По мѣрѣ выхода въ свѣтъ, новоисправленныя книги разсылались по церквамъ, при чемъ для прекращенія разнообразія въ отправленіи церковныхъ службъ велѣно было отбирать старыя книги и употреблять только исправленныя. Но это распоряженіе, при тогдашнемъ обрядовомъ взглядѣ русскихъ и уваженіи къ книгамъ существующимъ, легко могло породить толки о томъ, почему считаютъ дурными и отбираютъ книги, по которымъ русскіе чудотворцы угодили Богу. Толки эти дѣйствительно явились и еще болѣе усилили недовѣріе къ исправленнымъ книгамъ и недовольство патр. Никономъ.

4. Дѣятельность противниковъ церковныхъ исправленій.

Въ то время какъ п. Никонъ энергично проводилъ свои реформы, не бездѣйствовали и его противники. Высланные изъ Москвы, они старались всюду чернить его начинанія. Такъ, Нероновъ на пути въ Кандалакшскій монастырь зашелъ въ Вологдѣ въ соборъ и послѣ обѣдни сказалъ, между прочимъ: «священницы и вси церковныя чада! Завелися новые еретики, мучатъ православныхъ христіанъ, которые поклоняются по отеческимъ преданіямъ, такожде и слогъ перстовъ по своему умыслу развращенно толкуютъ, да за то рабъ Божіихъ мучатъ и казнятъ и въ дальныя заточенія посылаютъ» (Матер. для ист. раск. т. I, стр. 106). Протопопъ Аввакумъ, по его собственнымъ словамъ, вездѣ—«и въ церквахъ и на торгахъ ересь никоніанскую обличалъ». Тоже, вѣроятно, дѣлали и другіе сосланные протопопы. Проповѣдь ихъ, какъ людей, пострадавшихъ за вѣру, въ глазахъ массы имѣла особенное значеніе. Неронова въ Спасо-каменномъ монастырѣ навѣщали «боголюбцы отъ всѣхъ четырехъ странъ», а за Логгина жители Мурома ходатайствовали предъ Рязанскимъ владыкой. Между собой противники Никона не прерывали сношеній: Павелъ Коломенскій писалъ Неронову письма, а Логгинъ даже лично пріѣзжалъ къ нему.

[1]) Подробнѣе см. у Каптерева въ соч. «Патр. Никонъ и царь Алексѣй Мих.», стр. 227—269.

На первыхъ порахъ главнымъ борцомъ противъ Никона выступилъ Іоаннъ Нероновъ. Онъ былъ ближайшимъ другомъ протопопа Стефана Вонифатьева, лично знакомъ царю, царицѣ и всей царской семьѣ и пользовался ихъ расположеніемъ; его хорошо также знали бояре и люди знатные; глубоко уважали всѣ москвичи, какъ ревностнаго и учительнаго пастыря, и, наконецъ, чтили всѣ бѣдные, больные, сирые и несчастные, которымъ онъ оказывалъ всякую помощь. Аввакумъ, Даніилъ, Логгинъ и вся братія видѣли въ немъ выразителя своихъ воззрѣній, главу и руководителя и смотрѣли на него съ глубочайшимъ уваженіемъ. Само собой понятно, что бороться съ такимъ человѣкомъ было не легко,—у него всюду находились друзья и сторонники. Въ Спасо-каменномъ монастырѣ онъ былъ принятъ архимандритомъ съ радостію и пользовался всевозможными льготами и вниманіемъ; въ Кандалакшскомъ монастырѣ, куда былъ пересланъ подъ болѣе строгое начало, свободно переписывался съ царскимъ духовникомъ, братьями Плещеевыми и другими лицами, а затѣмъ даже бѣжалъ изъ монастыря и явился прямо въ Москву. Живя здѣсь тайно отъ патріарха, онъ свободно посѣщалъ дома своихъ единомышленниковъ. Постригшись затѣмъ, по совѣту Стефана Вонифатьева, въ монахи, съ именемъ Григорія, Нероновъ въ февралѣ 1656 г. удалился на житье въ Игнатіеву пустынь (около Вологды). Патріархъ хотѣлъ схватить его, но поселяне сосѣдней деревни скрыли его и даже оскорбили посланныхъ патріарха. Тогда Никонъ рѣшилъ судить его заочно. 18 мая 1656 г. былъ созванъ соборъ, на которомъ присутствовали восточные и русскіе святители, архимандриты, протопопы и другое духовенство. Разсмотрѣвъ прежнее соборное осужденіе Неронова п. Никономъ, соборъ нашелъ его правильнымъ, а затѣмъ, принявъ во вниманіе, что Нероновъ не только не испросилъ прощенія отъ собора, но и тайно убѣжалъ изъ монастыря, производилъ въ народѣ смущеніе, укорялъ греческое православіе, написалъ много ложнаго о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и п. Никонѣ и самовольно постригся въ монахи, вновь осудилъ его съ единомышленниками и предалъ анаѳемѣ. Въ тотъ же день соборное постановленіе было приведено въ исполненіе въ московскомъ Успенскомъ соборѣ за литургіей. Спустя около полугода Нероновъ, явившись въ Москву, узналъ отъ друзей о состоявшемся постановленіи, а изъ книги Скрижаль увидѣлъ, что распоряженіе Никона о перстосложеніи имѣетъ твердыя основанія и одобряется восточными патріархами. Все это произвело на него сильное впечатлѣніе и онъ пошелъ на примиреніе. Взявъ книгу Скрижаль, онъ отправился къ патріарху; послѣдній шелъ къ литургіи. «Я тотъ, кого ты ищешь, сказалъ Нероновъ п. Никону и затѣмъ, идя предъ нимъ, продолжалъ: «что ты одинъ ни затѣваешь, то дѣло не крѣпко». Патріархъ

промолчалъ. Послѣ обѣдни Никонъ позвалъ Неронова въ крестовую и, хотя тотъ высказалъ ему много рѣзкихъ обличеній, онъ опять больше молчалъ; затѣмъ позволилъ ему жить въ Троицкомъ подворьѣ, снялъ соборное проклятіе и даже дозволилъ служить по старымъ Служебникамъ. Однако и послѣ этого Нероновъ не успокоился, а продолжалъ дѣйствовать противъ него и всячески добивался его удаленія съ патріаршей каѳедры. Того же добивались и многія другія лица, такъ какъ п. Никонъ своимъ высокимъ положеніемъ, крутымъ, и властолюбивымъ характеромъ нажилъ себѣ много враговъ во всѣхъ слояхъ общества. Ревнители мнимой старины роптали на церковныя исправленія и обзывали его еретикомъ. Народъ называлъ его иконоборцемъ, потому что онъ запрещалъ носить частныя иконы въ храмъ, а съ иконъ франкскаго письма приказалъ выскабливать изображенія. Духовенство, раздраженное его строгостью, недоступностію, жестокими наказаніями и разными поборами, то въ патріаршую казну, то на войско, было также недовольно имъ. Особенно же не любили его бояре за близость къ царю и строгія обличенія. Въ числѣ недовольныхъ были многія вліятельныя лица, какъ то: царскій свояк Морозовъ, Стрешневы—родственники царя по матери, Милославскіе — родственники по первой супругѣ, кн. Одоевскій, Юрій Долгоруковъ и др., а также царица Марья Ильинична. Всѣ эти враги шли съ доносами къ царю и внушали ему, что патріархъ превышаетъ свою власть и пренебрегаетъ царскою властію. Вслѣдствіе такихъ внушеній въ душу царя стало вкрадываться «нелюбье» къ прежнему другу. Военные походы значительно развили его, сдѣлали самостоятельнѣе и пріучили къ разлукѣ съ Никономъ и къ независимости отъ него. Въ то же время п. Никонъ успѣлъ привыкнуть къ власти и сдѣлался болѣе величавымъ и горделивымъ, чѣмъ прежде. Между тѣмъ враги п. Никона не переставали внушать царю, что онъ «царскую честь попралъ»; «что царскіе власти уже не слыхать»; что Никона и его слугъ боятся болѣе, чѣмъ царя и его чиновниковъ. Царь сталъ сердиться на патріарха, но вмѣсто того, чтобы прямо высказать свое неудовольствіе, по своему слабому характеру, сталъ удаляться отъ него. Никонъ, считая себя обиженнымъ, не хотѣлъ сдѣлать перваго шага къ примиренію. Бояре неутомимо разжигали вражду между ними, не допуская до взаимныхъ объясненій. Наконецъ, усилія враговъ Никона увѣнчались успѣхомъ: въ 1658 г. онъ удалился съ патріаршаго престола. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

6-го іюля происходила торжественная встрѣча грузинскаго царевича Теймураза. Противъ обыкновенія, патр. Никонъ не былъ приглашенъ ко двору, а посланнаго его, во время встрѣчи, цар-

скій окольничій Хитрово ударилъ палкою по головѣ. Патріархъ пожаловался царю. Тотъ обѣщалъ разслѣдовать дѣло, но ничего не дѣлалъ. 8 іюля, въ праздникъ Казанской иконы Божіей Матери, онъ не пришелъ къ богослуженію, въ церковь, гдѣ служилъ патріархъ, хотя прежде бывалъ. Тоже повторилось и 10 іюля, въ день положенія Ризы Господней. Мало того, въ отвѣтъ на обычное приглашеніе патріарха къ богослуженію, царь послалъ князя Юрія Ромодановскаго сказать, что царское величество на него гнѣвенъ за то, что онъ «пишется великимъ государемъ», и отъ того ни къ заутрени, ни къ литургіи не будетъ. Тогда Никонъ рѣшился оставить Москву и черезъ три дня удалился въ Воскресенскій монастырь, прекративъ занятія патріаршими дѣлами.

Послѣ удаленія Никона изъ Москвы, управленіе патріаршими дѣлами было поручено крутицкому митрополиту Питириму (1655—1664 г.). Онъ былъ личнымъ врагомъ Никона и самъ придерживался «обычая отцы преданнаго». Другіе архіереи мало сочувствовали грекофильскимъ увлеченіямъ Никона. Царь совсѣмъ охладѣлъ къ своему «собинному» другу, а бояре и раньше не терпѣли послѣдняго. Так. обр. для противниковъ исправленій наступило, повидимому, самое благопріятное время, чтобы уничтожить не только самого Никона, но и его дѣло, и они рѣшили воспользоваться этимъ.

Въ 1659 г. Нероновъ подаетъ царю челобитную, чтобы Никонъ, какъ можно скорѣе, былъ низложенъ и на его мѣсто назначенъ другой, а въ слѣдующемъ году бьетъ ему челомъ, чтобы быть собору «объ исправленіи церковномъ», при чемъ настаиваетъ, чтобы не обращаться за совѣтомъ къ восточнымъ патріархамъ, по совѣтамъ и указаніямъ которыхъ Никонъ взялся за свое дѣло. Другіе противники исправленій стараются доказать, что произведенная Никономъ реформа незаконна, несправедлива и гибельна для церкви и государства, а потому ее нужно немедленно уничтожить и возвратиться къ прежнимъ порядкамъ. По ихъ мнѣнію, русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее во всемъ мірѣ и «нѣсть подъ солнцемъ такого благочестія и вѣры правыя, яко въ московскомъ государствѣ». «Ветхій Римъ палъ аполлинаріевою ересью», во второмъ Римѣ-Константинополѣ, «обладаемомъ отъ безбожныхъ турокъ», благочестіе стало «пестро» и осталась одна Москва, третій Римъ, куда собралось все христіанское благочестіе, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія о бѣломъ клобукѣ, икона Божіей Матери, чудесно перешедшая изъ Византіи на Русь, и мощи св. угодниковъ Божіихъ. Поэтому «не пошто намъ искать» гдѣ-либо благочестіе,— только заблудишься. Равнымъ образомъ и русскія «старыя» богослужебныя книги и обряды церковные вполнѣ правы, чужды какой бы то ни было порчи, а тѣмъ болѣе ереси, святы и непререкаемы; тогда

какъ греческія книги испорчены латинянами, которые ихъ печатаютъ «въ Римѣ, Парижѣ и Венеціи». Если же такъ, то Никонъ, исправлявшій наши книги и обряды по современнымъ греческимъ, очевидно, дѣйствовалъ неправильно, не исправлялъ, а портилъ ихъ и раззорялъ чистое русское православіе. Съ паденіемъ же православія на Руси, оно должно погибнуть и во всемъ мірѣ, такъ какъ четвертому Риму не быть. Поэтому каждому благочестивому русскому, а тѣмъ болѣе пастырямъ, слѣдуетъ не только твердо хранить свое древнее благочестіе, но и упорно бороться противъ всѣхъ нововведеній Никона и его послѣдователей, заботиться о возстановленіи якобы попраннаго благочестія.

Отъ этихъ общихъ соображеній противники церковныхъ исправленій п. Никона переходили къ частностямъ и опять приходили къ тому же заключенію. На вопросъ: чѣмъ руководился Никонъ при исправленіи книгъ? они отвѣчали, что полнымъ пренебреженіемъ къ родной святой старинѣ и личнымъ произволомъ, внушаемымъ ему его высокоумiемъ, и самомнѣніемъ. «Какъ говорилъ Никонъ, такъ и сдѣлалъ, замѣчаетъ Аввакумъ: печатай, Арсенъ, книги какъ-нибудь, лишь бы не по старому!». А что это дѣйствительно такъ и было, видно изъ взаимныхъ разногласій новоисправленныхъ книгъ. «Шесть выходовъ служебниковъ новыхъ, говоритъ дьяконъ Ѳедоръ, а межъ собою несогласны. Такоже и прочія книги новыя». «А буде бы онъ, Никонъ, истину снискалъ, и тобъ во всѣхъ своихъ служебникахъ единочинно и постоянно велѣлъ печатать». Въ погонѣ за новизной въ новопечатныхъ книгахъ не оставлено «ни единаго псалма, ни молитвы, ни тропаря, ни кондака, ни сѣдална, ни свѣтилна, ни богородична, ниже въ канонахъ всякаго стиха, чтобы въ нихъ нарѣчіе не измѣнено было, но всячески хитрословлено и искажено и перемѣшано», такъ что не осталось ни одного слова не измѣненнаго. «Гдѣ церковь была, тутъ храмъ, а гдѣ храмъ, тутъ церковь; гдѣ отроцы тутъ дѣти, а гдѣ дѣти, тутъ отроцы; гдѣ первороженна изъ матери, тутъ первородящася матерію; и гдѣ было отъ него же всякъ животъ вдыхается, якоже о Отцѣ, купно же и о Словѣ, вмѣсто того: отъ него же всяко животно одушевляется. якоже во Отцѣ, купно же и Словѣ. И чѣмъ сіе онаго лучше»? Мало того, перемѣнили даже буквы и ударенія, напр., вмѣсто: «зъ душею», «зъ дѣвою» напечатали: «съ душею», «съ дѣвою». вмѣсто «Давыдъ»—«Давидъ», вмѣсто «Павла»—«Паула», вм. «по́чину»—«по чи́ну». во́ дни»—во дни́ и т. д. Но всѣ эти измѣненія и передѣлки отнюдь не улучшили книгъ, а даже ухудшили, и сдѣланы лишь для того, чтобы вмѣсто «стараго добраго» посѣять «еретическую новизну»; поэтому, нѣтъ такой ереси, которой бы не оказалось въ новоисправленныхъ книгахъ.

Конечно, при недостаточномъ знаніи нѣкоторыми справщиками, напр.. Арсеніемъ Грекомъ, славяно-русскаго языка и стремленіи держаться ближе къ буквѣ греческаго текста, въ новоисправленныхъ книгахъ вполнѣ возможны были неясности и неточности въ выраженіяхъ, а нѣкоторыя новыя слова, хотя и литературныя, а тѣмъ болѣе вновь придуманныя, искусственныя (что особенно замѣчается въ переводахъ Епифанія Славинецкаго) могли быть мало понятны и маловразумительны для читателей, но отсюда до еретичества еще слишкомъ далеко. Поэтому, не смотря на всѣ усилія противниковъ п. Никона, исправленіе богослужебныхъ книгъ продолжалось и послѣ его удаленія съ патріаршества. Печатный дворъ все время работалъ въ прежнемъ направленіи. Съ соборнаго опредѣленія, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, было напечатано не мало богослужебныхъ книгъ [1]), вѣкоторыхъ большею частью повторены никоновскія исправленныя изданія, иногда, впрочемъ, съ незначительными измѣненіями, то въ содержаніи, то въ текстѣ. Что касается обрядовыхъ исправленій, то хотя противники Никона указывали на полное отсутствіе «свидѣтельствъ» въ пользу новыхъ обрядовъ, при чемъ, говоря, главнымъ образомъ, о перстосложеніи, старались доказать, что единственно правильный и православный обычай сложенія перстовъ есть двуперстіе, а троеперстіе заключаетъ въ себѣ разныя еретическія мысли и составляетъ даже печать антихриста, однако и эти исправленія находили себѣ защиту въ лицѣ свѣтской и духовной власти. Такимъ образомъ противники церковныхъ исправленій не достигли осуществленія своихъ завѣтныхъ желаній, но за то главные изъ нихъ, бывшіе въ ссылкѣ, были возвращены теперь въ Москву и получили полную свободу для своей дѣятельности. Такъ, въ 1664 г. прибылъ сюда изъ Сибири протопопъ *Аввакумъ* и былъ принятъ очень ласково. «Яко ангела Божія пріяша мене государь и бояра,—говоритъ онъ о себѣ,—всѣ мене рады». Царь велѣлъ представить его себѣ лично и помѣстить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ; при встрѣчахъ съ нимъ не только любезно здоровался, но просилъ его благословенія и молитвъ. По примѣру царя дѣйствовали и бояре; Аввакуму предлагали любое мѣсто въ Москвѣ, и была рѣчь о томъ, чтобы сдѣлать его царскимъ духовникомъ; пообѣщали даже посадить его на печатномъ дворѣ книги править. Видя къ себѣ такое вниманіе царя и бояръ, онъ сначала молчалъ, и раза два былъ даже въ церкви; но вскорѣ потомъ началась его рѣзкая, бранчивая проповѣдь, что Никонъ не исповѣдуетъ Іисуса Христа въ плоть пришедша, не вѣруетъ Его воскресенію, называетъ Духа

[1]) Напечатаны были слѣд. книги: Прологъ, Цвѣтная Тріодь, Аѳологіонъ, Минея общая съ праздничною и мѣсячная, сокращенный Требникъ, Канонникъ, Служебникъ, Шестодневъ и Библія (по острожскому изданію).

Святаго неистиннымъ, книги наполнилъ разными ересями и все перемѣнилъ въ нихъ, въ крещеніи повелѣваетъ молиться духу лукавому и т. п. Мысли эти онъ высказывалъ не только устно, но и письменно—въ челобитныхъ царю. Нерѣдко ходилъ онъ въ домъ боярина Ртищева «браниться съ отступниками», т. е. защитниками книжнаго исправленія, и «много шумѣлъ тамъ о вѣрѣ и о законѣ». Заходилъ Аввакумъ и въ другіе боярскіе дома, неустанно проповѣдывалъ свое лжеученіе и пріобрѣлъ тамъ ревностныхъ послѣдователей, готовыхъ на всякія жертвы. Въ числѣ этихъ лицъ первое мѣсто по своему знатному происхожденію, богатству и ревности по расколу, занимаетъ боярыня *Ѳеодосія Морозова:* она была душою Аввакумовскаго общества. Благодаря знатному происхожденію и большимъ связямъ, она могла поддерживать расколъ въ высшемъ обществѣ и находила сочувствіе въ лицахъ царской фамиліи. Въ ея домѣ находили пріютъ нищіе и убогіе, монахини и юродивые, а протопопъ Аввакумъ «не выходя» жилъ у нея. Нерѣдко, одѣвшись въ рубище, ходила она по улицамъ города, заходила въ богадѣльни и темницы и всѣхъ нуждающихся одѣляла милостыней. Понятно, всѣ облагодѣтельствованные ею являлись самыми ревностными распространителями ея мыслей и убѣжденій. На ряду съ Морозовой слѣдуетъ поставить инокиню *Меланію,* которая стояла во главѣ ученицъ Аввакума и пользовалась большимъ уваженіемъ его. Онъ иначе не называлъ ея какъ «матеріею», «великой», «начальницею» и требовалъ, чтобы всѣ его послѣдовательницы находились подъ ея руководствомъ. Кромѣ нихъ послѣдователями Аввакума въ высшемъ сословіи были слѣдующія лица: *Ироніонъ Стрешневъ, Иванъ Воротынскій,* княгиня *Евдокія Урусова,* сестра Морозовой, ею и совращенная въ расколъ, княгиня *Анна Милославская,* оказывавшая свое покровительство Аввакуму, Ѳеоктисту и Александру, еп. вятскому, жена стрѣлецкаго полковника *Марья Данилова* и др. Немало было послѣдователей у Аввакума и въ простомъ народѣ. Вездѣ, гдѣ только онъ побывалъ, оставилъ послѣ себя дѣтей духовныхъ, а въ Москвѣ «церкви запустошилъ», такъ что признано было необходимымъ снова выслать его отсюда. Дѣйствительно, въ 1664 г. онъ и былъ сосланъ въ г. Мезень (Арханг. г.).

Кромѣ Аввакума были возвращены изъ Сибири романо-борисоглѣбскій попъ *Лазарь,* извѣстный своей челобитной противъ новоисправленныхъ книгъ, и его «способникъ», патріаршій подьякъ *Ѳедоръ Трофимовъ;* но за неистовое прекословіе вскорѣ были сосланы въ Пустозерскъ. Въ то же время пришли въ Москву и другіе ревнители старины: нижегородскій старецъ *Авраамій,* иноки *Корнилій* и *Трифиліи* и юродивые: *Ѳеодоръ, Кипріанъ, Аѳанасій.* Послѣдніе трое очень много способствовали распространенію раскола, потому

что юродство считалось въ то время высокимъ подвигомъ; на юродивыхъ смотрѣли съ благоговѣніемъ: самъ царь выслушивалъ ихъ; слова ихъ имѣли неоспоримый авторитетъ. Ѳеодоръ, принявшій на себя юродство по обѣщанію, былъ обращенъ въ расколъ Аввакумомъ на пути изъ Сибири въ Москву и до самой смерти ратовалъ за «старину». Онъ имѣлъ «крѣпокъ подвигъ» и на все былъ способенъ, такъ что самъ Аввакумъ удивлялся ему и при случаѣ пользовался имъ. Юродивый Кипріанъ часто бѣгалъ за царской колесницей и просилъ Алексѣя Михайловича возстановить древнее благочестіе. На улицахъ, рынкахъ, мѣстахъ заключенія онъ «свободно укорялъ новопреданные догматы», пока не былъ казненъ. «Ревнивъ былъ и Аѳонасьюшко юродивый, ученикъ Аввакума, хотя Ѳеодора смирнѣе и въ подвигѣ маленько покороче» (Матер. т. V, 76—77).

Были въ Москвѣ и свои видные ревнители старины, отчасти изъ бѣлаго духовенства, а больше—изъ чернаго. Таковы: діаконъ Благовѣщенскаго собора *Ѳеодоръ*, слывшій въ своемъ обществѣ за человѣка многосвѣдущаго, игуменъ московскаго Златоустовскаго монастыря *Ѳеоктистъ*, архимандритъ Покровскаго, что за Яузой, монастыря *Спиридонъ Потемкинъ* и нѣкоторые другіе. Діаконъ Ѳеодоръ сначала служилъ по новымъ Служебникамъ, но потомъ, когда познакомился съ учениками Аввакума, то и самъ убѣдился и другимъ сталъ внушать, что «новопечатныя книги не правы». Игуменъ *Ѳеоктистъ* дѣйствовалъ въ пользу раскола чрезъ писанія. Проживая у старца Неронова въ пустыни, онъ собралъ изъ разныхъ книгъ, въ защиту раскола, какое-то «моленіе» или челобитную и чрезъ Неронова передалъ ее государю. Кромѣ того, списывалъ разныя сочиненія, направленныя противъ Никона и новоисправленныхъ книгъ, и составилъ сочиненіе «объ антихристѣ», въ которомъ старался представить антихриста существомъ духовнымъ. Архимандритъ *Спиридонъ Потемкинъ*, хотя слылъ за «мужа мудра» и зналъ языки: греческій, латинскій и польскій, но былъ великій поборникъ по старомъ благочестіи. Онъ написалъ противъ православной церкви 10 словъ, которыя составили цѣлую книгу. Здѣсь онъ говорилъ о крестномъ знаменіи, о символѣ вѣры, о пришествіи антихриста, о томъ, будто ереси въ новопечатныя книги заимствованы отъ латинянъ, и пр.

Кромѣ Москвы было немало ревнителей старины и въ другихъ мѣстахъ. Воодушевленные примѣромъ своихъ столичныхъ единомышленниковъ, они тоже горячо возстали противъ новоисправленныхъ книгъ и кто письменно, кто устно, служили общему дѣлу. Такъ, *Александръ*, еп. вятскій (1655—1657 г. коломенскій, а съ 1657 по 1674 г.—вятскій), личный врагъ п. Никона за перемѣщеніе съ коломенской каѳедры на бѣдную вятскую, въ 1663 г.

прислалъ жалобное писаніе, въ которомъ «обхуждалъ» исправленіе символа вѣры, новопечатныхъ книгъ и благоустроеніе нѣкоторыхъ церковныхъ чиновъ. *Никита*, попъ суздальскій, написалъ обширную челобитную [1]), въ которой разбиралъ новопереведенную книгу «Скрижаль» и другія новопечатныя книги, отыскивая въ нихъ разныя ереси и новшества. Старецъ *Ефремъ Потемкинъ* проповѣдывалъ въ нижегородскихъ предѣлахъ, что антихристъ уже народился, что настало послѣднее время и всякъ долженъ беречь свою старую вѣру; что новопечатныя книги испорчены и церковь увлеклась въ ереси; возставалъ противъ исправленнаго символа вѣры, четвероконечнаго креста и молитвы Іисусовой. О тѣхъ же самыхъ предметахъ онъ и писалъ, но писанія его не дошли до насъ. Эти же предметы порицалъ архим. Спасскаго монастыря въ Муромѣ *Антоній*, инокъ *Авраамій*, іеромонахъ *Сергій* и др.

Кромѣ этихъ лицъ, распространявшихъ расколъ и устно, и письменно, было немало такихъ, которыя распространяли расколъ только устною проповѣдью и своимъ примѣромъ. Таковы: чернецъ *Капитонъ*, старецъ *Сергій Салтыковъ*, постриженникъ Бизюкова монастыря (Смолен. г.), настолько славившійся между своими единомышленниками, что Аввакумъ совѣтовалъ царю поставить его въ архіереи; черный попъ *Авраамій* строитель Лысковскаго Богородицкаго монастыря (Нижегородской губ.), старецъ Кожеезерскаго монастыря *Гоголь* *Львовъ* и чернецъ *Іосифъ Истоминъ*. Первый изъ нихъ много содѣйствовалъ распространенію раскола и пользовался большимъ уваженіемъ народа за свое постничество [2]). Онъ заповѣдывалъ своимъ послѣдователямъ строгій постъ, не разрѣшалъ вкушать рыбы, сыра и масла даже въ праздники Рождества Христова и Пасхи и настойчиво требовалъ употребленія двуперстія въ крестномъ знаменіи, а троеперстія избѣгать, какъ страшной ереси. Дерзость расколоучителей дошла до того, что они составили нѣчто въ родѣ собора, на которомъ постановили: «никоніанское крещеніе не вмѣнять за истинное, такъ какъ церкви осквернены мерзостію антихристовою».

Послѣдствія такой *дѣятельности расколоучителей* были крайне вредны для церкви. Расколъ распространялся всюду. Въ духовенствѣ и народѣ начались смуты. По свидѣтельству отцовъ собора 1666 г., многіе изъ тогдашнихъ священниковъ «вознерадѣша о всякомъ церковномъ благочиніи и попеченіи..., книгами новопреведенными и новоисправленными начаша гнушатися и по нихъ

---

[1]) Эта челобитная напечатана въ IV т. Мат. для ист. раск., изд. Брат. св. Петра митр.

[2]) По имени этого Капитона, раскольники на первыхъ порахъ назывались *капитонами*.

божественнаго славословія не исполняху». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опять стали служить по старымъ книгамъ, даже въ Успенскомъ соборѣ бывали споры о томъ, какъ пѣть: по старому или по новому. Въ 1665 г. царь Алексѣй Михайловичъ писалъ іерусалимскому патр. Нектарію: «у насъ весь церковный чинъ въ несогласіи: въ церквахъ служитъ всякъ по своему». Смятеніе между духовенствомъ породило волненія и въ народѣ. Церкви оставались пусты. «Мнози христіане отлучишася церковнаго входа и молитвы и о грѣсѣхъ своихъ покаянія и исповѣданія и пріятія пречистаго тѣла и крови Христовы лишишася». Люди состоятельные для совершенія богослуженія начали держать у себя на дому вдовыхъ священниковъ, нерѣдко запрещенныхъ и изверженныхъ изъ сана, чтобы только нейти въ церкви, гдѣ службы совершаются по новопечатнымъ книгамъ». Между многими въ народѣ распространилось мнѣніе, будто «церкви, и чины, и таинства, и послѣдованіе церковное осквернены многими ересями и антихристовою скверною; многіе соблазнялись относительно исправленія св. символа, трегубой аллилуіи, знаменія честнаго и животворящаго креста, сложенія трехъ первыхъ перстовъ, Іисусовой молитвы и проч.».

5) Церковный судъ надъ приверженцами раскола.

а) Соборъ 1666 года. Для прекращенія церковныхъ безпорядковъ, вызванныхъ расколоучителями, царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился созвать соборъ. Въ декабрѣ 1662 г. онъ далъ указъ—быть собору въ маѣ или іюнѣ слѣдующаго года. Но соборъ въ это время не состоялся, потому что вниманіе всѣхъ было отвлечено дѣломъ патр. Никона; созванъ онъ былъ уже въ 1666 г. Первое засѣданіе было въ февралѣ. На немъ, подъ предсѣдательствомъ Питирима, митрополита новгородскаго (1664—1672 г.), присутствовали 4 митрополита и пять архіепископовъ (всѣ русскіе). При открытіи засѣданія, они условились между собою не прежде начать сужденія о расколѣ, какъ испытавши взаимно свои собственныя убѣжденія объ этомъ предметѣ. И потому, прежде всего, каждый изъ архіереевъ прочелъ во всеуслышаніе символъ вѣры; когда оказалось, что всѣ они въ исповѣданіи вѣры согласны, то предложили другъ другу дать отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) православны ли восточные патріархи, живущіе подъ властью великаго гонителя имени христіанскаго; 2) правильны ли и достовѣрны ли печатныя и рукописныя греческія книги, употребляемыя греческими патріархами и священниками при богослуженіи и 3) правиленъ ли московскій соборъ 1654 года? На всѣ эти вопросы они дали положительные отвѣты и собственноручно подписали ихъ. Послѣ пер-

ваго засѣданія почти два мѣсяца не было засѣданій. Въ это время отцы собора занимались предварительными допросами и увѣщаніями лицъ, которыя должны были подвергнуться суду на соборѣ. На второмъ засѣданіи (29 апрѣля) присутствовалъ самъ царь со своимъ синклитомъ. Сначала онъ обратился къ присутствующему духовенству съ рѣчью, въ которой яркими красками обрисовалъ современное положеніе раскола и его успѣхи и просилъ отцовъ собора обратить на это дѣло все свое вниманіе; прочиталъ затѣмъ книгу Хризовулъ и начертанный въ ней символъ вѣры и спросилъ у присутствующихъ: такъ ли они содержатъ символъ и прочіе догматы, какъ написано въ Хризовулѣ? На рѣчь царя отъ лица собора отвѣчалъ митрополитъ Питиримъ. Въ своей отвѣтной рѣчи онъ благодарилъ царя за его заботы о православной вѣрѣ и Церкви и свидѣтельствовалъ, что всѣ собравшіеся архіереи содержатъ символъ и всѣ догматы вѣры такъ, какъ написано въ прочитанной книгѣ. Въ послѣдующія засѣданія, происходившія въ крестовой патріаршей палатѣ, безъ участія царя, соборъ занимался исключительно расколомъ и расколоучителями. Въ каждое засѣданіе призывалось по одному или нѣсколько расколоучителей. Всѣхъ ихъ отцы собора спрашивали, какъ они смотрятъ на новоисправленныя книги и обряды, нерѣдко выслушивали и обсуждали самыя ихъ сочиненія, обличали неправыя ихъ мудрованія, подкрѣпляя свои слова «крѣпкими доказательствами» изъ древнихъ рукописныхъ книгъ, которыя тутъ же показывали, и «съ любовію увѣщевали» обратиться къ православной Церкви. Первымъ былъ призванъ на соборъ Александръ, епископъ вятскій, затѣмъ протопопъ Аввакумъ, попъ Никита, діаконъ Ѳеодоръ, старецъ Ефремъ Потемкинъ, іеромонахъ Сергій, старецъ Серапіонъ, попъ Лазарь, іеромонахъ Григорій Нероновъ, игуменъ Ѳеоктистъ и др. Большинство изъ нихъ искренно раскаялись въ своихъ заблужденіяхъ (епископъ вятскій Александръ, Ефремъ Потемкинъ, іеромонахъ Сергій, игуменъ Ѳеоктистъ и нѣкоторые др.) и соборъ простилъ ихъ—однихъ совершенно (епископа Александра, Григорія Неронова), а другихъ послалъ въ монастырь на испытаніе. Аввакумъ же, призванный на соборъ, вступилъ въ состязаніе съ отцами, и не только упорно отстаивалъ свои убѣжденія, но и «укори въ лице весь соборъ, вся неправославными нарицая». Подобнымъ же образомъ вели себя діаконъ Ѳеодоръ и попы Никита и Лазарь. Первый подалъ собору особое «письмо», въ которомъ осуждалъ исправленіе Символа Вѣры. Напрасно отцы собора увѣщевали ихъ,—ничто не дѣйствовало. Тогда рѣшено было, оставивъ судъ надъ Лазаремъ, Аввакума, Ѳеодора и Никиту лишить сана и отлучить отъ церкви, что и было исполнено въ Успенскомъ соборѣ надъ Никитою 10 мая, а надъ Аввакумомъ и Ѳеодоромъ

13-го. Послѣдніе двое даже и во время исполненія приговора вели себя буйно: когда на нихъ изрекали анаѳему, они сами проклинали властей. «Зѣло мятежно въ обѣдню ту было», замѣчаетъ Аввакумъ, а Ѳеодоръ добавляетъ, что когда онъ былъ выведенъ изъ церкви, то кричалъ собравшемуся народу, показывая двуперстіе: «братія, за сію истину стражду и умираю». Всѣ разстриженные посланы были въ Угрѣшскій монастырь въ заключеніе. Спустя нѣсколько времени Никита и Ѳеодоръ раскаялись, но—притворно.

Послѣ суда надъ расколоучителями, соборъ въ руководство духовенству и мірянамъ составилъ «*Наставленіе* благочинія церковнаго». Въ этомъ «Наставленіи» отцы собора выразили свое общее опредѣленіе относительно раскола. Указавъ предварительно причину созванія собора 1666 года (смуты въ духовенствѣ и народѣ), они заповѣдали всему духовенству учить своихъ дѣтей покоряться святой восточной Церкви во всемъ и совершать службу по новоисправленнымъ книгамъ, потому что эти книги не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ и исправлялись п. Никономъ не самовольно, а по совѣту греческихъ патріарховъ и съ согласія собора русскихъ архіереевъ, по греческимъ и славянскимъ книгамъ. Затѣмъ отцы собора коснулись тѣхъ обрядовъ, которые наиболѣе подвергались порицаніямъ со стороны расколоучителей, именно: печати на просфорахъ, троеперстія, молитвы Іисусовой, аллилуіи и именословнаго перстосложенія; но говорили о нихъ безъ преще-ній, наравнѣ съ другими предметами. Такъ, они заповѣдали печатать просфоры 4-конечнымъ крестомъ, крестное знаменіе совершать тремя первыми перстами, молитву Іисусову произносить со словами: «Боже нашъ», аллилуію говорить трижды, а не дважды, съ возглашеніемъ: «слава Тебѣ, Боже», при благословеніи священникамъ употреблять именословное перстосложеніе, и тутъ же дали нѣсколько правилъ относительно благоповеденія духовенства и церковнаго благочинія, напр., какъ хранить муро, употреблять и хранить запасные Дары и т. п. Этимъ соборъ давалъ ясно понять, что обряды, какъ «старые», такъ и исправленные—не догматы вѣры, а только предметы церковнаго благочинія. Поэтому онъ не изрекъ въ своемъ общемъ опредѣленіи никакого проклятія и осужденія ни на старопечатныя книги, ни на двуперстіе, ни на сугубую аллилуію, ни на другіе, излюбленные старообрядцами, обряды: объ этихъ предметахъ въ «Наставленіи» даже не упоминается. Не положилъ соборъ проклятія и на тѣхъ лицъ, которыя не будутъ исполнять предписаннаго въ «Наставленіи». «Если кто не послушаетъ насъ, говорятъ отцы собора, хотя въ одномъ чемъ, повелѣваемомъ теперь, или начнетъ прекословить, мы такихъ накажемъ

духовно, а если духовное наше наказаніе начнутъ презирать, мы къ такимъ приложимъ и тѣлесное озлобленіе».

Не довольствуясь сдѣланнымъ, отцы собора признали необходимымъ составить для вѣрующихъ особую книгу, гдѣ бы опровергались всѣ основныя положенія раскола, какъ они изложены въ челобитныхъ Никиты и Лазаря, и поручили это дѣло іеромонаху *Симеону Полоцкому*.

б) Большой Московскій соборъ 1667 года. Большой Московскій соборъ 1667 года представляетъ собою выдающееся явленіе въ исторіи русской церкви. Созванный повелѣніемъ царя Алексѣя Михайловича, онъ имѣлъ въ числѣ своихъ членовъ 29 святителей (17 русскихъ и 12 восточныхъ) и множество архимандритовъ, игуменовъ и другихъ духовныхъ лицъ, русскихъ и иноземныхъ, во главѣ съ тремя патріархами: русскимъ Іоасафомъ, антіохійскимъ Макаріемъ и александрійскимъ Паисіемъ, потому вполнѣ справедливо и называется *Большимъ* Московскимъ соборомъ. Соборныя засѣданія начались въ декабрѣ 1666 года, по прибытіи въ Москву (2 ноября) восточныхъ патріарховъ. Отцы собора сначала занялись разсмотрѣніемъ дѣла патріарха Никона, который былъ осужденъ, лишенъ сана и сосланъ въ Ѳерапонтовъ монастырь (Новгородской губерніи). Въ январѣ слѣдующаго года избранъ новый патріархъ Іоасафъ II (1667—1672). Вскорѣ послѣ его поставленія соборныя засѣданія возобновились. Отцы собора обратили вниманіе, главнымъ образомъ, на явившійся въ нашей церкви расколъ: прежде всего утвердили то, что было постановлено на соборѣ 1666 года, подъ предсѣдательствомъ митрополита Питирима, и затѣмъ издали нѣсколько новыхъ постановленій. Такимъ образомъ, постановленія того и другого собора находятся въ *тѣснѣйшей связи* и составляютъ какъ бы одинъ актъ.

Свое сужденіе о расколѣ отцы собора 1667 года высказали въ «*Изрѣченіи*» [1]). Здѣсь они сначала дословно повторяютъ то, что сказано въ «Наставленіи» собора 1666 года относительно новоисправленныхъ книгъ и обрядовъ, а затѣмъ дѣлаютъ слѣдующее опредѣленіе: «Если кто не послушаетъ нашего повелѣнія и не покорится святой восточной Церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословить и противиться намъ, мы такого противника, данною намъ властію, если будетъ священнаго чина, извергаемъ и предаемъ проклятію, а если будетъ отъ мірскаго чина, предаемъ проклятію и анаѳемѣ, какъ еретика и непокорника и отъ церкви Божіей отсѣкаемъ, дондеже уразумится и возвратится въ правду

[1]) «Изрѣченіе»—вторая часть общаго постановленія Большого Московскаго собора, изложеннаго въ 1 главѣ книги соборныхъ дѣяній подъ заглавіемъ: «Предѣлъ освященнаго собора».

покаяніемъ». Очевидно, Большой Московскій соборъ положилъ анаѳему только на людей, которые не покорялись святой Церкви и сопротивлялись ей, отказываясь принять новоисправленныя книги и обряды, какъ бы еретическіе; книгъ же, напечатанныхъ при первыхъ пяти патріархахъ и ранѣе, не осудилъ, неправославными ихъ не призналъ, а слѣдовательно, не призналъ неправославными и изложенныхъ въ нихъ чиновъ и обрядовъ. Наконецъ, и самихъ противниковъ Церкви онъ отлучилъ отъ Церкви до тѣхъ поръ, пока не вразумятся и не обратятся въ правду покаяніемъ [1]). Такое опредѣленіе собора о расколѣ имѣло и имѣетъ большое значеніе. Имъ окончательно осуждены противники книжнаго исправленія и отсѣчены отъ Церкви высшею церковною властію.

Не ограничиваясь этимъ общимъ опредѣленіемъ о расколѣ, соборъ 1667 года издалъ о немъ еще нѣсколько *частныйшихъ опредѣленій*. Такъ, онъ разрушилъ клятву Стоглаваго собора на крестящихся троеперстно и трегубящихъ аллилуію, житіе преподобнаго Евфросина призналъ составленнымъ отъ соннаго мечтанія, слово Ѳеодоритово о перстосложеніи, сказаніе о Мелетіи и слово Максима Грека о томъ же предметѣ призналъ не принадлежащими этимъ св. отцамъ. Кромѣ того, отцы собора заповѣдали совершать крестные ходы противъ солнца, а не по-солонь, одобрили исправленный при патр. Никонѣ Служебникъ и книгу Скрижаль, тщательно разсмотрѣли составленную Симеономъ Полоцкимъ, по порученію собора 1666 г., книгу, которая и была напечатана отъ имени собора 1667 г. подъ заглавіемъ «Жезлъ правленія», и утвердили своимъ авторитетомъ грамоту патріарха Паисія. Наконецъ, относительно раскольниковъ отцы собора заявили, что ихъ должно наказывать не только церковнымъ наказаніемъ, но и градскимъ, т. е. по гражданскимъ законамъ. Сообразно съ этимъ и было поступлено съ Никитой суздальскимъ и Лазаремъ: первый, какъ раскаявшійся, былъ принятъ въ общеніе съ церковію, а второй, оставшійся упорнымъ въ своихъ заблужденіяхъ, преданъ анаѳемѣ, лишенъ языка и сосланъ въ Пустозерскій острогъ.

Опредѣленія Большого Московскаго собора имѣютъ весьма *важное значеніе* для раскола. Они легли въ основу дальнѣйшихъ отношеній къ раскольникамъ какъ церковной, такъ и гражданской власти; они же опредѣлили внутренній строй и порядокъ жизни раскольниковъ. Съ этого времени раскольники, формально отлученные отъ православной Церкви, составляютъ уже особое, крайне враждебное ей, религіозное общество и живутъ совершенно отдѣльною, самостоятельною жизнію. Съ этого же времени начинается и *исторія раскола*.

[1]) Подробн. объ этомъ см. въ наш. Руков. по облич. р. раск., изд. 7, стр. 205–212.

ГЛАВА II.

Расколъ старообрядчества въ первое время своего существованія до конца XVII вѣка.

1. Взглядъ раскольниковъ-старообрядцевъ на переживаемое ими время.

Въ первое время существованія раскола большинство его послѣдователей думало, что церковныя исправленія—единоличное дѣло патр. Никона, который обманомъ склонилъ на свою сторону царя и властей, а потому слѣдуетъ лишь раскрыть обманъ и царь со властями станутъ на ихъ сторону, новизны прекратятся и будутъ возстановлены старые церковные порядки. Отсюда въ сочиненіяхъ Аввакума нерѣдко можно встрѣтить мысль, что нужно ждать «поправленія о Христѣ Іусѣ». «Я надѣюсь, говорилъ онъ, что Господь «прекратитъ дни сіи»; Онъ ждетъ лишь «обращенія» заблуждшихъ; поэтому нужно молиться—иначе не пособить—чтобы Господь «привлекъ» ихъ къ истинѣ, особенно же царя. Діаконъ Ѳеодоръ, разсказывая о двухъ своихъ видѣніяхъ, служившихъ отвѣтомъ на его моленіе: «будетъ ли конецъ никоніанской прелести»? хотя оставляетъ вопросъ открытымъ, но, очевидно, едва ли хотѣлъ дать отвѣтъ отрицательный. Подобныя надежды не чужды были также Лазарю и Авраамію. Первому казалось даже, что начало уже положено: Никонъ «изриновенъ»,—остается лишь «слѣды» его «загладить». 15 лѣтъ такими надеждами жили послѣдователи раскола въ первое время его существованія. Однако надежды не исполнялись: исправленіе богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ продолжалось и послѣ паденія патр. Никона; противники церковныхъ исправленій были подвергнуты осужденію на соборѣ, состоявшемъ изъ восточныхъ и русскихъ святителей, а упорные расколоучители—Аввакумъ, Ѳеодоръ, Лазарь и Епифаній сосланы въ Пустозерскъ и заключены въ тюрьму. Сомнѣніе невольно западало въ душу.

Основываясь на эсхатологическихъ чаяніяхъ и принявъ во вниманіе, что замѣна «старыхъ» книгъ и обрядовъ новыми произошла въ восьмой тысячѣ или «восьмомъ вѣкѣ», когда по представленію

нашихъ предковъ, должна была послѣдовать кончина міра, многіе стали опасаться, какъ бы не случилось «присвоенія къ антихристу», потому что въ «послѣднее время», по Писанію, не «исправленіе вѣры» будетъ, а отступленіе отъ нея: возстанутъ лжеучители, чтобы уготовать путь противнику Христа. За разъясненіемъ обратились къ вождямъ раскола. Но и для тѣхъ вопросъ оказался затруднительнымъ и они рѣшили его неодинаково.

Такіе столпы раскола, какъ Аввакумъ и дьяконъ Ѳеодоръ, держались того мнѣнія, что кончина міра «близъ есть», но что антихристъ еще не приходилъ: началось то «послѣднее отступленіе», которое, по словамъ ап. Павла, имѣетъ быть предъ кончиною міра, «скоро» и антихристъ «будетъ», такъ какъ путь уже уготованъ ему; явится антихристъ въ видѣ опредѣленной личности изъ колѣна Данова и утвердитъ свое царство въ ветхомъ Іерусалимѣ, но когда будетъ его явленіе, съ точностію неизвѣстно [1]). Инокъ Авраамій, соглашаясь въ общемъ съ этимъ мнѣніемъ, утверждалъ, однако, что антихристъ явится не въ Іерусалимѣ, а въ Россіи и здѣсь утвердитъ свое царство; что по всѣмъ признакамъ онъ явится скоро и, можетъ быть, въ лицѣ Никона, который «зѣло подобится» ему, а въ 1691 г. должна послѣдовать и кончина міра [2]). Иные расколоучители утверждали, что царство антихриста уже настало, при чемъ одни говорили объ антрихристѣ чувственномъ и указывали то на патр. Никона, то на царя Алексѣя Михайловича, а другіе—объ антихристѣ духовномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они проповѣдывали, что благодать священства «испразднена» антихристомъ, что нѣтъ, слѣдовательно, и не можетъ болѣе быть приношенія безкровной жертвы, что не должно быть и браковъ. Напрасно Аввакумъ и діаконъ Ѳеодоръ доказывали всю нелѣпость этого ученія, говоря, что антихристъ устроитъ себѣ престолъ не въ Россіи, а въ Іерусалимѣ, что предъ пришествіемъ антихриста явятся обличители его Енохъ и Илія во плоти, что священство, причащеніе и бракъ пребудутъ до скончанія вѣка, значитъ, и во время антихриста,—ничто не помогало, «потому что разница была не велика—явился ли антихристъ или же только будетъ, къ тому же почти всѣ были согласны въ томъ, что кончина міра «близъ есть» [3]). Начались вычисленія года кончины; по этимъ вычисленіямъ онъ падалъ на 1691 г. Со страхомъ и трепетомъ ждали этого года раскольники. Когда же онъ насталъ и подошли тѣ дни и ночи, въ которые, по вычисленіямъ, должна была послѣдовать кончина міра,

---

[1]) Подроб. у Смирнова П. С. въ соч. «Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в.» СПБ. 1898 г., стр. 3—11.

[2]) Тамъ же, стр. 16—20.

[3]) Тамъ же, стр. 20—45.

то многіе изъ нихъ постились, молились, каялись другъ другу въ грѣхахъ, надѣвали чистыя рубахи и саваны, ложились въ приготовленные заранѣе гробы и, лежа въ нихъ, пѣли заунывнымъ напѣвомъ:

Древянъ гробъ сосновый
Ради меня строенъ.
Въ немъ буду лежати
Трубна гласа ждати
Ангелы вострубятъ,
Изъ гробовъ возбудятъ...

Но трубнаго гласа дождаться не могли и съ смущеніемъ вставали изъ гробовъ. Другіе, чтобы не покориться антихристу, стали за вѣру съ оружіемъ въ рукахъ.

«Стояніе за вѣру» въ Соловкахъ. Въ концѣ 1657 года въ Соловецкій монастырь было прислано 15 новоисправленныхъ Служебниковъ и 3 другихъ церковныхъ книги. Не сочувствуя предпринятому п. Никономъ исправленію книгъ и обрядовъ, архим. Илія скрылъ отъ братіи полученныя книги и продолжалъ служить по старому. Однако, чтобы не подвергнуться отвѣтственности за свое поведеніе, онъ созвалъ соборъ на 6-й недѣлѣ великаго поста (1658 г.). На соборѣ онъ принудилъ всѣхъ поповъ подписать приговоръ о несогласіи служить по новымъ Служебникамъ. На самомъ же дѣлѣ не всѣ были согласны съ этимъ приговоромъ. Три монастырскихъ священника (Виталій, Спиридонъ и Германъ) написали даже челобитную п. Никону на своего архимандрита, но челобитная ихъ осталась безъ послѣдствій, потому что не застала Никона въ Москвѣ: онъ былъ уже въ удаленіи отъ дѣлъ и жилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ. Съ наступленіемъ весны, въ Соловецкій монастырь начали пріѣзжать богомольцы. Многіе изъ нихъ стали зазирать, что въ Соловецкой обители все еще поютъ не на рѣчь и служатъ по прежнимъ Служебникамъ. Когда архимандритъ услышалъ объ этомъ, то созвалъ новый соборъ (8 іюня), на который пригласилъ и богомольцевъ. На этомъ соборѣ онъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой увѣщевалъ ихъ не отступать отъ прежнихъ порядковъ. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ приговоръ и тутъ же подписанъ всѣми грамотными изъ братіи. Не довольствуясь этимъ, архимандритъ Илья заказывалъ по всѣмъ монастырскимъ волостямъ и усольямъ, чтобы новыхъ Служебниковъ отнюдь не принимали и крестились бы по прежнему, двумя перстами, а кто крестился тремя перстами, тѣхъ проклиналъ. На сторонѣ его были келарь Сергѣй, Савватій Обрютинъ, старецъ Евстратій, Макарій Бѣшеный, Герасимъ Фирсовъ, Тихонъ Будильникъ и многіе другіе «веліе враги и хульники на чинъ святыя восточныя церкви». Герасимъ Фирсовъ написалъ даже тетрадки о двуперстномъ сложеніи, которыя ходили по рукамъ братіи и грамотныхъ людей. Благодаря этимъ обстоя-

тельствамъ расколъ значительно усилился какъ въ Соловецкомъ монастырѣ, такъ и его окрестностяхъ.

Въ 1659 году архимандритъ Илья умеръ, а на мѣсто его былъ избранъ управитель Соловецкаго подворья въ Вологдѣ Варѳоломей, человѣкъ нерѣшительный, но строгій. Въ 1660 и 1664 гг. Варѳоломей былъ въ Москвѣ на соборахъ по дѣлу п. Никона, но не получилъ никакого опредѣленнаго приказанія относительно введенія новоисправленныхъ книгъ; самъ же сочувствовалъ старинѣ и потому до 1666 г. продолжалъ отправлять богослуженіе по старымъ книгамъ. Въ 1665 г. онъ былъ потребованъ въ Москву на предполагавшійся соборъ 1666 г. Съ нимъ соловецкая братія отправила челобитную (первую) царю Алексѣю Михайловичу, въ которой просила его о неприкосновенности прежняго чина и устава. Варѳоломей не только не представилъ царю челобитной, но даже покаялся, что до сихъ поръ держался старины и не вводилъ въ употребленіе новоисправленныхъ книгъ. Узнавъ объ этомъ, соловецкіе монахи, во главѣ съ Герасимомъ Фирсовымъ и при участіи ссыльнаго князя Михаила Львова [1]), написали на него челобитную, въ которой обрисовывали его самыми мрачными красками и просили назначить вмѣсто него новаго настоятеля. Варѳоломей немедленно же написалъ оправданіе, представилъ Герасима Фирсова главнымъ заводчикомъ монастырскихъ смутъ и обвинилъ его съ товарищами въ разныхъ преступленіяхъ. Тотъ былъ вытребованъ въ Москву и тамъ принесъ раскаяніе. Но безпорядки въ монастырѣ продолжались. *Заправителями* ихъ были старцы: *Александръ Стукаловъ*, *Ефремъ Каргополецъ* и *Геннадій*, которые вошли въ сношенія съ опальными людьми, сосланными въ Соловецкій монастырь за разные проступки, стали чинить мятежи, подстрекали братію къ непослушанію соборнымъ старцамъ и помогали опальнымъ бѣжать изъ монастыря. Объ этихъ безпорядкахъ стало извѣстно въ Москвѣ и оттуда былъ посланъ въ Соловки архимандритъ Ярославскаго монастыря Сергій, которому велѣно было сообщить братіи соборное повелѣніе о принятіи новоисправленныхъ книгъ и произвести слѣдствіе по дѣлу Варѳоломея съ братіей. Въ Соловкахъ приняли Сергія очень непріязненно. Монахи не хотѣли съ нимъ ни видѣться, ни разговаривать иначе, какъ въ общемъ собраніи, не объявляя своихъ именъ; а мірскіе люди говорили: «годится-де ихъ побить каменьемъ, посланы-де они отъ антихриста прельщати насъ» (Матер. т. III, стр. 152). Поговоривъ съ братіею на соборѣ

[1]) Упоминаемаго здѣсь кн. Львова слѣдуетъ отличать отъ князя Алексѣя Мих. Львова, завѣдывавшаго печатнымъ дворомъ до 17 марта 1652 г. Послѣдній уволенъ отъ должности съ честію и никогда въ ссылкѣ не былъ. Христ. Ч. 1890 г. ч. I, стр. 121—2 и примѣч.

и недобившись ничего, Сергій послалъ въ Москву донесеніе о неуспѣхѣ дѣла, а самъ поспѣшилъ выбраться изъ монастыря. Послѣ его отъѣзда, соловецкіе иноки отправили къ царю три челобитныхъ. Въ первыхъ двухъ они просили его не принуждать ихъ къ принятію новоисправленныхъ книгъ, причемъ указывали (во второй челобитной) и причины, по которымъ не могутъ принять ни новыхъ книгъ, ни троеперстія и пр., а въ третьей—жаловались на дѣйствія архимандрита Сергія и опять просили смѣнить Варѳоломея, а на его мѣсто опредѣлить архимандрита Никанора—человѣка книжнаго и рѣшительнаго. Варѳоломей былъ смѣненъ, а на мѣсто его назначенъ строитель Московскаго подворья Іосифъ.

Въ августѣ 1667 года Варѳоломей и Іосифъ отправились въ Соловецкій монастырь, а съ ними и Никаноръ, бывшій въ то время въ Москвѣ и принесшій предъ соборомъ раскаяніе. Первый поѣхалъ для сдачи дѣлъ и имущества монастырскаго, а послѣдніе двое—къ мѣсту своего назначенія. Соловецкіе иноки Іосифа не приняли, а въ посланной по этому поводу челобитной царю прямо просили его не присылать новыхъ учителей, а лучше прислать на нихъ свой царскій мечъ. Никаноръ сталъ на сторону братіи и «со раскольники вчинися». 23 сентября изъ монастыря былъ посланъ къ царю старецъ Кириллъ Чаплинъ; отъ архимандрита Іосифа онъ повезъ отписку о томъ, какъ его приняли въ монастырѣ, а отъ братіи—новую челобитную (пятую) царю, самую обширную, составленную казначеемъ Геронтіемъ. Въ ней соловецкіе иноки указываютъ тѣ «новшества», которыя внесены въ новоисправленныя книги, пытаются доказать неправославіе греческой церкви и чистоту вѣры древней русской церкви и просятъ оставить ихъ при старыхъ порядкахъ. Получивъ отъ Кирилла Чаплина свѣдѣнія о происшедшемъ въ Соловецкомъ монастырѣ, царь и духовная власть рѣшились принять серьезныя мѣры противъ непокорныхъ монаховъ. Царь своимъ указомъ (отъ 27 декабря) повелѣлъ отобрать у нихъ богатыя береговыя вотчины въ казну и запретилъ подвозъ хлѣбныхъ запасовъ къ монастырю; а Московскій соборъ 1667 года, бывшій въ полномъ составѣ, предалъ соловецкихъ монаховъ анаѳемѣ. Но ни то, ни другое не подѣйствовало, и рѣшено было прибѣгнуть къ силѣ. Въ концѣ лѣта 1668 года былъ посланъ для осады монастыря отрядъ стрѣльцовъ. Но при появленіи его, соловецкіе монахи заперлись въ крѣпкихъ монастырскихъ стѣнахъ и рѣшились защищаться съ оружіемъ въ рукахъ. Такимъ образомъ «стояніе за вѣру» приняло характеръ *политическаго возстанія*.

Мысль о вооруженномъ сопротивленіи принадлежала келарю *Азарію* (въ 1670 году онъ былъ взятъ въ плѣнъ), архимандриту

Никанору да *Ѳадюшкѣ Бородину*. Архимандритъ Никаноръ ходилъ безпрестанно по башнямъ, кадилъ и кропилъ пушки и говорилъ: «матушки мои галаночки (изъ Голландіи), надежда у насъ на васъ, вы насъ обороните». Хотя болѣе благоразумные изъ монаховъ не только не совѣтовали дѣлать этого, но даже и затворяться въ монастырѣ, однако голосъ ихъ остался втуне, потому что на сторонѣ келаря Азарія, архимандрита Никанора и Ѳадюшки Бородина стояли многія лица недовольныя церковными и гражданскими порядками, сосланныя въ Соловецкій монастырь подъ началъ, числомъ болѣе 150 человѣкъ, а также бѣглецы изъ шайки Разина. Эта мятежническая партія взяла монастырскую власть въ свои руки и стала распоряжаться въ монастырѣ по своему произволу. Въ 1673 году она положила «за великаго государя богомолье оставить» и начала говорить про великаго государя такія неистовыя слова, «которыхъ не только написать, но и слышать страшно». Кто изъ священниковъ не хотѣлъ оставить молитву за царя, тѣхъ притѣсняли и морили въ тюрьмѣ голодною смертію. Службы стали совершать безъ священниковъ, исповѣдывались у простолюдиновъ и умирали безъ причащенія св. Таинъ. Очевидно, такимъ образомъ, что политическій характеръ возстанія соловецкаго зависѣлъ не столько отъ монаховъ соловецкихъ, сколько отъ чуждыхъ имъ людей.

Осада монастыря длилась 8 лѣтъ. Сначала правительство медлило принять рѣшительныя мѣры; начальникъ отряда Волоховъ большую часть времени проводилъ въ Сумскомъ острогѣ и ничего почти не дѣлалъ. Черезъ 4 года на мѣсто его присланъ былъ голова московскихъ стрѣльцовъ Клементій Іевлевъ. Но и этотъ ничего не сдѣлалъ. Тогда былъ посланъ воевода Мещериновъ съ приказаніемъ «искоренить мятежъ вскорѣ». Онъ тѣсно обложилъ монастырь. Между тѣмъ въ монастырѣ начались распри, и болѣе благоразумные старцы старались убѣжать изъ монастыря. Одинъ изъ нихъ, по имени Ѳеоктистъ, указалъ воеводѣ пунктъ, чрезъ который можно было проникнуть въ монастырь. 22 января 1676 г. часть войска вошла въ монастырь чрезъ указанное мѣсто и, отворивъ ворота, впустила остальное войско. Такимъ образомъ монастырь былъ взятъ. Виновные отчасти были казнены, отчасти же оставлены для допросовъ, а монастырь былъ заселенъ новыми монахами.

Осада Соловецкаго монастыря имѣла *крайне вредныя послѣдствія* для православной Церкви и много способствовала распространенію и усиленію раскола. а) Монастырь изстари пользовался и теперь пользуется особеннымъ уваженіемъ въ народѣ, какъ мѣсто подвиговъ преп. Зосимы и Савватія и какъ обитель, гдѣ про-

цвѣтало благочестіе, и сюда стекалось и стекается множество богомольцевъ. Между тѣмъ во время осады въ монастырь проникнуть было нельзя. Поэтому въ народѣ быстро распространилась молва, что монастырь осаждается войскомъ, что монахи отстаиваютъ старую вѣру, и производила сильное смущеніе въ народѣ. б) До-и-во время осады многіе изъ монаховъ ушли изъ монастыря и разсѣялись по всей Россіи, всюду разсказывая о царѣ-гонителѣ, о духовной и гражданской властяхъ—слугахъ антихриста, о тѣхъ мученіяхъ, которыя имъ приходится переносить и т. п. Разсказы ихъ производили сильное впечатлѣніе на народъ, и расколъ быстро росъ. в) Наконецъ, эта осада дала поводъ раскольническому писателю Семену Денисову составить «Исторію объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ», гдѣ соловецкіе монахи—мятежники изображаются какъ мученики, а воеводы—какъ мучители и описываются разныя видѣнія и чудеса. Исторія эта написана языкомъ прологовъ и производила (да и теперь производитъ) сильное впечатлѣніе на народъ.

Спустя недѣлю послѣ взятія Соловецкаго монастыря умеръ царь Алексѣй Михайловичъ. Раскольники думали, что съ его смертію гоненія на древлее благочестіе прекратятся и для нихъ наступятъ лучшіе дни. Поэтому, какъ только вѣсть о смерти Алексѣя Михайловича и восшествіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича дошла до Пустозерска, Аввакумъ не преминулъ написать новому царю просительное посланіе, въ которомъ то съ трогательною простотою, почтительностью проситъ помиловать его, то съ ожесточеніемъ ослѣпленнаго фанатика говоритъ: «а что, царь-государь, кабы ты мнѣ волю далъ, я бы ихъ, что Илія пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ день... Перво бы Никона собаку и разсѣкли на четверо, а потомъ бы никоніанъ... Богъ судитъ между мной и царемъ Алексѣемъ. Въ мукахъ онъ сидитъ, слышалъ я отъ Спаса, и то ему за свою правду». Однако все было тщетно. Въ 1681 г. Аввакумъ вмѣстѣ съ своими «соузниками» «за великія на царскій домъ хулы» былъ сожженъ. Смерть его произвела сильное впечатлѣніе на раскольниковъ, но не остановила ихъ попытокъ возстановить старое благочестіе. Въ Москвѣ они склонили на свою сторону даже стрѣльцовъ и произвели большую смуту.

Московская смута 1682 г. Московская смута 1682 г. началась при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Послѣ смерти царя Ѳеодора Алексѣевича († 1682 г.), между партіей Милославскихъ и Нарышкиныхъ возникла сильная борьба изъ-за царскаго престола. На сторону первой стали стрѣльцы и подняли сильный мятежъ. Три дня они неистовствовали, убивая бояръ противной партіи и грабя

ихъ дома. Дѣло кончилось тѣмъ, что царями были объявлены Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, а за слабостію одного и малолѣтствомъ другого, правительницею была назначена сестра ихъ, царевна Софья. Въ память этого событія былъ поставленъ памятникъ, а стрѣльцамъ розданы награды. Въ рукахъ послѣднихъ была вся сила. Видя это, раскольники задумали возстановить, при помощи ихъ, древлее благочестіе. Съ этою цѣлію они начали подговаривать стрѣльцовъ постоять за старую вѣру. Старанія ихъ увѣнчались успѣхомъ спустя нѣсколько дней послѣ мятежа, въ Титовомъ стрѣлецкомъ полку происходило совѣщаніе, какъ бы возстановить въ Москвѣ древнее благочестіе, бывшее до п. Никона. Рѣшено было обратиться къ правительству съ челобитною. Начали искать у себя въ полку людей, которые могли бы составить ее и дать отвѣтъ въ ея защиту, но не нашли ни одного. Тогда они поручили это дѣло иноку Сергію, незадолго предъ тѣмъ прибывшему въ Москву съ сѣвернаго края для подачи царю челобитной о принятіи въ церковное употребленіе старопечатныхъ книгъ [1]). Тотъ, при помощи Саввы Романова, Никиты Пустосвята и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, составилъ челобитную «отъ лица всѣхъ полковъ и черныхъ слободцевъ» [2]) и представилъ стрѣльцамъ. Послѣдніе выслушали ее и одобрили. Съ просьбою о передачѣ челобитной они обратились къ своему начальнику, князю *Хованскому*, который, по своимъ убѣжденіямъ, былъ истый раскольникъ. Онъ согласился на ихъ просьбу. Сергій и выборные стрѣлецкіе просили его, чтобы онъ устроилъ для нихъ на лобномъ мѣстѣ предъ народомъ въ Кремлѣ у Краснаго крыльца, въ присутствіи царей и царицы Наталіи Кирилловны, патріарха и архіереевъ, *соборѣ*, и какъ можно скорѣе, до коронованія государей. Хотя Хованскій видѣлъ всю неисполнимость ихъ желанія, но обѣщалъ. Однако въ назначенный день произошла только подача челобитной. Вѣнчаніе царей происходило по новымъ книгамъ, и литургія была совершена на 5 просфорахъ. Хотя Никита Пустосвятъ и несъ 7 просфоръ, по заказу и обѣщанію Хованскаго, но за тѣснотою не могъ добраться до церкви. Послѣ этого раскольники нѣсколько дней буйствовали въ Москвѣ: ходили по улицамъ, по рынкамъ и др. мѣстамъ и открыто говорили: «постойте, православные, за истинную вѣру; нынѣ нѣтъ истинной церкви на землѣ; не ходите въ церкви: онѣ осквернены; не покланяйтесь новописаннымъ иконамъ» и т. п. Если кто ихъ останавливалъ, то они били его немилосердно. *3-го іюля* они имѣли

---

[1]) Эта челобитная была подана царямъ Петру и Іоанну Алексѣевичамъ, но возвращена «не помѣченною» (Мат. для ист. раск. IV, 299—300, примѣч.).

[2]) Напеч. въ книжкѣ «Три челобитныя» и съ разборомъ въ «Увѣтѣ духовномъ».

частное *преніе съ п. Іоакимомъ* (1674—1690 г.) въ крестовой палатѣ. Это преніе описано Саввой Романовымъ. Въ своемъ описаніи онъ представляетъ себя и своихъ товарищей, говорившихъ противъ патріарха, побѣдителями, а патріарха и архіереевъ совершенно побѣжденными и не знающими, что отвѣчать. Послѣ этого пренія патріархъ назначилъ быть собору черезъ день. 5 іюля предводители мятежа, въ сопровожденіи огромной толпы стрѣльцовъ и народа, съ возженными свѣчами, отправились въ Кремль и, въ виду царскихъ палатъ, поставили аналои, положили на нихъ крестъ съ евангеліемъ и зажгли свѣчи. Никита Пустосвятъ, избранный стрѣльцами для защиты поданной ими челобитной, и его товарищи стали убѣждать народъ постоять за старую вѣру. Толпа все болѣе и болѣе увеличивалась. Раскольники требовали, чтобы состязаніе о вѣрѣ было тутъ же на площади, а правительство и патріархъ звали ихъ въ грановитую палату. Ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить. Наконецъ, рѣшено было идти въ грановитую палату. Сюда пришли царевна Софья и другія лица царской семьи, патріархъ и архіереи; туда же явились Никита Пустосвятъ, Савва, Сергій и др. раскольники. Съ шумомъ и крикомъ, съ возженными свѣчами въ рукахъ, вошли послѣдніе въ грановитую палату, разставили здѣсь свои аналои и скамьи и положили на нихъ иконы и книги. На вопросъ царевны Софьи, зачѣмъ они пришли, раскольники отвѣчали: «мы пришли утвердить старую вѣру; у насъ нынѣ новая вѣра, въ которой спастись нельзя», и подали челобитную. Во время чтенія челобитной Никита началъ кричать. Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій, хотѣлъ было его унять, но тотъ бросился на него и сталъ бить (по словамъ Саввы Романова, «мало отвелъ его рукою») [1]. Чтеніе челобитной продолжалось. Раскольники шумѣли; Софья Алексѣевна нѣсколько разъ замѣчала имъ, чтобы они не кричали, а били челомъ, какъ слѣдуетъ; но крики не умолкали. Патріархъ Іоакимъ, взявъ въ руки Евангеліе, писанное рукою митрополита Алексѣя, и соборное дѣяніе объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, со слезами убѣждалъ ихъ образумиться. Но раскольники, сложивши руки двуперстно, не слушали его, а только кричали: «вотъ такъ, вотъ такъ». Такъ цѣлый день толковали, кричали, ссорились, но не пришли ни къ какому опредѣленному результату. Правительство обѣщало дать указъ на другой день. Съ шумомъ вышли раскольники изъ палаты и еще на крыльцѣ, охраняемые сотнею стрѣльцовъ, начали кричать, поднявъ руки вверхъ: «побѣдихомъ, побѣдихомъ, тако слагайте персты»! Достигнувъ лобнаго мѣста, они поставили аналои и скамьи,

[1]) Указаніе на это есть и въ судебномъ приговорѣ Никитѣ Пустосвяту (Мат. для ист. раск. 1, 394).

положили на нихъ иконы и начали проповѣдывать свое древлее благочестіе, безпрестанно повторяя: «тако вѣруйте, — мы всѣхъ архіереевъ препрѣхомъ и посрамихомъ,—тако творите». За рѣкой Яузой они служили молебны по церквамъ и звонили въ колокола. Но торжество ихъ было не продолжительно. Чтобы прекратить мятежъ, Софья Алексѣевна рѣшила разобщить стрѣльцовъ съ раскольниками и съ этою цѣлію немедленно пригласила къ себѣ выборныхъ отъ всѣхъ полковъ. Когда тѣ пришли, она начала убѣждать ихъ не мѣнять правительства на какихъ-то бродягъ-чернецовъ, а затѣмъ велѣла дать стрѣльцамъ денегъ и вина. Послѣднее возымѣло свое дѣйствіе. Стрѣльцы принесли повинную, заявили, что стоять за старую вѣру—не ихъ дѣло, и сами переловили главныхъ мятежниковъ. Никита Пустосвятъ былъ казненъ отсѣченіемъ головы за оскорбленіе царской власти, а другіе разосланы по монастырямъ подъ началъ.

Послѣ раскольнической смуты 1682 г. власть обратила на расколъ болѣе строгое вниманіе. Въ опроверженіе поданной мятежниками челобитной патр. Іоакимомъ въ томъ же 1682 г. была написана и издана книга подъ заглавіемъ «Увѣтъ духовный», а со стороны свѣтской власти было усилено преслѣдованіе раскольниковъ,—указами 1684 и 1685 гг. подъ страхомъ смертной казни было запрещено самое содержаніе раскола.

Чтобы избѣжать преслѣдованій правительства, многіе *обращались въ бѣгство*. Средство это рекомендовалось еще первыми расколоучителями—діакономъ Ѳеодоромъ и Авраамiемъ, въ цѣляхъ сохраненія благочестія, почему практиковалось и ранѣе. Когда же начались преслѣдованія со стороны правительства, то явилось новое побужденіе для «гонимыхъ въ одномъ градѣ въ другой перебѣгать». Отсюда одни постоянно перебѣгали съ одного мѣста на другое, иногда даже ничѣмъ налично къ тому не вынуждаемые, а другіе, смотря на пустыни, какъ на единственное мѣсто, гдѣ «живетъ Богъ, слушаетъ молящихся Ему и спасаетъ я», и при томъ такое, до котораго не достигнетъ рука антихриста, бѣжали на пустынныя окраины отечества — въ Поморье, Донъ, Стародубье, особенно же въ Сибирь — и за границу: въ Польшу, Швецію, Турцію, Молдавію, Валахію, Австрію и Пруссію, образовали тамъ общины, скиты и монастыри и завели хозяйство. Изъ числа такихъ общинъ болѣе замѣчательны слѣдующія: 1) *Выгорѣцкое* общежитіе (на берегу рѣки Выгъ въ Олонец. губ.), 2) скиты *Керженскіе* (по рр. Керженцу и Бельбашу въ Нижегородской губ.), куда стекались раскольники со всей Россіи, а послѣ стрѣлецкихъ казней бѣжало изъ Москвы много стрѣльцовъ съ ихъ женами и 3) *Стародубье* (Черниговъ. губ.), состоявшее изъ нѣсколькихъ слободъ, наполненныхъ бѣжавшими

изъ разныхъ мѣстъ раскольниками. Въ правленіе царевны Софьи многіе изъ здѣшнихъ раскольниковъ для безопасности перешли польскую границу и поселились на островѣ *Вѣткѣ*, находящемся на р. Сожѣ (въ нынѣшней Могилев. губ.). Эти общины имѣли важное значеніе въ жизни раскола: въ нихъ вырабатывался тотъ или иной строй жизни, рѣшались возникающіе въ расколѣ вопросы и т. д.

Другіе послѣдователи раскола, чтобы «не погибнуть злѣ духомъ» и не предать благовѣрія, прибѣгали къ *самоистребленію:* морили себя голодною смертію, рѣзались, топились, но чаще всего сожигались. Извѣстія о самосожженіи находятся уже въ сочиненіяхъ первыхъ расколоучителей, — особенно много случаевъ указано у Аввакума. Первый случай самосожженія, по свидѣтельству Аввакума, былъ въ 1672 г. въ Н.-Новгородѣ, при чемъ сгорѣло «тысячи съ двѣ» раскольниковъ. Но еще ранѣе самосожженія началось самоумореніе. Зародилось оно въ Вязникахъ, Владимір. губ., въ средѣ послѣдователей чернеца Капитона. Остановившись на мысли о подвижничествѣ, выразившейся у Капитона, между прочимъ, въ постничествѣ, они довели эту мысль до конца и стали проповѣдывать постъ до «уморенія». «Законодавцемъ самоубійственныхъ смертей» слылъ *Василій Волосатый*. «Очиститеся огнемъ и постомъ отъ всего грѣха, говорилъ онъ, ту бо и сущимъ крещеніемъ крестится». Изъ капитоновщины самоистребленіе скоро проникло и въ среду другихъ старообрядцевъ, но утвердилось здѣсь на иной почвѣ и другихъ основаніяхъ, именно—на ученіи объ антихристѣ. Исходя изъ мысли о наступленіи царствованія антихриста и указывая на преслѣдованія правительства, какъ видимый признакъ этого царствованія, эти послѣдніе говорили, что самоистребленіе служитъ единственнымъ средствомъ «цѣло соблюсти вѣру», сохранить «ризу крещенія отъ осквернѣнія» и не погубить плодовъ покаянія, такъ какъ иначе будто бы никакъ нельзя избѣжать печати антихриста, «ятый же на мученіе» и открыто покоряется антихристу. Поэтому всѣмъ, кто хочетъ спастись отъ руки антихриста, необходимо добровольно покончить съ собой. Спросили Аввакума, тотъ отозвался одобрительно, хотя замѣтилъ, что такой подвигъ по силамъ только избраннымъ и можетъ быть предложенъ лишь въ видѣ «самовольнаго мученичества», при чемъ оправдывалъ его исключительно святоподобіями. Отвѣтъ этотъ скоро получилъ широкую извѣстность среди раскола, и самоистребленіе страшно усилилось. По словамъ Аввакума, въ предѣлахъ нижегородскихъ жглись тысячи тысячъ. Въ Сибири въ 1679 г. сожглось съ попомъ Дометіаномъ 1,700 человѣкъ. Когда же былъ изданъ строгій указъ 1685 г., то случаи

самоистребленія, въ видѣ самосожженія, еще болѣе умножились. Въ 1687 г. въ Березовѣ-Наволокѣ, Олонец. губ., вмѣстѣ съ соловецкимъ выходцемъ Пименомъ сгорѣло болѣе 1000 человѣкъ; въ томъ же году въ Палеостровскомъ монастырѣ, Олонец. губ., сожглось съ діакономъ Игнатіемъ 2700 человѣкъ, въ 1689 г. тамъ же — 500 человѣкъ. Не мало было случаевъ самосожженія и въ другихъ мѣстахъ [1]).

2. Образованіе въ расколѣ безпоповщины и поповщины.

Послѣ осужденія соборомъ 1667 г. раскольники-старообрядцы оказались внѣ церкви и, кромѣ того, у нихъ не осталось ни одного епископа, который могъ бы положить начало преемственности хиротоніи въ расколѣ, а за отсутствіемъ хиротоніи, должны прекратиться іерархія и таинства. Пока оставались попы стараго рукоположенія, расколъ могъ еще кое-какъ обходиться, но когда они стали одинъ за другимъ сходить въ могилу, вопросъ объ іерархіи потребовалъ неотложнаго рѣшенія. Какъ же онъ рѣшался? Первые новгородско-псковскіе расколоучители, въ лицѣ попа Ильи и священноинока Варлаама, считали рукоположеніе, совершенное по новымъ книгамъ, не дѣйствительнымъ и не дѣйственнымъ и потому приходящихъ къ нимъ новопоставленныхъ поповъ перекрещивали. На новгородскомъ собраніи раскольниковъ 1694 г. было уже заповѣдано съ клятвою хранить ученіе, что «по грѣхамъ нашимъ въ таковая времена достигохомъ, въ няже православнаго священства *въ конецъ* по благочестію лишились»,—есть только «антихристовы попы». Вмѣстѣ съ хиротоніей въ новгородско-псковскихъ предѣлахъ отвергали и совершаемое по новымъ книгамъ крещеніе. Поэтому Варлаамъ и Илья перекрещивали; послѣдній далъ и міянамъ право совершать этотъ чинопріемъ. Въ поморскомъ краѣ наряду съ попами стараго рукоположенія—игуменомъ Досиѳеемъ, попомъ Ефремомъ и священноинокомъ Пафнутіемъ дѣйствовали и простые чернецы, въ большинствѣ соловецкіе выходцы, переходившіе съ мѣста на мѣсто и имѣвшіе большое значеніе въ глазахъ населенія. Послѣдніе требовали перекрещиванія надъ получившими крещеніе по новымъ книгамъ и подъ ихъ воздѣйствіемъ этотъ порядокъ здѣсь окончательно утвердился. Право перекрещиванія они усвояли самимъ себѣ; за ними слѣдовали и бѣльцы. Вмѣстѣ съ никоніанскимъ крещеніемъ отвергалось и никоніанское рукоположеніе. На Дону іеромонахъ Іовъ, затѣмъ игуменъ Досиѳей и черные попы Пафнутій и Ѳеодосій—всѣ стараго рукоположенія—крещенныхъ по новымъ книгамъ перекрещивали и поповъ новаго

[1]) Подробн. въ цитир. соч. Смирнова П. С., стр. 53–82.

рукоположенія не принимали; но когда появился (во второй половинѣ 80-хъ годовъ) въ Черкасскѣ Самойла, попъ новаго поставленія, то казаки пригласили его служить по старымъ книгамъ. Первые стародубскіе и вѣтковскіе требоотправители, попы Козма и Стефанъ, новокрещенныхъ перекрещивали и поповъ новаго поставленія не принимали. Подъ ихъ вліяніемъ вѣтковскіе насельники чуждались жившаго тогда на Вѣткѣ попа Іоасафа, получившаго хиротонію отъ Тверского архіерея, хотя и по старымъ книгамъ. Но когда Козмы и Стефана не стало, то они упросили его стать ихъ попомъ. Преемникъ же Іоасафа, черный попъ стараго рукоположенія Ѳеодосій, уже «отверзъ дверь» на Вѣткѣ попамъ новаго рукоположенія. Первыми организаторами жизни раскола на Керженцѣ были попы стараго поставленія, но скоро явились сюда и новопоставленные попы, на ряду съ которыми дѣйствовали и простые монахи, напр., Авраамій. Тоже было и въ другихъ центрахъ. Так. обр. въ главныхъ центрахъ раскола по вопросу объ іерархіи практика была не одинакова; мало того, различіе замѣчалось даже въ одномъ и томъ же центрѣ. Въ виду этого обратились къ авторитету главныхъ расколоучителей, однако и въ ихъ руководственныхъ посланіяхъ не нашли единообразнаго рѣшенія вопроса. Діаконъ Ѳеодоръ утверждалъ, что отъ поповъ стараго рукоположенія, если они, послѣ уклоненія отъ старины, искренно покаялись, по нуждѣ, можно принимать всякую святыню—и крещеніе, и исповѣданіе, и причащеніе, а отъ новопоставленныхъ—нѣтъ. «А которые попы отъ Никона отступника ставлены, говорилъ онъ, и отъ никоніанъ послѣ мору, паче же отъ 174 (1666) года, егда совершенно православіе все отринуша», то «православнымъ христіанамъ не подобаетъ ихъ благословенія пріимати, ни крещенія ни молитвы, и въ церкви съ ними не молитися, ниже въ домѣхъ..., аще и по старому служатъ». Такого же взгляда держался и инокъ Авраамій. Протопопъ Аввакумъ сначала тоже согласился было съ Ѳеодоромъ и даже приложилъ руку къ его епистоліи на имя нѣкоего Іоанна, но потомъ сталъ учить иначе, именно: онъ то дозволяетъ мірянамъ самимъ совершать крещеніе, исповѣдь и причащеніе, а также постриженіе въ иночество, освященіе брашна, посуды отъ осквернения и т. п., то даетъ слѣдующія наставленія. Если младенецъ будетъ окрещенъ священникомъ стараго или новаго (со времени патріарха Никона) рукоположенія по *новому* Потребнику, то не слѣдуетъ его перекрещивать, а нужно только прочитать «старыя» молитвы, помазать его масломъ и муромъ и обойти около купели «по преданію». Если же крещеніе совершено по *старому* Потребнику, то и такого довершенія не нужно. Въ томъ же смыслѣ училъ онъ относительно браковъ, совершенныхъ новопоставленными священниками,

т. е. расторгать ихъ не слѣдуетъ, а нужно только довершить вѣнчаніе: прочитать молитвы «старыя» и обойти по-солонь, не возлагая вторично ни вѣнцовъ, ни перстней. «Буде по старому дѣйствовалъ, новикъ или старой, говорилъ онъ,—а служатъ по новому,—клади то въ дѣло и крещеніе и вѣнчаніе». Вообще «гдѣ пѣніе безъ примѣса внутрь алтаря и на клиросахъ, о семъ посудить. Аще попъ онъ проклинаетъ никоніанъ и службу ихъ и всею крѣпостью любитъ старину: по нуждѣ, настоящаго ради времени, да будетъ попъ. Какъ же міру быть безъ поповъ?».

Въ виду такого разногласія въ мѣстной практикѣ и ученіи расколоучителей, раскольники рѣшили вопросъ объ іерархіи не одинаково. Одни изъ нихъ, исходя изъ ученія объ антихристѣ и думая, что, съ воцареніемъ этого послѣдняго врага Церкви Христовой, не можетъ быть ни священства, ни таинствъ, видимымъ признакомъ чего служитъ отсутствіе въ расколѣ епископскаго чина, пришли къ мысли о безсвященнословномъ состояніи и стали учить, что по нуждѣ, можно содѣвать спасеніе помимо іерархическихъ лицъ, *безъ поповъ*, отчего и получили названіе *безпоповцевъ*. Другіе же, въ виду ясныхъ свидѣтельствъ Писанія, что священство вѣчно и что антихристъ не возможетъ истребить его, не согласились съ такимъ ученіемъ; однако видя, что въ расколѣ преемственность хиротоніи пресѣклась по отсутствію епископа, рѣшили принимать *поповъ* новаго поставленія, бѣжавшихъ отъ православной церкви, отчего и стали называться *поповцами*. Начало такому двоякому рѣшенію положено было рано, хотя съ точностію неизвѣстно, когда именно. Принятію его не мало содѣйствовали мѣстныя условія.

Часть раскольниковъ, какъ извѣстно, осѣла въ Поморьѣ, которое и теперь отличается безлюдьемъ и пустынностію, а два вѣка тому назадъ—тѣмъ болѣе. Селенія тамъ были разбросаны (то же и теперь), храмовъ было мало, да и тѣ нерѣдко оставались безъ священниковъ. Вслѣдствіе этого взрослые часто умирали безъ исповѣди и св. причастія; младенцы подолгу оставались не крещенными, или же были крещены мірянами; браки заключались безъ вѣнчанія церковнаго. Вмѣсто храмовъ по деревнямъ были заведены часовни, въ которыхъ общественное богослуженіе совершалось выбранными старцами-мірянами, или же соловецкими выходцами, въ большинствѣ простыми иноками. Случилось, что и главными распространителями раскола въ Поморьѣ были большею частью простые, не имѣвшіе сана, иноки. Такъ обр. вопросъ объ іерархіи рѣшался здѣсь самъ собою въ духѣ безпоповщины. Въ другихъ мѣстахъ, напр., на Вѣткѣ условія были совершенно другія. Управленіе въ теченіе значительнаго промежутка времени бѣлыми и черными попами стараго рукоположенія, густота на-

селенія Вѣтки и чисто мірской, городской характеръ жизни ея обитателей невольно пріучали ихъ къ мысли, что обходиться безъ священниковъ нельзя, а сознаніе, что попы ихъ не вѣчны, наводило на мысль Аввакума о принятіи новорукоположенныхъ священниковъ, возлюбившихъ старину. Мысль эту началъ осуществлять черный попъ Ѳеодосій, стоявшій во главѣ Вѣтковскаго общежитія. Въ 1695 году онъ вызвалъ на освященіе Вѣтковской церкви двухъ поповъ: изъ Рыльска своего брата Александра «новопоставленна» и изъ Москвы—Григорія, а затѣмъ, вслѣдствіе увеличенія населенія Вѣтки и нужды въ совершеніи браковъ, сманилъ изъ Калуги попа Бориса, тоже новаго рукоположенія, и благословилъ его совершать богослуженіе и таинства по старопечатнымъ книгамъ. Такимъ образомъ вѣтковцы недостатокъ въ попахъ «стараго» рукоположенія стали замѣнять *попами, бѣжавшими* отъ православной Церкви. Къ тому же склонились донскіе, кубанскіе, стародубскіе и керженскіе раскольники.

ГЛАВА III.

Безпоповщина.

Общія начала безпоповщины.

Ученіе объ антихристѣ и вытекающія изъ него отношенія безпоповцевъ къ церкви и государству. Безпоповщина раздѣляетъ всѣ общіе взгляды раскола, но въ то же время идетъ далѣе. Она вѣруетъ, что со временъ патр. Никона въ грекороссійской церкви совершилось полное отступленіе отъ вѣры. Настало «послѣднее время»; явился и антихристъ, послѣдній и жесточайшій врагъ Христа и Церкви его; видимый міръ близится къ кончинѣ и держится лишь «вѣрныхъ ради», т. е. безпоповцевъ. Такое ученіе составляетъ «коренную и характерную особенность безпоповщины; оно является основой и собственнаго устройства и разстройства послѣдней, и ея отношеній къ греко-россійской церкви, и ея, наконецъ, протеста противъ всѣхъ современныхъ порядковъ нашей государственной жизни, общественной и домашней». Зародилось это ученіе на почвѣ эсхатологическихъ чаяній и обнаружилось еще въ началѣ раскола, при чемъ одни указывали антириста въ извѣстныхъ личностяхъ: то въ патр. Никонѣ, то въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, а другіе говорили объ антихристѣ духовномъ.

Со времени Петра Великаго, когда начались его реформы (брадобритіе, введеніе нѣмецкаго платія, уничтоженіе патріаршества, перемѣна празднованія новаго года и др.)—толки о воцареніи антихриста *усилились*. При господствовавшей тогда религіозной точкѣ зрѣнія на предметы, при укоренившемся подозрѣніи ко всему иностранному, всѣ эти нововведенія Петра большинству русскихъ, даже и не раскольниковъ, казались измѣненіемъ самой вѣры православной. Строгія мѣры Петра, доходившія до крайности, еще болѣе раздражали умы. Возбужденные проповѣдники не стѣснялись на базарахъ и даже въ церквахъ говорить о Петрѣ, что онъ возлюбилъ вѣру нѣмцевъ, что онъ—едвали настоящій царь... а скорѣе—антихристъ. «Послѣднее время, антихристъ пришелъ... антихристъ». Эти толки о наступленіи временъ антихриста находили полное подтвержденіе въ ученіи раскола. Поэтому и среди раскольниковъ появилась проповѣдь: «нынѣ царство антихриста и никто души своея не спасетъ, аще не пріидетъ къ намъ христіанамъ... А что Петръ въ церковь ходитъ, то въ церквахъ нынѣ святости нѣтъ; что мотаться,—антихристъ онъ, да и все тутъ».

Когда Петръ Великій умеръ († 1725 г.), а кончины міра не послѣдовало, раскольники стали утверждать, что подъ антихристомъ нужно разумѣть рядъ преемствующихъ лицъ, слѣдующихъ одному и тому же ученію—архіереевъ и царей. Однако и это ученіе большинствомъ безпоповщевъ не было принято, а вмѣсто того утвердилось ученіе объ антихристѣ духовномъ.

По этому ученію, антихристъ—не человѣкъ, но духъ общества, совокупность ересей, содержимыхъ греко-россійскою церковію; подъ женою, отъ которой онъ родится, разумѣется общество людей нечестивыхъ; подъ рожденіемъ —отступленіе этихъ людей отъ евангельскаго ученія; $3^1/_2$ года, въ продолженіе которыхъ будетъ царствовать антихристъ, означаютъ время неопредѣленное. Самые признаки его царствованія имѣютъ своеобразный смыслъ: чудеса, какія онъ будетъ совершать, суть чудеса духовныя, заключающіяся въ омраченіи людей лжеученіемъ; его ученіе будетъ заключаться въ незначительномъ, повидимому, искаженіи писанія, такъ что церковь будетъ имѣть св. Писаніе, богослуженіе и таинства, но все въ превратномъ видѣ. Отсюда печать антихриста заключается не въ одномъ какомъ-либо опредѣленномъ предметѣ, а во многихъ: въ имени Іисусъ, въ троеперстіи, въ четвероконечномъ крестѣ и т. п.

Воцарившись въ греко-россійской церкви, антихристъ истребилъ въ ней истинную вѣру и благочестіе; ничего святого, благодатнаго въ ней не осталось: подъ именемъ Іисуса она вѣруетъ въ «иного» бога, антихриста, въ крещеніи молится духу лукавому, подъ видомъ креста четырехконечнаго почитаетъ кумиръ антихриста; чада ея знаме-

нуютъ себя печатью антихриста, четверятъ св. Троицу,—вообще содержатъ столько ересей, что превосходятъ всѣхъ прежде бывшихъ еретиковъ, почему и могутъ быть приняты въ общеніе не иначе, какъ черезъ *перекрещиваніе*. Поэтому всѣ безпоповцы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ толковъ, принимаютъ лицъ, переходящихъ къ нимъ отъ православной Церкви, черезъ перекрещиваніе (отсюда они и называются *перекрещенцами*). Такъ же поступаютъ они съ раскольниками, пріемлющими священство (поповцами), равно и безпоповцами—неперекрещенцами за то, что тѣ сами не перекрещиваютъ приходящихъ къ нимъ отъ греко-россійской церкви.

Царскую власть безпоповцы признаютъ пособницею антихриста, властью антихристовой, потому что она не только «послѣдуетъ», но и покровительствуетъ «господствующей» церкви, въ которой царствуетъ антихристъ. Вслѣдствіе этого хотя они чужды демократическихъ стремленій и въ принципѣ признаютъ необходимость царской власти, но на дѣлѣ относятся къ ней враждебно и повинуются только за страхъ, а не за совѣсть. Большинство изъ нихъ не только не молятся за царя, но даже исключили изъ общей службы, изъ тропарей и каноновъ, самое *богомоленіе за предержащую власть*. Если же гдѣ въ богослужебныхъ книгахъ положено молиться о царѣ и побѣдѣ его надъ врагами, то тамъ они моляться за православныхъ христіанъ, каковыми признаютъ только себя.

Ученіе о церкви и таинствахъ. Признавъ возможнымъ, по нуждѣ, содѣвать спасеніе безъ іерархіи, безпоповцы впослѣдствіи, чтобы оправдать свое безъіерархическое состояніе, придумали ученіе о церкви *безсвященнословной*, т. е. о томъ, что церковь можетъ быть безъ священныхъ чиновъ. Церковь, говорятъ они, есть «не стѣны и покровъ, но вѣра и житіе», а потому можетъ состоять изъ однихъ мірянъ, право исповѣдующихъ вѣру и живущихъ по вѣрѣ. Въ древнія времена, вслѣдствіе гоненій, многія церкви оставались безъ священниковъ, однако Церковь оставалась Церковію; то же самое и теперь. Но приводимые примѣры относились лишь къ частнымъ церквамъ, а не къ вселенской; понятіе же мѣстной случайности не можетъ быть примѣнено къ положенію вселенской Церкви и служить доказательствомъ ея состоянія; поэтому нѣкоторые изъ безпоповцевъ стали учить о конечномъ истребленіи священства антихристомъ. Но такъ какъ это ученіе находится въ прямомъ противорѣчіи съ безусловными обѣтованіями Христа Спасителя о неодолѣнности Церкви и вѣчномъ существованіи въ ней священныхъ чиновъ, то безпоповцы стали утверждать, что священство сугубо: таинственное, подаваемое чрезъ хиротонію, и нравственное, духовное, по которому каждый христіанинъ есть священ-

никъ, и что только послѣднее вѣчно. Но это ученіе тоже несправедливо: обѣтованія вѣчности относятся къ таинственному священству, а не къ духовному [1]). Так. обр. всѣ доводы, приводимые безпоповцами въ защиту безсвященнословнаго состоянія церкви, ложны, однако они доселѣ не утратили своего значенія для безпоповцевъ и приводятся ими въ свою защиту, при чемъ преимущественное значеніе имѣетъ ученіе объ истребленіи священства антихристомъ.

Не имѣя законныхъ совершителей таинствъ—священниковъ, безпоповцы видоизмѣнили и самое ученіе о таинствахъ. По ихъ ученію, всѣ таинства по своей важности для спасенія раздѣляются на нужно потребныя, каковы: крещеніе, покаяніе и причащеніе, и просто потребныя, каковы всѣ остальныя. Первыя два таинства: крещеніе и исповѣдь, по нуждѣ, могутъ совершать міряне; причащеніе можно замѣнить огнепальнымъ желаніемъ и вообще причащеніемъ духовнымъ, или же совсѣмъ обойтись безъ него, а остальныя таинства, по нуждѣ, могутъ и не совершаться. Согласно съ такимъ ученіемъ, безпоповцы крещеніе и исповѣдь, а нѣкоторые и бракъ, предоставляютъ совершать мірянамъ, остальныхъ же таинствъ не совершаютъ [2]).

Богослуженіе безпоповцевъ. За неимѣніемъ священниковъ, *церковныя службы* совершаются у безпоповцевъ *мірянами*, наставниками или наставницами, и носятъ своеобразный характеръ. Предъ началомъ каждой службы полагается семипоклонный началъ: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному» (поклонъ); «Создавый мя, Господи, помилуй мя» (поклонъ); «Безъ числа согрѣшихъ, Господи, помилуй и прости мя (поклонъ земной); «Достойно есть» (поклонъ до земли); «Слава и нынѣ, Господи, помилуй, (дважды), «Господи, благослови» (съ тремя поклонами). Послѣ начала, вмѣсто іерейскаго возгласа: «Благословенъ Богъ нашъ», старшій въ собраніи говоритъ: «За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ Господи Исусе Христе, Сыне Божіи, помилуй насъ»; послѣ «Отче нашъ», вмѣсто іерейскаго возгласа: «Яко Твое есть царство»..., старшій говоритъ молитву Исусову: «Господи Исусе Христе, Сыне Божіи, помилуй насъ»; вмѣсто ектеній поется «Господи, помилуй», вмѣсто іерейскаго возгласа— «Слава и нынѣ». На отпустѣ, вмѣсто «Христосъ истинный Богъ нашъ», говорится въ просительномъ видѣ: «Господи Исусе Христе, Сыне Божіи, молитвъ ради Пречистыя Ти Матере, помилуй и спаси насъ (вмѣсто: «помилуетъ и спасетъ насъ»), яко благъ и чело-

---

[1]) Разборъ этого ученія см. въ нашемъ Руковод. по облич. раск., изд. 7-е, стр. 62—71.

[2]) Подробный разборъ ученія безпоповцевъ о таинствахъ см. въ наш. Руководствѣ по облич. раск., изд. 7-е, стр. 71—96.

вѣколюбецъ». Прочее въ службахъ идетъ по обычаю. Съ такими особенностями и съ соблюденіемъ всѣхъ подробностей богослужебнаго устава безпоповцы совершаютъ павечерницу, утреню, часы и разныя требы.

Во главѣ безпоповщинскихъ общинъ стоятъ наставники, «*благословенные отцы*»: они распоряжаются на собраніяхъ при богослуженіи и отправляютъ церковныя службы. По мнѣнію безпоповцевъ, такія права имѣетъ не всякій, а только тотъ, кто получилъ благословеніе отъ ихъ наставниковъ. Благословеніе это, имѣющее у нихъ значеніе поставленія на священную степень, совершается на собраніи, при большомъ количествѣ народа, или, въ случаѣ нужды, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, посредствомъ семипоклоннаго начала, послѣ котораго поставляемый испрашиваетъ благословеніе у наставника, говоря: «Благослови, отче», на что тотъ отвѣчаетъ: «Богъ тя благословитъ». Получившій такое благословеніе считается уже *благословеннымъ* отцомъ; а не просто отцомъ. По мнѣнію безпоповцевъ, такое благословеніе можно получить только отъ благословеннаго отца, а не простеца, потому что первые ихъ настоятели или отцы такое благословеніе на совершеніе таинъ получили будто бы отъ Павла, епископа коломенскаго, и отъ нихъ оно преемственно передается другимъ. Но Павелъ коломенскій умеръ въ то время, когда у раскольниковъ не было и рѣчи объ іерархіи.

Главнѣйшіе вопросы въ безпоповщинѣ, по которымъ возникли въ ней раздоры и раздѣленіе на толки.

Система безпоповщинскаго ученія, несостоятельная сама по себѣ, не удовлетворяла и своихъ послѣдователей, но возбуждала все новые и новые вопросы и даже вызывала критику, вслѣдствіе чего безпоповщина, вскорѣ же послѣ своего появленія, стала дѣлиться на толки. Главнѣйшими вопросами, по которымъ возникли въ ней раздоры и раздѣленіе, были вопросы о бракѣ и объ отношеніи къ гражданскому обществу. Вслѣдствіе недостатка въ священникахъ вопросъ о бракѣ возникалъ еще при первыхъ расколоучителяхъ, которые то допускали совершеніе его священниками «новаго поставленія», хотя съ нѣкоторыми оговорками, то писали: «аще кто не имать іереевъ, да живетъ просто» (Аввак.). Не рѣшеннымъ оставался этотъ вопросъ на первыхъ порахъ и у безпоповцевъ, хотя, подъ вліяніемъ мысли о наступленіи царства антихриста и скорой кончинѣ міра, они клонились болѣе къ тому выводу, что безъ священства бракъ не возможенъ, а вслѣдствіе приближающейся кончины міра и не потребенъ. Между тѣмъ кончины міра не послѣдовало; жизнь предъявляла свои права, и вопросъ о бракѣ настойчиво требовалъ рѣшенія; между безпоповцами начались споры и

въ результатѣ—раздѣленіе: одни стали снисходительно смотрѣть на брачное сожительство и даже дозволять совершеніе его мірянину, другіе же требуютъ всеобщаго безбрачія.

Вслѣдствіе тѣсной связи церкви съ государствомъ и взгляда на гражданскую власть, какъ пособницу власти антихриста или даже какъ на власть антихристову, у безпоповцевъ явился вопросъ о томъ, можно ли имъ быть вѣрными членами общества и исполнять гражданскія обязанности. Одни изъ нихъ, руководствуясь практическими соображеніями, говорили, что можно, и старались стать въ мирныя, служебныя отношенія къ государству; другіе же, выходя изъ мысли о воцареніи антихриста и послѣднихъ временахъ, дѣлали неблагопріятные выводы по отношенію къ государству и совершенно отрицали возможность исполненія общественныхъ обязанностей. Отсюда неизбѣжны были раздоры, послѣдствіемъ которыхъ было новое раздѣленіе на толки.

Нѣкоторые изъ безпоповцевъ признали не возможнымъ замѣнить въ дѣлѣ совершенія таинствъ и богослуженія священныхъ лицъ мірянами и положили начало цѣлому ряду сектъ, отличающихся отъ другихъ въ одномъ изъ существенныхъ признаковъ безпоповщины. Наконецъ, обрядовѣрный характеръ раскола велъ къ раздѣленію и по обрядовымъ вопросамъ. Так. обр. безпоповщина раздѣлилась на множество мелкихъ толковъ, изъ которыхъ главными считаются слѣдующіе: *поморскій, федосѣевскій, новопоморскій, филипповскій, странническій и нѣтовцевъ.*

1. Поморскій толкъ.

Поморскій толкъ получилъ свое начало въ *Поморьи* (отсюда и названіе); первые послѣдователи его жили въ Выгорѣцкомъ общежитіи. До учрежденія этого общежитія раскольники жили въ Поморьѣ небольшими общинами.

Во главѣ одной общины стоялъ инокъ *Корнилій*, человѣкъ строгой жизни и прямо аскетъ, пользовавшійся въ Поморьѣ большою извѣстностью. Послѣдователи его, изъ-за боязни быть открытыми правительствомъ, жили не вмѣстѣ, а по одному или по двое, и часто мѣняли мѣсто жительство. Самъ Корнилій, отчасти по той же причинѣ, а отчасти по своей неусидчивости, постоянно переходилъ съ мѣста на мѣсто и только за 2 года до своей смерти († 1695 г.) утвердился на р. Выгъ. Приходившихъ къ нему перекрещивалъ, исповѣдывалъ, увѣщевалъ вести иноческую жизнь и желающихъ постригалъ въ иноки.

Другая община была основана соловецкимъ выходцемъ іеродіакономъ *Игнатіемъ*, который прибылъ въ Поморье еще раньше

Корнилія. Поселившись на Сароозерѣ, Игнатій сталъ набирать братію. Вскорѣ вокругъ него собралась небольшая община и мѣстопребываніе его сдѣлалось извѣстно всѣмъ, даже властямъ. Послѣ этого онъ не счелъ уже возможнымъ оставаться здѣсь, а собравши значительное число своихъ послѣдователей, соединился съ раскольучителемъ Емельяномъ Ивановымъ, повѣнчаниномъ. Вмѣстѣ съ нимъ они напали на Палеостровскій монастырь, овладѣли имъ и начали дѣлать отсюда набѣги на окрестныя села и деревни, грабя и раззоряя дома, а жителей уводя въ Палеостровъ. Когда же слухъ объ этомъ дошелъ до правительства и были посланы увѣщатели съ военной командой, то Игнатій вмѣстѣ съ 2,700 человѣкъ предался сожженію. Вмѣсто него начальникомъ оставшихся на Сароозерѣ сдѣлался *Данила Викуловъ*, человѣкъ добрый, снисходительный, но «мужикъ по всему».

Данила Викуловъ († 1734 г.) [1]) сначала былъ дьячкомъ Шунгскаго погоста (Олон. г., Повѣн. у.), а потомъ уклонился въ расколъ, взялъ себѣ въ руководители инока Игнатія и поселился съ нимъ въ 1684 г. на Сароозерѣ. Въ 1691 г. онъ познакомился съ *Андреемъ Денисовымъ*, сыномъ повѣнецкаго жителя Дениса Второушина, происходившаго изъ рода князей Мышецкихъ, бывшихъ помѣщиковъ новгородскихъ. Андрей былъ человѣкъ очень даровитый. Научившись грамотѣ, онъ страстно предался чтенію книгъ—патериковъ, четь-миней, сборниковъ, цвѣтниковъ и т. п. Подъ вліяніемъ такого чтенія, а также рѣчей іеродьякона Игнатія, онъ увлекся мыслію о пустынныхъ подвигахъ, убѣжалъ изъ родительскаго дома (въ 1691 г.), и поселился вблизи Данилы Викулова. Видя даровитость и одушевленіе Андрея, Данила Викуловъ сталъ приглашать его въ свою общину. Тотъ принялъ приглашеніе. Данила сразу же удѣлилъ ему половину настоятельскихъ заботъ и настоятельской чести. Вскорѣ послѣ этого, съ общаго совѣта, они перешли на новое мѣстожительство, близъ Боровскаго или Тихвиноборскаго скита [2]), но пробыли здѣсь не долго. Пожаръ истребилъ всѣ построенныя ими зданія и пожитки и они, по приглашенію крестьянина Захарія Дровнина, перешли (въ 1694 году) въ его домъ на берегу рѣки Выгъ [3]). Здѣсь ихъ община, подъ руководствомъ Андрея Денисова, получила правильное устройство. Съ этого времени Денисовъ дѣлается душою и «законодавцемъ» всего общества. Но заботясь объ общинѣ, Андрей Денисовъ заботился и о своемъ самообразованіи: изучалъ священное Писаніе, присматривался къ людямъ, изучалъ характеры и нужды своихъ братій; не разъ стран-

[1]) По имени его поморскій толкъ называется *даниловскимъ*.
[2]) Въ 50 вер. отъ г. Повѣнца; теперь здѣсь православный приходъ.
[3]) Въ 70 вер. отъ г. Повѣнца.

ствовалъ, подъ видомъ купца, по разнымъ городамъ Россіи и пріобрѣлъ не мало хитрости и изворотливости; наконецъ, пробылъ даже въ Кіевѣ около года, прилежно изучая «риторское, философское и феологическое ученіе».

Кромѣ Данилы Викулова и Андрея Денисова, благоустройству Выговской общины много содѣйствовали *Семенъ Денисовъ*, *Петръ Прокопьевъ* и нѣкоторыя другія лица.

Братъ Андрея Денисова *Семенъ* поселился въ Выговской общинѣ въ 1697 г. вмѣстѣ съ отцомъ и младшимъ братомъ Іоанномъ. Онъ не уступалъ своему брату Андрею въ природныхъ дарованіяхъ и, во время странствованій съ нимъ по Россіи, «грамматику, риторику, піитику и часть философіи изучивши», не переставалъ заниматься чтеніемъ книгъ въ самой пустыни. При жизни брата, онъ дѣятельно помогалъ ему въ управленіи Выгорѣцкимъ общежитіемъ, а послѣ его смерти (въ 1730 г.) десять лѣтъ былъ настоятелемъ, дѣятельно поддерживая и распространяя расколъ.

Четвертый дѣятель по устроенію Выгорѣцкой общины, родственникъ Денисовыхъ, *Петръ Прокопьевъ* пришелъ къ Данилѣ Викулову въ 1692 г. Какъ человѣкъ искусный въ церковномъ чтеніи и пѣніи и знатокъ церковнаго устава, онъ былъ сдѣланъ первымъ екклезіархомъ въ Выгорѣцкомъ общежитіи, завелъ въ немъ строгій порядокъ въ отправленіи церковныхъ службъ и празднованіи праздниковъ и вообще былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Данилы Викулова и братьевъ Денисовыхъ. Изъ другихъ сотрудниковъ его можно назвать *Трифона Петрова*, занявшаго мѣсто уставщика по смерти Петра Прокопьева, *Мануила Петрова* и нѣкоторыхъ др.

Подъ руководствомъ названныхъ лицъ, Выгорѣцкая община получила чисто *монастырское устройство*. Но сдѣлалось это не вдругъ. Сначала, пока община Данилы Викулова и Андрея Денисова была не велика и помѣщалась въ домѣ Захарія Дровнина, братія собиралась на молитву въ столовую, при чемъ мужчины становились по одну сторону, а женщины—по другую, по срединѣ же была завѣса. Затѣмъ, когда стали приходить къ нимъ цѣлыми семьями, были выстроены новыя кельи, столовыя и часовня съ трапезою, которая была раздѣлена перегородкою на двѣ половины. На первыхъ порахъ семейные жили вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, но потомъ, когда число братіи еще болѣе увеличилось, по срединѣ общежитія, обнесеннаго оградою, была проведена стѣна, по одну сторону которой жили братія, а по другую—сестры, для свиданій же была назначена келейка съ оконцемъ. Несмотря на это, въ общежитіи развилось страшное распутство. Тогда рѣшено было устроить женскую обитель отдѣльно отъ мужской, хотя и въ зависимо-

сти отъ нея. Такая обитель и была устроена на р. *Лексѣ* (въ 22 верстахъ отъ Выгорѣцкаго общежитія) въ 1706 году [1]). Кромѣ того, по р. Выгъ и другимъ рѣкамъ и озерамъ основалось множество скитовъ, гдѣ раскольники селились или по одиночкѣ, или цѣлыми семьями, и устроили часовни. Въ томъ и другомъ общежитіи всѣ порядки были *монастырскіе*. Во главѣ общежитій стояли настоятели. За церковными порядками слѣдилъ экклезіархъ, въ помощь которому были даны пѣвцы, псаломщики, канонархи; учреждены были должности келаря, подкеларя, казначея, старосты, нарядника и пр. Важнѣйшія дѣла общежитій и скитовъ рѣшались «соборомъ», въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ настоятелей, или, за отсутствіемъ ихъ, экклезіарха, засѣдали старцы-духовники, келарь, казначей и староста съ выборными отъ скитовъ. Власть собора была очень велика: онъ могъ судить не только рядовую братію и членовъ собора, но и самихъ настоятелей. Когда оказывалось, что какое-нибудь чиноположеніе или правило кѣмъ-либо не исполняется, то соборъ требовалъ отъ виновнаго собственноручной подписки къ выполненію его. Къ частнымъ лицамъ соборъ относился очень строго: виновнаго требовали на соборъ чрезъ десятскаго, а иногда приводили даже подъ карауломъ, и присуждали то къ временному отлученію отъ общества, то къ публичному покаянію, то къ заключенію въ смирительную келію, то къ сидѣнію на цѣпи, то къ тѣлесному наказанію. Весь образъ жизни выгорѣцкихъ иноковъ былъ точно опредѣленъ особыми правилами, изложенными въ Уставѣ Выгорѣцкаго общежительства [2]). Этими правилами предписывалось богомоленіе, постъ, дѣвственное житіе, физическій трудъ, нестяжательность и послушаніе старшимъ. За исполненіемъ правилъ должны были строго наблюдать избранные настоятелями старосты; виновные въ нарушеніи ихъ строго наказывались. Эти же правила были обязательны и для скитовъ, хотя они находились въ меньшей зависимости отъ настоятелей. По внѣшности, дѣйствительно, все тамъ было по чину монастырскому. Ежедневно, съ ударомъ колокола, шли насельники Выгорѣцкіе, по двое въ рядъ, въ часовню и становились на своихъ мѣстахъ: «юнные, иже

[1]) Послѣ устройства Лексинскаго общежитія, на Выгѣ оставили жить немногихъ женщинъ,—не въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ женскій полъ раньше, а въ другомъ, за горкою, близъ кладбища. Здѣсь были построены коровій дворъ, челядня, портомойная, молошница и все это обнесено оградой, у воротъ которой поставлена была келья для свиданія родственниковъ. Мѣсто это обыкновенно называлось коровьимъ дворомъ; здѣсь обычно останавливались пріѣзжіе съ Лексы (Смирновъ П. С. Споры и раздѣленія въ рус. раск. въ перв. четвер. XVIII в. Спб., 1909 г., стр. 22).

[2]) Исполненіе этого устава было поставлено Андреемъ Денисовымъ (въ 1702 г.) непремѣннымъ условіемъ, при которомъ онъ согласился взять на себя обязанности главнаго управителя общины (Смирновъ П. С. Споры и раздѣленія въ рус. раск. въ первой четв. XVIII в., стр. 9—10).

отъ міра приходили», бѣльцы съ надзирателемъ за каждымъ пятькомъ, «старцы и схимники», одѣтые въ старинное монашеское платье, съ лестовками и костылями въ рукахъ. Здѣсь служили вечерню, утреню, часы и молебенъ, на праздникъ всенощное бдѣніе и чинъ возвышенія панагіи, а настоятели и нѣкоторыя другія лица, болѣе грамотныя, говорили поученія, нерѣдко собственныя, такъ что служба продолжалась иногда (особенно при постороннихъ) 7—8 часовъ. Во время службы всѣ должны были стоять чинно, не смѣясь, не разговаривая и не оглядываясь по сторонамъ, извѣстнымъ образомъ держать руки, ноги, глаза и полагать въ опредѣленное время поклоны. Послѣ богослуженія также чинно, въ предношеніи иконы, шли они въ столовую и тамъ въ полномъ безмолвіи вкушали пищу,—слышенъ былъ только голосъ чтеца, читавшаго какую-либо назидательную книгу. Старецъ Корнилій, а затѣмъ черный попъ Пафнутій соловецкій, старцы Павелъ, Варлаамъ, а также настоятели, поучали вѣрѣ, перекрещивали, совершали требы и постригали въ иноки. Однако братія часто забывала, что живетъ въ монастырѣ, и настоятели должны были напоминать имъ объ этомъ, нерѣдко употребляя строгія мѣры взысканія. Но это вооружало противъ нихъ «иноковъ», и одни изъ нихъ бѣжали изъ Выгорѣціи совершенно, другіе, поживши въ общежитіи, уходили въ скиты, гдѣ жизнь была свободнѣе, а потому волей-неволей приходилось смотрѣть на многое сквозь пальцы. Притомъ же и сами настоятели жили не безукоризненно. Нерѣдко они посѣщали Лексинское общежитіе и проводили тамъ цѣлые дни и ночи въ сообществѣ женщинъ [1]).

Устроя внутренній бытъ своей общины, Денисовы обратили вниманіе и на *внѣшнюю* сторону. По ихъ указаніямъ, вырубались лѣса, обработывались пашни, устроенъ скотный дворъ, мастерскія: кузнечная, мѣдная, портняжная, чеботная и столярная, поварня, хлѣбная, прачечная (бучея), больница, гостинница для пріѣзжающихъ, кирпичный, кожевенный и лѣсопильный заводы, построена мельница и заведены рыбныя ловли. Во время неурожаевъ, особенно въ «зяблые годы» [2]), когда многіе уходили изъ общежитія, Андрей съ своимъ братомъ Семеномъ отправлялись сами, или же посылали другихъ въ Москву, въ Нижній-Новгородъ, Псковъ и др. мѣста для сбора подаянія и покупки провіанта. Въ 1705 г. они выхлопотали указъ, которымъ «выгорѣцкіе жители» Тихонъ Ѳеофиловъ и Никифоръ Никитинъ назначались: первый старостою

[1]) О жизни и нравственности поморскихъ наставниковъ подробнѣе см. въ «Бр. Сл.» 1888 г. т. I, стр. 399—402,—472—474.

[2]) Въ Выгорѣцкомъ лѣтописцѣ подъ 1705 г. замѣчено: «Годы зяблые семь лѣтъ были» а въ «житіи» Андрея Денисова сказано, что «гладное искушеніе» продолжалось больше «десятолѣтняго обхожденія» (Смирновъ П. С. Споры и раздѣленія въ рус. раск. въ первой четверти XVIII в. стр. 14—15 и прим. 37).

для жителей всего Выгорѣцкаго суземка, а другой—его помощникомъ, «выборнымъ», и всѣ выговцы ставились въ особое привилегированное положеніе: ихъ велѣно было оберегать отъ посторонних людей и не давать никому въ обиду, обѣщано было прибавить земель и угодій, даны льготы по исполненію работъ на казенныхъ заводахъ и т. п. Въ 1710 г. выговцы взяли на откупъ огромную пашню въ Каргопольскомъ уѣздѣ по р. Чаженгѣ, построили нѣсколько келій и развели обширное хлѣбопашество и скотоводство. Въ 1711 г. они выхлопотали второй указъ, въ силу котораго имъ давалось право производить торговлю и промыслы и повелѣвалось не чинить имъ и ихъ посланнымъ «обидъ и утѣсненія и въ вѣрѣ по старопечатнымъ книгамъ помѣшательства», а въ 1714 г. третій—на право ловить звѣрей и рыбу. Благодаря этому они вскорѣ завели торговлю льномъ, звѣриными шкурами, масломъ и рыбою съ Петербургомъ, Москвою, Новгородомъ, Рыбинскомъ, Казанью и др. городами и стали перевозить хлѣбъ изъ низовыхъ городовъ въ Петербургъ на собственныхъ судахъ, для стоянки которыхъ устроили прекрасную пристань на берегу Онежскаго озера въ селеніи Пигматкѣ. Вскорѣ слухъ о Выговскомъ общежитіи распространился по всей Россіи и сюда стали поступать богатыя подаянія, большія суммы по завѣщаніямъ умирающихъ, въ уплату за иконы, рукописи, за причастіе, принесенное будто бы изъ Соловецкаго монастыря Аврамiемъ и пр.—и богатство общежитія возросло. Но этимъ не кончились заботы Денисовыхъ о своей общинѣ. Во время разъѣздовъ они собрали изъ разныхъ библіотекъ и ризницъ—отчасти за деньги, отчасти хитростію и обманомъ,—множество древнихъ книгъ, нерѣдко скрѣпленныхъ подписью царей и архипастырей, крестовъ, иконъ и церковной утвари, а затѣмъ устроили нѣсколько *школъ: школу пѣвцовъ*—для снабженія ими раскольническихъ часовенъ; *школу писцовъ*—для списыванія и распространенія раскольническихъ сочиненій и *школу иконописцевъ*—для приготовленія иконъ въ раскольническомъ духѣ. Для послѣдней былъ вывезенъ Андреемъ Денисовымъ вязниковецъ Алексѣй Гавриловъ, «вельми хитрый въ дѣлѣ иконнаго писанія». *Школа грамотности*, учрежденная для малолѣтнихъ въ самомъ началѣ общежитія, теперь была расширена и сдѣлалась однимъ изъ предметовъ заботъ Денисова. Въ этой школѣ обучали не только грамотѣ, но и реторикѣ, почему изъ нея вышло не мало писателей, которые составляли раскольническіе синодики, службы умершимъ защитникамъ раскола, разсказы о чудесахъ отъ мнимыхъ выгорѣцкихъ мощей, сочиненія полемическія, историческія и т. п. Благодаря такому устройству, Выгорѣцкое общежитіе достигло

большого процвѣтанія и вскорѣ стало не только центромъ тогдашней безпоповщины, но и опорою всего раскола.

Процвѣтаніе Выгорѣцкаго общежитія продолжалось въ теченіе всей второй половины XVIII ст. и первой четверти прошедшаго; правительство относилось къ нему покровительственно: губернаторы, ѣздившіе на Выгъ и Лексу, чинно выстаивали въ Лексинской часовнѣ вечерни, часы и молебны. Связь съ Петербургомъ была настолько сильна, что нѣкоторыхъ богатыхъ раскольниковъ, послѣ смерти и погребенія тамъ, перевозили для новаго погребенія на Выгъ или Лексу. Въ томъ и другомъ общежитіи воздвигались все новыя и новыя зданія, строились новыя часовни и колокольни, вѣшались большіе колокола и т. п. Ежегодный доходъ общежитій простирался до 200,000 р., а число насельниковъ въ 1835 г. достигало 3,000 человѣкъ. Но со второй четверти прошлаго столѣтія положеніе Выгорѣцкаго общежитія стало измѣняться къ худшему: за Поморьемъ былъ учиненъ строгій надзоръ, выговцамъ запрещено было (въ 1836 г.) именоваться отдѣльнымъ обществомъ и пріобрѣтать на свое имя недвижимую собственность; въ 1837 г. «13 колоколовъ запечатали и звонъ отняли» и т. д. Въ 1854 г. общежитіе и скиты были закрыты; раскольники и раскольницы, проживавшіе въ нихъ безъ паспортовъ, выселены въ приходы и мѣстности, изъ коихъ прибыли. Часовни, находившіяся въ монастыряхъ и скитахъ, запечатаны и одна за другою переданы въ вѣдѣніе епархіальнаго начальства. Въ 1856 г. въ Даниловѣ и Лексѣ открыты православные приходы изъ переселенныхъ сюда на жительство изъ Пскова крестьянъ.

Сначала поморцы твердо держались общаго безпоповщинскаго ученія, но потомъ, въ силу нѣкоторыхъ историческихъ обстоятельствъ, вынуждены были измѣнить нѣкоторые пункты. Прежде всего былъ измѣненъ пунктъ о *моленіи за царя*. Въ 1738 г. одинъ изъ выговцевъ, по фамиліи Круглый, донесъ правительству, что поморцы не молятся за государыню Императрицу и весь Царствующій Домъ. По этому доносу, въ Выговскую пустынь была отправлена комиссія, подъ предсѣдательствомъ чиновника Самарина. Услышавъ объ этомъ, поморцы рѣшились было подвергнуться самосожженію, но потомъ, по убѣжденію наставниковъ, оставили свое намѣреніе и, во избѣжаніе кары со стороны правительства, положили, чтобы «въ тропаряхъ, кондакахъ и стихирахъ, какъ гдѣ напечатано въ книгахъ, Ея Императорское Величество поминать вездѣ» [1]). А чтобы опровергнуть доносъ, написали тропарь «Спаси, Господи, люди Твоя» и, на случай осмотра, положили его во всѣхъ ча-

[1]) До этого времени всѣ мѣста въ богослужебныхъ книгахъ, упоминающія царское имя, выговцами были изглажены и заклеены.

совняхъ. Мало того, по прибытіи комиссіи, они уговорили доносчика Круглаго отказаться отъ своего доноса, что тотъ и сдѣлалъ (въ апрѣлѣ 1739 г.), сказавъ, что изъ мести оклеветалъ добрыхъ людей. Такимъ образомъ моленіе за царя у поморцевъ сначала принято было по нуждѣ: изъ-за страха передъ властію; но впослѣдствіи оно стало оправдываться писаніемъ. Впрочемъ, большинство поморцевъ продолжало держаться прежняго взгляда на этотъ предметъ; въ 1836 г. выговцевъ снова приходилось *принуждать* къ моленію за царя. Въ настоящее время тѣхъ поморцевъ, которые молятся за царя, а браковъ не пріемлютъ, другіе раскольники называютъ *тропарщиками*. Тропарщики, кромѣ Поморья, живутъ въ Саратовской губ.

Другой пунктъ ученія, подвергшійся измѣненію, былъ—*о бракѣ*. Для большинства выговскихъ «иноковъ» безбрачная жизнь была не по силамъ; но еще труднѣе было жить цѣломудренно тѣмъ поморцамъ, которые жили по деревнямъ и погостамъ цѣлыми семьями. Вопросъ о бракѣ настойчиво требовалъ рѣшенія. Для разрѣшенія его выговцы собирали «соборы» изъ своихъ старѣйшинъ, но—безъ пользы. Въ тѣхъ же видахъ поморецъ Вышатинъ путешествовалъ на востокъ отыскивать истинное священство, съ пріобрѣтеніемъ котораго вопросъ о бракѣ рѣшался бы самъ собою, но умеръ тамъ въ 1732 г., не достигнувъ цѣли. Между тѣмъ, всѣ усилія выговскихъ наставниковъ удержать своихъ послѣдователей отъ брачной жизни были безуспѣшны. Поэтому они стали дѣлать снисхожденіе не только староженамъ (женатымъ до перехода въ расколъ), но и новоженамъ (вѣнчаннымъ въ православной церкви послѣ перехода въ расколъ). Послѣ небольшой эпитиміи, послѣднихъ допускали до совокупной молитвы, приглашали за общую трапезу, только сажали за особый столъ, и оставляли жить въ одной кельѣ съ женами, а у новоженовъ, жившихъ по деревнямъ, свободно крестили дѣтей. Мало того, они не рѣшались строго преслѣдовать и тѣхъ новоженовъ, которые вступали въ бракъ безъ вѣнчанія церковнаго, по одному взаимному согласію, хотя не признавали ихъ истинными христіанами, какъ не вѣнчанныхъ православнымъ священникомъ. Свое снисхожденіе къ нимъ они оправдывали тѣмъ, что, за неимѣніемъ священства, всѣмъ совѣтуютъ жить безбрачно; если же кто ихъ не слушаетъ, то самъ и въ отвѣтѣ предъ Богомъ. Послѣдній видъ поморцевъ существуетъ и теперь, подъ именемъ *полубрачныхъ даниловцевъ*, въ Архангельской, Олонецкой, Ярославской, Костромской, Самарской и нѣкоторыхъ др. губерніяхъ, въ Области войска Донского, въ Петербургѣ и Москвѣ.

2. Ѳедосѣевскій толкъ.

Основателемъ ѳедосѣевскаго толка былъ дьячекъ Крестецкаго Яма [1]), Новгор. губ., *Ѳеодосій Васильевъ*, человѣкъ умный, исполненный ревности по расколу, великій книжникъ, свободно владѣвшій устною и письменною рѣчью. Сначала онъ принадлежалъ къ поморскому толку, но въ концѣ XVII вѣка удалился за сѣверозап. польскую границу, въ Невельскій уѣздъ, Витеб. г., образовалъ тамъ два общежитія—мужское и женское и сталъ во главѣ ихъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Ѳеодосій переселился въ Великолуцкій уѣздъ, Псков. г., и вскорѣ умеръ († 1711). Послѣ этого, въ теченіе первой половины XVIII ст., послѣдователи его жили въ разныхъ мѣстахъ—по лѣсамъ, мызамъ и городамъ, въ томъ числѣ и въ Москвѣ. Проповѣдуя своимъ ученикамъ общее безпоповщинское ученіе, Ѳеодосій Васильевъ, вѣроятно, для отличія своей общины отъ поморцевъ, сталъ учить и многому такому, чего послѣдніе не принимали. Такъ, онъ училъ, что бракъ двухъ лицъ, заключенный въ православной церкви до перехода ихъ въ расколъ, слѣдуетъ считать законнымъ и не расторгать. По этому вопросу между нимъ и Денисовымъ возникла оживленная полемика, которая, однако, не повела къ разрыву. Затѣмъ Ѳеодосій Васильевъ утверждалъ, что титлу на крестѣ должно писать І. Н. Ц. І., а не—«Царь славы, Іисусъ Христосъ ника», какъ утверждали поморцы; что иноковъ, по перекрещиваніи, слѣдуетъ признавать не иноками, какъ учили поморцы, а бѣльцами; пищу, покупаемую на рынкѣ, нужно считать оскверненною и очищать ее молитвами и поклонами. Кромѣ того, онъ надѣвалъ на себя священническія поручи, когда крестилъ кого-либо, читалъ священническія молитвы при крещеніи младенцевъ, при исповѣди и погребеніи и пр. Для устраненія этихъ разностей Ѳеодосій ѣздилъ въ Выговское общежитіе и былъ принятъ тамъ съ честію. Послѣ продолжительной бесѣды съ выговскими отцами, онъ отказался отъ употребленія поручей и уѣхалъ въ мирѣ. Но чрезъ нѣсколько времени послалъ на Выгъ «предложеніе о догматѣхъ и о титлѣ», а затѣмъ и самъ прибылъ туда (въ 1706 году) съ 6 старѣйшинами. Тамъ, когда зашла бесѣда о титлѣ, поморскіе отцы, колотя руками по столу, кричали: «намъ вашъ Іисусъ Назарянинъ не надобенъ!» Услышавъ это, Ѳеодосій Васильевъ и его товарищи вышли изъ общежитія, разулись и отрясли прахъ отъ обуви, говоря: «не буди намъ съ вами имѣти общеніе ни въ семъ вѣцѣ, ни въ будущемъ». Такимъ образомъ разрывъ совершился [2]). Впослѣдствіи къ

[1]) Теперь г. Крестцы.

[2]) Подробн. см. у Смирнова П. С. въ соч. Вопр. и разд. въ рус. раск., стр. 240—261, 283—295.

числу прежнихъ пунктовъ разногласія присоединился еще новый—*моленіе за царя*. Поморцы, какъ извѣстно, со времени комиссіи Самарина ввели у себя моленіе за царя. За это ѳедосѣевцы обозвали ихъ еретиками и самарянами (по имени Самарина, которому они покорились) и постановили ни въ чемъ съ ними не согласоваться. Несогласіе между ними еще болѣе усилилось вслѣдствіе споровъ *о бракѣ*. Вопросъ о бракѣ окончательно и непримиримо раздѣлилъ оба толка и послужилъ самымъ существеннымъ отличіемъ ихъ другъ отъ друга. Ѳедосѣевцы, согласно ученію своего основателя, сначала снисходительно смотрѣли на бракъ и принимали вѣнчавшихся въ православной церкви безъ развода «на чистое житіе». Но, по смерти Ѳеодосія, ученики его, подъ вліяніемъ убѣжденій поморцевъ, измѣнили это ученіе и стали требовать отъ всѣхъ послѣдователей своего толка строгаго дѣвства. Въ 1752 г. они составили въ Польшѣ соборъ [1]), на которомъ однимъ изъ главныхъ вопросовъ былъ вопросъ о бракѣ. «Отцы» собора подраздѣлили всѣхъ женатыхъ ѳедосѣевцевъ на двѣ группы: староженовъ и новоженовъ и сдѣлали о нихъ постановленія. Къ староженамъ они отнеслись съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ: браки ихъ называли законными и постановили принимать ихъ на общественную молитву безъ развода; однако тутъ же прибавили, что, въ случаѣ дѣторожденія, отцы духовные должны наказывать ихъ отлученіемъ за перваго ребенка на полгода, за второго—на годъ и за третьяго—на 2 года (ст. 45). Что же касается новоженовъ, то постановленія по отношенію къ нимъ были очень строги: Ихъ запрещено было принимать на общее моленіе, жить съ ними въ одномъ домѣ, сообщаться въ пищѣ и питіи, мыться въ одной банѣ, принимать «ѳезъ роспусту», т. е. безъ развода, на покаяніе, крестить новоженскихъ дѣтей, пѣстовать ихъ и помогать женщинамъ во время родовъ [2]). Такія постановленія равнялись полному отлученію отъ общества и потому многіе ѳедосѣевцы переходили въ другіе толки, или же оставляли своихъ женъ, брали себѣ «стряпухъ въ покойщицы» и вели развратную жизнь, такъ что все согласіе «было исполнено блуда и сквернодѣянія». Такая зазорная жизнь вызывала со стороны нѣкоторыхъ ѳедосѣевцевъ сильныя обличенія. Одинъ изъ нихъ, молодой и энергичный стародубскій крестьянинъ *Иванъ Алексѣевъ*, рѣшился положить ей конецъ и сталъ учить не только о необходимости, но и возможности брачной жизни въ безпоповщинѣ. По его ученію, безпоповцы, по неимѣнію «православнаго

---

[1]) Соборъ этотъ обыкновенно называется «*польскимъ*» и утвержденныя на немъ правила—«*польскими статьями*».

[2]) Подлинныя правила напечатаны въ книгѣ прот. Іоаннова—Историч. изв. о древ. стриг. и новыхъ раск. во II ч. на 39—51 стр., изд. 1855 г.

священства», могутъ вѣнчаться въ церкви «внѣшней» (т. е. православной), и такіе браки ихъ будутъ законны. Православная церковь, говорилъ онъ, въ древности принимала безъ повторенія не только еретическіе, но и языческіе браки. Такое ученіе Иванъ Алексѣевъ проводилъ сначала устно, а потомъ письменно (въ сочиненіи: «О тайнѣ брака»). Вскорѣ вокругъ него образовалось цѣлое общество, извѣстное подъ именемъ «новоженовъ», которое стало прилагать его ученіе къ дѣлу. Однако ученіе о безбрачіи не оставлено ѳедосѣевцами и въ настоящее время, находя себѣ горячихъ защитниковъ на Преображенскомъ кладбищѣ.

Преображенское кладбище возникло въ 1771 г. въ Москвѣ. Основателемъ его былъ московскій купецъ *Илья Ковылинъ*, человѣкъ умный, ловкій, но совершенно необразованный. Въ 1771 г. въ Москвѣ свирѣпствовала страшная чума и голодъ. Жители въ страхѣ бѣжали изъ Москвы въ окрестные города и селенія. Карантинные дома правительства были переполнены зачумленными, а между тѣмъ число послѣднихъ увеличивалось. Въ это время Ковылинъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Зеньковымъ, какъ бы изъ-за желанія помочь правительству, стали просить разрѣшеніе учредить на собственныя средства частный карантинъ для осмотра всѣхъ, выходящихъ изъ Москвы, и кладбище для погребенія умершихъ отъ чумы. Разрѣшеніе было дано; отведено было и мѣсто для карантина съ кладбищемъ (между Преображенской и Семеновской заставой). Ковылинъ съ Зеньковымъ поставили заставу, выстроили нѣсколько домиковъ и задерживали всѣхъ, кто хотѣлъ выйти изъ Москвы. Для облегченія положенія несчастныхъ они употребляли всевозможныя средства. Всѣ ѳедосѣевцы, жившіе въ то время въ Москвѣ, были собраны для ухода за больными. Самъ Ковылинъ умирающихъ напутствовалъ исповѣдью, мертвыхъ отпѣвалъ и хоронилъ на своемъ кладбищѣ. Слухъ объ этомъ скоро распространился въ Москвѣ, и къ Ковылину устремились цѣлыя толпы народа. Онъ никому не отказывалъ; каждый могъ жить въ его заведеніи и пользоваться всѣмъ необходимымъ, лишь бы соблюдалъ нѣкоторые обряды, какъ, напр., семипоклонный началъ предъ принятіемъ пищи и послѣ него. При этомъ Ковылинъ внушалъ всѣмъ поступавшимъ, что бѣдствія чумы и голода произошли отъ никоніанской вѣры: Богъ караетъ ими отступниковъ отъ православія, и совѣтовалъ всѣмъ, особенно умирающимъ, отречься отъ никоніанства и «переправиться», т. е. перекреститься. Внушенія его не оставались безъ послѣдствій: чаны, нарочно для того приготовленные, безпрестанно наполнялись водою для перекрещиванія желающихъ; крестили и такихъ, которые сами уже не могли выразить никакого желанія. Случалось даже, что многіе, изнуренные голо-

домъ и болѣзнію, умирали при самомъ погруженіи. По убѣжденію Ковылина, умиравшіе и больные жертвовали все свое имущество въ пользу принявшаго ихъ учрежденія, и несчетныя богатства были перевезены въ кладовыя Ковылина. Вскорѣ прежнихъ карантинныхъ домиковъ, построенныхъ наскоро, оказалось недостаточно. Въ это время въ Москвѣ было много домовъ, совершенно опустѣлыхъ. Ковылинъ велѣлъ разломать ихъ и изъ пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ матеріаловъ выстроилъ обширныя помѣщенія (одно—для мужчинъ, а другое—для женщинъ), гдѣ и размѣстилъ членовъ новой общины. Послѣ этого, по общему желанію, онъ сдѣлался настоятелемъ. Между тѣмъ чума прекратилась; нѣкоторые изъ членовъ общины изъявили желаніе возвратиться въ свои дома и взять обратно свое имущество. Но Ковылинъ уговорилъ ихъ отказаться отъ своего намѣренія и принялся за *внѣшнее и внутреннее устройство* своей *общины*. Вскорѣ выстроена была часовня и трапеза. Первая была украшена древними иконами въ богатыхъ окладахъ, частію найденными въ домахъ жертвователей, частію же пріобрѣтенными обманомъ изъ церкви св. Анастасіи, что на Неглинной, въ Москвѣ. Не довольствуясь этимъ, Ковылинъ желалъ придать своей общинѣ *видъ монастыря*. Поэтому онъ назвалъ ее монастыремъ и запретилъ ѳедосѣевцамъ называть иначе; установилъ употреблять только постную пищу, назначилъ особаго рода одежду для мужчинъ и для женщинъ, завелъ опредѣленный порядокъ въ трапезѣ и молельняхъ [1]); самъ ѣздилъ въ Выгорѣцкое общежитіе, чтобы заимствовать оттуда правила для своей общины; но, не удовлетворившись ими, замѣнилъ новыми, взятыми съ Вѣтки; мужчинъ и женщинъ онъ помѣстилъ въ особыхъ зданіяхъ, раздѣленныхъ небольшою досчатою стѣною. Но это нисколько не препятствовало сношеніямъ обитателей, и вскорѣ въ монастырѣ появилось значительное число «воспитанниковъ Ильи Алексѣевича», для которыхъ устроены были особые пріюты, гдѣ ихъ обучали чтенію, письму, пѣнію,—вообще давали приличное для ѳедосѣевца образованіе. Такое устройство общины привлекало въ нее многихъ членовъ; но еще болѣе привлекали ихъ матеріальныя средства кладбища. Московскіе и иногородные капиталисты нерѣдко заимствовали изъ кассы кладбища значительныя суммы и потому стано-

[1]) Въ опредѣленное время, по данному знаку, всѣ собирались въ часовню, гдѣ совершались вечерня, утреня и часы, послѣ часовъ панихида по умершимъ отъ чумы. По окончаніи службы, всѣ въ полномъ порядкѣ, съ пѣніемъ, съ иконой впереди, шли въ трапезу; тамъ наставникъ прочитывалъ «Отче нашъ»; всѣ полагали опредѣленное число земныхъ поклоновъ и садились за столъ; прислужники разносили пищу, а одинъ изъ братій читалъ житіе святого. По окончаніи трапезы, всѣ пѣли «Достойно есть», опять полагали обычное число поклоновъ и въ прежнемъ порядкѣ шли за иконою въ молельню, гдѣ и оставляли ее, а сами расходились по кельямъ.

вились въ зависимость отъ него. Такимъ образомъ, число членовъ Преображенскаго кладбища все болѣе и болѣе увеличивалось и, спустя какихъ-нибудь 20 или 25 лѣтъ послѣ моровой язвы, въ пріютахъ его считалось уже 500 человѣкъ обоего пола и до 3,000 прихожанъ, большею частію изъ зажиточныхъ купцовъ.

Слухъ о богатствѣ Преображенскаго кладбища и молва о самомъ Ковылинѣ скоро распространились и въ иногородныхъ ѳедосѣевскихъ общинахъ. «Отличная его (Ковылина) слава гремѣла во всей Москвѣ, и раздавался звукъ ея въ Петрополѣ, Ригѣ, Астрахани, Нижнемъ и въ прочихъ странахъ благочестія» (П. Любопытный). Дѣйствительно, значеніе Ковылина въ расколѣ было велико. Онъ былъ «въ церкви патріархъ, а въ мірѣ—владыка міра» (Любоп.): имѣлъ въ Петербургѣ сильныхъ и вліятельныхъ друзей, былъ коротко знакомъ съ московскими властями, такъ что не боялся даже потѣшиться надъ ними, и потому вскорѣ сдѣлался «общимъ и отличнымъ покровителемъ» всего раскола. Изъ всѣхъ городовъ пріѣзжали къ нему почетные ѳедосѣевцы искать дружбы и покровительства, клали предъ нимъ земные поклоны и цѣловали его руку. Обыкновенно они просили у него пѣвчихъ и наставниковъ. Ковылинъ, конечно, охотно исполнялъ такія просьбы, но всегда съ условіемъ, чтобы настоятели иногородныхъ ѳедосѣевскихъ общинъ «крестнымъ цѣлованіемъ утвердили преданность свою и своихъ единовѣрцевъ кладбищу и готовность быть послушными всѣмъ его требованіямъ». Съ своей стороны онъ обѣщалъ имъ всякую помощь, даже матеріальную, что и исполнялъ. Такимъ образомъ, Преображенское кладбище стало *центромъ* не только московскихъ, но и всѣхъ иногородныхъ ѳедосѣевцевъ. Но этимъ не ограничилась дѣятельность Ковылина. Въ царствованіе Александра I, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ зданій, онъ выстроилъ великолѣпныя каменныя, а затѣмъ добился того, что получилъ Высочайшее разрѣшеніе (15 мая 1809 г.) основать при Преображенскомъ кладбищѣ богадѣльню съ тѣми правами, какими пользуются подобныя ему частныя благотворительныя заведенія [1]). Послѣ этого онъ до своей смерти († 1809 г.) выхлопоталъ еще нѣсколько правъ своему кладбищу и всему ѳедосѣевскому обществу. Когда же выборные отъ иногородныхъ ѳедосѣевскихъ общинъ явились къ нему съ благодарностію, то онъ взялъ съ нихъ обѣщаніе, чтобы ихъ наставники были поставляемы не иначе, какъ съ утвержденія настоятеля и попечителей Преображенскаго кладбища, отъ которыхъ должны получать и грамоты на это званіе. Вообще Ковылинъ довелъ Преображенское кладбище до такого цвѣтущаго состоянія, что

[1]) Интересныя подробности этого дѣла см. въ журналѣ «Православный Путеводитель» за 1903 г., т. II, стр. 594—599.

оно долго послѣ его смерти могло сохранить свою самостоятельность и значеніе. На кладбищѣ было нѣсколько обширныхъ зданій, обнесенныхъ каменной оградой; въ немъ проживало до 1.500 человѣкъ обоего пола и до 200 малолѣтнихъ дѣтей, а число прихожанъ достигло до 10,000 человѣкъ. Въ зависимости отъ него находились многочисленныя ѳедосѣевскія общины въ губерніяхъ: Ярославской, Тверской, Новгородской, Лифляндской, Нижегородской, Саратовской, Казанской, Симбирской, а также на Уралѣ, Дону и Кубани. Всѣ эти общины получали отъ кладбища наставниковъ, покупали здѣсь богослужебныя книги, иконы, свѣчи и т. п.

По смерти Ковылина, отношенія къ настоятелю кладбища, какъ со стороны прихожанъ, такъ и со стороны иногородныхъ ѳедосѣевцевъ, нѣсколько измѣнились, потому что новый настоятель, купецъ Гончаровъ, не пользовался такимъ авторитетомъ и довѣріемъ, какъ Ковылинъ. Однако и теперь Преображенское кладбище оставалось богатымъ и сильнымъ и свободно продолжало свое существованіе во все время царствованія Императора Александра I. Правда, вслѣдствіе обнаруженныхъ на кладбищѣ безпорядковъ, въ 1823 г., для наблюденія надъ нимъ былъ назначенъ особый чиновникъ подъ именемъ смотрителя, зависѣвшій отъ генералъ-губернаторской канцеляріи; но попечители кладбища своими подачками задобрили его и подъ его прикрытіемъ стали безпрепятственно совершать всѣ прежнія беззаконныя дѣла. Онъ сдѣлался даже защитникомъ ихъ предъ генералъ-губернаторомъ и оффиціальнымъ ходатаемъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по дѣламъ кладбища.

Со вступленіемъ на престолъ Николая Павловича, былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣропріятій къ ограниченію внутренней жизни и самоуправленія Преображенскаго кладбища и къ ослабленію раскольническаго характера этого учрежденія. Въ 1826 году вышелъ указъ объ уничтоженіи раскольническихъ молелень, основанныхъ менѣе, чѣмъ за 10 лѣтъ до изданія этого указа, а въ 1846 г. послѣдовало распоряженіе о подчиненіи Преображенскаго богадѣленнаго дома вѣдѣнію Московскаго попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія. Съ 1848 по 1853 г. также было издано немало распоряженій. Вслѣдствіе этихъ распоряженій въ 2 палатахъ (мужского и женскаго отдѣленій) устроены были помѣщенія, одинаковыя съ другими богоугодными заведеніями; отдѣльныя кельи для пріѣзжающихъ были уничтожены. Больныхъ, не принадлежащихъ къ числу призрѣваемыхъ Преображенскаго кладбища, было воспрещено принимать. Отдѣленія внѣ кладбища, вполнѣ зависѣвшія отъ него, велѣно было уничтожить; хапиловскую крещальню и крестильный домъ запечатать. Строжайше запрещено было всѣмъ жителямъ Преображенскаго кладбища носить монаше-

скую одежду, погребать здѣсь раскольниковъ безъ дозволенія начальства и вѣдома полиціи. Въ 1853 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ усвоеніи за Преображенскимъ богадѣленнымъ домомъ значенія благотворительнаго и притомъ временнаго учрежденія до смерти, выбытія или перемѣщенія призрѣваемыхъ тамъ въ правительственныя богоугодныя заведенія и о подчиненіи его совѣту Императорскаго человѣколюбиваго общества, съ назначеніемъ смотрителя отъ министра внутреннихъ дѣлъ и съ опредѣленіемъ ему содержанія изъ суммъ министерства. Пріемъ вновь раскольниковъ въ богадѣленный домъ для призрѣнія прекращенъ и запрещено содержать при немъ наемныхъ псаломщиковъ и псаломщицъ. На содержаніе богадѣльни назначены проценты съ капитала и добровольныя пожертвованія за погребеніе, панихиды и пр. Была заведена правильная отчетность. Въ 1856 г. онъ былъ окончательно подчиненъ совѣту Императорскаго человѣколюбиваго общества. Въ 1877 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ составленъ особый уставъ для этого заведенія, по которому завѣдываніе имъ ввѣрено попечительному совѣту заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ, а ближайшее управленіе—особому комитету изъ 6 членовъ и попечителя, предсѣдательствующаго въ комитетѣ.

Въ настоящее время Преображенскій богадѣленный домъ состоитъ изъ 6 каменныхъ двухъэтажныхъ зданій съ 6-ю же внутри ихъ молельнями, въ которыхъ ежедневно совершается ѳедосѣевцами служба, по ихъ обрядамъ: утреня, часы, вечерня, а наканунѣ большихъ праздниковъ и всенощная; здѣсь также служатся панихиды, молебны, совершается отпѣваніе покойниковъ, приносимыхъ изъ города; при молельняхъ же читаются заказныя псалтыри по усопшимъ. Для совершенія службъ имѣется до 180 пѣвцовъ и пѣвицъ, живущихъ внѣ кладбища на готовыхъ квартирахъ и пользующихся доходами. Кромѣ означенныхъ молеленъ, имѣется среди двора большая каменная часовня (соборная), устроенная подобно православному храму — съ главами и колоколами. Для больныхъ изъ призрѣваемыхъ при богадѣленномъ домѣ имѣются двѣ больницы, гдѣ оказывается медицинская помощь и окрестнымъ жителямъ. Въ Москвѣ есть еще скиты (около 10), являющіеся какъ бы отдѣленіями кладбища. Въ нихъ живутъ преимущественно молодыя ѳедосѣевскія дѣвицы. Въ каждомъ скитѣ свой «отецъ», который совершаетъ службу и перекрещиваетъ православныхъ.

Не смотря на свой раскольническій характеръ, Преображенскій богадѣленный домъ безпрепятственно существуетъ и нынѣ. Здѣсь прочно обосновалась корпорація московскихъ ѳедосѣевцевъ, которая является центральною для всѣхъ послѣдователей этого толка, что ясно подтвердилъ *большой ѳедосѣевскій соборъ*, бывшій въ

Москвѣ въ августѣ *1883 г.* Соборъ этотъ былъ вызванъ волненіями ѳедосѣевцевъ по вопросу о бракѣ. На немъ присутствовало до 180 ѳедосѣевскихъ «отцовъ», собравшихся со всѣхъ концовъ Россіи. Соборныя засѣданія начались 15 авг., а кончились 18. На нихъ постановлено 20 правилъ или статей. Этими правилами [1]) соборъ утвердилъ обязательное для всѣхъ безбрачіе; принимающихъ безсвященнославный бракъ призналъ еретиками и велѣлъ принимать въ общеніе черезъ перекрещиваніе; подтвердилъ ученіе о немоленіи за царя и строго осудилъ пьющихъ кофе и чай со скоромнымъ сахаромъ, курящихъ табакъ и брѣющихъ бороды, стригущихъ волосы не на маковицѣ и пріемлющихъ иноземные обычаи въ одеждѣ.

Рѣшительное требованіе безбрачія отражается весьма *вредно на жизни и нравственности* ѳедосѣевцевъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его является развратъ. Онъ сталъ проявляться очень рано и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливался. Ѳедосѣевскіе наставники, начиная съ Ковылина, прямо потворствовали разврату и старались даже оправдать его. Ковылинъ говорилъ такъ: «мы въ крайней нуждѣ находимся, нужда же всѣхъ средствъ, какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ, исполнять не обязана. Нынѣ брака нѣтъ и брачущіеся въ никоніанскихъ храмахъ—прелюбодѣи, еретики. Живя какъ бы по закону, они не чувствуютъ угрызеній совѣсти за свой грѣхъ и не каются, тогда какъ падшій по немощи естества необходимо сознаетъ свою вину и приноситъ въ ней раскаяніе. Поэтому не возбраняется утолять похоть. Тайно содѣянное, тайно и судится. Безъ грѣха нѣтъ покаянія, безъ покаянія нѣтъ спасенія. Въ раю можетъ быть много грѣшниковъ, но ни одного еретика». Такъ же разсуждаютъ и нынѣшніе ѳедосѣевцы. Поэтому жизнь ихъ крайне развратна. Дѣтей, родившихся отъ блуднаго сожитія, ѳедосѣевцы не оставляютъ при матери, потому что ни на Преображенскомъ кладбищѣ, ни въ скитахъ держать ихъ нельзя; но или убиваютъ, или отдаютъ нищимъ, которые воспитываютъ ихъ и пріучаютъ къ нищенству. Впрочемъ, не красна жизнь и новоженскихъ дѣтей. Воспитываясь у своихъ родителей, состоящихъ въ отлученіи отъ общества, они не должны ни молиться, ни ѣсть, ни пить вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. Такимъ образомъ съ юныхъ лѣтъ они привыкаютъ смотрѣть на своихъ родителей, какъ на явныхъ блудниковъ, отлученныхъ отъ церкви и, конечно, не могутъ оказывать имъ должнаго почтенія и уваженія, а непочтеніе къ родителямъ въ корнѣ подрываетъ семейную жизнь, на которой зиждется жизнь общественная и государственная. А тѣ, въ свою очередь, смотрятъ на нихъ какъ на оковы, удер-

[1]) Правила ѳедосѣев. соб. 1883 г. напечатаны въ Бр. Сл. за 1884 г. во II т. на 47—51, 92—104, 144—152 стр.

живающія ихъ при гибельномъ, по ихъ понятію, бракѣ, и не могутъ имѣть къ нимъ истинной любви. Такимъ образомъ, ученіе ѳедосѣевцевъ о бракѣ подрываетъ основы нравственности, семейной и государственной жизни.

Согласія, отдѣлившіяся отъ ѳедосѣевства.

а) Титловщина. Нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ, особенно московскіе и петербургскіе, послѣ долгихъ споровъ съ поморцами, согласились не употреблять титлы І. Н. Ц. І. Но другіе, именно новгородскіе, возстали противъ нихъ. Начались споры. Наконецъ, въ 1791 г. въ Москвѣ былъ составленъ соборъ, на которомъ рѣшено титлу І. Н. Ц. І., какъ «не древнюю», оставить, а не согласныхъ на это—отлучить. Послѣдніе получили названіе *титловцевъ*. Кромѣ ученія о титлѣ, они строго соблюдаютъ наставленіе ѳеодосія Васильева—очищать молитвою покупаемую на рынкѣ пищу. Титловское согласіе имѣетъ много послѣдователей въ Новгородской и Петербургской губерніяхъ.

б) Аристово согласіе. Въ 1809 г., на соборѣ ѳедосѣевцевъ въ Петербургѣ, нѣкоторыя постановленія собора 1752 г. были измѣнены, а именно: дозволено было родителей новоженовъ, по исполненіи епитиміи, принимать въ общеніе, не требуя отъ нихъ раздѣленія однодомовнаго сожитія съ поженившимися дѣтьми, и крестить у «новоженовъ» дѣтей. Противъ такихъ послабленій возсталъ петербургскій купецъ Аристовъ и съ нѣкоторыми изъ своихъ единомышленниковъ выдѣлился изъ ѳедосѣевщины въ особое согласіе, которое по имени его и называется *Аристовымъ*. Такимъ образомъ, аристовцы—это строгіе, первобытные ѳедосѣевцы. Требуя строго безбрачія, они отрицаютъ молитву за царя, молятся порознь предъ своимъ створчатымъ образкомъ, который берутъ съ собой даже въ дорогу, и только изрѣдка собираются для общественныхъ молитвословій; клятвы не употребляютъ; военную службу считаютъ смертнымъ грѣхомъ, потому что христіанину заповѣдана любовь ко врагамъ, и никакихъ моленій объ умершихъ не совершаютъ, потому что надѣются и такъ попасть въ райскія обители; крайне остерегаются «замірщенія», почему даже въ семейныхъ сношеніяхъ очень осторожны; наконецъ, преимущественно предъ другими раскольниками-старообрядцами выстригаютъ макушку головы, чтобы дать возможность благодати свободнѣе сообщаться ихъ уму совнѣ. Аристово согласіе существуетъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, особенно въ Олонецкой, и въ Петербургѣ.

в) Польскіе ѳедосѣевцы называются такъ по мѣсту жительства (Виленская, Ковенская, Витебская, Сувалкская губ.). Они отличаются отъ другихъ ѳедосѣевцевъ своимъ отношеніемъ къ новоженамъ, именно: не допускаютъ послѣднихъ до общенія съ собой въ пищѣ и питіи до тѣхъ только поръ, пока у нихъ родятся дѣти; однако принимаютъ ихъ на исповѣдь, берутъ отъ нихъ приношенія—свѣчи и ладанъ и поютъ для нихъ молебны. Затѣмъ, когда дѣти у нихъ перестанутъ родиться, то велятъ «попрощаться въ рабы», т. е. вынести шестинедѣльный постъ, и принимаютъ въ общеніе. Въ случаѣ чадородія послѣ «прощанія въ рабы», назначается такой же постъ.

г) Рижскіе ѳедосѣевцы получили свое названіе также отъ мѣста жительства. Они отличаются отъ другихъ ѳедосѣевцевъ тѣмъ, что молятся за царя и совершаютъ браки въ молельнѣ съ пѣніемъ. Послѣднее отличіе явилось у нихъ по слѣдующему случаю. Будучи жаркими проповѣдниками всеобщаго безбрачія, рижскіе ѳедосѣевцы вели жизнь крайне развратную. Слухъ объ этомъ дошелъ до правительства, и въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія Высочайше повелѣно было употреблять противъ рижскихъ раскольниковъ, ведущихъ развратную

жизнь, полицейскія мѣры, а ихъ незаконнорожденныхъ дѣтей «крестить въ православной вѣрѣ» и, по достиженіи возраста, дѣтей мужескаго пола «зачислять въ военные кантонисты, а женскаго—пристраивать по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія». Чтобы обойти это распоряженіе, өедосѣевцы постарались придать своимъ сожитіямъ видъ законности и стали сводить браки въ молельнѣ, при посредствѣ своихъ наставниковъ, съ пѣніемъ избранныхъ изъ числа вѣнчанія псалмовъ, чтеніемъ апостола и евангелія, при чемъ наставникъ говоритъ: «Богъ благословитъ», а по окончаніи церемоніи, читаетъ положенное въ Потребникѣ, въ чинѣ вѣнчанія, поученіе. Потомъ все-таки онъ отлучаетъ сочетавшихся бракомъ отъ совокупнаго моленія (хотя это не строго соблюдается), пока они не «попрощаются въ рабы».

3. Новопоморскій толкъ.

Толкъ *новопоморскій* или *пріемлющихъ браки*, отличается отъ другихъ толковъ своимъ ученіемъ о *безсвященнословномъ бракѣ*. По этому ученію, бракъ можетъ быть совершенъ не только лицомъ освященнымъ, но и міряниномъ, потому что сила брака заключается не въ пресвитерскомъ вѣнчаніи, а во взаимномъ согласіи жениха и невѣсты, объявленномъ при свидѣтеляхъ. Такой бракъ будто бы совсѣмъ не то, что гражданскій, а—таинство; только въ немъ пресвитерское вѣнчаніе, за неимѣніемъ іерархическихъ лицъ, замѣнено вѣнчаніемъ міряни на. Чинъ совершенія этого брака не одинаковъ: одни (впрочемъ, немногіе) поютъ особый канонъ, нарочито составленный Скачковымъ для вѣнчанія; другіе поютъ на бракѣ молебенъ Спасу, положенный 1 августа; третьи совершаютъ его подобно рижскимъ өедосѣевцамъ.

Первымъ проповѣдникомъ ученія о безсвященнословномъ бракѣ, какъ таинствѣ, былъ поморецъ *Василій Емельяновъ*, человѣкъ умный и практическій, пользовавшійся большимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ раскольниковъ за свою набожную и степенную жизнь. Будучи не въ состояніи примириться ни съ өедосѣевскимъ развратомъ, ни съ вѣнчаніемъ раскольниковъ въ православной церкви, онъ сталъ учить о возможности и законности безсвященнословнаго брака и брачить желающихъ. Многіе изъ нихъ бросились въ Покровскую часовню [1]), основанную имъ въ Москвѣ, и стали заключать въ ней браки. Узнавъ о такомъ новшествѣ, выговцы потребовали Василья Емельянова на судъ и въ февралѣ 1792 г. составили «соборъ» для обсужденія вопроса о бракѣ. По окончаніи собора, Василій Емельяновъ вынужденъ былъ дать подписку не вводить новаго ученія. Но вернувшись въ Москву, онъ измѣнилъ данному слову: сталъ по прежнему учить о бракѣ и вѣнчать желающихъ. За это выговцы отлучили его отъ своего общества. Но у него

[1]) Эта часовня называлась еще *Мошиной*, по имени купца Мошина, пожертвовавшаго для нея землю.

нашлись защитники въ Архангельской, Астраханской, Рязанской губерніяхъ, Петербургѣ и другихъ мѣстахъ. Споръ затянулся; однако до сильной, запальчивой вражды не дошло. Напротивъ, впослѣдствіи Выговская пустынь примирилась съ ученіемъ Василья Емельянова и не разрывала общенія съ московскими поморцами. Совсѣмъ не то было съ ѳедосѣевцами. Послѣдніе вступили съ защитниками новаго ученія въ полемику, которая не прекратилась и до настоящаго времени. Въ первое время, когда во главѣ ѳедосѣевцевъ стоялъ Ковылинъ, борьба отличалась горячностію: Илья Алексѣевичъ позволялъ себѣ даже собственноручную расправу съ поморскими депутатами; но впослѣдствіи ѳедосѣевскіе наставники дѣлали основательныя возраженія противъ ученія о безсвященнословномъ бракѣ и требовали прямыхъ доказательствъ той мысли, что таинство брака можетъ быть совершено міряниномъ. Съ другой стороны и противники ихъ основательно доказывали, что бракъ будетъ существовать до скончанія вѣка. Ни та, ни другая сторона не могла защитить себя, однако преимущество было на сторонѣ защитниковъ безсвященнословнаго брака.

По смерти Василья Емельянова († 1797 г.), настоятелемъ Покровской часовни сдѣлался *Гавріилъ Скачковъ*, человѣкъ очень популярный между поморцами: онъ слылъ за хорошаго проповѣдника, ученаго человѣка и талантливаго писателя. По принятіи настоятельства, Скачковъ обратилъ вниманіе на устройство своей общины и завелъ при часовнѣ «брачную книгу» для записи повѣнчанныхъ здѣсь раскольниковъ. Послѣ него дѣятельными распространителями ученія о безсвященнословномъ бракѣ были *Антипъ Андреевъ*, занимавшій должность наставника послѣ Скачкова, бѣглый солдатъ *Анисимовъ*, тоже настоятель часовни, *Адріанъ Сергѣевъ* и др.; въ Петербургѣ же главнымъ проповѣдникомъ этого ученія былъ около 30 лѣтъ (съ 1813 г.) *Павелъ Любопытный*. Многіе изъ нихъ, напр., Скачковъ, Зайцевскій, Зеньковъ, бывшій сотрудникъ Ковылина по устроенію Преображенскаго кладбища, Филипповъ и др. писали цѣлыя сочиненія, стараясь показать въ нихъ, съ одной стороны, неосновательность доводовъ, на которыхъ бракоборы утверждали свое ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ, а съ другой—защитить правильность безсвященнословныхъ браковъ. Особенно много сочиненій въ защиту брака написалъ Павелъ Любопытный; онъ составилъ даже чины обрученія и вѣнчанія и по нимъ вѣнчалъ желающихъ. Усилія указанныхъ лицъ увѣнчались успѣхомъ: число прихожанъ Покровской часовни все болѣе и болѣе увеличивалось и въ 1826 г. достигло 6,000 человѣкъ, а призрѣваемыхъ при ней—200 человѣкъ. Правда, въ 1831 г., по Высочайшему повелѣнію, Покровская часовня была уничтожена, а домъ и земля

при ней отданы наслѣдникамъ Монина; однако толкъ не уничтожился. Вмѣсто разрушенной часовни покровцы открыли нѣсколько молелень въ Москвѣ и опять стали совершать богослуженіе и вѣнчать браки. Отличительною чертою ихъ ученія служитъ еще моленіе за Царя. Кромѣ Москвы и Петербурга, толкъ пріемлющихъ браки существуетъ и въ другихъ мѣстахъ, особенно въ низовьяхъ Волги.

Любушкино согласіе. Нѣсколько иначе рѣшили вопросъ о бракѣ безпоповцы Тверской губ. лѣтъ 30 тому назадъ. Они разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: такъ какъ теперь законныхъ священниковъ нѣтъ, а Кормчая допускаетъ отсрочку совершенія брака на неопредѣленное время, то можно здѣсь, на землѣ, вступать въ сожительство по любви и согласію (отсюда *Любушкино согласіе*), а въ будущей жизни Самъ верховный священникъ Іисусъ Христосъ освятитъ это сожительство. Послѣдователямъ этого согласія дозволяется употреблять въ пищу мясо, пить вино и чай. Вступающихъ въ это согласіе не перекрещиваютъ, а налагаютъ на нихъ постъ и молитву.

4. Толкъ филипповскій.

Филипповскій толкъ выдѣлился изъ поморскаго. Основателемъ его былъ бѣглый стрѣлецъ Фотій, въ иночествѣ *Филиппъ* (отъ послѣдняго имени и названіе толка). Сначала Филиппъ былъ въ числѣ рядовой братіи Выговскаго общежитія, а потомъ сдѣлался духовнымъ отцомъ. По смерти Данилы Викулова, онъ захотѣлъ сдѣлаться настоятелемъ Выговскаго общежитія и не сталъ подчиняться новому настоятелю Семену Денисову, избранному братіей; но «соборъ» (1737 г.) обвинилъ его за это и заставилъ примириться съ Семеномъ Денисовымъ. Вскорѣ послѣ этого выговцы, вынужденные обстоятельствами, ввели у себя моленіе за царя. Филиппъ сильно вооружился противъ такого «нововводства» и сталъ называть выговцевъ еретиками. За это его «били крѣпко» и заковали въ желѣза. Освободившись отъ наказанія, онъ оставилъ Выговское общежитіе, основалъ особый скитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него и сталъ собирать братію изъ сочувствовавшихъ ему поморцевъ. Видя увеличеніе братіи Филиппа, выговцы всячески пытались возвратить его въ общежитіе, но не могли, и въ отмщеніе навели воинскую команду на его скитъ. Предупрежденный объ угрожавшей ему опасности, Филиппъ подготовилъ горючія вещества и, по прибытіи команды, сгорѣлъ со своими скитниками (въ 1743 г.). Такая смерть Филиппа пріобрѣла ему многихъ поклонниковъ и послѣдователей, и толкъ его еще болѣе упрочился и распространился. Послѣдователи его находятся въ Москвѣ, Петербургѣ, въ Архангельской, Олонецкой, Ярославской, Тверской, Пензенской, Саратовской, Херсонской и др. губерніяхъ.

Содержа общее ученіе безпоповцевъ, филипповцы имѣютъ и нѣ-

которыя особенности, именно: а) за государей не молятся, б) строго держатся ученія о безбрачіи и в) не покланяются иконѣ Божіей Матери «Скорбящимъ радосте», потому что она явилась послѣ п. Никона. Вообще въ своемъ ученіи и правилахъ они очень сходны съ ѳедосѣевцами, но стараются исполнять эти правила строже: не допускаютъ открытаго новоженства и не учатъ о потворствѣ разврату; къ «внѣшнимъ» относятся фанатичнѣе и даже съ ѳедосѣевцами не сообщаются, потому что тѣ не хотятъ попросить у нихъ прощенія за первобытную распрю Ѳеодосія Васильева съ поморскими учителями о титлѣ. Подъ вліяніемъ фанатизма, они долгое время уклонялись отъ общегражданской жизни и подчиненія государственнымъ требованіямъ, а жизнь свою кончали самоубійствомъ, почему и извѣстны были подъ названіемъ *самосожигателей* и *морельщиковъ*. Случаи самоубійства особенно часты были въ первое время существованія толка. Но съ конца XVIII в. фанатизмъ сталъ ослабѣвать. Мало-по-малу начала ослабѣвать и «крѣпость» нравовъ филипповцевъ. Пошли несогласія и началось раздѣленіе между ними. Нѣкоторые требуютъ, чтобы староженовъ послѣ чадородія не принимать въ общеніе безъ разлученія отъ однодомовнаго сожитія *(нечадородные филипповцы)*, другіе же этого не требуютъ, а лишь наказываютъ за чадородіе епитиміей—постомъ и поклонами *(чадородные)*; одни считаютъ грѣхомъ носить модную одежду *(орловскіе филипповцы)*, а другіе—нѣтъ; нѣкоторые не допускаютъ до общаго моленія лицъ, готовящихся къ перекрещиванію *(не молящіеся съ приглашенными)*, а другіе допускаютъ.

Аароново согласіе.

Въ концѣ прошлаго столѣтія изъ филипповщины выдѣлилось *Аароново согласіе*. Основателемъ его былъ нѣкто *Семенъ Протопоповъ*, въ монашествѣ *Онуфрій*, отъ чего основанное имъ согласіе первоначально называлось *онуфріевщиной*. *Аароновымъ* же *согласіемъ* оно стало называться впослѣдствіи, по имени главнаго сотрудника Онуфрія, вологодскаго купца *Андрея Жукова* († 1798 г.), который въ простонародіи назывался *Аароновымъ*. Онуфрій сначала жилъ въ анбургскомъ скиту (въ 45 вер. отъ Архангельска), потомъ удалился въ окрестные лѣса и сталъ учить о возможности совершенія брака мірянином, а филипповцевъ обзывать еретиками маркіонитами. Но при этомъ не признавалъ законными браковъ, вѣнчанныхъ въ православной Церкви и требовалъ по отношенію къ нимъ развода или новаго брака. Затѣмъ онъ обвинялъ филипповцевъ за то, что не молятся за царя. Въ другихъ же пунктахъ ученія Онуфрій пошелъ дальше филипповцевъ и сблизился съ странниками. Такъ, онъ училъ, что запись въ раскольническіе списки равносильна отреченію отъ христіанскаго имени и отступленію отъ истинной вѣры; паспорты—печать антихриста. Послѣдователи Ааронова согласія находятся въ Архангельской и отчасти Вологодской губерніяхъ.

5. Странники или бѣгуны.

Толкъ *странниковъ* появился въ послѣдней четверти XVIII стол. въ Ярославской губ. Отъ другихъ толковъ онъ отличается крайне отрицательнымъ отношеніемъ къ требованіямъ гражданской власти и житейскимъ порядкамъ. Такое отношеніе является въ немъ прямымъ выводомъ изъ ученія объ антихристѣ.

Въ то время, какъ всѣ безпоповцы, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ личностей, утверждаютъ, что антихристъ царствуетъ нынѣ духовно, ересьми, странники учатъ, что онъ царствуетъ *видимымъ образомъ*, въ преемственномъ рядѣ царствующихъ лицъ, начиная съ Императора Петра I; видимыми же знаками власти его служатъ распоряженія гражданскаго начальства. Поэтому они отвергли существующую царскую власть и отказались отъ исполненія гражданскихъ обязанностей [1]), рѣшили не писаться въ ревизіи, не платить податей, уклоняться отъ военной службы, не принимать присяги, не брать паспортовъ и т. д. Мысли свои они не стѣснялись заявлять прямо даже на слѣдствіи и судѣ. «Вашъ господинъ императоръ, говорилъ одинъ странникъ, есть представитель власти антихриста, какъ потомокъ Петра Великаго». «Власть царя надъ собой не почитаю, говорилъ другой, за царя Бога не молю и молить не буду; почитаю цари за богоотступники, сопротивники, антихристы» (Кельсіевъ, IV, 285—287 стр.). Антихристъ, по Апокалипсису, будетъ имѣть свой образъ или икону; этотъ образъ, по ученію странниковъ, гражданская власть. Духовная же власть—это лживые пророки, проповѣдующіе людямъ, «яко великъ царь явися на земли; Никонъ есть первый лживый пророкъ» (Кельсіевъ). Такимъ образомъ, настоящее состояніе церкви и общества представляетъ собою особый, грѣховный, сатанинскій міръ, во всемъ противоположный міру Божію. Жить въ такомъ мірѣ и получить спасеніе, очевидно, нѣтъ возможности; поэтому истинный христіанинъ долженъ *таитися и бѣгати* или съ антихристомъ въ брань вступити. Не имѣя здѣ пребывающаго града, онъ долженъ быть въ буквальномъ смыслѣ *странникомъ*, невѣдомымъ міру, долженъ разорвать всякую связь съ обществомъ (отсюда и самое названіе толка—*странники* или *бѣгуны*).

Но такое требованіе на практикѣ было неосуществимо и ли-

[1]) «День Христовъ, говорятъ странники,—день брани. Сего ради подобаетъ служить единому Господу, сему же льстецу и гонителю (т. е. царской власти) повиноваться и волѣ его покорятися не повелѣно; слушаяй бо чувственнаго антихриста слушаетъ самого сатану; спасается только не покоривыйся мучителю» (Церк. Вѣст. 1890 года, стр. 443).

шало секту устойчивости и будущности; поэтому чрезъ нѣсколько времени оно подверглось измѣненію. Въ странники стали принимать не только такихъ лицъ, которыя дѣйствительно скрывались и бѣгали, но и такихъ, которыя давали только обѣтъ быть странниками, а сами оставались дома. Эти послѣдніе называются *жиловыми христіанами*, или *пристанодержателями*, *странноприимцами*. При пріемѣ въ странничество, имъ ставится въ непремѣнную обязанность давать у себя пріютъ дѣйствительнымъ странникамъ, въ случаѣ смерти, хоронить, хранить ихъ имущество и т. п. При домахъ ихъ образуются «пристанодержательства», которыя связываютъ странниковъ въ одно цѣлое. «Пристани» устраиваются съ разными тайниками въ видѣ ямъ подъ лѣстницами, чуланами, шкафами, иногда за стѣной, или подъ двойной крышей. Тайникъ одного дома соединяется съ тайникомъ другого, третьяго и т. д., а тайникъ послѣдняго дома выходитъ въ садъ, въ перелѣсокъ или на большую дорогу. Странноприимцы обязаны выполнить свой обѣтъ и умереть дѣйствительными странниками. Но это требованіе большею частію выполняется только по формѣ. Предъ смертію странноприимца родственники подаютъ въ полицію заявленіе о его побѣгѣ,—въ знакъ того, что онъ разорвалъ всѣ связи съ обществомъ,—затѣмъ выносятъ его, или онъ самъ выходитъ въ сосѣдній домъ или тайникъ и проводитъ время «подъ скрытіемъ, въ душеспасительномъ страхѣ»; здѣсь его перекрещиваютъ, и такимъ образомъ онъ дѣлается дѣйствительнымъ странникомъ. Умершихъ странники хоронятъ въ невѣдомыхъ мѣстахъ: въ лѣсу, въ полѣ, въ огородахъ, подъ гумнами и т. п., при чемъ въ гробъ ихъ не полагаютъ, а прямо завертываютъ въ рогожу и зарываютъ въ землю, но не глубоко, чтобы антихристова земля не сильно давила покойника, при чемъ голову нѣсколько приподнимаютъ, чтобы легче было подняться при звукѣ трубы архангела.

По нравственнымъ понятіямъ странники нѣсколько сходны съ ѳедосѣевцами: они такъ же, какъ и послѣдніе, не признаютъ возможнымъ заключеніе брака и отъ старопоженившихся требуютъ развода. Дѣйствительные странники по идеѣ—монахи и принимаютъ послѣ новаго крещенія монашескія имена (Нифонтъ, Евстафій и т. п.); уставы ихъ необыкновенно строги; наказанія за нарушеніе устава полагаются очень тяжелыя, особенно за грѣхи противъ 7-й заповѣди и общеніе съ мірскими; но жизнь бѣгуновъ далеко расходится съ уставами. Лѣтопись страннической секты наполнена самыми возмутительными и грязными фактами разврата, соединеннаго съ грубыми насиліями и истязаніями. Начиная съ Евѳимія, по показаніямъ странниковъ, нѣтъ ни одного наставника, который не имѣлъ бы наложницъ. Отсюда подкидываніе дѣтей,

дѣтоубійство, иногда даже въ утробѣ матери, составляютъ у странниковъ обычное явленіе. Нерѣдки также воровство, дѣланіе фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и грабежи, подавшіе поводъ къ самому открытію секты въ 1852 г., а также убійства (см. объ этихъ фактахъ въ Сборн. Кельсіева вып. IV, стр. 288 и дал.). Говорятъ, что между странниками есть даже такіе фанатики, изувѣры, которые практикуютъ удушеніе престарѣлыхъ и заболѣвшихъ членовъ секты для полученія послѣдними мученическаго вѣнца. Насильственное удушеніе носитъ названіе «красной смерти», отчего странниковъ называютъ еще «*красносмертами*» и «*душителями*».

Основателемъ странническаго толка былъ нѣкто *Евѳимій*, родомъ изъ Переяславля, человѣкъ живой, энергичный и фанатичный. Отданный въ военную службу, онъ бѣжалъ изъ нея и скрывался то въ Москвѣ, то въ Поморьѣ въ филипповскихъ скитахъ, то въ лѣсахъ Ярославской губерніи. По своимъ убѣжденіямъ, Евѳимій сначала принадлежалъ къ филипповскому толку, но потомъ разошелся со своими единовѣрцами. Еще въ Поморьѣ онъ рѣзко обличалъ ихъ и недосѣвцевъ за разные недостатки, а послѣ удаленія въ ярославскіе лѣса, составилъ въ Коровинской слободѣ даже нѣчто въ родѣ собора (1784 г.), на которомъ осудилъ всѣ безпоповщинскіе толки, и осужденіе это изложилъ въ особомъ посланіи на Преображенское кладбище. Здѣсь онъ сильно нападаетъ на всѣхъ раскольниковъ вообще, обвиняя ихъ въ двоедушіи, общеніи съ никоніанами, подчиненіи власти, въ утайкѣ своей принадлежности къ расколу, принятіи таинствъ отъ православныхъ священниковъ, принятіи послѣднихъ къ себѣ въ домъ во время праздниковъ и т. п.; но особенно ѣдко смѣется надъ филипповцами, упрекая ихъ за разныя послабленія. Послѣ этого дѣлаетъ выводъ, что всѣ они, какъ подпавшіе подъ власть антихриста, не имѣютъ истиннаго крещенія и, чтобы спастись, должны перекреститься, оставить «попеченіе о домѣ, о женѣ, о чадахъ, о торгахъ и стяжаніяхъ и не имѣть ни града, ни села, ни дому». Такъ онъ и поступилъ: сначала окрестилъ самъ себя [1]), потомъ своихъ послѣдователей, и началъ «таитися и бѣгати». Скрывался сначала въ дер. Малышево, Яросл. уѣз., потомъ въ лѣсахъ галичскихъ, Костром. губ., гдѣ хотѣлъ было основать пустынь для своей секты, но не могъ; наконецъ, снова возвратился въ дер. Малышево и вскорѣ умеръ († 1792 г.).

Послѣ смерти Евѳимія странническій толкъ не прекратился, а

[1]) Такъ же поступали и нѣкоторые другіе учители странничества; однако ни сами они, ни послѣдователи ихъ не признаютъ крещенія самокрещенцевъ правильнымъ и, при вступленіи ихъ въ странничество перекрещиваютъ.

все болѣе и болѣе распространялся. Первою распространительницею его была спутница Евѳимія *Ирина Ѳедорова*. Усвоивъ себѣ наставническія права, она перешла въ с. Сопѣлки (въ 15 вер. отъ Ярославля), которое съ того времени стало играть роль столицы странничества и по имени котораго самый толкъ называется еще *Сопѣлковскимъ*; увлекла здѣсь въ странничество крестьянъ: *Петра Крайнева, Якова Яковлева* и *Парасковью Курочкину* и сама перекрестила ихъ. Крайневъ, какъ человѣкъ начитанный, тогда же былъ произведенъ ею въ наставники. Будучи человѣкомъ практичнымъ, онъ скоро понялъ, что при строгомъ выполненіи основного требованія Евѳимія, толкъ странниковъ не будетъ имѣть прочности, и потому допустилъ *страннопріимство*. Но Яковъ Яковлевъ и др. не согласились съ этимъ нововведеніемъ. Начались споры; Крайневъ, поддерживаемый Ириной Ѳедоровой, одержалъ верхъ. Тогда Яковъ Яковлевъ удалился въ Новгородскую губ. и сталъ распространять тамъ странническое ученіе; но былъ пойманъ правительствомъ и сосланъ въ Сибирь. Изъ числа другихъ учителей странничества болѣе извѣстны *Василій* (по другимъ, Иванъ) *Петровъ*, *Никита Семеновъ*, *Николай Косаткинъ*, *Миронъ Васильевъ* и нѣкоторые другіе.

Василій Петровъ, крестьянинъ Костромской губ., сначала держался ученія филипповцевъ, но потомъ перешелъ въ странники. Проводя послѣдовательно ученіе Евѳимія, онъ доказывалъ, что странникъ, разорвавшій связь съ міромъ, не долженъ брать денегъ (отсюда названіе «безденежники»), потому что на нихъ находится печать антихриста (т. е. государственный гербъ) и невѣрное лѣтосчисленіе на 8 лѣтъ. Нѣкоторые согласились съ нимъ и отдѣлились отъ другихъ странниковъ. Такимъ образомъ явились странники— *безденежники*. Но такъ какъ безъ денегъ жить нельзя, то безденежники просятъ страннопріимцевъ принимать вмѣсто нихъ денежную милостыню и покупать для нихъ все необходимое. Такимъ образомъ, сами убѣгая печати антихриста, просятъ своихъ благотворителей—страннопріимцевъ принимать ее и за то благодарятъ ихъ, какъ послужившихъ имъ Бога ради. Толкъ безденежниковъ очень незначителенъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ извѣстенъ подъ именемъ *антипова согласія*.

Никита Семеновъ—личность замѣчательная. Какъ умный, начитанный, ловкій и изворотливый человѣкъ, онъ очень много способствовалъ распространенію ученія странниковъ; съ проповѣдію о расколѣ побывалъ въ Архангельской, Вологодской, Ярославской губ. и даже въ Москвѣ. Въ 1854 г. онъ былъ схваченъ полиціей и послѣ суда сосланъ (въ 1856 г.) въ Соловецкій монастырь; но бѣжалъ оттуда и въ 1866 г. опять разъѣзжалъ по Россіи. Сна-

чала онъ училъ въ духѣ Евѳимія, но потомъ измѣнилъ свои мысли и вѣрованія: сталъ учить, что антихристъ не чувственный человѣкъ, а духъ, діаволъ, дѣйствующій въ еретикахъ и отступникахъ, и составилъ для своей общины уставъ въ 84 статьяхъ, которыми учредилъ въ ней нѣчто въ родѣ іерархіи, почему послѣдователи его называются «*статейниками*» или «*іерархитами*». По этимъ статьямъ, всѣми дѣлами странниковъ долженъ заправлять одинъ надъ всѣми старшій, въ родѣ патріарха, и ему должны повиноваться всѣ странники. Для всѣхъ странниковъ должна быть одна общая касса, въ которую должна поступать милостыня благотворителей, но распоряжаться ею имѣетъ право только главноуправляющій дѣлами странниковъ. Затѣмъ, для областей или большихъ городовъ, долженъ быть старшій въ родѣ епископа, а для каждой отдѣльной общины—въ родѣ пресвитера. На должность главы общины (патріарха) былъ избранъ самъ Никита Семеновъ. Но вскорѣ нѣкоторые изъ странниковъ поняли, что Никита устроилъ неосвященную іерархію, въ самомъ составленіи статей заподозрили одно любоначаліе и отдѣлились отъ него (въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія),—они называются *противостатейниками*.

Въ то же время въ странничествѣ возникъ вопросъ о *бракѣ*. Первыми проповѣдниками брачной жизни въ немъ были *Николай Косаткинъ* [1]) (Новгородской губ.) и *Миронъ Васильевъ* (Ярославской губ.). По ихъ ученію, до второго пришествія Христова, по нуждѣ, должны дѣйствовать три тайны: крещеніе, исповѣдь и бракъ. Поэтому, не только не слѣдуетъ расторгать заключеннаго уже брака, но даже необходимо учредить его. Согласно этому ученію, они и стали вновь брачить подъ условіемъ взаимнаго обѣта и при пѣніи молебна. Въ оправданіе свое брачные странники указываютъ на христіанъ первыхъ вѣковъ, которые скрывались отъ гонителей въ пустыняхъ, однако нѣкоторые изъ нихъ вели брачную жизнь. Противъ этого указанія другіе странники говорятъ: «Посмотримъ, какъ они съ малолѣтними дѣтьми будутъ въ пустынѣ странствовать! Древніе христіане, хотя укрывались въ пустыняхъ и съ дѣтьми, но имѣли надежду, по прошествіи гоненія, возвратиться въ грады и веси; а мы той надежды имѣть не можемъ». Толкъ брачныхъ странниковъ незначителенъ; послѣдователи его есть въ Олонецкой и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ.

Изъ всѣхъ странническихъ толковъ самое важное значеніе имѣетъ толкъ статейниковъ; наставники его пользуются большимъ вліяніемъ; самое устройство его общинъ отличается цѣлесообразностію. Согласно статьямъ Никиты Семенова, во главѣ всѣхъ об-

[1]) Нынѣ православный миссіонеръ Ярославской епархіи.

щинъ стоитъ старшій наставникъ. Онъ имѣетъ при себѣ двухъ совѣтниковъ; власть его подлежитъ контролю только общаго собора. Пишетъ онъ очень рѣдко и выѣзжаетъ лишь по особенно важнымъ дѣламъ, напр., для суда. У областнаго наставника тоже два совѣтника, изъ которыхъ одинъ—креститель, а другой—духовникъ. Духовникъ, по нуждѣ, можетъ быть и крестителемъ, но креститель духовникомъ—никогда; въ случаѣ же нужды, исповѣдуютъ старшіе въ кельѣ, какъ мужчины, такъ и женщины. Надъ областными наставниками поставленъ благочинный, находящійся въ непосредственномъ подчиненіи у главнаго наставника; хозяйственными дѣлами въ области завѣдуетъ экономъ съ 2 помощниками. Кромѣ того, въ каждой области есть игумены и игуменьи, которыхъ зовутъ «крестными» и изъ которыхъ «старшій» или «старшая» на соборныхъ моленіяхъ исправляетъ обязанности уставщика; есть еще иконописцы.

Рядовые бѣгуны раздѣляются на перекрещенныхъ и не перекрещенныхъ, иначе—жиловыхъ, т. е. живущихъ въ мірѣ, и крыющихся. Жиловые, не перекрещенные имѣютъ паспорта и живутъ открыто, а перекрещенные паспортовъ не имѣютъ и потому скрываются у жиловыхъ. Жиловые въ свою очередь раздѣляются на испытуемыхъ первой и второй степени и отступниковъ. Къ первымъ принадлежатъ тѣ, которые изъявили желаніе присоединиться къ странничеству, но еще не присоединены и находятся на испытаніи; ко вторымъ—тѣ, которые послѣ трехлѣтняго испытанія заслужили довѣріе и исполняютъ какое-нибудь дѣло, напр.: устраиваютъ пристанодержательства, хранятъ адреса наставниковъ и келейныхъ странниковъ, передаютъ письма по назначенію, охраняютъ соборныя молельни, распредѣляютъ странниковъ по кельямъ и т. п., къ третьимъ—тѣ изъ перекрещенныхъ странниковъ, которые, добровольно или по принужденію полиціи, открываютъ свое имя и званіе. Кромѣ того, есть еще «оглашенные», т. е. готовящіеся къ крещенію, которые прошли испытаніе и вскорѣ должны принять крещеніе.

Члены бѣгунскихъ общинъ живутъ по *кельямъ*, каковыми называются не отдѣльныя комнаты, а одинъ или нѣсколько домовъ на одномъ дворѣ. Каждая келья имѣетъ свое внутреннее устройство и свое хозяйство. Во главѣ ея стоитъ игуменъ или игуменья; затѣмъ есть здѣсь причетникъ или причетница, клирошане и клирошанки, послушники, послушницы, привратники и привратницы. Каждый день въ кельѣ, въ особой комнатѣ, совершается обычная дневная церковная служба; въ большіе праздники сходятся изъ всѣхъ келій на «соборныя» моленія; мужчины и женщины молятся отдѣльно. Жизнь въ кельѣ идетъ однообразно и скучно; входъ и

выходъ изъ нея обставленъ строгостями; поэтому у бѣгуновъ невольно является желаніе посмотрѣть другой міръ, побольше странствовать и переѣзжать съ мѣста на мѣсто. На содержаніе обитателей келіи общество отпускаетъ средства. Эти средства получаются частію отъ кружечныхъ подаяній при соборныхъ моленіяхъ, частію отъ пожертвованій новообращающихся въ секту и по духовнымъ завѣщаніямъ, частію изъ главной кассы. Для распространенія своего ученія странники имѣютъ особыхъ лицъ, которыя тщательно изучаютъ бѣгунскую миссіонерскую науку и впослѣдствіи умѣло ведутъ свое дѣло.

Въ настоящее время странничество широко распространилось въ предѣлахъ нашего отечества. Послѣдователи его находятся въ Ярославской, Владимірской, Костромской, Новгородской, Олонецкой, Пермской, Вятской, Вологодской и др. губерніяхъ, въ Сибири, преимущественно въ Томской губ., и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Своимъ бродяжничествомъ, укрывательствомъ, уклоненіемъ отъ общественныхъ повинностей, погребеніемъ умершихъ вблизи жилищъ, почти на поверхности земли, и т. п. они приносятъ большой вредъ обществу и государству; а если присоединить сюда ихъ ученіе о государѣ императорѣ, какъ антихристѣ, ихъ развратъ и соединныя съ нимъ скверныя дѣянія, то необходимо признать, что изъ всѣхъ безпоповщинскихъ толковъ ихъ толкъ самый вредный для общества и государства.

Лучинковцы. Съ ученіемъ странниковъ очень сходно ученіе лучинковцевъ. Послѣдніе получили свое названіе отъ того, что вмѣсто свѣчей употребляютъ лучину и говорятъ: «у кого она больше дымитъ, того молитва угоднѣе Богу». Они отвергаютъ всякую власть, а существующіе законы называютъ сатанинскими, не признаютъ ни Церкви, ни іерархіи, ни таинствъ, странствуютъ изъ одного мѣста въ другое и удаляются въ лѣса, уводя съ собой дѣтей и похищая чужихъ, чтобы воспитать въ духѣ своего лжеученія. Всѣ послѣдователи этого лжеученія отличаются крайнимъ фанатизмомъ. Появились они лѣтъ 20 тому назадъ въ Пермской губ.

6. Толкъ нѣтовщины или Спасово согласіе.

Въ ряду безпоповщинскихъ толковъ *нѣтовщина* занимаетъ совершенно особое положеніе. Всѣ вышеописанные толки держатся того основного убѣжденія, что, за неимѣніемъ священства, можно и мірянину отправлять церковное богослуженіе и совершать два, необходимыхъ для спасенія, таинства: крещеніе и исповѣдь. Нѣтовцы же, на основаніи 2 прав. св. апостолъ и 6 пр. Гангрскаго собора [1]), утверждаютъ, что мірянинъ «священная дѣйствовать не

[1]) 2-е пр. св. апостолъ: «Восхищающіи не дарованная имъ раздражаютъ Бога, якоже сынове Кореовы и Озія царь. И діакону убо приносити жертвы нѣсть

можетъ». За отсутствіемъ православнаго священника, теперь *нѣтъ* и быть не можетъ ни спасительныхъ таинствъ, ни общественнаго богослуженія: благодать улетѣла на небо. По этому отрицательному признаку ихъ и называютъ *нѣтовцами*. А *Спасовымъ согласіемъ* называютъ ихъ потому, что на вопросъ: какъ можно получить спасеніе, не имѣя ни таинствъ, ни общественнаго богослуженія? они отвѣчаютъ: «Ужъ какъ *Спасъ!* на *Спасову* милость полагаемся!» Отличительнымъ признакомъ послѣдователей нѣтовщины служитъ то, что они *не перекрещиваютъ* приходящихъ отъ православной Церкви, ссылаясь на слова Іоанна Златоуста, что кто крестится второй разъ, тотъ снова Христа распинаетъ (Бес. I. Злат. на 14 посл. стр. 2877). Относительно православной Церкви нѣтовцы держатся одинаковаго взгляда съ прочими безпоповцами. Однако по внѣшности почти ничѣмъ не отличаются отъ православныхъ: не уклоняются отъ исполненія христіанскихъ требъ, принимаютъ въ домъ свой священника и т. п.

Происхожденіе нѣтовщины съ точностію неизвѣстно. Но въ виду того, что о ней упоминается уже въ Розыскѣ св. Димитрія Ростовскаго († 1709 г.), появленіе ея слѣдуетъ отнести не далѣе перваго десятилѣтія XVIII стол. Основателемъ нѣтовщины считаютъ какого-то *Кузьму*, безграматнаго мужика, по имени котораго она называлась сначала *кузьминовщиной*. Историческая жизнь этой секты мало извѣстна. Въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія между нѣтовцами и другими безпоповцами возникли сильные споры относительно крещенія, совершаемаго православною Церковію. Въ Симбирскѣ, Сызрани и другихъ поволжскихъ городахъ собирались соборы, на которыхъ та и другая сторона старалась доказать правильность своего образа дѣйствій. Послѣдствіемъ соборныхъ разглагольствій было то, что нѣкоторые нѣтовцы пришли сначала въ сомнѣніе относительно состоянія своего общества, а затѣмъ и совсѣмъ отдѣлились отъ него. Такимъ образомъ нѣтовщина распалась на три толка: *староспасовцевъ, или глухую нѣтовщину, новоспасовцевъ и непріемлющихъ воднаго крещенія.*

а) *Глухая нѣтовщина.* Послѣдователи глухой нѣтовщины за совершеніемъ таинства крещенія обращаются къ православному священнику и въ свое оправданіе говорятъ: «какой бы онъ ни былъ, но все-таки попъ, въ ризахъ, а не простой мужикъ». Но не считая этого крещенія православнымъ по его совершителю и по мѣсту совершенія, они раздаютъ милостыню и молятся Богу,

---

достойно, ни крестити кого, и благословенія мала или велика сотворити... Дерзнувый таковая не съ нами борется, но съ великимъ архіереемъ Христомъ» (Кормч. гл. 4 л. 30). 6 прав. Гангрскаго соб.: «Аще кто кромѣ соборныя церкви о себѣ собирается и, нерадя о церкви, церковная хощетъ творити, не сущу съ нимъ пресвитеру по воли епископли, да будетъ проклятъ».

чтобы Онъ довершилъ крещеніе и вмѣнилъ его въ истинное. За совершеніемъ брака нѣтовцы также обращаются въ православную Церковь, однако не усвояютъ церковному вѣнчанію силы таинства. Такъ какъ открытыми, записными раскольниками они не бываютъ, то и называются послѣдователями *глухой нѣтовщины*. Не имѣя общественнаго богослуженія, послѣдователи глухой нѣтовщины молятся по домамъ, читая псалтирь и каноны, но по уставу вечерни, утрени и часовъ не отправляютъ, говоря, что это принадлежитъ священнику; исповѣди предъ своими стариками не совершаютъ, а вмѣсто того вычитываютъ предъ иконою скитское покаяніе, состоящее изъ нѣкоторыхъ молитвъ и перечисленія грѣховъ.

Послѣдователи глухой нѣтовщины находятся въ губерніяхъ Владимірской, Нижегородской и внизъ по Волгѣ до Астрахани.

б) *Новоспасово согласіе*. Это согласіе возникло во Владимірской губерніи. Основателемъ его былъ симбирскій мѣщанинъ *Свѣтовъ*. Отличительною чертою ученія новоспасовцевъ служитъ то, что они дозволяютъ совершать крещеніе и бракъ мірянамъ и исповѣдуются предъ стариками, которые совершаютъ у нихъ богослуженіе по уставу, съ *пѣніемъ* (отсюда названіе «*нѣтовщина поющая*»). Вообще они приняли всѣ тѣ правила, которыхъ держатся поморцы, за исключеніемъ перекрещиванія. Но въ вопросѣ о чинопріемѣ въ секту между ними произошло разногласіе: одни учатъ, что всѣхъ приходящихъ къ нимъ слѣдуетъ принимать чрезъ отреченіе отъ ересей, отчего и извѣстны подъ названіемъ *отрицанцевъ*, а другіе—что чрезъ семипоклонный началъ (отсюда названіе *подначальники*). Тѣ и другіе существуютъ во Владимірской, Костромской, Нижегородской и Казанской губерніяхъ.

в) *Не пріемлющіе воднаго крещенія*. Послѣдователи этого толка отрицаютъ крещеніе водное; вмѣсто послѣдняго повивальная бабка нарицаетъ новорожденному имя и при чтеніи 50 пс. надѣваетъ на него крестъ; слова этого псалма—«окропиши мя yссопомъ», по ихъ мнѣнію, и заключаютъ въ себѣ тайнодѣйственную силу крещенія. Толкъ этотъ существуетъ въ Симбирской и др. поволжскихъ губерніяхъ.

7. Толки нѣтовскаго направленія.

а) *Самокрещенцы или бабушкино согласіе*. Въ первой половинѣ XVIII ст. нѣкоторые изъ безпоповцевъ рѣшили вопросъ о крещеніи въ томъ смыслѣ, что въ настоящее время, за отсутствіемъ истиннаго священства, можно крестить лишь *самому себя* чрезъ троекратное погруженіе въ воду. Отсюда они и называются *самокрещенцами*. На первыхъ порахъ самокрещенцы такъ и совершали крещеніе, говоря: «крещаюсь азъ рабъ Божій»... Теперь же случаевъ самокрещенія почти не бываетъ, потому что переходящихъ изъ другихъ толковъ и православія

они не перекрещиваютъ, а младенцевъ крестятъ повивальныя *бабки* (отсюда названіе «*бабушкино согласіе*»). Кромѣ ученія о крещеніи, самокрещенцы отличаются отъ другихъ нѣтовцевъ ученіемъ объ антихристѣ. Подобно странникамъ бѣгунамъ, они учатъ, что антихристъ царствуетъ въ лицѣ государей, начиная съ Петра I; но только не дѣлаютъ изъ этого ученія практическихъ выводовъ; наконецъ, въ послѣднее время они стали совершать и общественное богослуженіе, только безъ пѣнія, чтобы лишить его всякой торжественности, которая, по ихъ мнѣнію, совсѣмъ не подобаетъ въ настоящее антихристово время. Ученіе самокрещенцевъ находитъ себѣ немногихъ послѣдователей въ среднемъ Поволжьѣ, а потому толкъ этотъ незначителенъ.

Отвергнувъ крещеніе, совершавшееся у раскольниковъ-старообрядцевъ, какъ незаконное, самокрещенцы тѣмъ самымъ произвели перерывъ въ преемственности крещенія; а съ прекращеніемъ крещенія должно прекратиться и христіанство. Между тѣмъ, по словамъ блаж. Ѳеофилакта, богоразумію и христіанству не будетъ конца» (Благов. отъ Лук. зач. 3). Опираясь на это, другіе безпоповцы обзываютъ самокрещенцевъ еретиками. А тѣ, будучи не въ состояніи оправдаться, въ свою очередь упрекаютъ ихъ въ неимѣніи полноты таинствъ.

Самокрещенство имѣетъ нѣсколько *отраслей;* первая изъ нихъ, очень незначительная,—*дырники.* Главное отличіе дырниковъ заключается въ ученіи объ иконахъ. Не отрицая иконопочитанія въ принципѣ, они утверждаютъ, что не слѣдуетъ молиться ни старымъ, ни новымъ иконамъ, потому что первыя осквернены еретиками, а новыхъ, за отсутствіемъ священства, святить некому; но что молиться нужно непосредственно на востокъ. А такъ какъ зимой и ночью выходить для молитвы на улицу или открывать окно не всегда удобно, черезъ стѣну же и сквозь окна молиться на востокъ будто бы грѣшно: то они обыкновенно дѣлаютъ на восточной стѣнѣ небольшую дыру и, когда нужно, снимаютъ съ дыры затычку и молятся въ нее. За это прочіе раскольники и прозвали ихъ *дырниками.*

Другую, тоже незначительную, отрасль самокрещенства составляютъ *средники.* Они утверждаютъ, что во время Петра Великаго, при перенесеніи празднованія новаго года съ 1-го сентября на 1-е генваря, въ лѣтосчисленіи отъ сотворенія міра было убавлено восемь лѣтъ противъ того, какъ у насъ считали прежде, и измѣнены самые дни недѣли, такъ что нынѣшняя среда была прежде воскресеньемъ. Вслѣдствіе этого они стали считать *среду за воскресенье* и проводить ее какъ день праздничный, а въ воскресенье работать: въ среду же празднуютъ и первый день Пасхи. Отсюда они получили названіе «*средниковъ*». Послѣдователи этого толка существуютъ въ Астраханской, Саратовской, Тамбовслой и Пензенской губерніяхъ.

б) Рябиновцы. Названіе свое они получили отъ того, что поклоняются кресту, сдѣланному изъ рябиноваго дерева, которое, по ихъ мнѣнію, въ писаніи именуется певгомъ (по преданію, однимъ изъ трехъ древъ креста Христова). Сами себя они называютъ «*по кресту*», потому что покланяются только кресту безъ изображенія на немъ Спасителя. Сначала рябиновцы составляли отрасль самокрещенства и отличались отъ него лишь тѣмъ, что дѣтей крестили сами, но потомъ стали приближаться къ поморцамъ. Это видно изъ того, что крещеніе дозволяютъ совершать мірянину, переходящихъ къ нимъ перекрещиваютъ и браки заключаютъ по благословенію родителей. Въ послѣднее время они стали устроять молельни, совершать общественное богослуженіе и завели при исповѣди духовниковъ (послѣдніе, впрочемъ, являются только свидѣтелями, а не духовными отцами). Вмѣстѣ съ сходными чертами рябиновцы имѣютъ и различіе съ поморцами. Особенно замѣтна разница въ томъ, что рябиновцы не покланяются иконѣ

Господа Саваоѳа на томъ основаніи, что Богъ Отецъ не принималъ человѣческой плоти; не покланяются они и другимъ иконамъ, на которыхъ изображаются лица и предметы не покланяемые, напр., изображенію входа Господня въ Іерусалимъ, иконѣ Воскресенія, на которой изображено разрушеніе ада, и даже распятію Христову, если при немъ изображены воины распинатели, или затмившіяся солнце и луна.

Рябиновщина возникла во второй половинѣ XVIII ст. и распространена по р. Камѣ, въ г. Чистополѣ и близъ лежащихъ мѣстахъ.

8. Безпоповщинскіе толки раціоналистически-сектантскаго характера.

Нѣкоторая часть безпоповцевъ, идя въ своемъ отрицаніи грекороссійской Церкви все далѣе и далѣе, впадаетъ въ индифферентизмъ, раціонализмъ и мистицизмъ, теряетъ свою раскольническую окраску и становится раціоналистически-сектантскою. Къ числу такихъ безпоповцевъ относятся, напр., *немоляки, духовные христіане по второму пришествію, бѣлоризцы, неплательщики, самовосхитители архіерейства.*

а) *Немоляки* учатъ, что съ 1666 г. настала зима и идетъ вѣкъ Св. Духа, истина погасла, вѣра скрылась и осталась одна надежда на спасеніе души въ исполненіи тѣхъ дѣлъ, которыя должно совершать въ духѣ, но никакъ не плотію или какими нибудь вещественными обрядами и словеснымъ служеніемъ Богу. Св. Писаніе нужно понимать духовно. Изъ таинствъ церковныхъ немоляки признаютъ одно крещеніе, которое совершаютъ у нихъ избранныя старухи. Бракъ совершается безъ всякихъ молитвословій, по взаимному согласію жениха, невѣсты и родителей. Умершихъ хоронятъ тоже безъ молитвословій и не поминаютъ. Посты и праздники они отвергаютъ, различія днямъ не полагаютъ, священства и старѣйшинъ не имѣютъ и моленій не совершаютъ наружно (отсюда названіе *немоляки*). Молитву, говорятъ они, должно возсылать къ Богу не ту, которая напечатана въ книгахъ, а ту, которая происходитъ отъ собственныхъ чувствъ человѣка,—произносится духомъ ума. Въ Нижегородской губ. одни изъ немоляковъ болѣе склоняются къ молоканству, а другіе—къ штундобаптизму. Основателемъ секты немоляковъ былъ донской казакъ, безпоповецъ Гавріилъ Зиминъ, который за свои странныя толкованія былъ сосланъ (въ 1838 г.) на Кавказъ, гдѣ и основалъ эту секту.

б) *Духовные христіане по второму пришествію* учатъ, что второе пришествіе Господне было въ 50 день послѣ Воскресенія Христова; страшный судъ уже совершился и наступило царство славы, гдѣ люди праведные испытываютъ блаженство въ душѣ своей, а люди грѣшные—вѣчное наказаніе въ удаленіи отъ Бога. Молиться нужно духовно; видимаго священства не нужно, потому что насъ озаряетъ невещественнымъ свѣтомъ и изливаетъ на насъ Свою божественную благодать Самъ вѣчный іерей Господь Іисусъ Христосъ; вмѣсто воднаго крещенія должно быть крещеніе слезами; вмѣсто безкровной жертвы—жертва духовная, состоящая въ самоумерщвленіи тѣла и распинаніи со страстями; вмѣсто видимаго покаянія—невидимое, духовное, выражаемое слезами, по примѣру Давидова покаянія. Царствованіе антихриста духовные христіане допускаютъ, но тоже духовное, и различаютъ въ немъ 3 періода: 1-й—до отпаденія Рима, 2-й—до отпаденія русскихъ въ унію и 3-й, послѣдній, до 1666 г. Считая себя живущими какъ бы на небѣ и въ будущемъ вѣкѣ, они не считаютъ себя обязанными работать, платить подати и разныя повинности, не признаютъ богоустановленной власти и не повинуются ей. Въ нѣкоторыхъ пунк-

тахъ ученія духовные христіане сходны съ немоляками, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такъ и называются.

в) *Бѣлоризцы.* Называются они такъ потому, что носятъ *бѣлыя* рубахи и *бѣлые* льняные пояса. Ученіе ихъ представляетъ собою смѣсь различныхъ воззрѣній: подобно большинству безпоповцевъ, они отрицаютъ бракъ и моленіе за царя; подобно нѣтовцамъ, говорятъ, что теперь нѣтъ ни въ чемъ благодати; подобно сектантамъ—раціоналистамъ, утверждаютъ, что іерархія не нужна, такъ какъ всякій самъ себѣ архіерей и священникъ; гражданскую власть отвергаютъ, говоря, что всякъ самъ себѣ царь, и всѣ люди равны предъ Богомъ, что одинъ глава надъ всѣми—Іисусъ Христосъ; денегъ въ руки не берутъ, паспортовъ тоже.—Секта бѣлоризцевъ появилась во второй половинѣ XIX столѣтія во Владимірской губ.

г) *Неплательщики*—толкъ, распространенный въ Пермской губ.; появился онъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Послѣдователи его утверждаютъ, что въ нынѣшній вѣкъ Св. Духа, наступившій съ 1666 г., спасеніе возможно духомъ, а не плотію и обрядами; никакихъ внѣшнихъ знаковъ молитвы, богослуженія и таинствъ не нужно; не нужно молиться иконамъ, носить крестовъ, соблюдать постовъ. Согласно съ таковымъ ученіемъ у нихъ существуютъ только домашнія бесѣды, на которыхъ читаются Евангеліе, Толковый Апокалипсисъ, творенія Ефрема Сирина и др. Св. Писаніе неплательщики понимаютъ духовно; гражданскую власть считаютъ установленіемъ антихриста и не повинуются; отъ воинской повинности уклоняются, потому что истинные воины—только тѣ, которые борются съ невѣрными, т. е. не принадлежащими къ ихъ толку, и податей не платятъ (отсюда и названіе *неплательщики*), такъ какъ платить ихъ будто бы не за что, ибо «земля—Божія».

д) *Самовосхитители архіерейства.* Этотъ толкъ появился въ недавнее время въ Казанской губ., а особенно укоренился въ г. Уржумѣ, Вятской губ. Основателями его были одинъ брачный наставникъ въ Москвѣ и выходецъ изъ Прусской обители монахъ Іаковъ. Принимая за источникъ истины только Евангеліе и посланія св. апостоловъ, послѣдователи этого толка учатъ, что священство можетъ быть и безъ епископской хиротоніи, что въ немъ не сообщается отъ Бога особой благодати, что можно поставить кого либо епископомъ или пресвитеромъ чрезъ одно избраніе общества, подобно тому, какъ Христосъ избралъ апостоловъ (Мар. 3, 13—19), а апостолы избрали Матѳія на мѣсто Іуды (Дѣян. 1, 23—25), и что избранные могутъ совершать евхаристію и преподавать тайну причащенія. Такъ у нихъ и поступаютъ.

9. Мелкіе безпоповщинскіе толки.

Кромѣ описанныхъ, есть много еще другихъ мелкихъ безпоповщинскихъ толковъ, которые трудно отнести къ той, или другой группѣ. Таковы, напр., *мелхиседеки*, *пасхальники*, *мѣшаки* и т. д.

а) *Мелхиседеки.*—Сознавая, что безъ тѣла и крови Христовыхъ спастись нельзя, но не имѣя священства, нѣкоторые безпоповцы разсуждаютъ такъ: «Мелхиседекъ, царь Салимскій, встрѣтившій Авраама, не былъ поставленъ въ священники, но приносилъ же Богу хлѣбъ и вино въ жертву. И мы имѣемъ это Мелхиседеково (безъ поставленія) священство: потому и мы также можемъ укругомъ хлѣба причащаться». Согласно съ этимъ они и поступаютъ: съ вечера положатъ предъ иконами хлѣбъ (цѣлый или укругъ), поставятъ въ чашечкѣ вина или воды, совершатъ съ вечера вечерню и павечерню, а утромъ — полунощницу, утреню и часы, кто какъ умѣетъ, и затѣмъ причащаются того хлѣба

и вина, или воды, какъ истиннаго тѣла и крови Христовыхъ. За присвоеніе Мелхиседекова священства ихъ и зовутъ *мелхиседеками*. Они существуютъ въ Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, но въ очень незначительномъ количествѣ.

b) *Пасхальники.*—Ученіе пасхальниковъ состоитъ въ слѣдующемъ: Господь Іисусъ Христосъ родился въ 5500 г. отъ сотворенія міра, а антихристъ – въ 5508 г. и постоянно перемѣняетъ времена и законъ, перемѣнилъ празднованіе новаго года (съ 1 сентября на 1 января) и Пасхалію. Пасху нужно праздновать 23 марта, а Рождество Христово за 8 дней до января, т. е. 23 декабря. Церковь Христова—это люди вѣрующіе, и потому священство не нужно. Изъ иконъ слѣдуетъ почитать только вылитыя изъ мѣди съ изображеніемъ Спасителя, Богородицы и праздниковъ, а остальнымъ поклоняться не слѣдуетъ. Повиноваться властямъ не слѣдуетъ, потому что онѣ не отъ Бога. Телеграфъ, желѣзная дорога и т. п.—измышленія антихриста. Толкъ пасхальниковъ появился въ послѣднее время въ Черниг. губ.; послѣдователей его немного.

Вообще въ безпоповщинѣ существуетъ такое множество толковъ, что всѣ и описать невозможно. Нерѣдко самое незначительное неудовольствіе служитъ причиною образованія новаго толка. Такъ, раздѣляются изъ за молитвы Іисусовой: одни говорятъ, что, при произнесеніи словъ «Сыне Божій», слѣдуетъ полагать руку на правое плечо, а другіе— на лѣвое (*лѣвяки* или *лѣвшаки*); послѣдніе спорятъ о томъ, какъ нести въ это время руку отъ праваго плеча до лѣваго—надъ носомъ или мимо рта; иные спорятъ изъ-за покроя одежды и т. д.

ГЛАВА IV.

Поповщина.

Общія начала поповщины.

По своему ученію, поповщина занимаетъ среднее положеніе между безпоповщиной и православною Церковію. Признавъ возможность заимствовать поповъ, а впослѣдствіи и митрополита, отъ православной Церкви, она, въ силу послѣдовательности, должна была измѣнить или совсѣмъ отвергнуть нѣкоторые пункты ученія первоучителей раскола, строго хринимые безпоповцами. Такъ какъ принятіе священныхъ лицъ отъ церкви антихристовой было бы нелѣпостію, то поповцы, за нѣкоторыми исключеніями, измѣнили ученіе о греко-россійской Церкви, какъ царствѣ антихриста, а о самомъ антихристѣ учатъ, какъ о лицѣ опредѣленномъ, имѣющемъ придти при кончинѣ міра. Затѣмъ, относительно священства говорятъ, что оно безусловно необходимо въ церкви, потому что безъ него невозможны другія таинства, а безъ таинствъ нельзя получить спасеніе. Но такъ какъ священство возможно только въ томъ случаѣ, когда есть епископство, а послѣдняго у нихъ не было, то, чтобы оправдать себя и свою практику (принятіе бѣглыхъ поповъ),

они придумали ученіе о возможности существованія Церкви Христовой безъ преемственнаго епископства съ одними священниками и то случайными, бѣжавшими отъ другой, по ихъ мнѣнію, еретической церкви. Но это ученіе было основано исключительно на частныхъ примѣрахъ, оправдывалось нуждою и вело къ отрицанію самаго священства; поэтому въ концѣ XVIII ст. явилась новая теорія, доказывающая, что по поставленію священниковъ поповщинская церковь имѣетъ епископовъ въ лицѣ епископовъ православной Церкви, къ которой относится какъ церковь малаго града или веси къ Церкви соборной, каѳедральной. Затѣмъ была придумана теорія о временномъ сокрытіи благодати священства въ кладязь еретичества и возстановленія ея въ Церкви Христовой по примѣру превращенія Ветхозавѣтнаго жертвеннаго огня въ воду во время плѣна Вавилонскаго и воспламененія его послѣ плѣна. Наконецъ, въ послѣднее время придуманы еще новыя доказательства, въ которыхъ то измѣняется самое понятіе о Церкви, то доказывается измѣняемость и преклоняемость Церкви и возможность одновременнаго уклоненія всѣхъ епископовъ отъ истинной вѣры, при чемъ указывается на то, что будто бы св. апостолы впали въ грубое и страшное невѣріе воскресенію Христову [1]).

По церковнымъ правиламъ, тѣ еретики, крещеніе которыхъ «не принято», не могутъ быть принимаемы съ прежнею хиротоніею, а тѣ, которые принимаются въ «сущемъ санѣ», не могутъ быть перекрещиваемы; поэтому поповцы отмѣнили постановленное первыми расколоучителями правило о перекрещиваніи приходящихъ въ ихъ общество отъ православной Церкви. Наконецъ, у многихъ изъ нихъ мало по малу ослабѣлъ фанатическій взглядъ первыхъ расколоучителей на обряды православной Церкви; нѣкоторые признаютъ имя Іисусъ именемъ Христа Сына Божія, четвероконечный крестъ крестомъ Христовымъ и т. п.

Сообразно съ указанными основными чертами ученія, поповцевъ занимали главнымъ образомъ два вопроса: 1) о чинопріемѣ бѣглыхъ поповъ и 2) о пріобрѣтеніи епископа. Неодинаковое рѣшеніе ихъ послужило причиною раздѣленія поповщины на частные толки, изъ которыхъ два главныхъ: бѣглопоповщинскій и пріемлющихъ австрійское или Бѣлокриницкое священство.

---

[1]) Разборъ всѣхъ этихъ теорій и доказательствъ см. въ нашемъ Руков. по облич. раск., изд. 7-е, стр. 96—116.

1. Толкъ бѣглопоповщинскій.

Бѣглопоповщинскій толкъ получилъ свое названіе оттого, что послѣдователи его принимаютъ къ себѣ для совершенія требъ и богослуженія *поповъ*, *бѣжавшихъ* отъ православной Церкви. По своему происхожденію, этотъ толкъ представляетъ собою первоначальный видъ поповщины. На первыхъ порахъ *центрами* бѣглопоповщины служили *Донъ*, *Керженецъ*, *Вѣтка* и *Стародубье*, а со второй половины XVIII ст.—*Рогожское кладбище* и *Иргизскіе* монастыри.

На Дону расколъ появился очень рано. Распространителями его здѣсь были священноинокъ *Іовъ* и игуменъ *Досиѳей*. Первый изъ нихъ, родомъ литвинъ, еще при п. Никонѣ присталъ къ расколоучителямъ. Опасаясь преслѣдованія, онъ удалился сначала въ Курскую губернію, гдѣ въ 1669 г. основалъ монастырь Льговъ, а потомъ (ок. 1672 г.)—на Донъ, взявъ съ собою 130 человѣкъ чернецовъ и бѣльцовъ. Тамъ, на берегу р. Чиры (въ 50 верс. отъ впаденія ея въ Донъ) онъ основалъ два монастыря—мужской и женскій, въ 2 верст. другъ отъ друга, и построилъ церковь, но, за смертію († 1680 г.), не успѣлъ освятить ее. Послѣ Іова прибылъ сюда игуменъ Досиѳей, одинъ изъ распространителей раскола въ Поморьѣ, и въ 1685 г. былъ избранъ въ настоятели. По просьбѣ учениковъ Іова, онъ освятилъ церковь (въ 1686 г.) и служилъ въ ней въ теченіе 2-хъ съ небольшимъ лѣтъ. При немъ Чирская пустынь достигла цвѣтущаго состоянія. Въ церкви ежедневно совершались всѣ службы; иноческая жизнь была упорядочена; вокругъ монастыря были разведены пашни и построены мельницы. Такое благоустройство Чирской пустыни, а особенно церковь, привлекали въ нее множество иноковъ, бѣльцовъ и старицъ. Многіе приходили съ Руси, много постригалось изъ мѣстнаго казачества. Въ 1688 г. Досиѳей, вѣроятно, изъ-за боязни быть открытымъ, бѣжалъ съ нѣкоторыми послѣдователями за Астрахань и поселился на рѣкѣ Кумѣ, гдѣ и умеръ († ранѣе 1691 г.). Другіе послѣдователи его тогда же утвердились на рѣкѣ Медвѣдицѣ, а нѣкоторые засѣли въ крѣпостяхъ близъ Тамбова и Козлова и производили отсюда разбои. Неизвѣстно, кто были преемники Іова и Досиѳея, но извѣстно, что расколъ, посѣянный ими на Дону, не прекращался. Кромѣ Чирской пустыни было основано нѣсколько новыхъ пустынь, а старцы и попы, не имѣвшіе своихъ пустынь, жили среди казаковъ и дѣятельно распространяли расколъ [1]). Въ

[1]) Объ этихъ пустыняхъ. старцахъ и попахъ чит. подроб. у Дружинина въ соч. «Расколъ на Дону», стр. 79—86.

1705 г., когда число донскихъ раскольниковъ значительно увеличилось сосланными туда стрѣльцами и бродягами, они произвели бунтъ въ Астрахани. Не подлежитъ также сомнѣнію и то, что донскіе раскольники принимали дѣятельное участіе въ Пугачевскомъ бунтѣ.

Расколъ на Керженцѣ. Въ Нижегородской губ. расколъ появился рано. Первыми распространителями его здѣсь были іеромонахъ *Авраамій* и монахъ *Ефремъ Потемкинъ*. Они дѣйствовали еще во времена п. Никона. Съ теченіемъ времени сюда стали стекаться раскольники со всѣхъ концовъ Россіи, а послѣ стрѣлецкихъ казней—многіе стрѣльцы съ женами. Ютились они въ лѣсахъ чернораменскихъ, а особенно по рѣкамъ Керженцу и Бельбашу. Иночествующіе селились «скитами», а мірскіе «починками»; вскорѣ на Керженцѣ образовалось много скитовъ и деревень. Изъ числа скитовъ въ первоначальной исторіи раскола наиболѣе извѣстны: *Онуфріевъ*, *Сафонтіевъ*, *Лаврентіевъ*. Скиты были мужскіе и женскіе; мужскіе управлялись «отцами» или старцами, а женскіе—«матерями» или основателями скитовъ. Скиты одного и того же толка находились подъ начальствомъ одного лица. Дѣла, касающіяся всѣхъ скитовъ, рѣшались на общихъ собраніяхъ. За отсутствіемъ храма, всѣ требы, не исключая вѣнчанія, совершались въ избахъ и клѣтяхъ бѣглыми попами и іеромонахами, изъ числа которыхъ старѣйшими были: священноиноки—Діонисій шуйскій, Софоній соловецкій, Сергій ярославскій и бѣглые попы—Трифилій вологодскій и Исидоръ козмодемьянскій. Причащали запасными дарами, которыхъ у Діонисія было значительное количество. За полученіемъ «причастія» пріѣзжали на Керженецъ издалека. Керженскіе старцы разъѣзжали по разнымъ городамъ и селеніямъ, пропагандировали расколъ и распространяли славу о Керженцѣ. Во время нижегородской ярмарки сюда пріѣзжали раскольники изъ дальнихъ мѣстъ, покупали книги и пріобрѣтали поповъ. Такимъ образомъ, въ концѣ XVII и нач. XVIII в. Керженецъ сталъ виднымъ центромъ поповщины, хотя внутренняя жизнь далеко не соотвѣтствовала его внѣшней славѣ. Пьянство, развратъ и всякое «беззаконное житіе», соперничество изъ-за преобладанія, споры о вѣрѣ, кончавшіеся избіеніемъ и «клятвооблаганіемъ» и т. п. имѣли здѣсь мѣсто въ столь широкихъ размѣрахъ, что сами раскольники иногда спѣшили бѣжать отсюда. Здѣсь произошло и первое раздѣленіе поповцевъ. Начало этому раздѣленію положили *споры изъ-за догматическихъ писемъ протоп. Аввакума*. Письма эти, въ грубой формѣ обличенія на дьякона Ѳеодора, были присланы Аввакумомъ въ Керженскіе скиты изъ Пустозерска на имя старца Сергія съ припискою: «прими сіе вѣчное евангеліе, не мною, но перстомъ Божіимъ пи-

санное». Въ нихъ онъ высказалъ мысли чисто еретическія. Такъ, о Святой Троицѣ утверждалъ, что Она имѣетъ разныя три естества или существа и что Христосъ сидитъ на четвертомъ престолѣ, сопарствуя Св. Троицѣ; что въ воплощеніи Сынъ Божій сошелъ въ утробу Св. Дѣвы не существомъ, а только благодатію; что Христосъ, по воскресеніи изъ мертвыхъ, сходилъ во адъ плотію. Кромѣ того, о четвероконечномъ крестѣ выражался, что онъ есть только сѣнь креста, а не истинный Христовъ крестъ. Не смотря на очевидную неправильность этихъ мыслей, въ числѣ керженцевъ нашлись защитники ихъ. Особенно жаркимъ защитникомъ былъ старецъ *Онуфрій*, основатель скита его имени. Онъ со своими послѣдователями читалъ эти письма за церковною службою, написалъ икону Аввакума и началъ ей молиться. Но большинство керженцевъ говорили, что въ письмахъ Аввакума содержится «зловѣріе», и убѣждали Онуфрія съ единомышленниками оставить ихъ. Начались споры. Керженцы переписывались съ Москвою, собирали соборы, но Онуфрій стоялъ на своемъ, а послѣдователи его разъ во время собора выбѣжали даже съ ружьями на своихъ противниковъ. Одинъ изъ его приверженцевъ, Іерофей, написалъ 25 статей, подтверждающихъ мысли Аввакума, ходилъ по базарамъ, деревнямъ и всюду проповѣдывалъ Аввакумово еретическое ученіе. Авторитетъ писемъ особенно поддерживался тѣмъ, что ихъ писалъ страдалецъ, а вникнуть въ содержаніе ихъ приверженцы писемъ не хотѣли: они только кричали: «за три разныя существа умру; у меня ихъ и огнемъ изъ души не выжешь»! «Ежели оставить письма Аввакума, то надо оставить и евангеліе». Не такъ поступали противники этихъ писемъ. На основаніи слова Божія и святоотеческихъ писаній старались они доказать еретичество Аввакумова лжеученія, а указаніями на вещественные памятники и обычаи церковные—святость и досточтимость четвероконечнаго креста. Однако убѣжденія ихъ не дѣйствовали. Правда, Онуфрій, при концѣ своей жизни, далъ обѣщаніе не держать спорныхъ писемъ, но примиреніе между враждующими сторонами произошло уже послѣ его смерти, въ 1717 г., когда былъ подписанъ *мировой свитокъ*, въ которомъ всѣ отрекались отъ Аввакумовыхъ писемъ. Такимъ образомъ волненія изъ-за этихъ писемъ прекратились. Однако, обнаружившіяся во время нихъ несогласія по обрядовымъ вопросамъ не только не прошли безслѣдно, но и повели къ выдѣленію особаго толка, извѣстнаго подъ именемъ *Дьяконова согласія* или дьяконовщины. Произошло это слѣд. образомъ.

Одинъ изъ противниковъ Онуфрія, бывшій московскій житель, переселившійся въ Городецъ, Нижегородской губ., *Тимоѳей Лы-*

сенинъ, человѣкъ свѣтлаго ума, энергичный, многоначитанный, сталъ высказывать о формѣ креста Христова мысли несогласныя съ общимъ ученіемъ раскола. Вскорѣ у него явились единомышленники и возражатели. Вслѣдствіе этого на Керженцѣ началась новая борьба, почти одновременно съ первой. Для вразумленія Лысенина съ единомышленниками въ 1709 г. керженскіе старцы созвали соборъ, но Лысенинъ остался при своемъ убѣжденіи и потому рѣшено было не имѣть съ нимъ и его единомышленниками никакого общенія. Тогда послѣдніе выдѣлились въ особую общину, которая получила названіе «лысеновщины». На сторонѣ Лысенина оказались нѣсколько предводителей скитовъ и въ томъ числѣ дьяконъ *Александръ*. Послѣдній сначала служилъ въ пригородѣ Костромы Нерехта, а потомъ перешелъ въ расколъ и поселился въ Керженскомъ скитѣ Лаврентія, гдѣ ввелъ особый способъ кажденія (два раза прямо, а одинъ поперекъ). По смерти Лаврентія, Александръ сдѣлался настоятелемъ его скита, а когда присоединился къ Лысенину, то, какъ человѣкъ, носившій священный санъ, сталъ во главѣ толка, который послѣ этого называется то «лысеновщиной», то «діаконовщиной». Число послѣдователей діаконовщины росло. Видя это, керженскіе руководители раскола обратились за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ къ вѣтковскому попу Ѳеодосію; діаконовцы со своей стороны написали объясненіе, которое повезли на Вѣтку попъ Димитрій и дьяконъ Александръ. Въ отвѣтъ на это Ѳеодосій написалъ керженцамъ посланіе, въ которомъ увѣрялъ ихъ, что Димитрій и Александръ склонились на его убѣжденія, именно: признали трисоставный, т. е. восьмиконечный, крестъ истиннымъ крестомъ Христовымъ и дали ему въ томъ клятвенное обѣщаніе, и что крестообразное діаконово кажденіе есть дѣйствительно уставное. Однако, и по возвращеніи на Керженецъ, попъ Димитрій и діаконъ Александръ продолжали учить по прежнему; поэтому борьба какъ устная, такъ и письменная, продолжалась даже послѣ смерти діакона Александра (казненъ въ 1720 г.), только перенесена была на Вѣтку, куда бѣжали многіе керженцы вслѣдствіе энергичной миссіонерской дѣятельности Питирима, еписк. нижегородскаго.

Начало расколу *на Вѣткѣ* положили священники: *Козьма*, бѣжавшій изъ Москвы въ концѣ 70-хъ годовъ XVII ст. и *Стефанъ* изъ Бѣлева (Тульск. г). Они сначала поселились въ Стародубьѣ, но около 1682—1685 гг., когда изъ Москвы послѣдовалъ стѣснительный для стародубскихъ раскольниковъ указъ, перешли польскую границу и основались на островѣ Вѣткѣ, куда вслѣдъ за ними перешло много раскольниковъ. Образовалось нѣсколько селеній, въ которыхъ попы Козьма и Стефанъ совершали всѣ службы, кромѣ литургіи. Когда же эти попы умерли, то сюда переселился іеромо-

нахъ льговскаго монастыря Ѳеодосій и служилъ пять лѣтъ. Онъ уговорилъ вѣтковцевъ построить церковь, но, за смертію († въ 1710—11 г.), не успѣлъ освятить ее. Преемникъ его, іеромонахъ Ѳеодосій изъ г. Рыльска, Курской губ., распространилъ эту церковь, досталъ изъ Калуги старый иконостасъ съ царскими дверьми и освятилъ церковь въ 1695 г., при участіи бѣглыхъ поповъ Александра и Григорія, на антиминсѣ, привезенномъ извѣстной ученицей Аввакума—старицей Меланьей. Послѣ этого Вѣтка начала быстро возвышаться. Спокойная безопасная жизнь, присутствіе церкви и нѣкоторыя другія удобства манили сюда не только раскольниковъ, но и православныхъ, почему-либо тяготившихся своимъ положеніемъ на прежнемъ мѣстѣ, и вотъ цѣлыя толпы разнаго люда—раскольниковъ, бѣглыхъ солдатъ, крестьянъ, преступниковъ и т. п. устремились сюда, такъ что число обитателей Вѣтки вскорѣ достигло 30—40,000 человѣкъ. Отсюда бѣглые попы, монахи и монахини разносили запасные дары по всѣмъ поповщинскимъ скитамъ, городамъ и селеніямъ. Здѣсь же они принимали въ расколъ и получали разрѣшеніе на отправленіе разныхъ требъ для бѣглоповцевъ. Так. обр. Вѣтка сдѣлалась какъ бы метрополіей бѣглопоповщины. Но вскорѣ положеніе ея измѣнилось. Въ 1733 г. императрица Анна Іоанновна особымъ манифестомъ приглашала вѣтковцевъ вернуться на родину, обѣщая имъ полное прощеніе; въ слѣдующемъ году приглашеніе было повторено не разъ, но вѣтковцы не согласились на предложеніе. Тогда, по повелѣнію императрицы, полковникъ Сытинъ окружилъ Вѣтку войскомъ: жители ея (около 40,000 человѣкъ) были схвачены и разосланы по мѣстамъ ихъ прежняго жительства, или въ ссылку, а жилища и скиты сожжены. Но этимъ существованіе Вѣтки не кончилось. Черезъ нѣсколько лѣтъ она достигла почти прежняго состоянія. Вмѣсто прежней церкви была построена новая, еще благолѣпнѣе. Вокругъ нея было выстроено двѣ обители: мужская и женская съ значительнымъ количествомъ обитателей и появились бѣглые попы—настоятели *Діонисій*, *Иванъ Ѳедоровъ*, *Лазарь*, схимникъ *Григорій*, іеромонахъ *Валеріанъ*, и замѣчательнѣйшій между ними *Михаилъ Калмыкъ*. На Вѣткѣ опять закипѣла дѣятельность, но—не надолго. Грабежи и разбои, совершавшіеся около нея, обратили на нее вниманіе правительства. Вѣтковцамъ опять неоднократно было посылаемо приглашеніе вернуться на родину, при чемъ обѣщалось не только прощеніе, но и значительныя льготы: однако предложеніе не было принято. Тогда, по распоряженію императрицы Екатерины II, генералъ-маіоръ Масловъ явился съ военною командою въ Польшу, окружилъ Вѣтку (въ 1764 г.) и захватилъ здѣсь около 20,000 человѣкъ, которые

большею частію были отправлены въ Сибирь на поселеніе. Послѣ этого раззоренія Вѣтка уже не могла оправиться.

Расколъ въ Стародубьѣ. Послѣ второго раззоренія Вѣтки, вмѣсто нея стали возвышаться слободы стародубскія, въ которыхъ само правительство поселяло многихъ раскольниковъ. Съ Вѣтки переселился сюда попъ *Михаилъ Калмыкъ*; сюда же была перенесена и вѣтковская церковь. Въ Стародубьѣ, такимъ образомъ, основалось до 17 слободъ, которыя управлялись волостною конторою, находившеюся въ слободѣ Климовой. Въ этихъ слободахъ находились четыре монастыря, 17 церквей и 16 публичныхъ часовенъ. Главный монастырь былъ мужской Покровскій, построенный около церкви, перевезенной съ Вѣтки. Этимъ монастыремъ, а также женскимъ Казанскимъ (въ 3 верстахъ отъ Покров.), управлялъ попъ Михаилъ Калмыкъ, считавшійся верховнымъ отцомъ поповщины. Кромѣ него было немало и другихъ бѣглыхъ поповъ въ Стародубьѣ, но они не пользовались почти никакимъ уваженіемъ. Ихъ обыкновенно нанимали слобожане за извѣстную плату и заставляли дѣлать все по своему усмотрѣнію, а въ случаѣ неудовольствія, перепродавали. Вмѣсто поповъ нерѣдко исповѣдывали, причащали и отправляли богослуженіе простые иноки и старцы. Монахи и монахини жили свободно, а потому развратъ, подкидываніе дѣтей, дѣтоубійство были у нихъ обычнымъ явленіемъ. Кромѣ поповцевъ въ Стародубьѣ жили и безпоповцы, но они не имѣли особеннаго значенія въ исторіи безпоповщины и число ихъ сравнительно съ поповцами было значительно меньше.

Рогожское кладбище. Во время чумы 1771 г. поповцамъ было отведено мѣсто для кладбища на восточной окраинѣ Москвы, въ Рогожской ямской слободѣ. Тогда же имъ было дозволено устроить часовню для отпѣванія умершихъ. По прекращеніи чумы, кладбище это превратилось въ поповщинское монастырское общежитіе и стало извѣстно подъ именемъ *Рогожскаго кладбища.* Въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ въ немъ были выстроены три каменныхъ часовни (одна очень обширная) съ алтарями, украшены богатыми иконами древняго письма и снабжены великолѣпною утварью. Впослѣдствіи тамъ было настроено много жилыхъ домовъ—палаты для призрѣваемыхъ, сиротскій домъ съ училищемъ для рогожскихъ подкидышей, пріютъ для пріѣзжающихъ, зданіе для конторы, канцеляріи, библіотеки, богатой рѣдкими книгами, и для архива, десятки частныхъ домовъ и женскія обители. Число обитателей Рогожскаго кладбища считалось сотнями, а прихожанъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ — десятками тысячъ. Матеріальное благосостояніе кладбища было прекрасное: капиталы его считались милліонами.

Расколъ на Иргизѣ утвердился благодаря милостивому ука-

зу императрицы Екатерины II, которымъ она приглашала раскольниковъ, бѣжавшихъ изъ Россіи, вернуться въ отечество, обѣщая имъ полное прощеніе и разныя льготы. Нѣкоторые изъ раскольниковъ, дѣйствительно, вернулись на родину, поселились по рѣкѣ Иргизу (Саратов. губ.) и основали нѣсколько слободъ, возлѣ которыхъ вскорѣ появились скиты. Изъ числа послѣднихъ болѣе извѣстны три мужскихъ — Авраміевъ, Пахоміевъ и Исаакіевъ, и два женскихъ—Маргаритинъ и Анфисинъ. Первые три основаны въ 1762 г., а послѣдніе—въ 1774 и 1783 гг. Вначалѣ скиты эти не представляли собой сколько-нибудь виднаго центра раскола: не мало было такихъ скитовъ въ Саратовскомъ краю и раньше, но вскорѣ они значительно возвысились. Строгая аскетическая жизнь скитниковъ невольно привлекала къ нимъ окружающее населеніе: многіе стали приходить сюда за совѣтами и за рѣшеніемъ недоумѣнныхъ вопросовъ, нѣкоторые селились здѣсь и, такимъ образомъ, число скитниковъ увеличилось. Вслѣдствіе этого явилась нужда въ молитвенныхъ домахъ, и настоятели скитовъ принялись строить часовни. Съ постройкою часовенъ, извѣстность Иргиза распространилась далеко. Эта извѣстность еще болѣе увеличилась съ прибытіемъ сюда (въ 1776 г.) зарубежнаго выходца инока *Сергія*, съ именемъ котораго связано представленіе о «строеніи» иргизскихъ скитовъ.

Біографическія свѣдѣнія относительно Сергія темны и недостаточны; обстоятельства его появленія на Иргизѣ совершенно не выяснены. Извѣстно, что онъ былъ сынъ московскаго купца Петра Юршева, одного изъ главныхъ виновниковъ смерти московскаго архіепископа Амвросія, и въ мірѣ назывался Симономъ. Послѣ смерти отца, Симонъ удалился въ раскольническіе скиты (въ Московской губ.) и въ одномъ изъ нихъ принялъ постриженіе, съ именемъ Сергія. Здѣсь онъ былъ пойманъ правительствомъ и въ числѣ другихъ скитниковъ посаженъ въ тюрьму, но бѣжалъ оттуда и скрылся на Вѣткѣ. Воспользовавшись милостивымъ указомъ императрицы Екатерины II, Сергій вернулся въ отечество и отправился на Иргизъ, гдѣ поселился въ скитѣ Исаакія. Своею начитанностію, трезвостью и практическимъ умомъ онъ вскорѣ снискалъ себѣ расположеніе скитниковъ и тѣ, послѣ смерти своего настоятеля Исаакія, избрали его настоятелемъ. Сергій, хотя неохотно, но согласился. Сдѣлавшись настоятелемъ, онъ составилъ для братіи уставъ общежитія, завелъ общую трапезу и сталъ изыскивать способы построить вмѣсто часовни церковь. Старанія его увѣнчались успѣхомъ: въ 1780 г., съ дозволенія саратовскихъ властей, къ часовнѣ, построенной еще Исаакіемъ, былъ пристроенъ алтарь и новая церковь освящена во имя Введенія во храмъ Пресв.

Богородицы. Съ этого времени скитъ Исаакіевъ получилъ названіе Верхняго Введенскаго монастыря и въ немъ открылось совершеніе литургіи. Вѣсть о формальномъ разрѣшеніи для Иргиза богослуженія по старому обряду быстро разнеслась по Россіи. Съ Урала, Дона, Волги, Невы и Сибири потянулись сюда вереницы богомольцевъ. Одни шли на поклоненіе святынямъ, вѣря легендѣ, будто мѣста для построенія иргизскихъ скитовъ указаны были основателямъ самимъ Богомъ и будто на Иргизѣ, какъ и на Керженцѣ, почиваютъ нетлѣнныя мощи подвижниковъ; другіе шли сюда для полученія запасныхъ даровъ. Значеніе Иргиза быстро росло. Тѣсная Введенская церковь не могла болѣе вмѣстить богомольцевъ и потому въ 1783 г. была выстроена новая церковь во имя Успенія Божіей Матери, послѣ чего и самый скитъ получилъ названіе Верхне-Успенскаго монастыря, а въ 1804 г. переименованъ въ Преображенскій. По примѣру Сергія, и другіе настоятели Иргизскихъ скитовъ построили у себя церкви, отыскали священниковъ и открыли общественное богослуженіе. По Иргизу основались новыя раскольническія селенія; скиты наполнялись все новыми и новыми скитниками. Такимъ образомъ въ непродолжительное время Иргизъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ значительныхъ *центровъ* поповщины.

Во всѣхъ иргизскихъ скитахъ (какъ мужскихъ, такъ и женскихъ) порядки были монастырскіе. Во главѣ каждаго стоялъ настоятель, выбиравшійся «братіей» (одного или всѣхъ скитовъ) на безсрочное время. Въ глазахъ гражданскаго начальства онъ былъ отвѣтственнымъ лицомъ за всю «братію» и утверждался въ своей должности сначала земскимъ исправникомъ, потомъ удѣльною конторою, а съ 1828 г.—губернаторомъ. Ближайшими помощниками его были казначей и уставщикъ. Первый завѣдывалъ хозяйственною частію, велъ судебныя и письменныя дѣла монастыря и т. п., а другой слѣдилъ за выполненіемъ церковнаго устава, завѣдывалъ ризницей и творилъ судъ и расправу надъ церковными преступниками. Кромѣ нихъ, въ помощь настоятелю, избирались еще 10 соборныхъ старцевъ; но они не имѣли почти никакого вліянія на монастырскія дѣла. Монастырская братія состояла изъ иноковъ, схимниковъ и бѣльцовъ. Кромѣ того, въ скитахъ было много временныхъ посѣтителей: пріѣзжихъ богомольцевъ и бѣглыхъ поповъ, принимавшихъ здѣсь исправу, а потомъ разсылавшихся за условную плату по разнымъ раскольническимъ обществамъ. Собственно при монастырѣ находилось не больше 3—7 священниковъ, наиболѣе скромныхъ и степенныхъ. Они поочередно отправляли повседневную службу и совершали требы. Кругъ богослуженія былъ очень обширенъ: вечерня, каноны и повечеріе—до ужина; отпусти-

тельныя молитвы на сонъ грядущій—послѣ ужина; утреня, часы, обѣдня—до обѣда, а подъ праздники—всенощное бдѣніе, продолжавшееся часовъ по 7. Во время службы всѣ присутствовавшіе должны были стоять чинно, стройными рядами, и класть поклоны въ положенное время. Въ столовую отправлялись по извѣстному знаку, читали тамъ опредѣленныя молитвы и садились за столъ съ благословенія монаха, а одинъ изъ иноковъ читалъ четьи—минеи. Въ монастырскихъ школахъ, очень многочисленныхъ по числу учениковъ, обучали чтенію, письму, пѣнію и рисованію (собственно копированію заставокъ, заглавныхъ буквъ и др. украшеній, употреблявшихся въ старинныхъ рукописяхъ).

Съ матеріальной стороны иргизскіе монастыри были вполнѣ обезпечены, такъ какъ получали громадные доходы отъ хлѣбопашества, скотоводства и т. п., а особенно отъ бѣглыхъ поповъ и доброхотныхъ подаяній, поступавшихъ или прямо отъ богомольцевъ, или чрезъ особыхъ сборщиковъ. Но съ увеличеніемъ матеріальныхъ средствъ, иргизскіе иноки совершенно забыли о духовномъ подвижничествѣ: церковными службами стали тяготиться, общей трапезой гнушаться, постничали только при постороннихъ и для посторонихъ; пьянство и развратъ, особенно во время уборки хлѣба и большихъ праздниковъ, сдѣлались обычнымъ явленіемъ.

Внѣшнее процвѣтаніе и значеніе Иргиза особенно увеличилось съ рѣшеніемъ вопроса о *чинопріемѣ* бѣглыхъ поповъ. Такъ какъ на первыхъ порахъ во главѣ бѣглопоповщины стояла Вѣтка, то вопросъ этотъ былъ рѣшенъ тамъ. Рѣшался онъ различно. Сначала вѣтковцы перекрещивали всѣхъ приходящихъ къ нимъ, значитъ, и іереевъ, при чемъ одного погрузили въ полномъ священническомъ облаченіи, чтобы благодать хиротоніи не улетѣла на небо. Потомъ стали совершать перекрещиваніе только для вида, именно: надъ принимаемымъ совершали весь чинъ крещенія, за исключеніемъ погруженія крещаемаго въ воду, и помазывали своимъ мѵромъ, отворачивая для этого ризы, но не снимая ихъ, чтобы не снять священства. При іеромонахѣ Ѳеодосіи этотъ способъ принятія былъ совершенно оставленъ и замѣненъ мѵропомазаніемъ (вторымъ чиномъ). За отсутствіемъ настоящаго мѵра, Ѳеодосій употреблялъ мѵро, сваренное имъ лично. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣтковцы принимали третьимъ чиномъ, т. е. чрезъ отреченіе отъ ересей. У рогожцевъ было въ обычаѣ принимать такихъ лицъ вторымъ чиномъ. А такъ какъ мѵра не было, то рѣшили сварить его. Въ 1777 г. купили они необходимыя вещества и устроили мѵровареніе. Главнымъ зачинщикомъ и распорядителемъ этого дѣла былъ попъ Василій чебоксарскій. Самъ онъ читалъ надъ кипѣвшимъ мѵромъ архіерейскія молитвы, другіе попы стояли

вокругъ него, а бывшій дьячекъ Ѳедоръ Михайловъ мѣшалъ варившееся мѵро большою мѣшалкою. Наварили они мѵра слишкомъ 2 пуда и стали распространять между поповцами. Но не всѣ поповщинскія общины приняли это мѵро. Особенно сильно воспротивился стародубскій попъ Михаилъ Калмыкъ съ инокомъ Никодимомъ. Въ своихъ письмахъ на Рогожское кладбище они убѣждали рогожцевъ оставить свои затѣи; но тѣ твердо стояли на своемъ. Наконецъ, рѣшено было составить соборъ въ Москвѣ для разсмотрѣнія этого вопроса и тѣсно связаннаго съ нимъ вопроса о принятіи въ расколъ. *Соборъ* этотъ начался въ концѣ *1779* г., а кончился въ началѣ *1780* г. На немъ присутствовали депутаты изъ Керженца (Іона Курносый), Стародубья (попъ Михаилъ Калмыкъ и инокъ Никодимъ), Иргиза (Сергій) и другихъ обществъ. На первомъ засѣданіи разсуждали о томъ, какъ смотрѣть на дѣйствія предковъ: могутъ ли они быть приняты во всегдашнее, обдержное правило? Напримѣръ, на Вѣткѣ попы Стефанъ и Кузьма перекрещивали приходящихъ отъ русской церкви, въ другихъ мѣстахъ перевѣнчивали, священниковъ принимали безъ мѵропомазанія, а мірянъ—чрезъ мѵропомазаніе и вожденіе вокругъ купели съ водою: законны ли такія дѣйствія? На этотъ вопросъ представитель московскаго общества Димитрій Ѳедоровъ отвѣтилъ: «незаконны». Тогда рѣшено было разсуждать впредь на основаніи Божественнаго писанія, а не обычаевъ предковъ, между собою несогласныхъ. На слѣдующихъ засѣданіяхъ предметомъ рузсужденій были два вопроса: а) перемазывать или нѣтъ поповъ, приходящихъ отъ великороссійской Церкви и б) признавать ли законнымъ вновь сваренное мѵро? Доказать незаконность сваренаго рогожцами мѵра было нетрудно, и сами они скоро согласились съ этимъ. Относительно же чинопріема бѣглыхъ поповъ происходили долгіе и жаркіе споры. Ссылаясь на существующій обычай, рогожцы и большинство другихъ поповцевъ стояли за пріемъ вторымъ чиномъ. Чтобы придать этому заявленію бо́льшую силу и значеніе, на соборѣ читали «Исторію о бѣгствующемъ на Керженцѣ священствѣ», писанную Іоной Курносымъ [1]). Въ этой исторіи говорилось, будто самъ Павелъ Коломенскій заповѣдалъ принимать священниковъ православной Церкви чрезъ мѵропомазаніе. Но противная сторона, во главѣ съ инокомъ Никодимомъ, утверждала, что бѣглыхъ священниковъ слѣдуетъ принимать третьимъ чиномъ, т. е. чрезъ отреченіе отъ ересей, если же вновь мѵропомазывать ихъ, то вновь нужно и рукополагать. Обѣ стороны остались при своемъ мнѣніи, и соборъ кончился непримиримою враждою споривших. Рогожцы получили названіе *перема-*

[1]) Эта Исторія напечатана въ соч. Есипова: «Раскольническія дѣла 18 ст.» т. II, прилож., стр. 182—9.

занцевъ (а соборъ 1779 г.—*перемазанскаго*) и нашли себѣ послѣдователей въ скитахъ керженскихъ, иргизскихъ и отчасти между стародубцами.

Послѣ перемазанскаго собора Стародубье упало въ глазахъ перемазанцевъ и лишилось привилегіи снабжать раскольническія общины попами. Инокъ Сергій рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для *возвышенія Иргиза*. Держась самъ ученія о перемазываніи, онъ и другимъ старался доказать необходимость его. Но такъ какъ мура настоящаго не было, то сталъ проповѣдывать, что истинная «исправа» бѣглыхъ священниковъ возможна только на Иргизѣ, въ церкви Успенія, потому что здѣсь только неизмѣнно сохранилось апостольское ученіе, правильное священноначаліе и такое же совершеніе таинствъ; значитъ, она только, какъ святая церковь, имѣетъ право, «по нуждѣ или смотрительству времени, допускать премѣненіе закону». Это право не самовольно похищено ею, но принадлежитъ искони. Церковь всегда различала законъ «обдержный», постоянно дѣйствующій, отъ закона «смотрительнаго», представляющаго исключеніе изъ общаго правила. Мысль эту Сергій подтверждалъ разными примѣрами изъ церковной жизни. Такъ, по общимъ правиламъ, крещеніе должно совершать священнику, но по нуждѣ можно совершить его и мірянину; литургію, по правиламъ, слѣдуетъ совершать въ освященныхъ храмахъ, а нѣкоторые святые совершали ее въ домахъ, даже безъ антиминса; исповѣдь принимаютъ только священники, но, въ нужныхъ случаяхъ, принимаютъ ее и иноки; вообще церковь отвергаетъ еретическое священство, какъ безблагодатное, но, въ случаѣ нужды, принимала его. Такъ и теперь. По нуждѣ, можно довольствоваться попами, бѣжавшими отъ великороссійской церкви, но нельзя принимать ихъ неисправленными; истинная же исправа можетъ быть только въ «соборной» церкви Успенія на Иргизѣ. Хотя соображенія Сергія до очевидности натянуты, искусственны и малоубѣдительны, однако мысль его о необходимости «исправлять» бѣглыхъ поповъ на Иргизѣ была принята поповцами. Съ этого времени Иргизъ заступилъ мѣсто Стародубья и сдѣлался *митрополіею* поповщины. Здѣсь исключительно стали принимать бѣглыхъ поповъ въ расколъ и разсылать по разнымъ поповщинскимъ общинамъ. Разсылка эта въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, а особенно при Павлѣ I и въ началѣ царствованія Александра I, производилась совершенно свободно. Въ Пермскую губ. бѣглые попы посылались *толпами*; а поповцы отдаленныхъ мѣстъ постоянно обращались къ правительству съ ходатайствомъ о формальномъ разрѣшеніи брать священниковъ съ Иргиза и нѣкоторые получали его.

26 марта *1822* г. былъ изданъ секретный *указъ* «объ оста-

вленіи у раскольниковъ бѣглыхъ священниковъ, если они до своего побѣга не учинили уголовнаго преступленія». Это еще болѣе *усилило бѣглопоповство*. Теперь раскольники свободно стали обращаться къ православнымъ священникамъ и увлекать ихъ къ себѣ, прельщая выгодами и независимостью. Прельщенные и увлеченные ими прельщали другихъ, иногда безпорочныхъ до того времени, священниковъ. Особенно соблазнительно дѣйствовала безнаказанность бѣглыхъ поповъ за совершенныя ими преступленія. Число бѣглыхъ священниковъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ очень умножилось. Бѣглые попы явились даже въ Москвѣ. На Рогожскомъ кладбищѣ ихъ бывало по 12. Они были совершенно независимы другъ отъ друга, при каждомъ былъ свой дьячекъ и пѣвчіе; въ оградѣ кладбища они имѣли дома, выстроенные отъ общества, получали большіе доходы, жили въ довольствѣ и наживали большіе капиталы. Лишніе попы продавались иногороднымъ обществамъ раскольниковъ. Число прихожанъ Рогожскаго кладбища быстро увеличивалось и къ 1825 г. достигло 68,000 человѣкъ.

Лужковское согласіе. Въ то время какъ большинство поповцевъ съ радостію приняло дозволеніе правительства имѣть у себя бѣглыхъ поповъ и не смущалось требованіемъ вести метрики, нѣкоторые изъ нихъ, болѣе фанатичные, стали сомнѣваться въ истинности такого дозволеннаго священства. Особенно ихъ смущало требованіе вести метрики. При томъ же они привыкли къ *тайному* священству, какое, по ихъ убѣжденію, въ нынѣшнее антихристово время только и должно быть. По такимъ соображеніямъ, поповцы стародубскаго посада Лужки признали необходимымъ держаться по прежнему только *тайнаго* священства и не вести метрикъ. А такъ какъ другіе бѣглопоповцы приняли дозволенное священство, то лужковцы признали ихъ еретиками и отдѣлились отъ нихъ въ особое, такъ называемое, лужковское согласіе. Въ началѣ своего отдѣленія они не имѣли единомышленнаго священника; поэтому, чтобы исправить чрезъ мѵропомазаніе перваго, явившагося къ нимъ, бѣглаго попа, они обманомъ пригласили къ себѣ для этой цѣли попа отъ бѣглопоповцевъ, а послѣ совершенія послѣднимъ чинопріятія, сами простолюдины приняли того исправленнаго попа въ свое общество уже по третьему чину, заставивъ его произнести проклятіе ересей. Такимъ образомъ и явилось у нихъ свое, лужковское священство. Ихъ попы стали принимать приходящихъ къ нимъ поповъ вторымъ чиномъ, а поповцевъ—третьимъ.

Сравнительно съ дьяконовцами лужковцы смотрятъ на православную церковь болѣе враждебно, такъ какъ приняли нѣкоторыя, свойственныя безпоповцамъ, мнѣнія. Такъ, они учатъ что антихристъ уже царствуетъ въ мірѣ и что не слѣдуетъ приносить на проско-

мидіи просфору за царя. Съ отмѣною правилъ 1822 г., Лужковское согласіе ослабѣло, но не уничтожилось: кромѣ посада Лужки оно имѣетъ послѣдователей на Дону, въ Курской губ., на Уралѣ и въ нѣкоторыхъ иныхъ мѣстахъ, а также за границей, въ Молдавіи.

2. Толкъ пріемлющихъ австрійское или бѣлокриницкое священство.

а) Учрежденіе бѣлокриницкой лжеіерархіи.

а) Исканіе архіерея. Соблазнительная, порочная жизнь бѣглыхъ поповъ и сознаніе, что церковь безъ епископа быть не можетъ, невольно наводили поповцевъ на мысль пріобрѣсти себѣ «древлеправославнаго» епископа, который могъ бы снабжать ихъ законнопоставляемымъ священствомъ. У раскольниковъ издавна ходили слухи о существованіи въ какихъ-то далекихъ и невѣдомыхъ странахъ епископовъ «древлеправославныхъ», не принявшихъ Никоновыхъ новшествъ. Предпринимались и попытки къ отысканію такихъ епископовъ, но—безуспѣшно. Тогда поповцы рѣшили поискать между православными епископами такого, который согласился бы, подобно бѣглымъ попамъ, перейти къ нимъ, принявъ извѣстный чинопріемъ, или же рукоположить представленнаго ими кандидата. *Первая* такая *попытка* была сдѣлана въ *1730* г. вѣтковцами и дьяконовцами, жившими въ Стародубьѣ. Не разсчитывая на успѣхъ у русскихъ епископовъ, они обратились къ ясскому митрополиту Антонію съ просьбою поставить имъ епископа. Въ Яссы былъ отправленъ и избранный на епископство казначей Покровскаго вѣтковскаго монастыря инокъ *Павелъ*. Просьба эта, вслѣдствіе пріѣзда (въ 1731 г.) константинопольскаго патріарха Паисія II, была повторена послѣднему. Тотъ согласился исполнить ее, если только вновь поставленный епископъ дастъ клятвенное обѣщаніе во всемъ послѣдовать ученію православной Церкви. Вѣтковцы не нашли возможнымъ принять это условіе, и потому дѣло прекратилось. Не смотря на эту неудачу, поповцы не оставили своего намѣренія, а продолжали искать епископа. Поиски ихъ скоро увѣнчались успѣхомъ.

Спустя 2 года послѣ ясской неудачи, у нихъ дѣйствительно явился епископъ, по имени *Епифаній*. Этотъ Епифаній, по фамиліи Реуцкій, человѣкъ темнаго происхожденія, былъ кіевскій монахъ, пользовавшійся расположеніемъ кіевскаго архіепископа Варлаама Ванатовича, который посвятилъ его въ іеромонахи и сдѣлалъ, по однимъ сказаніямъ, игуменомъ Козельскаго монастыря, а по другимъ — экономомъ архіерейскаго дома. Онъ не отличался трезвою

жизнію и цѣломудріемъ и былъ даже заподозрѣнъ въ похищеніи денегъ Козельскаго монастыря. Опасаясь суда, Епифаній бѣжалъ изъ Кіева. Но потомъ снова вернулся сюда и, по благосклонности архіепископа, былъ допущенъ къ занятіямъ въ его канцеляріи. Пользуясь этимъ положеніемъ, онъ укралъ принадлежавшіе кіевскому архіепископу печати и составилъ на имя ясскаго митрополита Георгія подложныя письма: одно отъ имени кіевскаго архіепископа—съ просьбою поставить Епифанія во епископа, а другое—отъ имени чигиринскихъ гражданъ, будто-бы желающихъ имѣть его епископомъ. Посредствомъ этихъ подложныхъ документовъ, скрѣпленныхъ краденными печатями, и при помощи подарковъ, онъ успѣлъ уговорить митрополита Георгія и получилъ архіерейство (22 января 1724 г.); но вскорѣ былъ взятъ русскимъ правительствомъ, лишенъ сана, незаконно полученнаго, и сосланъ въ Соловецкій монастырь. Отсюда Епифаній бѣжалъ и хотѣлъ пробраться за границу, но опять былъ пойманъ, высѣченъ плетьми, лишенъ монашескаго званія и приговоренъ къ ссылкѣ. Тогда вѣтковскіе раскольники, внимательно слѣдившіе за ходомъ его дѣла, отбили его у конвойныхъ солдатъ, увезли на Вѣтку и приняли (въ 1734 г.) въ качествѣ дѣйствительнаго епископа. Но Епифаній епископствовалъ у нихъ недолго. Вскорѣ сами они возымѣли сомнѣніе относительно его, и между ними начались взаимныя неудовольствія. Неизвѣстно, чѣмъ бы окончились эти неудовольствія, если бы Епифаній дольше пожилъ на Вѣткѣ; но въ 1735 г., при раззореніи Вѣтки, онъ былъ схваченъ русскимъ правительствомъ и препровожденъ въ Кіевъ, гдѣ скоро заболѣлъ и умеръ въ соединеніи съ православною Церковію [1]). Кромѣ Епифанія у раскольниковъ было еще два лжеепископа—Аѳиногенъ и Аѳеимъ.

Аѳиногенъ былъ іеродіаконъ Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ). Настоящее его имя было Амвросій. Назвавшись священноинокомъ Аѳиногеномъ, онъ въ 1749 г. прибылъ въ Стародубье, заслужилъ расположеніе попа Патрикія, настоятельствовавшаго здѣсь, и былъ допущенъ къ отправленію священническихъ требъ. Замѣтивъ, что неудача съ Епифаніемъ нисколько не охладила желанія раскольниковъ пріобрѣсти себѣ епископа, онъ, какъ человѣкъ ловкій, задумалъ воспользоваться благопріятными для него обстоятельствами и сталъ осторожно распространять слухи о своемъ архіерействѣ. Когда слухи произвели свое дѣйствіе, онъ открыто объявилъ себя епископомъ и сочинилъ цѣлую исторію о своемъ посвященіи въ епископскій санъ. Чтобы не попасть въ просакъ, нѣкоторые раскольники стали наводить о немъ справки; но пока

[1]) У Епифанія осталось не мало приверженцевъ, которые составили даже особую секту, извѣстную въ исторіи раскола подъ именемъ *епифановщины*.

справки наводились, Аѳиногенъ, жившій преимущественно въ раскольничьихъ селеніяхъ по берегамъ Днѣстра и Буга, успѣлъ наставить раскольникамъ поповъ и дьяконовъ. Когда же обманъ обнаружился, то Аѳиногенъ бѣжалъ за границу, принялъ католичество въ Каменецъ-Подольскѣ, женился и поступилъ въ военную службу (въ 1753 г.).

Въ тѣсной связи съ исторіей Аѳиногена стоитъ исторія третьяго раскольническаго лжеепископа *Аѳима*. Аѳимъ былъ монахъ Кременскаго монастыря на Дону. Онъ былъ человѣкъ быстраго ума и довольно начитанный, но въ высшей степени своенравный, упрямый и гордый. Сначала Аѳимъ выдалъ себя за священника и сталъ отправлять священническія службы въ построенной имъ церкви; но потомъ, не довольствуясь поповствомъ, захотѣлъ сдѣлаться епископомъ. Для полученія епископства онъ нарочно ѣздилъ къ Аѳиногену, но тотъ посвятилъ его на первый разъ только въ архимандриты. Получивъ это званіе, Аѳимъ началъ дѣйствовать по архіерейски и многихъ поставилъ «въ причетъ церковный». Нѣкоторые раскольники стали укорять его за это. Тогда онъ рѣшился непремѣнно добиться архіерейства и снова обратился къ Аѳиногену съ просьбою объ епископствѣ. Тотъ согласился, но, въ виду распространившихся слуховъ о своемъ самозванствѣ, не нашелъ возможности лично поставить его. Поэтому условились, чтобы поставленіе было совершено заочно: въ назначенный день, именно въ великій четвергъ 1753 года, тотъ и другой должны были служить литургію и въ обычное время Аѳимъ долженъ быть возложить на себя архіерейскія одежды, а Аѳиногенъ—прочесть молитвы на поставленіе епископа. Аѳимъ исполнилъ условіе въ точности; между тѣмъ Аѳиногенъ былъ уже въ это время католикомъ и польскимъ жолнеромъ. Когда слухъ о мнимомъ поставленіи Аѳима разнесся, то надъ нимъ стали смѣяться. Отъ стыда и досады онъ бѣжалъ за рѣку Днѣстръ и дальше — въ Молдавію, въ Добруджу и за Кубань, чтобы основаться гдѣ-нибудь въ качествѣ русскаго епископа. Въ то же время, чувствуя нужду въ исправленіи своего страннаго посвященія въ епископы, онъ обращался къ нѣсколькимъ православнымъ епископамъ съ просьбою «навершить прежнее поставленіе или вновь рукоположить его», и въ этомъ, по его собственному свидѣтельству, успѣлъ: Даніилъ, митроп. браиловскій, будто бы рукоположилъ его во епископа «Кубанскаго и Хотинскія Раи». Въ разныхъ мѣстахъ его, дѣйствительно, принимали за епископа, но затѣмъ, заподозривъ въ обманѣ, изгоняли съ безчестіемъ. Наконецъ, некрасовцы поймали его въ одномъ мѣстѣ, связали руки и ноги, посадили въ куль и бросили въ рѣку Днѣстръ.

Со смертію Аѳима, раскольники въ теченіе XVIII в. неодно-

кратно пытались пріобрѣсти себѣ епископа. Такъ, въ 1765 г. въ Москвѣ происходило совѣщаніе поповцевъ и безпоповцевъ о томъ, нельзя ли, по нуждѣ, поставить епископа самимъ, рукою митр. Іоны или какого-либо другого святителя, по примѣру поставленія кіевскаго митрополита Климента (1147 г.), главою Климента, папы римскаго. Но эта святотатственная затѣя не только не была приведена въ исполненіе, но даже усилила вражду между безпоповцами и поповцами. Послѣ этого они обращались къ грузинскому архіеп. Аѳанасію съ просьбою о поставленіи епископа, приглашали къ себѣ въ епископы нѣкоторыхъ русскихъ архипастырей и въ томъ числѣ св. Тихона Воронежскаго, наконецъ, ходатайствовали предъ гражданскою властью о дозволеніи принять имъ архіепископа на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ существовали бѣглые попы, но съ тѣмъ, чтобы онъ былъ совершенно независимъ отъ православной іерархіи, имѣлъ свою консисторію и пользовался правами, предоставленными живущимъ въ Россіи лицамъ инославныхъ исповѣданій. Но всѣ эти попытки кончились неудачно. Межу тѣмъ, вслѣдствіе снисходительныхъ отношеній правительства къ расколу, въ попахъ не только не было недостатка, но даже явился избытокъ. Поэтому мысль о собственномъ епископѣ была на время оставлена поповцами.

β) *Оскудѣніе бѣгствующаго священства во второй четверти XIX в.* Съ наступленіемъ царствованія Николая I, положеніе бѣглопоповщины совершенно *измѣнилось*. Изданъ былъ цѣлый рядъ ограничительныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ прекращенію бѣглопоповства. Такъ, постановлено было: переѣзды бѣглыхъ поповъ изъ уѣзда въ ѣздъ запретить; отнюдь не дозволять раскольникамъ принимать къ себѣ новыхъ бѣглыхъ священниковъ; ни въ какомъ случаѣ не дозволять оставаться въ Москвѣ раскольническимъ священникамъ, пріѣзжающимъ изъ другихъ мѣстъ, а еще менѣе допускать исправленіе ими требъ и временное пребываніе на Рогожскомъ кладбищѣ; воспретить раскольникамъ производить надъ поступающими къ нимъ бѣглыми священниками «исправу»; бѣглыхъ діаконовъ немедленно высылать за карауломъ къ ихъ архіереямъ для поступленія съ ними по законамъ. Кромѣ того, церковною и гражданскою властію были приняты мѣры къ прекращенію самыхъ побѣговъ священниковъ. Такія мѣропріятія повели къ «оскудѣнію бѣгствующаго священства» во всей поповщинѣ, не исключая даже Иргиза и Рогожскаго кладбища.

γ) *Рѣшеніе пріобрѣсти архіерея; хлопоты по учрежденію архіерейской каѳедры въ Бѣлой Криницѣ; условіе съ митроп. Амвросіемъ и принятіе его въ расколъ.* Опасаясь полнаго оскудѣнія бѣгствующаго іерейства, поповцы пытались сначала возста-

новить дозволенный указомъ 1822 г. способъ пріобрѣтенія бѣглыхъ поповъ, но—безуспѣшно. Тогда болѣе предпріимчивые изъ поповцевъ отправились за границу на поиски древлеправославныхъ епископовъ, другіе же остановились на мысли пріобрѣсти собственнаго епископа. Мысль эта обсуждалась въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ, въ присутствіи представителей Вѣтки, Иргиза, Керженца, Стародубья, поволжскихъ и другихъ городовъ, и хотя встрѣтила сильныхъ противниковъ въ партіи купца Царскаго, считавшаго болѣе удобнымъ снова ходатайствовать предъ правительствомъ о возстановленіи правилъ 1822 г., но нашла и горячихъ защитниковъ, во главѣ которыхъ стояла богатая фамилія Рахмановыхъ. Не придя къ опредѣленному рѣшенію, собравшіеся послали депутацію въ Петербургъ къ тамошнимъ поповцамъ во главѣ съ Сергѣемъ Громовымъ. Послѣдній, будучи хорошо знакомъ со многими высшими лицами, обратился за совѣтомъ къ шефу жандармовъ Бенкендорфу. Тотъ отвѣтилъ, что правительство не согласится на то, чтобы поповцы явно могли принимать къ себѣ бѣглыхъ поповъ; но если у нихъ будетъ своя іерархія, то власть, быть можетъ, снисходительнѣе отнесется къ ихъ попамъ. Громовъ принялъ къ сердцу этотъ совѣтъ и усердно принялся за пріисканіе людей, на которыхъ съ полнымъ довѣріемъ можно было бы возложить порученіе—пріискать древлеправославнаго епископа и учредить старообрядческую архіерейскую каѳедру. Поиски его увѣнчались усѣхомъ: такой человѣкъ нашелся въ лицѣ инока Лаврентьева монастыря *Петра Васильева Великодворскаго*, извѣстнаго въ исторіи раскола подъ именемъ *Павла Бѣлокриницкаго*.

Петръ Великодворскій былъ сынъ волостного писаря Валдайской подгородной слободы, извѣстной подъ названіемъ Зимогорскаго Яма; родился онъ въ 1808 году. Одаренный отъ природы замѣчательными способностями, Петръ Великодворскій рано выучился грамотѣ и красивому, четкому письму, страстно любилъ чтеніе книгъ духовнаго содержанія и этимъ чтеніемъ воспиталъ въ себѣ наклонность къ религіозной мечтательности, наконецъ, отличался рѣдкою предпріимчивостью и настойчивостію въ осуществленіи предпріятій. Получивъ (въ 1835 г.) предложеніе Громова отправиться на поиски «древлеправославнаго» архіерея, онъ счелъ его за указаніе свыше и энергично принялся за дѣло. Ближайшимъ и неизмѣннымъ совѣтникомъ и сотрудникомъ его былъ инокъ Серковскаго (въ Бессарабіи) монастыря *Геронтій*, въ мірѣ Герасимъ Колпаковъ, человѣкъ практическаго направленія, много разъ путешествовавшій за сборами на свой монастырь. Въ 1836 г. они отправились къ предѣламъ Персіи на поиски архіерея. По пути зашли въ нѣкоторые раскольничьи монастыри (въ Стародубьѣ),

въ одномъ изъ которыхъ Петръ Великодворскій принялъ монашество и нареченъ *Павломъ*. Путь ихъ лежалъ черезъ Кавказъ. Но въ Кутаисѣ, вслѣдствіе собственной неосторожности, они были арестованы и подъ конвоемъ отправлены на мѣсто жительства. Эта неудача не смутила ихъ. Весной 1839 г. они отправились на новые поиски, но другимъ путемъ,—чрезъ австрійскую границу.

Перейдя границу, Павелъ и Геронтій остановились въ буковинскомъ раскольническомъ селеніи *Бѣлой Криницѣ*, въ существовавшемъ здѣсь ничтожномъ и крайне бѣдномъ монастырѣ, чтобы выправить заграничные австрійскіе паспорты на чужія имена для путешествія по востоку, но потерпѣли неудачу и остались въ монастырѣ на всю осень и зиму (1839—40 г.). Въ это время имъ удалось узнать, что бѣлокриницкіе липоване [1]) имѣютъ полученную въ 1783 г. отъ императора Іосифа II *грамоту*, которою даны имъ разныя привилегіи и въ томъ числѣ свободное исповѣданіе ихъ вѣры съ правомъ имѣть собственное духовенство. Такое благопріятное положеніе липованъ подало Павлу мысль учредить старообрядческую архіерейскую каѳедру въ Бѣлой Криницѣ. Расположивъ къ этой мысли липованъ, Павелъ и Геронтій начали свои хлопоты предъ австрійскимъ правительствомъ. Назвавшись природными липованами, 14 февраля 1840 г. они подали въ черновицкій крайзамтъ (уѣздное начальство или правленіе) первое прошеніе о дозволеніи липованамъ имѣть своего епископа въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. Крайзамтъ, по разнымъ соображеніямъ, принялъ прошеніе и просителей съ особенною благосклонностью. Но подозрѣвая, что изъ губерніи, куда была препровождена просьба липованъ, потребуютъ полныхъ и точныхъ свѣдѣній относительно Бѣлокриницкаго монастыря и основаній, на какихъ онъ существуетъ, нашелъ нужнымъ, въ интересахъ самихъ просителей, потребовать отъ нихъ подробнаго изложенія исторіи монастыря, его назначенія и принятыхъ въ немъ правилъ общежитія,—всѣхъ вообще свѣдѣній о внѣшнемъ и внутреннемъ его устройствѣ съ точнымъ изложеніемъ и самаго вѣроученія липованъ.

Получивъ такое требованіе, Павелъ немедленно приступилъ къ его исполненію и вскорѣ написалъ *Уставъ Бѣлокриницкаго монастыря*. Этотъ уставъ состоитъ изъ семи главъ и заключенія. Въ первой главѣ излагается догматическое ученіе раскольниковъ [2]),

---

[1]) Липованами (вѣроятно, испорченное названіе «филиппонъ», послѣдователь филиппова согласія) назывались въ Австріи всѣ вообще раскольники.

[2]) Здѣсь Павелъ высказалъ нѣкоторыя сужденія, «не согласующія православному ученію» и впослѣдствіи признанныя за ересь самими старообрядцами, именно: ученіе о подвременномъ рожденіи Сына и Св. Духа отъ Бога Отца. См. объ этомъ у Филарета въ «Разборѣ отвѣтовъ на 8 вопросовъ», изд. 2, стр. 99 и въ Брат. Сл. 1885, II, 578—9.

во второй — исторія Бѣлокриницкаго монастыря съ указаніемъ средствъ, которыми онъ располагаетъ, съ 3-ей главы начинается собственно изложеніе монастырскаго устава. Здѣсь говорится: 1) «о времени божественнаго послѣдованія службъ», т. е. когда начинается и сколько времени продолжается каждая церковная служба въ монастырѣ и 2) о монастырскомъ управленіи, гдѣ съ точностью опредѣленъ составъ монастырскаго управленія и частныя обязанности каждаго изъ должностныхъ лицъ. Далѣе заслуживаетъ вниманія шестая глава «о принятіи приходящихъ въ монастырское общежительство и объ обѣтѣ иноческомъ», въ которой помѣщены очень строгія правила относительно желающихъ поступить въ монастырское общежительство. Наконецъ, въ 7-й главѣ говорится о страннопріимствѣ и гостепріимствѣ. Въ заключеніе авторъ излагаетъ основанія, почему буковинскимъ раскольникамъ необходимо имѣть своего епископа.

Въ іюлѣ 1841 года Уставъ былъ подписанъ должностными монастырскими лицами и представленъ въ крайзамтъ, а тотъ вмѣстѣ со своимъ представленіемъ отправилъ его во Львовъ, въ губернское правленіе. Но здѣсь, благодаря, между прочимъ, указаніямъ тогдашняго православнаго буковинскаго митрополита Евгенія Гакмана, раскрывшаго истинную цѣль замысловъ Павла и Геронтія и сообщившаго вѣрныя свѣдѣнія о личности самихъ просителей и ихъ уловкахъ для достиженія цѣли, просьба липованъ была принята не благопріятно. Рѣшено было не только отказать просителямъ, но и самый монастырь Бѣлокриницкій, какъ незаконно существующій, уничтожить. Тогда Павелъ, по совѣту черновицкаго начальства, рѣшился перенести дѣло на апелляцію въ Вѣну. Составленъ былъ «рекурсъ» на Высочайшее имя; для подачи его поѣхалъ самъ Павелъ въ сопровожденіи инока *Алимпія Милорадова*, въ мірѣ Аѳанасія Звѣрева, мѣщанина Полтав. губ., человѣка ловкаго, отважнаго и горячо преданнаго расколу. По просьбѣ черновицкихъ чиновниковъ, вѣнскій адвокатъ *Дворачекъ*, хорошо образованный юристъ, славянинъ, свободно говорившій по-русски, тщательно исправилъ ихъ «рекурсъ» и всюду сопровождалъ ихъ въ качествѣ переводчика. Кромѣ того на ихъ сторону стали іезуиты, имѣвшіе большую силу у австрійскаго правительства и пользовавшіеся особеннымъ покровительствомъ вдовствовавшей императрицы-матери. Хорошо понимая, что можно извлечь во вредъ Россіи изъ утвержденія прочнаго гнѣзда расколу заграницею, они сблизились съ буковинскими раскольниками и взяли ихъ подъ свое опытное руководство. Для успѣха дѣла они посовѣтовали Павлу съ Алимпіемъ сдѣлать значительное пожертвованіе въ пользу благотворительныхъ учрежденій, находившихся въ непосредственномъ

управленіи вдовствующей императрицы. Тѣ исполнили этотъ совѣтъ и такимъ образомъ заинтересовали императрицу въ свою пользу [1]). Вскорѣ была испрошена имъ аудіенція у императора Фердинанда и его наслѣдника и высшихъ сановниковъ имперіи. Послѣ этого дѣло быстро пошло впередъ: губернское рѣшеніе послѣ новаго, чисто формальнаго слѣдствія, было отмѣнено и *6 сентября 1844 г.* императоръ подписалъ декретъ, которымъ утверждалось существованіе Бѣлокриницкаго монастыря и дозволялось липованамъ привезти изъ-за границы (но только не изъ Россіи) своего епископа, который поставлялъ бы имъ необходимое для нихъ духовенство, имѣя мѣстопребываніе въ монастырѣ Бѣлокриницкомъ.

Послѣ изданія декрета, Павлу необходимо было заняться отысканіемъ епископа для раскольниковъ. Прежде всего онъ, въ сопровожденіи того же Алимпія, отправился въ славянскія земли, въ надеждѣ отыскать тамъ древлеправославнаго епископа, но вскорѣ вернулся ни съ чѣмъ. Тогда рѣшено было отправиться на востокъ. Долго путешествовали Павелъ съ Алимпіемъ по восточнымъ странамъ—Палестинѣ, Сиріи и Египту, но нигдѣ не нашли древлеправославнаго епископа. Впрочемъ, Павелъ мало и надѣялся на это; поѣхалъ же онъ туда въ тѣхъ видахъ, чтобы: 1) можно было дать рѣшительный отвѣтъ раскольникамъ, вѣрившимъ въ существованіе древлеправославныхъ епископовъ, что такихъ епископовъ нѣтъ; 2) лично узнать, какое крещеніе—поливательное или погружательное—употребляется у тамошнихъ христіанъ, потому что съ этимъ связанъ былъ вопросъ о принятіи самой хиротоніи, и 3) не привлечь вниманія русскаго консульства. Главное вниманіе его было обращено на Константинополь, гдѣ проживало много безмѣстныхъ епископовъ. Еще въ первый свой пріѣздъ въ Константинополь, на пути въ Сирію, по рекомендаціи казака-некрасовца Осипа Гончарова, онъ вошелъ въ сношеніе съ Садыкъ-пашей (Чайковскимъ) и др. польскими эмигрантами, которые, изъ-за желанія навредить Россіи, приняли живѣйшее участіе въ бѣлокриницкомъ предпріятіи, изъявили готовность помогать ему и тогда же посовѣтовали искать епископа именно въ Константинополѣ между безмѣстными епископами. Отпуская Павла на востокъ, они даже обѣщали ему навести необходимыя справки. И дѣйствительно, когда онъ вернулся въ Константинополь, указали ему двухъ архіереевъ. Имя одного осталось неизвѣстно, а другой былъ босносараевскій митрополитъ *Амвросій*.

Амвросій родился въ 1791 г. Онъ былъ сынъ священника румелійскаго города Эноса. По окончаніи курса богословскихъ наукъ,

[1]) Интересныя свѣдѣнія о роли іезуитовъ въ этомъ дѣлѣ напечатаны въ журналѣ «Православный Путеводитель» за 1904 г. (т. I, стр. 344—354).

въ 1811 г. былъ поставленъ въ священники, но вскорѣ овдовѣлъ и принялъ монашество (въ 1817 г.). Пройдя нѣкоторыя низшія должности, онъ сдѣлался протосингелломъ великой Церкви, а въ 1835 г. былъ возведенъ въ санъ митрополита на босно-сараевскую каѳедру. Защищая народные интересы, онъ вошелъ въ столкновеніе съ турецкими властями и, по ихъ настоянію, въ 1840 г. былъ отозванъ въ Константинополь. Здѣсь онъ поступилъ въ разрядъ безмѣстныхъ архіереевъ и долженъ былъ вести жизнь среди униженій и лишеній всякаго рода. Положеніе его было еще тѣмъ тяжелѣе, что онъ имѣлъ женатаго сына Георгія, не имѣвшаго никакихъ занятій.

Узнавъ о тяжеломъ положеніи Амвросія, Павелъ, при посредствѣ серба *Огняновича*, знавшаго русскій и греческій языки, вступилъ съ нимъ въ *переговоры* и велъ ихъ чрезвычайно хитро и осторожно. Онъ не только изображалъ ему матеріальныя выгоды, ожидающія его съ поступленіемъ на архіерейскую каѳедру въ Бѣлой Криницѣ, но и старался доказать, что, съ поступленіемъ къ нимъ, не нужно будетъ измѣнять православной вѣры (чего Амвросій особенно боялся): напротивъ, потребуется соблюдать «древлеотеческое» православіе во всей строгости и только перемѣнить нѣкоторые греческіе обряды на другіе, соблюдаемые у старообрядцевъ, да принять въ духовные отцы себѣ ихъ священника. А о томъ, что ему необходимо будетъ проклясть мнимыя ереси православной Церкви и подвергнуться особому чинопріятію, какъ еретику, Павелъ до времени умалчивалъ. Однако, сначала Амвросій не поддавался на его убѣжденія и отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, но затѣмъ, уступая настоянію своего сына, объявилъ, что согласенъ заключить договоръ о занятіи Бѣлокриницкой каѳедры. *15 апрѣля 1846 г. договоръ* былъ подписанъ. По этому договору, старообрядцы обязывались содержать Амвросія и платить ему по 500 червонцевъ въ годъ, сыну его купить домъ въ Бѣлой Криницѣ; Амвросій же, со своей стороны, обязывался поступить въ старовѣрческую религію, учинить законное присоединеніе, исполнять монастырскій уставъ безъ нарушенія и поставить себѣ преемника.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ этого, Павелъ, съ помощію Чайковскаго и прочихъ друзей, секретно вывезъ Амвросія, переодѣтаго въ казацкое платье, изъ Константинополя и отправился съ нимъ въ Вѣну. Цѣлый мѣсяцъ они ѣхали и испытали не мало огорченій. Злая судьба какъ будто нарочно преслѣдовала Амвросія: разныя, крайне опасныя для него, случайности слѣдовали одна за другою. Разъ дѣло дошло до того, что онъ, боясь быть узнаннымъ, «влѣзъ въ скотскія ясли и хотѣлъ закопаться въ навозъ и овчіе объѣди».

По пріѣздѣ въ Вѣну, Амвросій съ Павломъ представились своимъ высокимъ покровителямъ и испросили аудіенцію у императора: вездѣ имъ былъ оказанъ любезный пріемъ. Представляясь императору, Амвросій подалъ ему прошеніе о дозволеніи немедленно вступить въ должность верховнаго пастыря старовѣрческихъ обществъ, при чемъ представилъ архіерейскую ставленную грамоту и подлинную записку патріаршей канцеляріи, дозволяющую отслужить литургію въ одной изъ константинопольскихъ церквей и тѣмъ самымъ доказывающую, что Амвросій не былъ лишенъ сана и не находился подъ запрещеніемъ. Императоръ, принявши бумаги, обѣщалъ, по справкѣ, удовлетворить его просьбу. Но прошло три мѣсяца, а справки не приходили изъ Константинополя. Наконецъ, Павелъ чрезъ эрцгерцога Людвига и іезуитовъ добился того, что Амвросію дозволено было отправиться въ Бѣлокриницкій монастырь и тамъ до окончательнаго рѣшенія его дѣла, отправлять святительскія обязанности. 12 окт. 1846 г. Амвросій прибылъ въ Бѣлую Криницу и былъ встрѣченъ съ подобающею торжественностію. Однако общее впечатлѣніе было не въ пользу его, потому что онъ благословилъ народъ обѣими руками, что у раскольниковъ считается новшествомъ, а сынъ его Георгій и сербъ Огняновичъ пропѣли греческимъ напѣвомъ *ис-полла-эти деспота*, чего липоване никогда не слыхали.

Спустя двѣ недѣли послѣ встрѣчи Амвросія, происходило торжественное *принятіе* его *въ расколъ*. Но предварительно былъ составленъ соборъ, на которомъ послѣ сильныхъ споровъ, рѣшено было принять Амвросія чрезъ мѵропомазаніе. Тотъ, видя безвыходность своего положенія, долженъ былъ согласиться на это. На другой день послѣ собора (28 окт.) происходилъ самый *чинопріемъ*, который состоялъ въ слѣдующемъ: сначала Амвросій, стоя противъ царскихъ дверей, проклялъ велегласно русскимъ языкомъ всѣ ереси (славянскій чинъ проклятія ересей былъ написанъ для него греческими буквами); затѣмъ онъ удалился съ бѣглымъ іеромонахомъ Воскресенскаго (Новый Іерусалимъ) монастыря *Іеронимомъ* въ алтарь для исповѣди. Но послѣдній не зналъ греческаго языка, а первый—русскаго и потому исповѣдь, по словамъ одного очевидца (Онуфрія), ограничилась тѣмъ, что они только «уповательно посмотрѣли другъ на друга». Въ заключеніе Іеронимъ помазалъ Амвросія мнимымъ мѵромъ, отверзъ царскія двери и объявилъ достоинство митрополита, засвидѣтельствовавъ въ особой грамотѣ, что онъ «тщательно испыталъ глубины сердца» его; а потомъ самъ митрополитъ вышелъ изъ алтаря чрезъ царскія двери въ архіерейскомъ облаченіи и, взявъ въ руки дикирій и трикирій, сталъ осѣнять народъ [1]).

[1]) О незаконности совершеннаго надъ Амвросіемъ чинопріема см. въ наш. Руков. по обл. раск., изд. 7, стр. 120—127.

6) Бѣлокриницкая іерархія при Амвросіи.

Согласно своему договору съ Павломъ и Алимпіемъ, Амвросій, по исполненіи «надлежащаго чинопріятія», долженъ былъ «неотлагательно поставить въ намѣстники себѣ другого архіерея», который былъ нуженъ для обезпеченія у раскольниковъ-старообрядцевъ дальнѣйшаго существованія священства въ полномъ трехчинномъ устройствѣ. Поэтому главною заботою учредителей бѣлокриницкой іерархіи было избраніе и поставленіе новаго липованскаго епископа, и вмѣстѣ, намѣстника бѣлокриницкой митрополіи. Однако, прежде этого признано было необходимымъ посвятить нѣкоторыхъ лицъ въ низшія степени—діакона и священника, потому что они необходимы при архіерейскомъ служеніи. *Первымъ ставленникомъ* былъ инокъ Серковскаго монастыря *Ефросинъ*, посвященный во діакона чрезъ день послѣ принятія Амвросія въ расколъ, а *вторымъ*—настоятель Бѣлокриницкаго монастыря *Геронтій*. Послѣ этого приступили къ избранію намѣстника митрополіи. Кандидатами на эту должность были избраны *Геронтій*, *Нифонтъ*, казначей Бѣлокриницкаго монастыря (изъ русскихъ выходцевъ), и старый липованскій дьякъ *Кипріанъ Тимофеевъ*. Самое избраніе происходило по жребію. Жребій палъ на Кипріана Тимофеева, который предварительно былъ постриженъ въ монахи съ именемъ *Кирилла*, затѣмъ быстро проведенъ по низшимъ іерархическимъ ступенямъ и 6 янв. 1847 г. поставленъ во епископа майносскаго [1]), намѣстника бѣлокриницкой митрополіи. До своего посвященія онъ относился крайне враждебно къ новоучрежденной іерархіи и потому мало обѣщалъ ей хорошаго. Правда, послѣ посвященія взглядъ его на эту іерархію измѣнился, но исключительно изъ-за славы и денегъ. Слабый и безхарактерный отъ природы, невѣжественный и мало развитый, онъ былъ впослѣдствіи игрушкой враждебныхъ въ расколѣ партій, дѣйствовалъ сообразно ихъ требованіямъ, постоянно противорѣчилъ себѣ, изъ-за выгодъ готовъ былъ поступить противозаконно и, наконецъ, дошелъ до какого-то нравственнаго отупѣнія и крайне утратилъ свою репутацію.

Въ августѣ того же года Амвросій, по просьбѣ турецкихъ некрасовцевъ [2]), поставилъ для нихъ епископа *Аркадія* († 1859 г.), наименовавъ его епископомъ славскимъ. Этотъ Аркадій, по фамиліи

[1]) Майносъ (въ Малой Азіи)—одно изъ самыхъ отдаленныхъ и заброшенныхъ селеній Турціи.

[2]) Некрасовцы—это раскольники-поповцы, живущіе въ Турціи. Названіе свое они получили отъ атамана донскихъ казаковъ Некрасова, ушедшаго со своею дружиною изъ Россіи послѣ Булавинскаго бунта. Сначала они поселились на берегахъ Дуная, на полуостровѣ Добруджѣ, но потомъ нѣкоторые изъ нихъ переселились во внутреннія области турецкой имперіи и даже на малоазійскій берегъ Мраморнаго моря.

Лысый (иначе Дороѳеевъ), былъ изъ крестьянъ Кишиневской губ. 16 лѣтъ отъ роду онъ ушелъ за границу. Вернувшись оттуда, жилъ въ Лаврентьевскомъ монастырѣ и отсюда ходилъ на востокъ отыскивать древле-православныхъ архіереевъ. По возвращеніи оттуда, поселился сначала въ Молдавіи, а потомъ въ Славѣ. На первыхъ порахъ своего епископства Аркадію пришлось испытать много непріятностей отъ противниковъ бѣлокриницкаго священства. По ихъ проискамъ, онъ былъ посаженъ турецкимъ правительствомъ въ тюрьму. Освободившись отъ заключенія, какъ ни въ чемъ неповинный, онъ былъ признанъ правительствомъ за епископа и могъ уже свободно отправлять епископскія обязанности.

Между тѣмъ, до русскаго правительства стали доходить слухи о появившемся въ Австріи раскольническомъ епископѣ. Слухи эти вполнѣ подтвердились, когда былъ арестованъ, по распоряженію императора Николая Павловича, Геронтій, пріѣзжавшій въ Москву для ознакомленія главарей московскихъ поповцевъ съ новой іерархіей и для пріобрѣтенія необходимыхъ для митрополіи церковныхъ и иныхъ принадлежностей. Тогда оно потребовало у австрійскаго правительства объясненій. Въ то же время Св. Синодъ обратился къ константинопольскому патріарху съ каноническимъ посланіемъ, въ которомъ просилъ его принять мѣры къ возвращенію Амвросія или подвергнуть его церковному осужденію; константинопольскій патріархъ, также чрезъ австрійское министерство, обращался къ Амвросію съ посланіемъ. Вслѣдствіе этого отъ Амвросія потребовали письменныхъ объясненій и вызвали изъ Бѣлой Криницы въ Вѣну, а затѣмъ, по настоянію министра иностранныхъ дѣлъ князя Метерниха, рѣшено было удалить его изъ Бѣлой Криницы. Ему было предложено или возвратиться въ Константинополь къ патріарху, или же отправиться въ ссылку. Амвросій выбралъ послѣднее и въ 1848 г. былъ отправленъ на жительство въ г. Цилль (въ Штиріи), гдѣ и умеръ въ 1863 г. въ соединеніи съ православною Церковію. Бѣлокриницкій же монастырь велѣно было запечатать, что и исполнено въ мартѣ того же года.

в) Бѣлокриницкая іерархія при Кириллѣ до изданія Окружнаго Посланія.

Вскорѣ послѣ удаленія Амвросія и запечатанія Бѣлокриницкаго монастыря, въ Австріи произошелъ государственный переворотъ; во главѣ новаго правительства сталъ покровитель буковинскихъ раскольниковъ гр. Коловратъ. Алимпій, въ качествѣ депутата отъ Бѣлокриницкаго монастыря, обратился къ нему съ просьбою о возвращеніи Амвросія въ Бѣлую Криницу и распечатаніи монастыря, но просьба эта была оставлена безъ послѣдствій. Тогда раскольники самовольно открыли монастырь и стали отправлять въ

немъ церковныя службы, а въ управленіе дѣлами вступилъ намѣстникъ Бѣлокриницкой митрополіи Кириллъ, который въ 1849 г. былъ возведенъ въ санъ митрополита бѣлокриницкаго.

Главною задачею Кирилла было упроченіе и распространеніе бѣлокриницкой іерархіи между раскольниками. Поэтому, онъ прежде всего позаботился поставить себѣ намѣстника. На этотъ постъ былъ избранъ *Онуфрій*, въ мірѣ Андрей Парусовъ (изъ крестьянъ Ярослав. губ.) († 1894 г.), человѣкъ здравомыслящій, съ прямымъ и открытымъ характеромъ, добросердечный, пользовавшійся любовію и уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его старообрядцевъ. 28 авг. 1848 г. онъ былъ рукоположенъ Кирилломъ во епископа браиловскаго. Ему предназначено было завѣдывать, отъ лица Кирилла, дѣлами раскольниковъ, живущихъ вдали отъ митрополіи, преимущественно—молдавскихъ, влахійскихъ и турецкихъ.

Въ то же время, вслѣдствіе умноженія славской паствы, необходимо было поставить новаго епископа для раскольниковъ-некрасовцевъ. Пользуясь этимъ случаемъ, бѣлокриницкія власти, чтобы оказать вниманіе Аркадію и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочить его зависимость отъ новаго митрополита, рѣшили возвести его въ санъ архіепископа и въ Славѣ учредить *архіепископію*, а въ епископа майносскаго, на мѣсто Кирилла, подыскать достойнаго кандидата. Съ этою цѣлію Онуфрій браиловскій съ инокомъ Павломъ въ 1850 г. прибыли въ Славскій скитъ. Аркадій согласился быть архіепископомъ, и потому къ учрежденію архіепископіи въ Славѣ не было препятствій. Однако, будущаго епископа нашли болѣе удобнымъ поставить не для Майноса, а для *Тульчи*, тѣмъ болѣе, что жившіе тамъ старообрядцы просили объ этомъ Аркадія. Кандитатомъ на эту каѳедру былъ избранъ *Алимпій* († 1859 г.). 27 сент. 1850 г. Аркадій вмѣстѣ съ Онуфріемъ поставилъ его во епископа, наименовавъ епископомъ тульчинскимъ, а на другой день самъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа.

Въ 1853 г. и для молдавовлахійскихъ раскольниковъ (число ихъ простиралось до 20,000 человѣкъ) былъ поставленъ особый епископъ, по имени *Аркадій*, названный васлуйскимъ (Васлуя—городъ въ Молдавіи), саратовскій уроженецъ, человѣкъ полуграмотный и фанатичный. Онъ разъѣзжалъ по епархіи и наставилъ много поповъ. Сначала правительство относилось къ раскольникамъ строго и Аркадій долженъ былъ разъѣзжать секретнымъ образомъ. Но послѣ соединенія Молдавіи и Валахіи въ одно княжество Румынское, положеніе раскольниковъ измѣнилось къ лучшему. Они открыто стали совершать свои церковныя службы. Мѣстныя гражданскія власти оказывали Аркадію архіерейскія почести. Въ 1860 году Аркадій

былъ даже утвержденъ правительствомъ въ званіи архіепископа Молдавіи.

Въ 1854 г. открылась русско-турецкая война. Въ концѣ 1853 года войска наши готовились переправиться чрезъ Дунай и обрушиться на пограничныя некрасовскія селенія. Нѣкоторые изъ некрасовцевъ сочли необходимымъ удалиться подальше отъ мѣста военныхъ дѣйствій; но епископы ихъ, Аркадій и Алимпій, остались на своихъ мѣстахъ. Однако, чтобы не оставить свою паству во время странствія безъ верховнаго пастыря, Аркадій поставилъ для нея еще епископа, по имени тоже *Аркадія* († 1868 г.). Этотъ Аркадій, въ мірѣ Андрей Родіоновъ Шапошниковъ, былъ родомъ изъ Черниговской губерніи. Женившись на вдовѣ, онъ почему-то оставилъ жену и принялъ иночество. Въ народѣ онъ слылъ человѣкомъ «дюжесловнымъ и начитаннымъ», а по внѣшнему виду— «брадатымъ»; былъ великій ревнитель раскола и строгій блюститель обрядовъ, отличался твердымъ, настойчивымъ характеромъ; но въ то же время былъ гордъ, самолюбивъ и склоненъ къ любостяжательности, почему и не пользовался симпатіей австрійцевъ. Аркадій сначала затруднялся поставить его во епископа, какъ женатаго на вдовѣ, но потомъ, «ради трудныхъ обстоятельствъ времени», согласился и въ 1854 г. рукоположилъ его, наименовавъ «епископомъ странствующихъ христіанъ». Сдѣлавшись епископомъ, Аркадій съ нѣсколькими семействами удалился на берега Босфора, гдѣ спокойно провелъ время военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ Аркадій и Алимпій, какъ бѣглые русскіе подданные, были арестованы, отправлены въ Россію и заключены въ суздальскій Спасо-евѳиміевъ монастырь. По окончаніи военныхъ дѣйствій, Аркадій возвратился съ береговъ Босфора въ Славскій скитъ и принялъ титулъ экзарха славскаго; на мѣсто же Алимпія въ Тульчу былъ поставленъ послушникъ Аркадія Дороѳеева *Іустинъ* (изъ русскихъ выходцевъ), человѣкъ добрый, общительный и довольно начитанный.

Распространяясь за-границей, бѣлокриницкая іерархія скоро проникла и въ *Россію*. Первымъ лжеепископомъ здѣсь былъ *Софроній*, въ мірѣ Стефанъ Жировъ, московскій мѣщанинъ. Онъ былъ человѣкъ весьма не глупый и ловкій, но совершенно потерявшій совѣсть. До своего архіерейства Софроній занимался извозомъ и продажею бѣглыхъ поповъ. Разсказываютъ, что одного изъ нихъ, имѣвшаго при себѣ много денегъ, онъ утопилъ, а деньги взялъ себѣ и убѣжалъ въ Бѣлую Криницу. Въ дек. 1848 г. Кириллъ постригъ его въ монахи, подъ именемъ Софронія, и произвелъ въ низшія священныя степени, а 3 янв. 1849 г. поставилъ во епископа симбирскаго, съ правомъ производить поповъ для всѣхъ русскихъ

старообрядцевъ. Софроній, какъ и слѣдовало ожидать, оказался архіереемъ совершенно негоднымъ, невыносимымъ даже для раскольниковъ: онъ смотрѣлъ на свое званіе, какъ на средство наживать деньги и ставилъ поповъ не иначе, какъ за плату и подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ дѣлиться съ нимъ половиною доходовъ. Въ виду этого московскіе раскольники-поповцы начали добиваться, чтобы онъ удалился въ свою епархію—Симбирскъ, а себѣ стали подыскивать другого кандидата въ епископы. Но пока они искали, въ Москву прибылъ другой лжеепископъ—*Антоній*.

Антоній, въ мірѣ Андрей Илларіоновъ Шутовъ, былъ крестьянинъ Московской губерніи. По рожденію онъ принадлежалъ къ православной Церкви, но по вліянію фабриканта Гучкова, у котораго жилъ въ услуженіи, перешелъ въ ѳедосѣевство и въ концѣ 30-хъ годовъ поступилъ на Преображенское кладбище на должность казначея. Въ концѣ 1850 г. Антоній уѣхалъ изъ Москвы въ Пруссію въ безпоповскій монастырь, устроявшійся на средства Преображенскаго кладбища инокомъ Павломъ (Прусскимъ), а отсюда—въ Австрію, въ Климоуцы, селеніе смежное съ Бѣлой Криницей. Здѣсь, по убѣжденію Павла Бѣлокриницкаго, онъ перешелъ въ поповство и въ 1853 г. (3 февраля) былъ произведенъ Кирилломъ въ санъ епископа владимірскаго, послѣ чего немедленно отправился въ Москву, гдѣ и основалъ свое главное мѣстопребываніе. Въ Москвѣ приняли его съ радостію, но радость эта была преждевременна. Безъ особыхъ природныхъ дарованій, безъ образованія, съ остаткомъ безпоповскихъ убѣжденій, Антоній во всемъ дѣйствовалъ въ видахъ своихъ личныхъ интересовъ, жертвовалъ ради нихъ истиною и подъ конецъ жизни сдѣлался неисправимымъ, «самоуродливымъ страшилищемъ».

По прибытіи въ Москву, Антонію пришлось вступить въ упорную *борьбу съ Софроніемъ*, который ни за что не хотѣлъ уступить ему мѣста заправителя дѣлами русскихъ старообрядцевъ. Напрасно Кириллъ писалъ ему увѣщательныя посланія: онъ упорно стоялъ на своемъ. Но вести борьбу съ Антоніемъ въ Москвѣ Софронію было не по силамъ; поэтому онъ удалился на Уралъ и тамъ началъ высказывать раздорническія мысли не только по отношенію къ Антонію, но и къ самому Кириллу. Объ Антоніи говорилъ, что онъ—двукрещенецъ, а потому священство его незаконно; о митрополіи же замѣчалъ, что тамъ муро варили по новому чиновнику и старыхъ книгъ тамъ нѣтъ. Встрѣтивъ сочувствіе своимъ мыслямъ, Софроній задумалъ устроить собственную іерархію и хотѣлъ даже возстановить патріаршество. Кандидатомъ въ патріархи былъ избранъ казакъ *Яковъ Бредневъ*. Въ 1854 г. онъ вмѣстѣ съ *Виталіемъ* уральскимъ, еще въ 1852 г. рукоположеннымъ

имъ во епископа, дѣйствительно, поставилъ Якова Бреднева въ патріархи, и затѣмъ самъ былъ возведенъ въ санъ митрополита казанскаго, а Виталій—въ санъ митрополита новгородскаго. Чтобы положить конецъ такимъ беззаконіямъ, Антоній издалъ окружное посланіе, въ которомъ изложилъ всѣ законопреступныя дѣянія Софронія. Посланіе это имѣло полный успѣхъ: Софроній принесъ раскаяніе; самочинныя его степени были уничтожены, и самъ онъ былъ оставленъ епископомъ безъ каѳедры. Но когда узналъ объ этомъ Кириллъ, то лишилъ и епископскаго званія.

Кромѣ борьбы съ Софроніемъ, Антоній на первыхъ порахъ не заявлялъ себя ничѣмъ особеннымъ. До 1855 г. онъ дѣйствовалъ робко и большею частію скрывался въ безвѣстности; съ этого же времени началъ дѣйствовать смѣло и открыто. Главною его заботою было распространеніе бѣлокриницкой іерархіи и увеличеніе числа ея представителей. Въ теченіе своего архіерейства онъ учредилъ 12 епархій и поставилъ до 15 архіереевъ, а поповъ, если вѣрить его жизнеописателю Швецову, нѣсколько сотенъ, и этимъ много содѣйствовалъ утвержденію и распространенію бѣлокриницкаго священства между русскими раскольниками. Но въ то же время Антоній произвелъ не мало *смутъ* и *раздоровъ* среди пріемлющихъ бѣлокриницкую іерархію. Во 1-хъ, будучи по своимъ убѣжденіямъ безпоповцемъ, онъ началъ дѣлать распоряженія въ духѣ безпоповства: строго запретилъ священникамъ приносить на литургіи просфору за царя, требовалъ признанія Аввакума, Лазаря, Никиту и др. святыми страстотерпцами, наконецъ, заставлялъ перекрещивать младенцевъ, крещенныхъ по какому-нибудь случаю православными священниками. Во 2-хъ, пользуясь своимъ мѣстопребываніемъ въ Москвѣ и правомъ завѣдыванія дѣлами всѣхъ русскихъ раскольниковъ, онъ возмечталъ о себѣ слишкомъ много и обнаружилъ попытки усвоить себѣ титулъ архіепископа московскаго. Возмущенные его поведеніемъ въ этомъ дѣлѣ, прочіе австрійскіе епископы возстали противъ его возведенія на московскую каѳедру. Для разсмотрѣнія дѣла и прекращенія вражды, а также для рѣшенія вопроса о замѣщеніи московской каѳедры, изъ Бѣлой Криницы былъ присланъ въ Москву съ большими полномочіями тогдашній намѣстникъ бѣлокриницкой митрополіи *Онуфрій*, при посредствѣ котораго и было рѣшено дѣло о московской каѳедрѣ. Антонію велѣно было удалиться во Владиміръ, а на мѣсто его, въ качествѣ управителя дѣлами старообрядцевъ, рѣшено было избрать другого епископа. Но вслѣдствіе несогласія между раскольническими іерархами, избранія этого не послѣдовало. Антоній остался въ Москвѣ, а въ управленіе дѣлами вступилъ Онуфрій.

г) Окружное посланіе; раздоры, вызванные имъ въ обществѣ пріемлющихъ австрійское священство, и распаденіе іерархіи.

Въ началѣ 1862 г. прибылъ въ Москву житель Стародубья, дьяконовецъ *Иларіонъ Егоровъ Кабановъ*, называвшій себя убогимъ Ксеносомъ, человѣкъ умный и начитанный. Видя, что многіе не только поповцы-міряне, но и вновь поставленные священники и епископы ихъ, напр., Антоній Шутовъ и Кононъ († 1884 г.) новозыбковскій, держатся безпоповщинскаго мнѣнія о наступленіи царства антихриста, имя Спасителя Іисусъ признаютъ именемъ иного бога, антихриста, четвероконечный крестъ — сѣнію креста Христова, кумиромъ, мерзостью запустѣнія и т. п., надумалъ очистить старообрядчество отъ этихъ ученій. Съ этою цѣлію онъ и устно, и письменно старался доказать неправильность ихъ, а въ бытность свою въ Москвѣ умолялъ Онуфрія и другихъ бѣлокриницкихъ іерарховъ издать соборное опредѣленіе объ уничтоженіи ихъ. Тѣ сначала не соглашались на это, но затѣмъ согласились и поручили ему составить, при содѣйствіи московскаго начетчика Семена Семенова, окружное посланіе. Онъ съ радостію принялъ порученіе и вскорѣ представилъ на разсмотрѣніе «духовнаго совѣта» [1]) солидное по объему сочиненіе. 24 февр. 1862 г. оно было подписано всѣми находившимися въ Москвѣ бѣлокриницкими епископами и издано въ формѣ «*Окружнаго Посланія* единыя, соборныя, апостольскія, древлеправославно-каѳолическія церкви».

Содержаніе Посланія слѣдующее. Послѣ обращенія къ чадамъ древлеправославной церкви, авторъ разсматриваетъ 10 безпоповщинскихъ тетрадокъ и, какъ несогласныя съ словомъ Божіимъ, признаетъ «ложными и церкви чуждыми». Затѣмъ, въ 10 пунктахъ излагаетъ положительное ученіе, что истинное священство и безкровная жертва пребудутъ до скончанія вѣка, что это священство находится въ великороссійской и греческой церкви, а стало быть и у нихъ старообрядцевъ, потому что источникъ священства заимствованъ ими у грековъ. Развивая потомъ частнѣе свой взглядъ на греко-россійскую Церковь, Иларіонъ Егоровъ говоритъ, что она вѣруетъ подъ именемъ Іисуса въ того же Сына Божія, какъ и они; признаетъ четвероконечный крестъ за образъ «креста Христова», излагаетъ ученіе объ евхаристіи, молитвѣ за царя, о лицѣ и вре-

[1]) Духовный совѣтъ былъ учрежденъ въ Москвѣ для управленія церковными дѣлами старообрядцевъ; онъ состоялъ изъ епископовъ и священниковъ—«австрійцевъ», а также «попечителей Московскаго старообрядческаго общества и особо избранныхъ двухъ старѣйшинъ».

мени пришествія антихриста, о днѣ и часѣ кончины міра. По своему характеру, сужденія объ этихъ предметахъ были близки къ ученію православной Церкви; въ нихъ ясно сквозила мысль, что греко-россійская Церковь ничуть не отступила отъ православія. Но, въ такомъ случаѣ, самъ собою являлся вопросъ—почему же старообрядцы отдѣляются отъ нея? Авторъ посланія понималъ необходимость отвѣта на этотъ вопросъ и рѣшилъ его въ томъ смыслѣ, что вины непослѣдованія пастырямъ русской церкви — важныя и благословныя—заключаются въ клятвахъ собора 1667 г. и въ порицаніяхъ, какія были высказаны въ полемическихъ книгахъ на «старые» обряды. Кромѣ того, онъ упомянулъ о какихъ-то «новодогматствованіяхъ» русской церкви, но въ чемъ они состоятъ, не сказалъ.

Окружное Посланіе имѣетъ весьма *важное значеніе* въ исторіи современнаго раскола. Съ одной стороны, оно вызвало между пріемлющими бѣлокриницкую іерархію сильныя волненія и раздоры, которые не прекратились до настоящаго времени и повели къ раздѣленію этого толка на два враждебныхъ лагеря: пріемлющихъ Окружное Посланіе и не пріемлющихъ, а съ другой — подорвало всѣ основы старообрядчества. Не видя ереси тамъ, гдѣ видѣли ихъ Аввакумъ, Лазарь, Никита и др. расколоучители со своими послѣдователями, и признавая православную Церковь ни въ чемъ не отступившею отъ чистоты православія, оно тѣмъ самымъ осуждало ихъ за отдѣленіе отъ Церкви, а вмѣстѣ съ ними осуждало и все старообрядчество.

Вскорѣ послѣ изданія Окружнаго Посланія, поповцы поняли, что оно направлено не противъ безпоповцевъ, а противъ нихъ самихъ и ихъ предковъ,—что, принявъ его, они обманулись. Поняли это и сами епископы, подписавшіе Окружное Посланіе, и стали отъ него отказываться; однако нашлись и защитники Посланія. Между тѣми и другими началась борьба. Раньше всѣхъ выразили свое недовольство Окружнымъ Посланіемъ калужскіе старообрядцы. Они говорили, что, съ принятіемъ Посланія, не будетъ никакого различія между православными и старообрядцами и не изъ-за чего будетъ отдѣляться отъ православной Церкви. Въ Стародубьѣ сильнымъ противникомъ Окружнаго Посланія явился добрянскій попъ *Григорій*, который разсылалъ письма въ Москву и другія мѣста, убѣждая тамошнихъ старообрядцевъ не принимать Посланія. Вскорѣ къ числу недовольныхъ присталъ также лжеепископъ Софроній, хотя не столько по убѣжденію, сколько по личной ненависти къ Антонію. Онъ прямо называлъ Окружное Посланіе «еретическимъ нововведеніемъ и предательствомъ великороссійской Церкви» и распространялъ свои мысли въ Оренбургскомъ краѣ и въ Поволжьѣ.

Мало того, вмѣстѣ съ попомъ Григоріемъ онъ жаловался лжемитрополиту Кириллу и просилъ его отъ имени московскихъ старообрядцевъ, недовольныхъ Окружнымъ Посланіемъ, прибыть въ Москву. Такимъ образомъ недовольство росло. Кромѣ людей фанатичныхъ, возмущенныхъ тѣми уступками, которыя сдѣланы въ Окружномъ Посланіи въ пользу православной Церкви, къ числу противниковъ Окружнаго Посланія примкнули всѣ тѣ, которые стояли за право мірянъ въ дѣлѣ управленія церковными дѣлами и отвергали оное потому, что оно исходило отъ имени епископовъ, съ обязательнымъ требованіемъ вѣрить и думать такъ, какъ велятъ они. Наконецъ, личное недовольство Антоніемъ, подписавшимся подъ Окружнымъ Посланіемъ, еще болѣе увеличивало нерасположеніе къ послѣднему. Противники Окружнаго Посланія, желая противопоставить авторитету подписавшихъ Окружное Посланіе болѣе сильный авторитетъ, привлекли на свою сторону бѣлокриницкаго митрополита Кирилла и привезли его (въ началѣ 1863 г.) въ Москву.

По прибытіи въ Москву, Кириллъ сначала предложилъ вопросъ объ избраніи на московскую митрополію епископа, который бы управлялъ всею старообрядческою церковію; такимъ епископомъ былъ избранъ Антоній Владимірскій; но Кириллъ не согласился на это, выслалъ своего намѣстника Онуфрія изъ Москвы, прекратилъ сношеніе съ русскими старообрядческими епископами и объявилъ, что онъ самъ вступаетъ въ управленіе россійскою церковію. Послѣ этого онъ издалъ (24 февраля 1863 г.) грамоту подъ названіемъ «Объявленіе объ уничтоженіи Окружнаго Посланія», подъ которой, кромѣ него, подписались Софроній (бывшій симбирскій) и Антоній (Шутовъ).

Эта грамота вызвала сильное противодѣйствіе со стороны приверженцевъ Окружнаго Посланія и послужила началомъ образованія двухъ партій: *окружниковъ* и *противоокружниковъ*. Иларіонъ Егоровъ написалъ на нее сильное опроверженіе, подъ заглавіемъ: «Омышленіе о грамотѣ, названной объявленіе объ уничтоженіи Окружнаго Посланія», а недовольные Кирилломъ епископы и мірянеокружники стали просить его выѣхать изъ Россіи обратно въ митрополію. Кириллъ уѣхалъ; окружники взяли перевѣсъ, но—не надолго. Вскорѣ было получено отъ «австрійцевъ» Павловскаго посада (Богород. уѣзда) и Стародубскаго посада Воронка заявленіе, что многіе изъ-за Окружнаго Посланія не довѣряютъ церковнымъ учителямъ и потому необходимо его уничтожить. Вслѣдствіе этого заявленія епископы въ своемъ опредѣленіи отъ 26 іюля 1863 г. отмѣнили обязательность Окружнаго Посланія и предоставили его на добрую волю каждаго. Но противники этимъ не удовлетворились. Между тѣмъ Кириллъ составилъ въ Бѣлой Криницѣ соборъ, на которомъ утвердилъ актъ противъ Окружнаго Посланія. Дѣянія

этого собора были представлены Амвросію. Тотъ, не зная ничего ни объ Окружномъ Посланіи, ни о произведенныхъ имъ распряхъ, утвердилъ ихъ своею подписью. Узнавъ объ этомъ московскіе окружники отправили отъ себя къ Амвросію пословъ, которые разъяснили ему смыслъ посланія, разсказали о незаконныхъ дѣйствіяхъ Кирилла въ Москвѣ и убѣдили отказаться отъ подписи подъ актами бѣлокриницкаго собора. Мало того, Амвросій написалъ два посланія: одно на имя Антонія съ благодарностью за изданіе «Окружнаго Посланія», другое—на имя Кирилла съ порицаніемъ за обманъ и съ угрозою запрещенія, если бѣлокриницкій актъ не будетъ уничтоженъ. Такимъ образомъ окружники опять восторжествовали. Но вскорѣ Кириллъ прислалъ грамоту, въ которой заподозрилъ подлинность подписи Амвросія подъ его посланіемъ; пошли толки о поддѣлкѣ подписей и вражда между окружниками и противоокружниками еще болѣе усилилась. Противоокружники вздумали даже поставить въ Москву, съ помощію Кирилла, епископа изъ своихъ единомышленниковъ и обратились къ Кириллу съ просьбою объ этомъ; тотъ «за довольныя сребренники» далъ свое согласіе. Между тѣмъ объ этой затѣѣ узналъ Антоній и, чтобы расположить окружниковъ въ свою пользу и тѣмъ остановить выборъ другого епископа, 23 февраля 1864 г. издалъ «Объявленіе попечителямъ Рогожскаго кладбища и всѣмъ православнымъ христіанамъ», что онъ подтверждаетъ опредѣленіе Кирилла объ уничтоженіи Окружнаго Посланія. Но это Объявленіе нисколько не измѣнило положенія дѣла: противоокружники не оставили мысли объ особомъ епископѣ и вскорѣ нашли кандидата,—это былъ Антоній, въ мірѣ Аѳанасій Климовъ, крестьянинъ села Иванищева (Московск. губ.), человѣкъ полуграмотный, съ трудомъ читавшій книгу. Въ первой половинѣ 1864 г. онъ отправился въ Бѣлую Криницу и былъ посвященъ здѣсь въ санъ діакона. Но такъ какъ нѣкоторые изъ бѣлокриницкихъ жителей хотѣли воспрепятствовать посвященію его въ дальнѣйшія степени, то рукоположеніе во священника и епископа «богоспасаемаго града Москвы» было произведено (24 іюля 1864 г.) въ мѣстечкѣ Сокольницахъ (близъ молдавской границы). Этотъ Антоній извѣстенъ подъ именемъ *Антонія 2-го* или *Муравлевскаго* (по имени Муравлева, главы тогдашнихъ московскихъ противоокружниковъ). Поставленіе его было самымъ важнымъ и по своимъ послѣдствіямъ самымъ гибельнымъ для раскольниковъ-австрійцевъ событіемъ въ исторіи борьбы между окружниками и противоокружниками. Съ этого времени австрійская іерархія распалась на двѣ половины *окружническую* и *противоокружническую*; во главѣ одной сталъ Антоній Шутовъ, а во главѣ другой—Антоній 2-й, которые сразу же вступили въ бранную переписку. Каждый изъ нихъ доказывалъ,

что соперникъ его взошелъ на престолъ незаконно: одинъ ссылался на авторитетъ Кирилла, поставившаго его, а другой на то, что былъ уже утвержденъ въ званіи архіепископа московскаго русскими старообрядческими епископами.

Впрочемъ, дѣло не ограничилось личной враждой, а вскорѣ послѣдовало раздѣленіе догматическое. Начало ему положилъ Софроній. Живя на Уралѣ, онъ въ 1864 г. сталъ распространять слѣдующее лжеученіе: «господствующая нынѣ въ Россіи церковь вѣруетъ во иного Бога, *Іисуса* Христа, рожденнаго осмью годами позже Спасителя міра *Іисуса* Христа; подъ именемъ *Іисуса* должно подразумѣвать сына погибели—антихриста. Составители Посланія впали въ ересь, именно: въ немъ заключается 120 ересей». Въ 1866 г. нѣкоторые изъ уральскихъ раскольниковъ-австрійцевъ прибыли въ Москву и разсказали объ этомъ ученіи собору епископовъ. Тѣ признали его ложнымъ и богопротивнымъ и просили Софронія, бывшаго въ то время въ Москвѣ, придти на соборное разглагольствіе, или прислать кого-либо вмѣсто себя. Софроній прислалъ Давида Антипова, гусляка, который высказалъ то же ученіе, что и Софроній, при чемъ прибавилъ, что четвероконечный крестъ не имѣетъ никакой силы и что совершаемое въ великороссійской церкви подъ этимъ крестомъ жертвоприношеніе есть агнецъ неправедный. Нѣкоторые изъ московскихъ «австрійцевъ», возмущенные этимъ ученіемъ, обратились къ Кириллу съ просьбою высказать свое мнѣніе по поводу ученія Давида Антипова. Тотъ утвердилъ это ученіе и послалъ въ Москву двѣ грамоты: одну на имя Антонія «стараго», а другую—на имя Антонія «новаго». Въ первой самъ Антоній и всѣ защитники Окружнаго Посланія подвергались отлученію, какъ еретики, съ которыми не слѣдуетъ имѣть никакого общенія; а во второй—Антонію «новому» предоставлялись всѣ права московскаго епископа, повелѣвалось устроить Духовный Совѣтъ изъ трехъ іереевъ и 6 мірскихъ старшинъ и предписывалось поставить новаго архіерея для обезпеченія іерархіи. Такимъ образомъ раздѣленіе австрійскаго толка фактически совершилось. Вражда и раздоры все болѣе и болѣе усиливались. Въ 1868 г. на «вселенскомъ соборѣ» въ Бѣлой Криницѣ, подъ предсѣдательствомъ самого Кирилла, послѣ спора и шума окружники объявили, что не помирятся съ противоокружниками до тѣхъ поръ, пока тѣ не откажутся отъ своихъ еретическихъ мудрованій, и уѣхали обратно. Послѣ этого Аркадій славскій и другіе заграничные лжеепископы-окружники, въ цѣляхъ примиренія партій, рѣшились было пожертвовать Окружнымъ Посланіемъ и подписали грамоту, написанную Давидомъ Антиповымъ, въ которой Окружное Посланіе уничтожалось и проклиналось, а оба Антонія признавались законными епи-

скопами. Но противъ такой уступки рѣшительно возстали русскіе окружники, и дѣло кончилось тѣмъ, что обѣ партіи обособились въ отдѣльныя секты—*окружниковъ* и *противоокружниковъ*, стали считать другъ друга еретиками и переходящихъ принимать 3-мъ чиномъ.

Между тѣмъ Кириллъ, неожиданно для всѣхъ, перешелъ на сторону окружниковъ и послалъ въ Москву «мирную грамоту», въ которой семилѣтнюю распрю сваливалъ на врага рода человѣческаго—діавола; говорилъ, что тѣ, которые признаютъ въ имени Іисусъ иного Бога, противорѣчатъ свящ. писанію и порочатъ чистоту церкви и что такое ученіе противно даже здравому разуму, а въ заключеніе просилъ окружническихъ епископовъ простить его. Тѣ, конечно, простили его, а противоокружники писали ему обличительныя посланія, перестали за него молиться, отложились отъ него и на присланныя изъ Россіи деньги устроили особую церковь. «Мирная грамота» Кирилла въ Москвѣ была подписана окружническимъ духовенствомъ и затѣмъ отправлена для подписи Пафнутію казанскому и Іову кавказскому. Первый охотно подписалъ ее, но второй отнесся къ ней не сочувственно, такъ какъ не соглашался со сказаннымъ въ ней относительно имени Іисусъ, и предлагалъ составить новую примирительную грамоту, въ которой объ имени Іисусъ было бы умолчано. На его сторону стали донскіе раскольники и образовали особую партію *полуокружниковъ*. Но эта партія не выдѣлилась въ особое согласіе, а слилась съ окружниками, чему много содѣйствовало то обстоятельство, что среди послѣднихъ вмѣстѣ съ *искренними* приверженцами Окружнаго Посланія есть не мало *неискреннихъ*, мнимыхъ, отъ души желающихъ уничтоженія Окружнаго Посланія и совсѣмъ не раздѣляющихъ выраженныхъ въ немъ взглядовъ на православную Церковь.

На первыхъ порахъ во главѣ *неискреннихъ* окружниковъ стоялъ *Антоній Шутовъ*. Какъ безпоповецъ по убѣжденіямъ, онъ не сочувствовалъ Окружному Посланію и при всякомъ удобномъ случаѣ готовъ былъ отказаться отъ него. Когда же изъ-за Окружнаго Посланія начались раздоры и всѣ попытки къ примиренію съ противоокружниками окончились неудачей, то онъ особенно сталъ настаивать на уничтоженіи Окружнаго Посланія. Въ противоположность ему однимъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ Окружнаго Посланія явился *Пафнутій* казанскій († 1890 г.). Онъ былъ человѣкъ разсудительный и начитанный, умѣлъ хорошо писать, но не обладалъ живою рѣчью. Увидя двусмысленныя, а потомъ и явно враждебныя отношенія Антонія къ Окружному Посланію, Пафнутій сразу же принялъ оное подъ свою защиту. Затѣмъ, когда возникла борьба между окружниками и противоокружниками,

Пафнутій постоянно являлся горячимъ сторонникомъ первыхъ и для защиты ихъ интересовъ предпринималъ поѣздки за границу, въ Австрію и Турцію, на собиравшіеся тамъ соборы по дѣлу Окружнаго Посланія. Въ то же время онъ не переставалъ обличать Антонія Шутова: писалъ письма и цѣлыя сочиненія, въ которыхъ обличалъ его лжеученіе и разныя антиканоническія дѣйствія, запечатлѣнныя безпоповскимъ характеромъ. Когда же умеръ Антоній († 1881 г.) и мѣсто его занялъ Савватій, то Пафнутій, чтобы стать во главѣ раскольнической іерархіи, началъ заискивать предъ вліятельными въ расколѣ лицами и угодничество свое довелъ до того, что готовъ былъ пожертвовать и даже жертвовалъ Окружнымъ Посланіемъ, за которое такъ долго ратовалъ и, такимъ образомъ, сталъ изъ искренняго окружника не искреннимъ.

По смерти Антонія, во главѣ неискреннихъ окружниковъ сталъ *Савватій* († 1898 г.), въ мірѣ Степанъ Левшинъ, уроженецъ Тагильскаго завода, Пермской губерніи, человѣкъ ограниченнаго ума, малосвѣдущій и неначитанный. При своей безхарактерности, онъ не имѣлъ никакого значенія у московскихъ старообрядцевъ и являлся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ вліятельныхъ лицъ въ расколѣ. Не имѣя никакихъ твердыхъ убѣжденій, онъ съ окружниками былъ окружникъ, а съ неокружниками—неокружникъ. Правда, при немъ были попытки примириться съ противоокружниками, посредствомъ уничтоженія Окружнаго Посланія, но онъ принималъ въ нихъ только пассивное участіе. Такъ, въ 1884 г. противоокружники подали на имя его и духовнаго совѣта «прошеніе о примиреніи». Въ отвѣтъ на это прошеніе духовный совѣтъ 1 декабря 1884 г. издалъ «объясненіе», въ которомъ говорилось, что соборныя опредѣленія объ уничтоженіи Окружнаго Посланія (24 февраля 1863 г. и 1 ноября 1865 г.) до настоящаго времени никакимъ соборнымъ опредѣленіемъ опровергнуты не были и потому считаются дѣйствительными. Но «объясненіе» это, какъ данное уклончиво, не удовлетворило ни противоокружниковъ, ни искреннихъ окружниковъ. Первые на соборѣ 22 мая 1885 г. посмѣялись «коловратности» окружниковъ и подтвердили прежнія опредѣленія о пріемѣ ихъ не иначе, какъ третьимъ чиномъ. Въ свою очередь и искренніе окружники остались очень недовольны дѣйствіями совѣта. Особенно сильно возсталъ противъ уступокъ противоокружникамъ *Сильвестръ* балтскій, другъ и почитатель Илларіона Егорова, человѣкъ начитанный и самостоятельный. Въ своемъ письмѣ духовному совѣту, онъ торжественно объявилъ, что убѣжденъ въ истинности Окружнаго Посланія и что съ нимъ «многіе изъ духовныхъ и мірскихъ станутъ за святую истину, изложенную въ Окружномъ Посланіи, и, въ случаѣ его уничтоженія, неминуемо

заявятъ протестъ московскому духовному совѣту и тогда «послѣдняя лесть будетъ горше первыя»! Относительно же прошенія о примиреніи заявилъ, что принять его значитъ «отворить дверь къ богохульству и крестохульству» и не только уронить себя въ глазахъ всѣхъ благочестивыхъ и благомыслящихъ людей, но и дать правительству невыгодное о себѣ мнѣніе, какъ о сообщникахъ и единомышленникахъ людей, не молящихся за предержащую власть. Но письмо это было получено духовнымъ совѣтомъ уже послѣ изданія «объясненія». Когда Сильвестръ узналъ объ этомъ, то прислалъ, въ формѣ обширнаго посланія, новый протестъ противъ той сдѣлки, на которую пошелъ духовный совѣтъ въ видахъ примиренія съ противоокружниками. Къ этому посланію искренніе окружники отнеслись съ радостію, а неискренніе—съ недоброжелательствомъ. Дальнѣйшія попытки къ примиренію окружниковъ съ противоокружниками вели только къ усиленію раздора. Въ 1891 г. окружники посредствомъ происковъ въ полиціи добились изгнанія изъ Москвы противоокружническаго епископа Іова. Въ 1898 г. Савватій опредѣленіемъ раскольническаго собора былъ лишенъ званія Московскаго архіепископа и вскорѣ умеръ. Послѣ его смерти нѣкоторые пытались было возвести на Московскую архіепископію, Онисима (въ монашествѣ Арсенія) Швецова, человѣка умнаго, начитаннаго и преданнаго расколу, но противники его выставили противъ него обвиненіе въ содержаніи еретическихъ ученій [1]) и «соборъ» отвергъ его кандидатуру, а избралъ Іоанна Картушина (изъ донскихъ казаковъ). Однако друзья Швецова и послѣ этого продолжали работать въ пользу его кандидатуры на московскую архіепископію. Къ тому же и обстоятельства слагались благопріятно. Картушинъ, въ 1900 г. письменно отрекся предъ полиціей отъ своего званія. Такъ какъ, по 62 апост. прав., отрекшійся не имѣетъ права священнодѣйствовать, между тѣмъ Картушинъ продолжалъ ставить поповъ и дьяконовъ, то многіе изъ его пасомыхъ встревожились, а партія Швецова подняла даже вопросъ о соборномъ судѣ надъ нимъ. Не смотря на эти раздоры, окружники все болѣе и болѣе усиливаются; количество лжеархіереевъ растетъ. Такъ, въ 1903 г. у нихъ поставленъ во епископа нижегородскаго и костромского одинъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ Швецова *Иннокентій* Усовъ, заявившій себя многочисленными трудами на пользу раскола (особенною извѣстностью пользуется его сочиненіе «Церковь

[1]) Арсеній Швецовъ, дѣйствительно, защищалъ, какъ устно, такъ и письменно, еретическое ученіе Павла Бѣлокриницкаго о подвременномъ рожденіи Сына Божія и исхожденіи Св. Духа; по поводу его лжеученія былъ созванъ (въ окт. 1888 г.), по настоянію Пафнутія казанскаго, соборъ, на которомъ онъ принесъ раскаяніе въ допущенныхъ имъ «соблазнительныхъ доводахъ и выраженіяхъ» и далъ обѣщаніе «ничего не писать о богословіи безъ совѣта благочестивыхъ епископовъ».

Христова временно безъ епископа»); послѣдній поставилъ единолично во епископа канадскаго Михаила (Семенова), бывшаго архимандрита профессора Спб. духовн. академіи, перешедшаго въ расколъ въ 1907 г. и нынѣ ратующаго за старообрядцевъ.

Послѣ смерти Антонія II († 1876 г.), у противоокружниковъ остался одинъ только епископъ—*Іосифъ* нижегородскій, который и поселился въ Москвѣ. Вскорѣ онъ поставилъ для противоокружниковъ двухъ епископовъ—*Герасима* въ Коломну и *Кирилла* въ Балту, а на московскую каѳедру не возводилъ никого, разсчитывая самъ занять ее. Но противоокружники, соблазнявшіеся нѣкоторыми слабостями Іосифа, не захотѣли имѣть его преемникомъ Антонія, а указали на зуевскаго попа Игнатія, какъ человѣка вполнѣ достойнаго занять московскую каѳедру; но Іосифъ воспротивился этому и даже запретилъ Игнатія въ священнослуженіи. Послѣдній обратился съ жалобой на него къ Герасиму и Кириллу, которые и разрѣшили его отъ запрещенія. Отсюда началась сильная *вражда* между Іосифомъ и Кирилломъ [1]), которая вскорѣ дошла до того, что Кириллъ произнесъ анаѳему на Іосифа, а Іосифъ—на Кирилла. Противоокружники недоумѣвали, за которымъ изъ своихъ епископовъ слѣдовать, и для прекращенія вражды между ними созвали въ 1884 г. соборъ изъ духовныхъ и мірскихъ лицъ. Когда Іосифа стали обвинять здѣсь въ разныхъ преступленіяхъ, то онъ бѣжалъ съ собора и уѣхалъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ. Послѣ его удаленія, соборъ продолжался; на немъ рѣшено было рукоположить епископа на московскую каѳедру, что Кириллъ и исполнилъ въ томъ же году, поставивъ въ епископы Пафнутія, въ мірѣ Прокопія, крестьянина Московской губерніи. Но Іосифъ созвалъ соборъ (11 окт.) въ Москвѣ, на которомъ рѣшено было не признавать Пафнутія за епископа и предать его вмѣстѣ съ Кирилломъ отлученію. Мало того, Іосифъ поставилъ для Москвы особаго епископа — *Іова*. Но Іовъ, вопреки его ожиданіямъ, вошелъ въ соглашеніе съ Кирилломъ и Пафнутіемъ; послѣдній даже уступилъ ему епархію московскую, а самъ принялъ въ управленіе епархію саратовскую. Іосифъ, считая себя главою противоокружниковъ, призналъ эти распоряженія незаконными и произнесъ отлученіе на Кирилла, Пафнутія и Іова. Тѣ, въ свою очередь, послѣ неоднократныхъ попытокъ къ примиренію, созвали въ Москвѣ соборъ (въ окт. 1885 г.), на которомъ подвергли его извержению изъ сана. Но Іосифъ не только не подчинился этому рѣшенію, но, пользуясь отсутствіемъ Тарасія бессарабскаго († 1887 г.), принесъ послѣднему жалобу на соборное рѣшеніе. Тотъ сталъ на его сторону и составилъ въ

[1]) Герасимъ перешелъ на сторону окружниковъ въ 1884 г. и принятъ ими въ сущемъ санѣ.

Москвѣ соборъ (въ іюнѣ 1886 г.), на которомъ постановлено было: 1) извержение Іосифа и его сторонниковъ (на соборѣ 31 окт.) признавать недѣйствительнымъ; 2) всѣхъ участниковъ того собора за неправильное постановленіе подвергнуть отлученію и 3) управленіе московской епархіей, впредь до избранія новаго епископа, поручить Іосифу. Такимъ образомъ, противоокружническая іерархія окончательно *распалась на двѣ половины;* во главѣ одной стали *Кириллъ* балтскій и *Іовъ* московскій, а во главѣ другой — *Іосифъ* нижегородскій. Обѣ партіи относятся другъ къ другу враждебно. Сторонники Кирилла составили даже соборъ (въ октябрѣ 1893 г.), на которомъ постановили не имѣть общенія въ молитвѣ съ приверженцами противной партіи и принимать ихъ въ свое согласіе не иначе, какъ съ отреченіемъ отъ ересей.

Бѣлопоповщина и австрійское священство въ послѣднее время. Съ «оскудѣніемъ бѣгствующаго священства» и положеніе бѣглопоповщины крайне ухудшилось, безпорядки въ ней увеличились. Богослуженіе и требы стали совершаться съ крайнею небрежностію; крестили по нѣсколько младенцевъ заразъ, свадьбы вѣнчали паръ по 10 — 20 — «гуськомъ», исповѣдывали всѣхъ вмѣстѣ: дьячекъ читалъ названія грѣховъ по Потребнику, а присутствующіе должны были говорить: «грѣшенъ», хотя бы грѣхъ былъ не свойственъ полу и возрасту, и затѣмъ попъ читалъ разрѣшительную молитву; погребеніе совершалось «заочно», — «по почтѣ» или «съ оказіей» и т. д. Впослѣдствіи положеніе бѣглопоповщины было еще хуже: подъ именемъ бѣглыхъ поповъ у нихъ появлялись лица, набранныя изъ разнаго сброда. Въ виду этого одни изъ бѣглопоповцевъ (правда, немногіе) иногда обращались къ православнымъ священникамъ за совершеніемъ требъ, а у другихъ исправленіе требъ получило безпоповщинскій характеръ. Наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ, живущіе въ Черниговской губ., на Дону и въ другихъ мѣстахъ, рѣшили, что, по нуждѣ можно всегда обходиться безъ поповъ. Поэтому они уполномочили своихъ уставщиковъ (отсюда названіе — *поповцы, управляемые уставщиками*) крестить дѣтей, исповѣдывать и причащать больныхъ какими то запасными дарами, сводить браки по благословенію родителей, съ совершеніемъ молебнаго пѣнія — вообще приняли всѣ безпоповщинскія мнѣнія, только не перекрещиваютъ приходящихъ отъ православной церкви.

Впослѣдствіи правительство ослабило свою строгость по отношенію къ бѣглымъ попамъ: послѣдніе теперь довольно свободно могутъ отправлять требы у бѣглопоповцевъ. Вслѣдствіе этого случаи бѣгства священниковъ увеличились и бѣглопоповщина опять окрѣпла. Въ настоящее время послѣдователи бѣглопоповства очень многочи-

сленны въ Донской, Курской, Черниговской, Тульской, Нижегородской и Пермской губерніяхъ.

Что касается австрійскаго священства, то, не смотря на внутреннія неурядины среди его послѣдователей, оно все болѣе и болѣе увеличивается въ числѣ своихъ членовъ. Поэтому австрійскихъ поповъ можно встрѣтить вездѣ и всюду, то въ качествѣ совершителей требъ и богослуженія, то миссіонеровъ раскола, и всѣ они состоятъ подъ вѣдѣніемъ своихъ архіереевъ, количество которыхъ сильно растетъ. Въ настоящее время ихъ архіерейскія каѳедры существуютъ въ обѣихъ столицахъ (въ Москвѣ даже архіепископія), а также въ Н.-Новгородѣ, Казани, Вяткѣ, Симбирскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, на Дону, на Кавказѣ, на Уралѣ, въ Сибири и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ на лицо состоятъ по два архіерея—окружническій и противоокружническій. Оплотъ австрійскаго толка представляетъ Рогожское кладбище, которымъ завладѣли окружники, а лжеіерархическое средоточіе находится въ Бѣлой Криницѣ. На Рогожскомъ кладбищѣ въ послѣднее время воздвигнуто много новыхъ каменныхъ зданій, великолѣпно отдѣланы обѣ часовни, алтари распечатаны, организованъ цѣлый штатъ поповъ и діаконовъ и совершаются торжественнымъ архіерейскимъ служеніемъ церковныя службы, на которыхъ иногда присутствуютъ и лица высокопоставленныя. Нѣкоторыя изъ австрійскихъ поповъ и архіереевъ, въ цѣляхъ пропаганды австрійщины, усердно занимаются литературною дѣятельностію, помѣщая свои статьи въ спеціальныхъ старообрядческихъ журналахъ: «Церковь», «Старообрядецъ» и др. Благодаря всему этому толкъ пріемлющихъ австрійское священство является самымъ распространеннымъ изъ существующихъ толковъ. Послѣдователи его составляютъ не менѣе $^2/_3$ общаго количества всѣхъ раскольниковъ старообрядцевъ и находятся въ большинствѣ губерній какъ Европейской, такъ и Азіатской Россіи, и заграницей. Больше всего ихъ въ Московской губ. съ ея знаменитыми Гуслицами (въ 80 вер. отъ нея), откуда, главнымъ образомъ, набираются попы, въ Саратовской, Самарской, Нижегородской, Оренбургской, Донской, Калужской, Черниговской, Кишиневской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ.

3. Бѣловодская іерархія.

Во второй половинѣ XIX ст. въ расколѣ, кромѣ австрійской іерархіи, появилась еще новая іерархія, *Бѣловодская*. Происхожденіе ея стоитъ въ тѣсной связи съ раскольническими разсказами о «древлеправославныхъ» епископахъ, якобы существующихъ въ нѣкіихъ мѣстахъ. Въ концѣ XVII в. у раскольниковъ было твердое убѣжденіе, что гдѣ-то на востокѣ есть православные архіереи, а во второй половинѣ XVIII ст. появилось и распространилось сочи-

неніе безпоповца Марка топозерскаго (Топозеро-раскольническій скитъ въ Арханг. губ.) «Путешественникъ, сирѣчь маршрутъ въ Опоньское царство», въ которомъ разсказывается, что въ Японіи—«Опоньскомъ царствѣ», что стоитъ на океанѣ морѣ, называемомъ *Бѣловодіе*, существуетъ благочестивая церковь, съ патріархомъ антіохійскаго поставленія, митрополитами и епископами «асирскаго поставленія». Въ томъ же XVIII и XIX столѣтіяхъ нѣкоторые проходимцы уже выдавали себя за поповъ, поставленныхъ въ Опоньскомъ царствѣ, а въ 70 хъ годахъ послѣдняго столѣтія оберъ-офицерскій сынъ изъ православной семьи, Антонъ Савельевъ Никульскій, назвавшись «смиреннымъ Аркадіемъ», объявилъ себя рукоположеннымъ въ Бѣловодьѣ въ «архіепископа всея Россіи и Сибири». Въ доказательство справедливости своихъ словъ Аркадій указалъ на «ставленную грамату», подписанную Бѣловодскимъ патріархомъ Мелетіемъ, королемъ «камбайско-индостанско-индійскаго» царства Григоріемъ Владиміровичемъ, 38 митрополитами, 30 архіепископами, 24 епископами, носящими титулы всѣхъ почти извѣстныхъ городовъ, 38 архимандритами и 27 игуменами монастырей, также раздѣленныхъ по материкамъ и островамъ различныхъ частей свѣта. Въ первое время онъ архіерействовалъ въ Сибири и въ сѣверо-восточномъ, прикамскомъ раіонѣ Европейской Россіи, а затѣмъ отчасти въ губерніяхъ, расположенныхъ около Петербурга. Около 1879—1880 г. Аркадій имѣлъ въ Сибири значительное число послѣдователей; рукоположилъ нѣсколько поповъ и «переставилъ, т. е. вновь рукоположилъ 2 поповъ австрійскаго поставленія. Затѣмъ онъ распространялъ свое ученіе въ губерніяхъ Вятской, Пермской и Самарской. Въ 1885 г. былъ арестованъ и по приговору Окружнаго суда въ г. Бугульмѣ, Самар. г., былъ присужденъ къ 100 р. штрафа за присвоеніе «непринадлежащаго ему званія архіепископа всея Руси и Сибири». Послѣ избавленія «отъ узъ», главной резиденціей Аркадія служила Пермская губ., въ особенности дер. Першаты, и село Крымъ-Сарай Самар. губ., откуда онъ ѣздилъ и въ другія губерніи для поставленія поповъ, освященія церквей, часовенъ и т. д., но въ 1902 г. умеръ.

ГЛАВА V.

Отношенія церковнаго и гражданскаго правительства къ расколу старообрядчества.

Расколъ съ самаго начала своего существованія явился величайшимъ зломъ какъ для Церкви, отъ которой отторгнулъ многихъ чадъ, такъ и для государства, въ которомъ произвелъ цѣлый рядъ возмущеній и погубилъ множество людей, увлекая ихъ къ самосожигательству и другимъ видамъ самоубійства. Поэтому церковная и гражданская власть сразу же стала принимать мѣры къ его ослабленію. Мѣры эти значительно разнятся между собой. Въ то время, какъ Церковь, согласно словамъ Господа (Мѳ. *18*, 17) и наставленію апостола (Тит. *3*, 10), на первомъ планѣ ставила и ставитъ увѣщаніе, вразумленіе заблуждающихъ, государство упо-

требляло и употребляетъ иногда ограничительныя мѣры и даже взысканія.

а) Обзоръ духовныхъ дѣйствованій къ ослабленію раскола старообрядчества.

1) Духовныя мѣропріятія противъ раскола въ XVII в. Проектъ средствъ и способовъ къ ослабленію раскола старообрядчества впервые былъ выработанъ на соборѣ 1667 г. Отцы собора обсудили вопросъ всесторонне и постановили: 1) чтобы русскіе архіереи собирались, какъ можно чаще въ Москву для совѣщаній о церковныхъ дѣлахъ; чтобы были учреждены новыя архіерейскія каѳедры, «да многая жатва безъ дѣлателей не будетъ»; чтобы епископы каждаго округа составляли окружные съѣзды, внимательно слѣдили въ своихъ епархіяхъ за расколомъ и заботились объ уничтоженіи его; 2) вмѣнили въ обязанность сельскимъ священникамъ учить своихъ дѣтей грамотѣ, потому что изъ-за невѣжества духовенства «бываютъ въ церкви Божіей мятежи и расколы»; внушать имъ страхъ Божій и пріучать къ «церковному благочинію», чтобы сдѣлать ихъ достойными принятія священнаго сана; богослуженіе совершать чинно и благообразно, произносить проповѣди въ церквахъ и поучать пасомыхъ наединѣ; 3) изложили много правилъ относительно жизни и поведенія духовенства и осудили различные недостатки въ религіозно-нравственной жизни мірянъ, устраняя такимъ образомъ все, что могло подать поводъ къ нареканію со стороны раскольниковъ-старообрядцевъ на Церковь; 4) одобрили къ употребленію книгу «Жезлъ правленія» и 5) произнесли анаѳему на раскольниковъ. Признавая цѣлесообразность указанныхъ мѣръ, соборъ 1681—1682 г., созванный въ Москвѣ, повторилъ важнѣйшія постановленія собора 1667 г. Кромѣ того, на немъ рѣшено было посылать духовныхъ лицъ для веденія бесѣдъ съ раскольниками старообрядцами; усилить средства къ отысканію раскольниковъ; подчинить строгому надзору часовни и скиты, служившіе притономъ раскольниковъ, и постепенно упразднять ихъ; запретить продажу раскольническихъ тетрадей и листовъ и отбирать у продавцовъ книги прежнихъ изданій, а давать вмѣсто нихъ безплатно новоисправленныя. При осуществленіи этихъ постановленій, встрѣтилось много затрудненій; однако нѣкоторыя изъ нихъ, хотя и не вполнѣ, были приведены въ исполненіе. Открыто было нѣсколько епархій; архіереи отыскивали раскольниковъ и производили имъ увѣщаніе то лично, то чрезъ особыхъ лицъ, которыхъ посылали по разнымъ мѣстамъ съ готовыми увѣщаніями, а въ особенно нужныхъ случаяхъ разсылали увѣщанія на имя православныхъ, напр., «Поученіе всѣмъ православнымъ христіанамъ»,

«Посланіе» православнымъ (напеч. въ 1682 г.) и нѣкоторыя другія—патр. *Іоакима* (1674—1690 г.), «*Окружное посланіе* православнымъ христіанамъ на еретики и раскольники», въ 12 статьяхъ (1696 г.), *Аѳанасія*, архіеп. холмогорскаго (1682—1702 г.), бывшаго ревностнымъ и очень искуснымъ обличителемъ раскола въ поморскомъ краѣ, *Три посланія* (1696 г.) *Игнатія*, митр. тобольскаго (1692—1699 г.), и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали появляться и спеціально—полемическія сочиненія противъ раскола, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны «Жезлъ правленія» и «Увѣтъ духовный».

Книга «Жезлъ правленія» написана іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ, по порученію собора 1666 г. Она содержитъ въ себѣ разборъ двухъ челобитныхъ: суздальскаго попа Никиты Добрынина (Пустосвята) и попа Лазаря. Какъ первый подробный опытъ полемики съ расколомъ, это сочиненіе имѣетъ свои достоинства и недостатки. Такъ, составитель съ надлежащею ясностію опровергаетъ обличенія Никиты и Лазаря, основанныя на неправильномъ пониманіи смысла нѣкоторыхъ словъ и выраженій, находящихся въ Скрижали и новоисправленныхъ книгахъ, разъясняя грамматически смыслъ ихъ (напр. ч. I, возобл. 6, 7, 9, 10—20 и др.), а также и нѣкоторыя другія ихъ обличенія (напр. объ аллилуіи ч. I, возобл. 26). Но въ то же время онъ дозволяетъ себѣ бранчивыя выраженія и высказываетъ мысли частію произвольныя, частію недостаточно уясненныя. Такъ, въ доказательство написанія имени Спасителя Іисусъ, авторъ говоритъ, что первыя двѣ буквы знаменуютъ, по свидѣтельству нѣкоего мужа премудра, душу и тѣло воплощеннаго Сына Божія (ч. 2, возобл. 10). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что «въ зачатіи Христосъ обрѣтеся, яко совершенъ человѣкъ» (возобл. 5, ч. 1). Встрѣчаются въ Жезлѣ латинскія мнѣнія—о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи (ч. I, возобл. 10) и о времени пресуществленія св. Даровъ (ч. I, возобл. 13). Правда, эти мнѣнія высказаны здѣсь нерѣшительно, но такъ какъ касаются важныхъ предметовъ, то и въ такомъ видѣ онѣ—уже недостатокъ. Наконецъ, доказательства автора большею частію разсудочнаго свойства и потому мало убѣдительны для раскольниковъ.

По общепринятому мнѣнію, «Увѣтъ духовный» написанъ п. Іоакимомъ [1]) послѣ стрѣлецкаго бунта 1682 г. и въ томъ же году (20 сентября 1682 г.) напечатанъ. Это сочиненіе можетъ быть раздѣлено на двѣ главныхъ части: историческую и полемическую.

[1]) О. П. Смирновъ сомнѣвается въ принадлежности этого сочиненія п. Іоакиму (Іоакимъ п. Моск., стр. 101, прим. 3. М., 1881), а С. Бѣлокуровъ (Хр. Чт. 1886, II, 175—7) приписываетъ его Аѳанасію, архіеп. холмогорскому.

Въ I-й части, послѣ увѣщанія покориться св. Церкви, говорится, что исправленіемъ книгъ при п. Никонѣ не внесено въ русскую церковь никакой новой вѣры и самое исправленіе не было новостью въ нашей церкви, потому что производилось и до п. Никона. Далѣе излагается исторія исправленія книгъ (по предисловію къ Служебнику 1655 г.), указываются причины исправленія и отношеніе къ этому дѣлу расколоучителей, а въ концѣ описывается раскольничій бунтъ въ Москвѣ подъ защитою стрѣльцовъ (1682 г.). Во второй части разбирается стрѣлецкая челобитная по порядку изложенныхъ въ ней статей (24). Здѣсь авторъ опровергаетъ извѣты раскольниковъ на православную Церковь и доказываетъ истинность и древность обрядовъ ея. Такъ какъ эта челобитная во многомъ сходна съ челобитной Никиты Пустосвята, разсмотрѣнной въ Жезлѣ правленія, то составитель «Увѣта» часто повторяетъ (даже буквально) сказанное въ Жезлѣ, такъ что около половины 2-й части заимствовано оттуда [1]). Но вмѣстѣ съ этимъ онъ внесъ въ свое сочиненіе нѣчто *новое*, именно: къ теоретическимъ разсужденіямъ присоединилъ свидѣтельства изъ старописьменныхъ и старопечатныхъ книгъ (см. ст.ст. 4, 7, 10, 13, 14, 16, 18) и вещественныхъ памятниковъ, чѣмъ поставилъ полемику съ расколомъ на настоящую дорогу. Въ концѣ «Увѣта» авторъ помѣстилъ сказаніе о правой рукѣ ап. Андрея, будто бы съ троеперстнымъ сложеніемъ, но въ настоящее время эта рука не имѣетъ перваго и послѣдняго перстовъ.

2) *Духовныя мѣропріятія противъ раскола въ первой половинѣ XVIII вѣка.* Со времени царствованія Петра I *церковь усилила* свою дѣятельность противъ раскола. *Св. Синодъ* съ самаго учрежденія своего (14 февр. 1721 г.) обратилъ на него серьезное вниманіе. Такъ, въ первый же годъ своего существованія онъ опредѣлилъ учредить должность *синодальнаго миссіонера*, который состоялъ бы при Синодѣ неотлучно и по временамъ велъ съ раскольниками «диспуты». Первымъ такимъ миссіонеромъ былъ іеромонахъ *Неофитъ*. Его отрекомендовалъ Питиримъ, епископъ нижегородскій, который по требованію Синода, составилъ и реестръ книгъ, необходимыхъ для собесѣдованія съ раскольниками. Въ 1722 г. для вразумленія «невѣждъ», т. е. уклоняющихся въ расколъ, Св. Синодъ рѣшилъ обратиться съ *воззваніемъ* къ православнымъ и раскольникамъ. Составлено было «*Увѣщаніе*». Въ немъ Св. Синодъ увѣщевалъ православныхъ ежедневно молиться Богу объ обращеніи «упорныхъ суевѣровъ», а сомнѣвающихся о новопечатныхъ

[1]) Ср. I ст. Увѣта съ 40 возобл. II ч. Жезла, 2 съ 3 I ч., 5—20 I ч., 7—23 I ч., 8—21 I ч., 10—29 I ч., 11—30 I ч., 12—28 I ч., 13—26 I ч., 4—10 II ч., 18—19 II ч., 19—44 II ч., 20—2 II ч.

книгахъ—являться со своими сомнѣніями въ Синодъ «безъ опасенія». Чтобы устранить всякій предлогъ къ уклоненію отъ явки, вскорѣ было издано *воззваніе*, обращенное *къ расколоучителямъ*. Въ немъ Св. Синодъ приглашалъ расколоучителей на собесѣдованіе, обѣщая имъ личную безопасность и полную свободу въ выраженіи своихъ мнѣній и доводовъ, лишь бы только они соблюдали учтивость и не допускали невѣжественныхъ поступковъ. Кто сознаетъ свои заблужденія, говорилось здѣсь, и пожелаетъ присоединиться къ Церкви, тотъ будетъ принятъ съ радостію; а кто останется упорнымъ, того принуждать не будутъ. Если же совсѣмъ не явятся, то будутъ подлежать суду, потому что ясно покажутъ этимъ, что они держатся своихъ мнѣній ради прибытка. Назначены были сроки для явки (въ мартѣ, маѣ, іюлѣ и августѣ того же года и въ мартѣ слѣдующаго); «воззваніе» было разослано по всей Россіи, и священникамъ велѣно было читать его за каждой службой: однако ни одинъ раскольникъ не явился въ Синодъ. Въ томъ же году, по поводу новыхъ случаевъ самоубійства раскольниковъ, Св. Синодъ издалъ *«объявленіе съ увѣщаніемъ»*, направленное къ убѣжденію тѣхъ раскольниковъ, которые охотнѣе соглашались терпѣть всякія наказанія, чѣмъ остричь себѣ волосы и перемѣнить одежду. Здѣсь разъяснялось, что самоистребители—не изгнанники правды ради, а самоубійцы, жертвы «невѣжества, безумія и крайней злобы». Когда никто изъ раскольниковъ не явился въ Синодъ со своими сомнѣніями, то преосвящ. Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, отъ имени Св. Синода, составлено было новое *увѣщаніе* къ православнымъ. Въ немъ, послѣ упоминанія о напрасномъ вызовѣ расколоучителей, Св. Синодъ указывалъ православнымъ, какъ не хорошо поступаютъ въ этомъ случаѣ раскольники, и увѣщевалъ ихъ не только «блюстися отъ сихъ злыхъ дѣлателей, но и обличать ихъ и открывать».

Изъ числа *частныхъ лицъ*, извѣстныхъ за это время своею дѣятельностію противъ раскола, замѣчательны: св. *Димитрій Ростовскій*, *Питиримъ*, архіепископъ нижегородскій, іеромонахъ *Неофитъ* и преосвященный *Ѳеофилактъ Лопатинскій*.

Св. Димитрій Ростовскій дѣйствовалъ въ ростовскихъ и ярославскихъ предѣлахъ. По прибытіи на ростовскую каѳедру (въ 1702 г.), онъ обратилъ особенное вниманіе на расколъ въ своей епархіи и занялся его изученіемъ. Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ онъ заимствовалъ отчасти изъ книгъ, отчасти изъ разсказовъ своихъ подчиненныхъ и знакомыхъ. Познакомившись съ расколомъ, св. Димитрій не рѣдко касался его въ своихъ проповѣдяхъ, а затѣмъ написалъ и два спеціальныхъ сочиненія противъ него: «Разсужденіе объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ» и «Розыскъ о расколь-

нической Брынской вѣрѣ». Первое написано въ 1705 г. въ опроверженіе мысли раскольниковъ, что будто бы чрезъ бритье бороды искажается образъ Божій въ человѣкѣ. Другое сочиненіе, болѣе обширное и болѣе содержательное, направлено вообще противъ раскольническихъ заблужденій и состоитъ изъ трехъ частей: въ 1-й доказывается, что вѣра раскольниковъ неправа, въ 2-й — что ученіе ихъ душевредно и въ 3-й—что дѣла ихъ не богоугодны. Оно написано святителемъ не за долго до смерти († 1709 г.) въ пособіе священникамъ его епархіи и въ спискахъ разослано имъ, а въ 1745 г., послѣ предварительнаго разсмотрѣнія синодальнымъ членомъ Платономъ, архіеп. крутицкимъ, напечатано.

Отличительною чертою «Розыска» служитъ строгая послѣдовательность въ раскрытіи мыслей. Расколъ разсматривается здѣсь съ догматической и нравственной стороны и опровергается не только въ первоначальномъ своемъ происхожденіи, но и въ позднѣйшемъ раскрытіи. Изъ обрядовыхъ вопросовъ въ первыхъ двухъ частяхъ наиболѣе подробно раскрытъ вопросъ о крестѣ (стр. 20—21, 386—466. М., 1855), менѣе обстоятельно — о перстосложеніи (стр. 466—92), объ имени Спасителя (стр. 41—8) и молитвѣ Іисусовой (стр. 37—41). При этомъ св. Димитрій не столько оправдываетъ содержимые православными обряды, сколько раскрываетъ несостоятельность раскола вслѣдствіе его несообразности съ духомъ евангелія, стараясь показать, къ какимъ нелѣпостямъ и заблужденіямъ онъ приводитъ или какъ безразлично въ дѣлѣ вѣры и спасенія то или другое раскольническое мнѣніе.

На ряду съ достоинствами есть не мало въ «Розыскѣ» и недостатковъ. Встрѣчаются тамъ противорѣчія сочиненіямъ его собственнымъ и другихъ полемистовъ. Напр., по вопросу о подножіи креста (стр. 402—3) авторъ не согласенъ съ Ч.-Минеями (предисл. къ Ч.-Минеямъ за декабрь), а говоря, что прямое древо креста означаетъ Отца и Сына, поперечное же—Св. Духа (стр. 436), противорѣчитъ Скрижали (стр. 34). Есть въ «Розыскѣ» обмолвки. Такъ, благословеніе, преподанное Іисусомъ Христомъ при вознесеніи на небо, авторъ считаетъ началомъ крестнаго знаменія (стр. 467). Такъ какъ авторъ мало обращалъ вниманія на обряды, то многое у него не разъяснено. Нельзя также не указать на недостаточное знакомство автора съ предметомъ: онъ не отличаетъ раскольниковъ отъ сектантовъ и приписываетъ первымъ то, что принадлежитъ вторымъ, напр., непочитаніе иконъ.—Наконецъ, возмущенный хулами на троеперстное сложеніе, св. Димитрій, въ отвѣтъ на эти хулы, самъ высказалъ порицаніе на сложеніе двуперстное (стр. 490), а разбирая филологически имя Іисусъ, онъ говоритъ, что Іисусъ значитъ «равноухій» (стр. 46). Старообрядцы

выставляютъ оба эти мѣста, какъ порицаніе на «старые» обряды.

Питиримъ, архіепископъ нижегородскій (1719—1738 г.), родился и воспитывался въ расколѣ. Въ молодыхъ годахъ онъ удалился на Вѣтку и постригся тамъ въ монахи; а затѣмъ перешелъ въ православіе, поступилъ въ переяславскій Никольскій монастырь и долгое время былъ строителемъ его. Здѣсь обратилъ на него вниманіе императоръ Петръ I и въ 1707 г. поручилъ ему заняться обращеніемъ раскольниковъ-старообрядцевъ въ Нижегородской губерніи. Питиримъ ревностно принялся за дѣло. Ничто не останавливало его дѣятельности. Онъ ходилъ изъ селенія въ селеніе, изъ дома въ домъ, заходилъ въ раскольничьи скиты и всюду бесѣдовалъ съ раскольниками-старообрядцами, подкрѣпляя свои мысли доказательствами изъ старопечатныхъ книгъ. Вслѣдствіе этого многіе изъ раскольниковъ-старообрядцевъ стали переходить въ православіе, а расколоучители начали уклоняться отъ бесѣдъ съ нимъ и вооружать противъ него гражданскую власть и низшее духовенство; были даже покушенія на его жизнь. Въ то же время стали распространяться слухи, что онъ принялъ православіе не по убѣжденію, а изъ-за чести и желанія выслужиться предъ царемъ; что онъ дѣлаетъ увѣщанія не по убѣжденію. Вмѣсто того, чтобы самымъ дѣломъ опровергнуть эти слухи, Питиримъ принялъ на себя обязанность судьи надъ раскольниками, а въ 1712 г.—и надъ духовенствомъ и мірянами трехъ уѣздовъ Нижегородской епархіи. Съ этого времени онъ началъ дѣйствовать на раскольниковъ не только словомъ убѣжденія, но и *внѣшними* мѣрами.

Въ 1715 г. Питиримъ донесъ Петру I, что благодаря его трудамъ обратилось въ православіе болѣе 2,000 раскольниковъ, при чемъ прибавилъ, что, при обращеніи послѣднихъ, нерѣдко встрѣчаетъ препятствія со стороны гражданскихъ властей, и просилъ царя оказать ему помощь. Тотъ предписалъ всѣмъ свѣтскимъ властямъ отнюдь не препятствовать Питириму въ его «равноапостольномъ дѣлѣ», а оказывать всевозможное содѣйствіе, если же кто ослушается этого предписанія и будетъ препятствовать, то будетъ казненъ смертію, а кто не будетъ помогать, тотъ будетъ лишенъ имущества. Въ 1718 г. Питиримъ отправилъ царю новое донесеніе, въ которомъ просилъ его разрѣшенія употребить противъ раскольниковъ самыя строгія мѣры. Разрѣшеніе было дано. Петръ I прислалъ ему въ помощь поручика Ржевскаго. Съ помощію послѣдняго Питиримъ началъ ловить раскольниковъ, подвергать ихъ наказаніямъ, ссылать въ каторгу и отнимать имущество, за что вскорѣ получилъ названіе «гонителя древлеправославной вѣры». Въ послѣдующее время онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ и даже

руководителемъ правительства въ проведеніи насильственныхъ мѣръ противъ раскола.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Питиримъ не переставалъ дѣйствовать противъ раскола и другими мѣрами. Такъ, чтобы упрочить православіе и положить твердыя начала миссіонерской дѣятельности, онъ завелъ нѣсколько училищъ; въ мѣстахъ, зараженныхъ расколомъ, строилъ церкви и монастыри, устраивалъ приходы и ставилъ благонадежныхъ священниковъ; въ нѣкоторыхъ монастыряхъ собралъ значительное количество старопечатныхъ книгъ, поселилъ въ нихъ лицъ, обратившихся изъ раскола, пріучилъ ихъ къ миссіонерской дѣятельности и такимъ путемъ образовалъ значительное количество спеціальныхъ миссіонеровъ, усердныхъ помощниковъ себѣ. Изъ числа ихъ болѣе извѣстны: Филаретъ, Неофитъ, Андроникъ и Іосифъ Рѣшиловъ. Впослѣдствіи всѣ они дѣятельно трудились на миссіонерскомъ поприщѣ, хотя и не всегда удачно. Наконецъ, Питиримъ извѣстенъ и какъ *полемистъ* съ расколомъ. Сначала онъ воспроизводилъ въ небольшихъ тетрадкахъ свои устныя бесѣды, а потомъ написалъ нѣсколько сочиненій и болѣе обширныхъ. Въ 1713 г. имъ написано «*Коніе*». Въ немъ авторъ касается всего, что выставляли раскольники въ свою пользу и что служило для нихъ предметомъ нареканій на православную Церковь. Несмотря на нѣкоторые недостатки, это сочиненіе заслуживаетъ вниманія, потому что написано въ примирительномъ, чисто миссіонерскомъ духѣ и тонѣ. Затѣмъ, когда стало извѣстно «Соборное дѣяніе на еретика Мартина», Питиримъ воспользовался имъ и написалъ «*Объявленіе о сложеніи перстовъ*». Въ 1716 г. онъ послалъ на Керженецъ, къ жившимъ тамъ раскольникамъ Дьяконова согласія, 130 вопросовъ, въ которыхъ спрашивалъ ихъ, почему они не соединяются съ православною Церковію, и требовалъ отвѣта. Тѣ вмѣсто отвѣта прислали ему своихъ 240 вопросовъ. Въ слѣдующемъ году Питиримъ извѣстилъ вопросителей, что отвѣты у него готовы, и требовалъ, чтобы они прислали ему свои отвѣты. Но тѣ, не имѣя въ своей средѣ людей способныхъ дать требуемые отвѣты, всячески уклонялись отъ написанія ихъ, и дѣло тянулось долго. Наконецъ, отвѣты были написаны, — только не дьяконовцами, хотя и носятъ названіе Дьяконовыхъ [1]), а безпоповцемъ Андреемъ Денисовымъ, при участіи дьяконовца Василія Фролова, — и въ 1719 г. представлены Питириму, бывшему въ то время уже епископомъ. Получивъ отвѣты и найдя ихъ неправильными, Питиримъ рѣшился показать несправедливость ихъ публично.

Поэтому, 1 октября того же года онъ отправился въ село

[1]) Подробнѣе о Дьяконовыхъ, иначе Керженскихъ, отвѣтахъ въ нашемъ Рук. по облич. р. раск., изд. 7, стр. 3.

Пафнутово, отслужилъ литургію и, по окончаніи ея, вышелъ на площадь вмѣстѣ съ мѣстными властями. Здѣсь сначала онъ разсказалъ исторію своихъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ дьяконовцевъ, а затѣмъ сталъ спрашивать дьякона Александра и его единомышленниковъ, почему они дали такіе неправые отвѣты. Но тѣ вмѣсто отвѣта подали ему «доношеніе за своими руками», въ которомъ заявляли, что считаютъ свои отвѣты неправыми, и просили не истязать ихъ болѣе. Питиримъ принялъ ихъ донесеніе и обо всемъ случившемся извѣстилъ царя. Петръ I приказалъ напечатать это донесеніе вмѣстѣ съ Высочайшимъ манифестомъ въ особой книжкѣ и разослать повсюду. Однако, вскорѣ послѣ этого монахъ Іона и дьяконъ Александръ явились въ Петербургъ и за подметныя письма были взяты на допросъ, на которомъ заявили государю, что Питиримъ *самъ* составилъ бумагу съ отреченіемъ и *принудилъ* ихъ подписаться. По этимъ заявленіямъ началось разслѣдованіе. Питиримъ былъ вызванъ въ Петербургъ, а съ нимъ вмѣстѣ одинъ изъ дьяконовцевъ, обратившихся въ православіе, инокъ Варсонофій. Тамъ доносчиковъ подвергли пыткѣ: Іона обратился въ православіе, а дьяконъ Александръ и подъ пыткой не отказался отъ своего показанія и потому былъ казненъ. Въ 1721 г. отвѣты Питирима на вопросы дьяконовцевъ были напечатаны подъ названіемъ *Пращица духовная*. Содержаніе Пращицы также разнообразно, какъ разнообразны вопросы. Такъ, въ ней говорится о вѣрѣ, о значеніи преданій, о Церкви, объ обрядовыхъ разностяхъ и о прежнихъ полемическихъ сочиненіяхъ. Мысли свои авторъ подтверждаетъ свидѣтельствами изъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ; кромѣ того, онъ первый занялся сличеніемъ русскихъ старопечатныхъ книгъ между собою. Изъ обрядовыхъ разностей основательно разсмотрѣнъ вопросъ о крестѣ (л. 195—204), о количествѣ просфоръ на просхомидіи (л. 205—213), трикратномъ аллилуіа (л. 61—7, 73—5), о неисправности старопечатныхъ книгъ (л. 33—48) и о хожденіи посолонь (л. 253—263). Наиболѣе же подробно говорится здѣсь о перстосложеніи для крестнаго знаменія (лл. 71 об., 82—102, 104—111, 113—127, 129—163, 188—196). Доказательства правильности троеперстія авторъ заимствуетъ большею частію изъ подложнаго сочиненія «Соборное дѣяніе на еретика Мартина», а при опроверженіи двуперстія, старается доказать, что въ немъ заключаются ереси—аріанская, несторіанская, армянская и латинскія (189—93). Кромѣ того, онъ защищаетъ подлинность Соборнаго дѣянія на еретика Мартина (л. 172—9) (даже напечаталъ его въ Пращицѣ) и нѣкоторыя мысли, высказанныя въ Жезлѣ правленія, Увѣтѣ духовномъ и Розыскѣ, противъ которыхъ рас-

кольники возражали, а также и самыя эти книги (л. 103, 111, 143, 428—9 и др.).

Всю свою жизнь († 1738 г.) Питиримъ трудился на пользу св. Церкви, и труды его не пропали безслѣдно: расколъ въ Нижегородской епархіи значительно сократился.

Успѣшныя дѣйствія Питирима подали Петру I мысль послать миссіонера къ выгорѣцкимъ раскольникамъ. Указомъ отъ 22 апрѣля 1722 г. онъ приказалъ Синоду послать туда знающаго человѣка. По рекомендаціи Питирима, посланъ былъ іеромонахъ Спасо-Сараевской пустыни (Нижег. губ.) *Неофитъ*; ему были даны книги и назначено жалованье (по 60 руб. въ годъ), а гражданскому начальству велѣно было помогать ему. При отъѣздѣ Неофиту была дана подробная *инструкція*, по которой онъ долженъ былъ вести бесѣды съ раскольниками въ присутствіи властей, духовенства и простого народа, болѣе важные вопросы и отвѣты записывать и записи скрѣплять подписями; трудные вопросы тщательно обдумывать и даже обращаться за ихъ рѣшеніемъ въ Синодъ; раскольниковъ также не принуждать къ скорому и неосмотрительному отвѣту; при увѣщаніяхъ поступать умѣренно и осмотрительно и не употреблять никакой жестокости даже съ непокорными. Очевидно, инструкція имѣла въ виду только наставленіе и вразумленіе заблудшихъ. Всякое насиліе, жестокость ею устраняются и дается полная возможность вести собесѣдованіе «единственно достовѣрнаго ради свидѣтельства».

Съ этой инструкціей Неофитъ явился въ г. Петрозаводскъ (въ сентябрѣ 1722 г.). Вскорѣ къ нему явились выговцы съ просьбой сообщить программу собесѣдованій. Неофитъ написалъ имъ 106 вопросовъ и приглашалъ ихъ на собесѣдованіе въ концѣ декабря. Выговцы дали росписку въ полученіи вопросовъ, но въ назначенный срокъ не явились на собесѣдованіе. Неофитъ послалъ имъ одинъ за другимъ три указа съ требованіемъ отвѣтовъ и назначенія срока для собесѣдованія. Но они отвѣчали, что отвѣты еще не написаны. Впрочемъ, въ февралѣ 1723 г. явились выборные для собесѣдованія. Но о чемъ они бесѣдовали и которая сторона одержала верхъ, нѣтъ точныхъ свѣдѣній, потому что разглагольствіе это записано только раскольническимъ писателемъ, который, конечно, представляетъ Неофита побѣжденнымъ. Самъ Неофитъ не оставилъ никакихъ записей, а только донесъ Св. Синоду, что выговцы отвѣтовъ не присылаютъ. Наконецъ, отвѣты были представлены (1 іюля). Они составили цѣлую книгу, извѣстную подъ именемъ *Поморскихъ отвѣтовъ*. Надъ составленіемъ ея трудились братья Денисовы и Трифонъ Петровъ. Они собрали сюда все, что только могли собрать изъ разныхъ книгъ и измыслить отъ себя въ защиту своихъ лже-

ученій и въ похуленіе православной Церкви [1]). Получивъ отвѣты, Неофитъ назначилъ быть разглагольствію въ сентябрѣ. Однако изъ отвѣтовъ онъ видѣлъ всю затруднительность своего положенія и поспѣшилъ написать въ Синодъ, что лучше бы отвѣты послать туда, а разглагольствіе отложить. Синодъ потребовалъ отвѣты къ себѣ, а собесѣдованіе велѣлъ непремѣнно вести. Поэтому въ сентябрѣ состоялось публичное разглагольствованіе. Неофитъ читалъ на нѣкоторые вопросы свои возобличенія; раскольники же требовали, чтобы отвѣты были читаны по порядку и особенно требовали чтенія отвѣта на пятый вопросъ, въ которомъ собраны свидѣтельства въ пользу двуперстія и другихъ обрядовъ. Результатъ собесѣдованія для Неофита былъ очень плохъ. Подъ конецъ его онъ самъ замѣтилъ: «вижу, яко вы къ намъ не склоняетеся въ согласіе». Мало того, нѣкоторые изъ православныхъ перешли на сторону раскольниковъ. Видя такую неудачу, Неофитъ написалъ въ Св. Синодъ докладъ, въ которомъ говорилъ, что лучше бы взять Викулу Данилова и Денисова въ Петербургъ, а выговцевъ обложить двойнымъ окладомъ; но докладъ его остался безъ послѣдствій. Въ Петрозаводскѣ Неофиту было дѣлать нечего, и онъ началъ просить Св. Синодъ отпустить его отсюда, но тотъ не согласился. Дѣло дошло до того, что Неофитъ хотѣлъ самовольно уйти изъ Петрозаводска, но смерть помѣшала его намѣренію († 7 апр. 1727 г.).

Послѣ полученія и прочтенія «Поморскихъ отвѣтовъ», Св. Синодъ убѣдился, что, оставаясь безъ опроверженія, они могутъ быть вредны для церкви, и потому въ 1723 году поручилъ Ѳеофилакту Лопатинскому, архіепископу тверскому и кашинскому (1723—1738 г.), написать на нихъ опроверженіе. Тотъ немедленно принялся за дѣло и исполнилъ порученіе; къ сожалѣнію, умное и дѣльное сочиненіе его долго оставалось въ рукописи. Только въ 1742 г. оно было просмотрѣно ростовскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ (1741—1763 г.) и заслужило лестный отзывъ со стороны его, а въ 1745 г. и напечатано подъ заглавіемъ «*Обличеніе неправды раскольнической*». Въ немъ главное вниманіе обращено на 50-й отвѣтъ, въ которомъ выговцы указали тѣ разности, изъ-за которыхъ они отдѣляются отъ православной Церкви. Въ началѣ книги помѣщено «изъясненіе», почему она напечатана не сразу послѣ написанія; затѣмъ предисловіе, гдѣ указанъ поводъ написанія ея, перечислены обвиненія раскольниковъ на православную Церковь и указанъ взглядъ на нихъ, и, наконецъ, самое обличеніе, въ которомъ подробно разсматриваются вопросы: о перстосложеніи, о крестѣ

[1]) Подроб. о Помор. Отв. см. въ нашемъ Рук. по обл. р. р., изд. 7, стр. 2—3.

Господнемъ, печати на просфорахъ, имени Спасителя, молитвѣ Іисусовой и аллилуіи. При разсмотрѣніи этихъ вопросовъ, авторъ доказываетъ, что они не составляютъ догматовъ вѣры и потому измѣненіе ихъ не можетъ служить достаточною причиною отдѣленія отъ Церкви. Затѣмъ онъ обстоятельно разбираетъ основанія, приводимыя старообрядцами въ защиту двуперстія, именно: сказаніе о Мелетіи, слово Ѳеодоритово, изрѣченіе Петра Дамаскина, слово Максима Грека, преніе Панагіота и указаніе на св. мощи; разсматриваетъ основанія, приводимыя ими въ защиту ученія о крестѣ, имени Іисусъ и пр., и приводитъ доказательства въ пользу употребляемыхъ православною Церковію обрядовъ. Послѣ этого говорится вообще о старопечатныхъ книгахъ—о несогласіи ихъ между собою и ихъ неисправности. Въ частности, авторъ въ первый разъ разбираетъ Кириллову книгу, доказывая, что она не принадлежитъ св. Кириллу іерусалимскому, — Большой и Малый Катихизисы и Книгу о вѣрѣ. Во всѣхъ этихъ книгахъ онъ справедливо находитъ неправильныя мнѣнія. Послѣ этого авторъ кратко говоритъ о поклонахъ, партесномъ пѣніи, измѣненіяхъ въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ, въ чинѣ литургіи и др. и приводитъ (безъ опроверженія) образцы несправедливыхъ отвѣтовъ, данныхъ Денисовыми Неофиту. Так. обр. «Обличеніе неправды раскольнической» является однимъ изъ лучшихъ полемическихъ сочиненій прежняго времени. Къ сожалѣнію, авторъ увлекшись полемикой, допускалъ очень рѣзкія выраженія не только относительно раскольниковъ, но даже и составителей старыхъ книгъ, напр., Стефана Зизанія (л. 139), употреблялъ рѣзкія порицательныя сужденія относительно двуперстія (лл. 9, 21, 26), усиливался (безъ нужды) опровергнуть свидѣтельства о восьмиконечномъ крестѣ и доказать, что истинный Христовъ крестъ есть крестъ только четвероконечный (48—58), и повторилъ филологическое объясненіе имени Іисусъ (равноухій) (л. 81).

Кромѣ указанныхъ лицъ, извѣстны своею *миссіонерскою* дѣятельностью противъ раскола: іеромонахъ *Исаакій*, основатель Саровской пустыни (Тамбов. г.), много и съ пользою потрудившійся въ обращеніи раскольниковъ заволжскихъ, *Іосифъ Рѣшиловъ*, дѣйствовавшій въ Стародубьѣ, и нѣкоторыя другія. Изъ числа *полемистовъ* извѣстны: *Стефанъ Яворскій*, митр. рязанскій, написавшій «Знаменія пришествія антихриста»; крестьянинъ *Посошковъ*, составившій «Зеркало очевидное», которое привело св. Димитрія Ростовскаго въ восторгъ, какъ «великое раскольникамъ обличеніе и постыженіе»; *Василій Фроловъ*, обратившійся изъ раскола въ православіе и написавшій «Обличеніе на раскольниковъ», которое для позднѣйшихъ полемистовъ служило хорошимъ пособіемъ; про-

тоіерей *Алексѣй Иродіоновъ*, тоже изъ обратившихся раскольниковъ, составившій нѣсколько сочиненій противъ раскола, напр. «Бесѣдословіе о расколѣ», «Посланіе къ даниловскимъ раскольникамъ» и др., отличающихся основательностію сужденій, твердымъ знаніемъ Св. Писанія, ученія Церкви и раскола, искусною діалектикою и прекраснымъ, по тому времени, изложеніемъ, и нѣкоторые другіе.

3) Духовныя мѣропріятія противъ раскола во второй половинѣ XVIII и первой четверти XIX ст. Во второй половинѣ XVIII ст., а особенно въ первой четверти XIX, *дѣятельность* противъ раскола старообрядчества значительно *ослабѣла*. Въ это время не только низшее духовенство, но и высшая духовная власть не обращала на раскольниковъ особеннаго вниманія. Съ 1801 по 1817 г. Св. Синодомъ издано одно только распоряженіе, прямо направленное къ ослабленію раскола, а именно: «объ опредѣленіи къ церквамъ г. Уральска надежнѣйшихъ священниковъ»; вообще же онъ ограничивался слабымъ напоминаніемъ священникамъ о вразумленіи заблуждающихся. Его противораскольническая дѣятельность была направлена въ это время не къ ослабленію раскола, а къ защитѣ правъ православной Церкви отъ нарушенія со стороны раскольниковъ. Для достиженія этой цѣли имъ изданъ цѣлый рядъ разъясненій и постановленій ограничительнаго характера, напр., объ изданіи старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ, о смѣшанныхъ бракахъ между православными и раскольниками и т. п. Нѣкоторая *перемѣна* въ отношеніяхъ духовной власти къ расколу замѣчается съ 1817 г. Въ 1821 г. Св. Синодъ, въ виду сильнаго размноженія бѣглыхъ поповъ, издалъ постановленіе «объ отбираніи у священно и церковно-служителей, удаленныхъ, по подсудности, отъ своихъ должностей, и отъ священно-служителей, низведенныхъ на причетническую должность, ставленныхъ граматъ и другихъ видовъ на званіе ихъ». Кромѣ того, въ видахъ усиленія духовно-нравственнаго воздѣйствія на раскольниковъ, предписалъ епархіальнымъ архіереямъ обращать особенное вниманіе на священниковъ въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, и ставить туда такихъ, которые отличались бы благочестивою жизнію, благоразуміемъ и кротостію и способны были обращать «на стезю истинной вѣры совратившихся по невѣжеству». Случаевъ спеціальной миссіи было мало. Впрочемъ, и теперь нѣкоторыя лица дѣятельно боролись съ расколомъ и оставили послѣ себя нѣсколько хорошихъ сочиненій.

Въ 1765 г. раскольники ворвались въ новгородскій Зеленецкій монастырь, выгнали начальствующихъ, сожгли иконы и книги, а затѣмъ и сами сожглись. По этому поводу архимандриту *Платону* (впослѣдствіи (1775—1812 г.) митрополиту московскому)

поручено было Св. Синодомъ составить *Увѣщаніе* къ раскольникамъ, что́ тотъ и исполнилъ. Въ 1766 году это «Увѣщаніе» было издано.

Послѣ краткихъ свѣдѣній о просвѣщеніи Россіи христіанскою вѣрою, здѣсь излагается исторія исправленія книгъ, устанавливается правильный взглядъ на разности между старопечатными и новоисправленными книгами и разсматриваются слѣдующіе вопросы: о сложеніи перстовъ, о крестѣ, количествѣ просфоръ на проскомидіи и хожденіи посолонь; говорится о старыхъ русскихъ обычаяхъ (платьѣ, бородѣ) и самоубійственномъ сожигательствѣ, а въ концѣ помѣщенъ чинъ присоединенія раскольниковъ къ православной Церкви. Въ основу «Увѣщанія» положена та мысль, что «въ силѣ вѣры раскольники согласны» съ православными и «только за одни мелкости спорятъ». Мысль эта здѣсь обставлена такими частностями, что становится очевидною и для раскольника. Особое значеніе авторъ придаетъ единенію съ Церковію и даетъ ясно понять раскольникамъ, что они изъ-за «мелкостей» теряютъ надежду на спасеніе, почему усиленно приглашаетъ ихъ къ общенію съ Церковію. Другая отличительная черта «Увѣщанія» —любвеобильный тонъ, которымъ оно проникнуто отъ первой страницы до послѣдней. Наконецъ, оно написано кратко, просто и ясно, безъ ученыхъ изысканій, недоступныхъ и неубѣдительныхъ для раскольниковъ. Вслѣдствіе такихъ достоинствъ «Увѣщаніе» не потеряло своего значенія и до настоящаго времени.

Въ 1778 г. прибылъ въ Россію грекъ *Никифоръ Θеотокій*, человѣкъ даровитый и всесторонне образованный, замѣчательный экзегетъ и богословъ. Зная его ученость, славенскій архіепископъ Евгеній Булгаръ назначилъ его ректоромъ семинаріи. Въ 1779 г. Никифоръ былъ поставленъ въ архіепископы Славенской (нынѣ Новороссійской) епархіи. По прибытіи на каѳедру, преосвященный Никифоръ какъ только узналъ, что въ его епархіи есть много раскольниковъ, составилъ Окружное посланіе, въ которомъ убѣждалъ ихъ соединиться съ православною Церковію. Нѣкоторые изъ нихъ послушались его гласа, другіе же (раскольники Бахмутскаго у.) вмѣсто отвѣта подали ему соловецкую челобитную въ 20 главахъ и просили на нее отвѣтовъ. Въ 1780 г. отвѣты были написаны. Затѣмъ, когда преосвященный Никифоръ, уже архіепископомъ астраханскимъ (1786—1792 г.), ѣздилъ въ Саратовъ для осмотра церквей, то двое изъ иргизскихъ раскольниковъ—Сергій и Прохоръ подали ему отъ имени всего своего общества прошеніе, состоящее изъ 15 вопросовъ, на которые просили отвѣтовъ. Отвѣтомъ на эти вопросы явились со стороны Никифора «Отвѣты на 15 вопросовъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ и «Отвѣтъ о св. мурѣ», о чемъ Сергій и Прохоръ просили его словесно. Въ 1800 г. Окружное посланіе и

указанные отвѣты были напечатаны въ одной книгѣ подъ общимъ заглавіемъ: «Отвѣты».

Въ нихъ авторъ, послѣ общихъ замѣчаній относительно происхожденія раскола и его свойствъ, даетъ понятіе о ереси и расколѣ—на основаніи 1 пр. Василія Великаго, говоритъ о значеніи источниковъ вѣроученія: Свящ. Писанія, постановленій соборовъ и ученія св. отцовъ, а затѣмъ опровергаетъ тѣ извѣты на православную Церковь, какіе были высказаны въ соловецкой челобитной и въ вопросахъ иргизскихъ старообрядцевъ; подробно говоритъ о Стоглавомъ соборѣ,—что опредѣленія его не имѣютъ твердыхъ основаній, о Кирилловой книгѣ,—что она не принадлежитъ св. Кириллу, а изъ обрядовыхъ вопросовъ—о перстосложеніи, при чемъ придаетъ не малое значеніе и перстамъ, говоря, что двуперстіе, хотя и не содержитъ ереси аріевой и несторіевой, но есть обычай армянскій и противно преданію православной Церкви (отв. 8 и 9). Въ Отвѣтѣ о св. мурѣ преосв. Никифоръ обстоятельно рѣшаетъ вопросы: есть ли у раскольниковъ св. муро? и если есть, то какое?

Въ своихъ отвѣтахъ авторъ иногда не чуждъ діалектики, однако, большею частію, подтверждаетъ свои мысли доказательствами отъ Св. Писанія и св. отцовъ. При опроверженіи раскольническихъ возраженій, онъ имѣлъ подъ руками всѣ извѣстныя тогда полемическія сочиненія (Жезлъ правленія, Увѣтъ духовный, Розыскъ, Увѣщаніе, Обличеніе и др.) и пользовался ими; но, какъ ученый грекъ, разсуждаетъ на основаніи греческихъ, а не славянскихъ только книгъ, сличая славянскій текстъ съ греческимъ и дѣлая обширныя выписки изъ греческихъ книгъ. Тонъ «Отвѣтовъ,» за немногими исключеніями, ровный, спокойный, и всѣ вообще возраженія автора отличаются характеромъ миролюбія [1]). Къ числу недостатковъ «Отвѣтовъ» нужно отнести частыя ссылки автора на «Соборное дѣяніе на еретика Мартина», рѣзкія выраженія относительно имени Іисусъ (стр. 71), Стоглаваго собора (114, 236), Стефана Зизанія и Кирилловой книги (стр. 308—310).

Изъ другихъ лицъ, потрудившихся въ борьбѣ съ расколомъ, извѣстны: *Симонъ Лаговъ*, архіеп. рязанскій (1778—1804), іеромонахи *Виталій* и *Сергій* иргизскій и нѣкоторыя другія. Преосвященный Симонъ написалъ «Посланіе къ рязанской паствѣ» и «Шесть обличеній» на 6 статей раскольническаго сборника, начинающагося «Исторіей объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ»; наконецъ, по его предписанію и при его участіи, былъ составленъ «Трактатъ о раскольническихъ въ Россіи толкахъ», изданный въ 1807 г. подъ заглавіемъ «Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками».

---

[1]) Другъ ист. 1890, 534.

іеромонахъ *Виталій* написалъ книгу «О церкви и раскольникахъ», въ которой, на основаніи слова Божія и святоотеческихъ писаній, говоритъ о Церкви и необходимости принадлежать къ ней, о необходимости іерархіи, особенно епископовъ, и излагаетъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о раскольникахъ. *Сергій*, бывшій настоятель и устроитель иргизскихъ скитовъ, по обращеніи въ православіе, написалъ «Зеркало для старообрядцевъ».

4) Духовныя мѣропріятія противъ раскола съ царствованія Николая I до настоящаго времени. Со времени царствованія императора Николая I общею мѣрою противъ раскола было признано «вразумленіе» и «умственное образованіе»; поэтому Св. Синодъ внушалъ епархіальнымъ архіереямъ «тщательно пользоваться всѣми возможными случаями вступать въ сношенія съ уклонившимися отъ Церкви и посѣвать между ними понятія и чувствованія, которыя бы сближали ихъ съ Церковію». Въ руководство приходскимъ священникамъ, по опредѣленію Св. Синода, было издано (въ 1835 г.) «Наставленіе священнику относительно заблуждающихъ отъ истины вѣры». Кромѣ того, въ синодальныхъ указахъ были сдѣланы самыя точныя наставленія относительно того, каковы должны быть священники въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, какъ они должны вести себя, чтобы пріобрѣсти вліяніе на заблуждающихъ, какъ совершать службы, какъ предохранять православныхъ отъ уклоненія въ расколъ и т. п. Все это замѣтно повліяло на *усиленіе* борьбы съ расколомъ. Въ ней стали принимать личное участіе сами архипастыри и даже свѣтскія лица; по епархіямъ начали учреждаться спеціальныя миссіи и братства; начались публичныя собесѣдованія съ раскольниками и изданы многія противораскольническія сочиненія. Первая пробная миссія была открыта Св. Синодомъ въ Пермской епархіи (въ 1827 г.), а затѣмъ въ Пензенской (1828 г.), Саратовской (1833 г.), Черниговской (1838 г.), Иркутской (1839 г.), Олонецкой (1854 г.) и др. Миссіонеры (по два и болѣе на епархію) выбирались изъ лицъ мѣстнаго духовенства, а иногда вызывались изъ другихъ епархій; обезпечивались содержаніемъ отъ казны (изрѣдка служили и безмездно) и снабжались книгами, необходимыми для успѣшной борьбы съ расколомъ. Во избѣжаніе гласности и замедленія, преосвященнымъ повелѣвалось вѣдать миссіонерскія дѣла непосредственно, помимо консисторіи, во избѣжаніе же нареканій со стороны раскольниковъ, предписывалось миссіонерамъ дѣйствовать «безъ всякаго пособія со стороны полиціи» [1]). О своихъ дѣйствіяхъ или встрѣ-

[1]) Въ указахъ болѣе раннихъ, напр., 1828—1833 г., полиціи велѣно было объявлять раскольникамъ о прибытіи и назначеніи миссіонера.

чаемыхъ затрудненіяхъ миссіонеры обязаны были доносить епархіальному архіерею еженедѣльно, а тотъ—Св. Синоду ежемѣсячно, въ случаѣ же нужды, и «поспѣшнѣе». Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ миссіонерамъ дозволено было, въ нужныхъ случаяхъ, отправлять богослуженіе и требы церковныя по старопечатнымъ книгамъ. Болѣе подробно права и обязанности миссіонеровъ опредѣлялись особыми инструкціями.

Въ царствованіе императора Александра II нѣкоторыя миссіи николаевскаго времени были упразднены, другія преобразованы, иныя возникли вновь. Въ настоящее время спеціальныя миссіи существуютъ вездѣ, гдѣ есть раскольники старообрядцы. Вопросъ о миссіонерахъ для каждой епархіи былъ поднятъ въ 1885 г. на соборѣ епископовъ въ Казани, а въ 1886 г. рѣшенъ Св. Синодомъ въ утвердительномъ смыслѣ. Въ 1888 г. Св. Синодомъ изданы для всеобщаго руководства «Правила объ устройствѣ миссій».

По этимъ правиламъ, въ каждой епархіи, гдѣ имѣются раскольники-старообрядцы, учреждаются, смотря по мѣрѣ потребности, одинъ или нѣсколько епархіальныхъ миссіонеровъ изъ священнослужителей, знакомыхъ съ расколомъ, обладающихъ даромъ слова и вполнѣ благонадежныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ. Епархіальные миссіонеры освобождаются отъ служебныхъ по епархіальному вѣдомству занятій и состоятъ въ непосредственномъ распоряженіи мѣстныхъ преосвященныхъ, получая отъ нихъ указанія для миссіонерской дѣятельности и имъ же давая отчетъ о послѣдствіяхъ своихъ миссіонерскихъ дѣйствій. Независимо отъ епархіальныхъ миссіонеровъ, епархіальными преосвященными, смотря по надобности и удобству, назначаются еще особые, или по уѣздамъ уѣздные, или по благочинническимъ округамъ окружные, миссіонеры изъ мѣстныхъ приходскихъ священниковъ или изъ среды мірянъ—хорошо знакомыхъ съ св. Писаніемъ и съ святоотеческими твореніями и вполнѣ способныхъ къ миссіонерскому дѣлу. Тѣ и другіе получаютъ содержаніе въ размѣрѣ, опредѣляемомъ епархіальнымъ преосвященнымъ, изъ мѣстныхъ средствъ, или же, при недостаткѣ ихъ, изъ средствъ Св. Синода. Съ учрежденіемъ епархіальныхъ, уѣздныхъ и окружныхъ миссіонеровъ, отнюдь не освобождаются отъ миссіонерской дѣятельности и приходскіе священники; напротивъ, каждый изъ нихъ, по своей пастырской обязанности, долженъ непрерывно вести миссіонерское дѣло, дѣйствуя противъ раскольниковъ всѣми доступными ему средствами: бесѣдами и назиданіями, истовымъ совершеніемъ богослуженія, собесѣдованіями съ заблуждающими, внѣбогослужебными бесѣдами и чтеніями, устройствомъ церковно-приходскихъ школъ, распространеніемъ книгъ, брошюръ и листковъ противораскольническаго содержанія и привлеченіемъ къ борьбѣ съ

расколомъ своихъ прихожанъ, способныхъ и расположенныхъ къ этому дѣлу. Затѣмъ въ правилахъ указываются взаимныя отношенія между миссіонерами и приходскими священниками во время посѣщенія первыми того или другого прихода, мѣсто, предметъ и организація бесѣдъ съ старообрядцами, устройство миссіонерскихъ библіотекъ, а также необходимость устраненія всего того, что можетъ соблазнять раскольниковъ и подавать имъ поводъ къ нареканіямъ на православную Церковь и ея служителей. Въ 1908 г. правила эти были дополнены Св. Синодомъ. По этимъ послѣднимъ, къ миссіонерскому дѣлу привлекается самъ вѣрующій народъ въ лицѣ церковно-приходскихъ попечительствъ, кружковъ ревнителей православія, миссіонерскихъ братствъ и т. п. приходскихъ учрежденій, во главѣ съ приходскимъ пастыремъ, свѣдущимъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ, обладающимъ пастырскимъ призваніемъ, ревностнымъ въ проповѣдываніи слова Божія и своею жизнію подающимъ добрый примѣръ пасомымъ. Стоя во главѣ зараженнаго расколомъ прихода послѣдній обязанъ заводить библіотеки и читальни, заботиться объ устройствѣ миссіонерскихъ кружковъ или братствъ и всѣми возможными способами дѣйствовать противъ раскола.

Изъ числа архипастырей, наиболѣе потрудившихся въ борьбѣ съ расколомъ въ царствованіе Николая I и въ первую половину царствованія Александра II, заслуживаютъ особеннаго вниманія архіепископы—*Игнатій* († 1850 г.) и *Аркадій* († 1870 г.) олонецкіе и митрополиты—*Филаретъ* московскій († 1867 г.) *и Григорій* с.-петербургскій († 1860 г.) и московскій купецъ *Адріанъ Озерскій.*

Архіеп. *Игнатій* неослабно заботился о раскольникахъ, «преслѣдовалъ ихъ своею любовію», проникалъ въ недоступныя олонецкія дебри, чтобы возвратить заблудшихъ въ лоно православной Церкви [1]), и написалъ рядъ сочиненій противъ раскола, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: «*Истина св. Соловецкой обители*», въ которой на основаніи старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ Соловецкой библіотеки опровергается Соловецкая челобитная, «*Бесѣды о мнимомъ старообрядствѣ*» (вообще и особенно въ безпоповщинѣ) и «*Бесѣды о мнимомъ старообрядствѣ въ поповщинѣ*», въ которыхъ разбирается ученіе безпоповцевъ и поповцевъ.

Архіеп. *Аркадій* «составляетъ славу и украшеніе нашей Церкви»; это былъ «прирожденный миссіонеръ, какіе родятся вѣками». Онъ святительствовалъ въ двухъ епархіяхъ — Пермской

[1]) Характеръ миссіонерской дѣятельности архіеп. Игнатія прекрасно очерченъ въ статьѣ П. В. Никольскаго подъ заглавіемъ: «Архипастырь-миссіонеръ», напечат. въ Правосл. Путеводит. за 1904 г. т. II, стр. 586—597.

(1831—1851 г.) и Олонецкой (1851—1869 г.), сильно зараженныхъ расколомъ, и много потрудился на пользу св. Церкви. Конечно, «не всегда онъ дѣйствовалъ непосредственно, да и не могъ такъ дѣйствовать по множеству епархіальныхъ дѣлъ, но во всѣхъ дѣйствіяхъ—и миссіонеровъ, и приходскихъ священниковъ—была его мысль, его рука». Памятникомъ его неутомимой дѣятельности служитъ переписка по дѣламъ и вопросамъ раскола. Переписывался онъ не только съ духовенствомъ, но и съ купцами, крестьянами, раскольниками и раскольницами. Всѣ его письма отличаются «простотою, не лишенною властности, запечатлѣны умомъ свѣтлымъ и сильнымъ, обширнымъ знаніемъ священнаго и отеческихъ писаній и близкимъ знакомствомъ съ ученіемъ раскола». Словомъ, эта переписка представляетъ собою «замѣчательное и достойное глубокаго уваженія явленіе, какъ очевиднѣйшее, неопровержимое доказательство вседушной, неусыпной, истинно архипастырской заботливости этого святителя объ ослабленіи раскола въ его паствѣ, о просвѣщеніи раскольниковъ и приведеніи ихъ во дворъ овчій, Церковь Христову». Обширна и плодотворна была и учено-литературная дѣятельность преосв. Аркадія. Правда, за недостаткомъ времени и самоувѣренности, онъ не оставилъ послѣ себя обширныхъ научныхъ трудовъ, но написалъ много небольшихъ по объему трактатовъ, то въ діалогической, то въ монологической формѣ, въ которыхъ кратко и ясно разрѣшалъ главнѣйшія возраженія раскольниковъ противъ Церкви. Эти трактаты оказались очень практичными, и Св. Синодъ рекомендовалъ ихъ преосвященнымъ другихъ епархій. Однако преосв. Аркадій, по своей скромности, не напечаталъ ничего и только въ настоящее время нѣкоторые изъ его писемъ и трактатовъ напечатаны въ «Христіанскомъ Чтеніи», «Братскомъ Словѣ», «Православномъ Путеводителѣ», «Олонецкихъ и Екатеринбургскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» [1]).

Филаретъ, митр. московскій (1821—1867 г.) въ теченіе цѣлаго полустолѣтія былъ «ревностнѣйшимъ стражемъ и охранителемъ православія противъ пропаганды раскола и усерднѣйшимъ противораскольническимъ миссіонеромъ не только въ своей епархіи, но и во всей Россіи. Ни одно почти болѣе или менѣе важное мѣропріятіе государственное и церковное относительно раскола за время его дѣятельности не прошло» безъ предварительнаго и безъ пристрастнаго разсмотрѣнія и оцѣнки его; а многія изъ нихъ цѣликомъ были его произведеніемъ. «Ни одно почти изъ высокопоставленныхъ лицъ, по своему положенію вынужденныхъ имѣть

[1]) Нѣкоторыя сочиненія архіеп. Аркадія изданы Н. И. Субботинымъ отдѣльными книгами подъ заглавіемъ: «Аркадій, архіеп. Пермскій и Олонецкій, и нѣкоторыя его сочиненія противъ раскола». Вып. I—III.

дѣло съ расколомъ и искренне преданныхъ интересамъ православія, не обходилось безъ его «мудрыхъ указаній», «совѣтовъ» и «глубокомысленныхъ соображеній». Наконецъ, «ни одинъ почти и изъ современныхъ Филарету русскихъ іерарховъ въ трудныхъ обстоятельствахъ тяжелой противораскольнической борьбы также не обходился безъ его совѣтовъ, наставленій и ободреній». Внимательно слѣдя за расколомъ не только въ своей епархіи, но и въ другихъ, святитель Филаретъ очень часто самъ предупреждалъ недоумѣнія архипастырей. «И вся эта обширная дѣятельность проникнута общими свойствами его необыкновенно яснаго ума, непоколебимо твердой воли, пламенной ревности къ интересамъ Церкви и государства и мудрой осторожности» (Зыковъ). Самымъ замѣчательнымъ временемъ его дѣятельности противъ раскола были послѣдніе годы царствованія Николая I и первые годы царствованія Александра II. Въ это время, по его иниціативѣ, былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣропріятій къ ограниченію раскола. Но указывая ограничительныя мѣры, митрополитъ Филаретъ не разъ обращался къ старообрядцамъ со словомъ вразумленія и любви, увѣщевая ихъ войти въ спасительную ограду православной Церкви, и написалъ цѣлое сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Бесѣды къ глаголемому старообрядцу*», гдѣ на основаніи древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ разсмотрѣлъ нѣкоторые обрядовые вопросы, смущающіе совѣсть раскольниковъ, а также о безблагодатности раскольническихъ обществъ, единовѣріи и осужденіи раскольниковъ соборомъ 1667 г. Бесѣды эти написаны съ большимъ знаніемъ дѣла и отличаются сильными по доказательствамъ, по спокойными по духу и авторитетными по лицу писателя разсужденіями. Сначала онѣ печатались въ «Христіанскомъ Чтеніи», а затѣмъ нѣсколько разъ отдѣльною книгою славянскимъ шрифтомъ.

Григорій, архіепископъ казанскій (впослѣдствіи митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій), былъ также виднымъ дѣятелемъ противъ раскола. Въ его время для болѣе успѣшной борьбы съ расколомъ власть нашла необходимымъ дать научную подготовку миссіонерамъ, и Св. Синодъ опредѣлилъ открыть «небольшія миссіонерскія отдѣленія» при академіяхъ и семинаріяхъ. Архіепископъ Григорій составилъ «проектъ миссіонерскаго образованія», а правленія духовныхъ академій, примѣнительно къ этому проекту, выработали частнѣйшія правила для устройства этихъ отдѣленій. Курсъ обученія въ нихъ былъ положенъ двухгодичный; учениками могли быть ученики высшихъ двухъ классовъ, вполнѣ благонадежные въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и имѣющіе призваніе къ миссіонерству. Въ программу ученія входили, кромѣ исторіи и обличенія раскола, статистика его, обозрѣніе сочиненій

за и противъ раскола и пастырская педагогика. Но такъ какъ для приготовленія миссіонеровъ въ отдѣленіяхъ нужно было время и «самое приготовленіе необходимо укрѣплять опытомъ», между тѣмъ чувствовалась крайняя необходимость ускорить это дѣло, то въ Петербургъ было вызвано изъ каждой епархіи по одному духовному лицу, которымъ самъ высокопреосвященный Григорій читалъ уроки полемики съ расколомъ и которые, по возвращеніи на родину, сдѣлались оффиціальными миссіонерами. Плодомъ его занятій была книга «*Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь*», въ которой основательно доказывается, что безпоповщинскія и поповщинскія общества не составляютъ истинной Христовой Церкви, и что такою Церковію должна быть признана Церковь православная, такъ какъ она единственно имѣетъ установленное отъ Христа устройство; что же касается обвиненій, возводимыхъ на нее раскольниками, то они, по тщательномъ разсмотрѣніи, оказываются несправедливыми. По естественности плана и основательности рѣшенія поставленныхъ вопросовъ книга эта несмотря на нѣкоторую излишнюю полноту (по вопросу объ іерархіи) и пробѣлы (опущено ученіе объ антихристѣ), весьма полезна при изученіи обличенія раскола. Съ выходомъ ея въ свѣтъ, возникла наука противораскольнической полемики.

Въ то же время были открыты и миссіонерскія отдѣленія: въ 1853 г. въ Петербургской академіи и семинаріяхъ ея округа, въ 1854 г. въ академіяхъ: Московской, Казанской и Кіевской, а въ 1855 г. въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ Казанскаго и Кіевскаго округовъ. Судьба этихъ отдѣленій была не долговѣчна: семинарскимъ уставомъ 1867 г. ученіе о расколѣ было исключено изъ круга обязательныхъ предметовъ; въ послѣдующее время дозволено было преподавать этотъ предметъ въ свободное отъ учебныхъ часовъ время съ платою за обученіе изъ мѣстныхъ средствъ, а затѣмъ разрѣшено открыть на мѣстныя средства и самостоятельныя каѳедры въ семинаріяхъ: Виѳанской, Московской, Архангельской, Нижегородской, Казанской, Саратовской, Калужской; наконецъ, въ 1886 г. разрѣшено открыть уже штатныя каѳедры во всѣхъ семинаріяхъ въ трехлѣтній срокъ.

Адріанъ Озерскій извѣстенъ своей книгой «*Выписки изъ старописьменныхъ и старопечатныхъ книгъ*». Эта книга представляетъ собою однѣ выписки изъ книгъ и древнихъ рукописей, находящихся въ замѣчательныхъ библіотекахъ: Московской синодальной, Петербургской публичной, Троицко-Сергіевой лавры, новгородской Софійской, Хлудовской и др. Она издана въ первый разъ шуриномъ составителя, почетнымъ гражданиномъ А. Хлудовымъ въ 1862 году, а затѣмъ право изданія ея было

передано Братству св. Петра митр. Послѣдующія изданія «Выписокъ» были пересмотрѣны и дополнены членомъ этого Братства іером. Филаретомъ, подъ руководствомъ и при содѣйствіи архим. Павла. По своему содержанію «Выписки» раздѣляются на двѣ части: въ первой содержатся выписки, касающіяся вопросовъ догматическихъ: о церкви, о епископской власти, о таинствахъ, о еретикахъ и ихъ свойствахъ, о Священномъ и святоотеческихъ писаніяхъ и объ антихристѣ; во второй—выписки по вопросамъ обрядовымъ: объ имени Іисусъ, измѣненіяхъ въ символѣ вѣры, объ аллилуіи, объ измѣненіяхъ въ текстѣ молитвъ, пѣснопѣній и священныхъ книгъ, о крестѣ Христовомъ, о перстосложеніи для крестнаго знаменія, о количествѣ просфоръ на проскомидіи, о поклонахъ, церковномъ пѣніи и т. д. По обилію собраннаго матеріала, «Выписки» Озерскаго занимаютъ первое мѣсто между всѣми другими пособіями по обличенію раскола и для православнаго полемиста съ расколомъ должны быть необходимою, настольною книгою, тѣмъ болѣе, что подлинныя старопечатныя книги рѣдки и трудны для пріобрѣтенія, а рукописныя—существуютъ лишь въ знаменитыхъ библіотекахъ.

Въ позднѣйшее время борьба съ расколомъ на литературной почвѣ все болѣе и болѣе усиливалась, почему литература по расколу стала весьма обширна. Изъ числа сочиненій этого времени наиболѣе важны слѣдующія: профессора с.-петербургской духовной академіи *И. Ѳ. Нильскаго* († 1894 г.) «Объ антихристѣ», «Разборъ безпоповщинскаго ученія о крещеніи и перекрещиваніи», «О клятвѣ Московскаго собора 1667 г.» и нѣкоторыя другія; проф. Казанской академіи *Н. Ивановскаго* «Критическій разборъ ученія непріемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и таинствахъ» (докторская диссертація, трудъ очень полезный для полемики съ безпоповщиной), разнообразныя по содержанію статьи проф. *Н. И. Субботина* († 1905 г.), написавшаго очень много особенно объ австрійскомъ священствѣ и издавшаго много памятниковъ XVII, XVIII и XIX вѣковъ, напр., «Дѣянія собора 1654 г.», «Дѣянія собора 1666—1667 гг.», «Матеріалы для исторіи раскола» (т.т. I—IX) и др. и сочиненія архим. *Павла Прусскаго* († 1895 г.).

Сочиненія архим. Павла (Прусскаго) первоначально печатались въ Душеполезномъ Чтеніи, Истинѣ, Странникѣ и Братскомъ Словѣ—то въ формѣ бесѣдъ, то въ формѣ писемъ, отвѣтовъ, статей, замѣчаній [1]), то въ формѣ словъ и поученій. Впослѣдствіи они собраны воедино и изданы подъ названіемъ: «Собраніе сочиненій архим.

[1]) Нѣкоторыя изъ «замѣчаній» составляютъ цѣлыя книги, напр., «Замѣчанія на книгу извѣстную подъ именемъ Вопросовъ Никодима», «Замѣчанія на книгу Поморскихъ отвѣтовъ съ приложеніемъ замѣчаній на 21 отвѣтъ въ книгѣ «Щитъ вѣры» и др.

Павла». Въ своихъ сочиненіяхъ архим. Павелъ раскрываетъ слѣдующія положенія [1]): 1) истинная Церковь Христова есть единственный источникъ спасенія и, какъ такая, должна имѣть полноту іерархіи и таинствъ и пребывать до скончанія вѣка. 2) Безпоповщинскія и поповщинскія общества не составляютъ истинной Церкви Христовой, потому что: а) не имѣютъ полноты іерархіи и таинствъ и б) утверждаютъ, что въ нынѣшнее время—время антихриста—такой Церкви и быть не можетъ. 3) Греко-россійская Церковь есть истинная Христова Церковь, потому что имѣетъ всѣ существенныя принадлежности ея и не содержитъ никакихъ ересей. 4) Что же касается тѣхъ мнимо-еретическихъ нововведеній, которыя ставятся раскольниками-старообрядцами въ вину православной Церкви и, по ихъ словамъ, препятствуютъ признать ее истинною Церковію, то они отнюдь не ереси, а вполнѣ законныя исправленія чиновъ и обрядовъ. 5) Точно также и клятвы собора 1667 г. и мнимыя порицанія на именуемые старые обряды не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ къ отдѣленію отъ православной Церкви и препятствіемъ къ соединенію съ нею, потому что клятвы положены на хульниковъ и противниковъ православной Церкви, а порицанія были вызваны, съ одной стороны, нестерпимыми хулами раскольниковъ на православную Церковь, а съ другой — ревностію пастырей о Церкви Божіей. 6) Наконецъ, если кто смущается единовѣріемъ, допущеннымъ въ православной Церкви, то этимъ ясно показываетъ неправильное пониманіе его. Такимъ образомъ, въ собраніи сочиненій архим. Павла затронуты и болѣе или менѣе обстоятельно рѣшены почти всѣ вопросы, касающіеся раскола. Всесторонне раскрытъ вопросъ о вѣчности Церкви Христовой въ полнотѣ священныхъ чиновъ, а въ другихъ вопросахъ указано главное и существенное. Затѣмъ, здѣсь можно найти множество возраженій, выставляемыхъ раскольниками-старообрядцами противъ православной Церкви, и доказательствъ ихъ собственныхъ ученій, равно какъ то, что слѣдуетъ сказать въ защиту православія и въ обличеніе раскола. Со стороны изложенія сочиненія архим. Павла отличаются строгою точностью въ выраженіяхъ, необыкновенною ясностію и простотою, рѣдкою основательностію и строго православнымъ, церковнымъ духомъ. Авторъ прекрасно зналъ не только Св. Писаніе, святоотеческія творенія, церковныя правила и старопечатныя книги, откуда, главнымъ образомъ, и почерпаетъ свои доказательства, но даже обладалъ начитанностью въ предметахъ свѣтскихъ. Къ этому нужно прибавить совершенное знаніе духа раскола, самыхъ тонкихъ пріемовъ и уло-

---

[2]) Положенія эти раскрыты не систематически, а въ хронологическомъ порядкѣ, какъ происходили бесѣды.

вокъ раскольнической полемики, вслѣдствіе чего доказательства и возраженія его всегда попадаютъ въ цѣль [1]).

Затѣмъ есть не мало спеціальныхъ сочиненій по частнымъ вопросамъ, напр. «Бесѣда о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія» *Никанора*, архіеп. Херсонскаго, «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами» проф. *Е. Е. Голубинскаго*, «Десять бесѣдъ о перстосложеніи» преосвящ. *Павла Кишиневскаго*, «Исторія славянскаго перевода символовъ вѣры» *Гезена*, «Объ имени Христа Спасителя Іисусъ» *Невоструева*, «Объ аллилуіа» проф. *Малова*, «О равночестномъ почитаніи св. креста четвероконечнаго и осьмиконечнаго» *Арсеньева*, изд. Братства св. Петра митроп., равно и многія другія изданія того же Братства. Наконецъ, множество статей разсѣяно по разнымъ періодическимъ изданіямъ, особенно духовнымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ изданій имѣли своею задачею исключительно борьбу съ расколомъ, таковы: *Истина*, издававшаяся съ 1868 по 1887 г. свящ. Голубевымъ, *Братское Слово*, издававшееся съ 1875 по 1876 и съ 1883 до второй половины 1899 г. [2]) Братствомъ св. Петра митр. подъ редакціей Н. И. Субботина, *Другъ истины*, издававшійся три года (1888—1890); другіе же удѣляютъ этой борьбѣ значительное мѣсто на своихъ страницахъ, таковы: «*Православный Путеводитель*», издававшійся въ С.-Петербургѣ $4^1/_2$ года (1903—1907), «*Миссіонерскій Сборникъ*», издающійся въ Рязани съ 1891 г. и «*Миссіонерское Обозрѣніе*», издающееся въ Петербургѣ.

Въ видахъ ознакомленія съ ученіемъ и опроверженіемъ раскола Св. Синодъ заботился *о распространеніи* важнѣйшихъ *противораскольническихъ сочиненій* по епархіямъ. Такъ, въ 1839 г. было разослано Увѣщаніе м. Платона по тѣмъ церквамъ, въ приходахъ коихъ было много раскольниковъ, съ отнесеніемъ издержекъ на счетъ тѣхъ церквей. Въ 1853 г. Св. Синодъ опредѣлилъ напечатать тѣ полемическія сочиненія, которыя принесли наиболѣе пользы въ борьбѣ съ расколомъ, чтобы снабдить ими училища и за дешевую цѣну продавать въ народѣ. Но это намѣреніе отчасти осуществлено только въ 1882 г., съ образованіемъ особаго фонда (ежегодно 4000 р.) подъ названіемъ «капитала на изданіе противораскольническихъ сочиненій». Въ 1890 г. Св. Синодомъ изданъ каталогъ, гдѣ указаны книги, необходимыя для миссіонерскихъ епархіальныхъ, благочинническихъ и церковно приходскихъ библіотекъ, которыя учреждаются на мѣстныя средства съ пособіемъ, въ случаѣ нужды, отъ Синода.

Изыскивая способы къ ослабленію и искорененію раскола, цер-

[1]) Душеп. Чт. 1895 г., т. 2, стр. 384.
[2]) Съ 1906 г. «Братское Слово» возобновилось.

ковная власть пришла къ мысли учреждать *братства*. Основныя правила для послѣднихъ были выработаны въ 1864 г., а примѣнены къ дѣлу въ 1866 г., когда было открыто братство св. Креста въ Саратовѣ; потомъ братства быстро распространились и по другимъ городамъ и даже селамъ. Одни изъ этихъ братствъ имѣютъ своею задачею исключительно борьбу съ расколомъ, напр., братство св. Креста въ Саратовѣ, св. Петра митрополита въ Москвѣ, св. Креста въ Н.-Новгородѣ, Пафнутіевское въ г. Боровскѣ, Калужской епархіи, другія же—борьбу съ расколомъ имѣютъ между задачами своей дѣятельности, таковы: св. Гурія въ Казани, Свято-Николаевское въ Вяткѣ, Александро-Невское во Владимірѣ, св. Василія въ Рязани, св. Димитрія Ростовскаго въ Ярославлѣ и нѣкоторыя другія. Стремясь къ одной цѣли—ослабленія и искорененія раскола, братства дѣйствуютъ, съ одной стороны, посредствомъ учрежденія миссій и устныхъ собесѣдованій съ раскольниками, а съ другой—посредствомъ изданія и распространенія сочиненій о расколѣ. Дѣятельность ихъ сопровождается благими послѣдствіями.

Наконецъ, для лучшей постановки миссіонерскаго дѣла церковная власть прибѣгала къ нѣкоторымъ чрезвычайнымъ мѣропріятіямъ;—таковы: созваніе *собора епископовъ* въ Казани и *миссіонерскіе съѣзды*. Казанскій соборъ происходилъ въ іюлѣ 1885 г.; на немъ присутствовали 9 епископовъ поволжскихъ и смежныхъ епархій. Постановленія его были изданы Св. Синодомъ во всеобщее свѣдѣніе и имѣли весьма важное значеніе для дѣла миссіи, такъ какъ касаются многихъ существенныхъ вопросовъ: напр., на немъ рѣшенъ былъ вопросъ о приготовленіи миссіонеровъ въ высшихъ и среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, о привлеченіи къ дѣлу миссіи простецовъ и подготовкѣ ихъ въ особыхъ школахъ, о миссіонерахъ для каждой епархіи, о миссіонерскихъ библіотекахъ, о единовѣріи, о миссіонерскихъ съѣздахъ и др.

Миссіонерскіе съѣзды стали созываться съ 1887 г.; ихъ было уже нѣсколько. Первые два съѣзда—въ 1887 и 1891 г.—происходили въ Москвѣ, въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, третій—въ 1897 г. въ Казани, четвертый—въ 1908 г. въ Кіевѣ. На этихъ съѣздахъ, кромѣ командированныхъ епархіальнымъ начальствомъ миссіонеровъ и другихъ лицъ, знакомыхъ съ состояніемъ раскола въ епархіи, присутствовали многія лица, въ томъ числѣ преподаватели семинаріи, по собственному желанію, а на послѣднемъ было много и архипастырей. Каждый съѣздъ сдѣлалъ не мало полезныхъ постановленій, которыя потомъ разсматривались Св. Синодомъ и болѣе важныя утверждались. Въ 1910 г. былъ созванъ миссіонерскій съѣздъ въ Иркутскѣ—для нуждъ сибирскихъ епархій, на которомъ кромѣ вопросовъ противоязыческой

и противомусульманской миссіи затрогивались также вопросы, касающіеся раскола и сектантства.

б) Обзоръ гражданскихъ мѣропріятій противъ раскола старообрядчества.

1) Мѣры противъ раскола, предпринятыя въ XVII вѣкѣ. На первыхъ порахъ *гражданское* правительство въ своихъ отношеніяхъ къ раскольникамъ-старообрядцамъ руководилось 1 ст. Уложенія Алексѣя Михайловича, гдѣ говорится, что тѣ, которые изрекаютъ хулу на Господа нашего Іисуса Христа, на Его Пречистую Матерь и на честный крестъ, подлежатъ сожженію. Кромѣ того, оно подвергало раскольниковъ заключенію, ссылкамъ и т. п. Но всѣ эти наказанія вызывались случайными обстоятельствами и примѣнялись къ отдѣльнымъ, болѣе вреднымъ личностямъ, масса же жила спокойно. Очевидно, правительство въ своихъ отношеніяхъ къ расколу не держалось строго опредѣленной системы. Такъ продолжалось до смерти Алексѣя Михайловича.

Съ воцареніемъ *Ѳеодора Алексѣевича*, правительствомъ были изданы противъ раскола *очень строгія узаконенія*. Всѣмъ должностнымъ лицамъ и даже крестьянамъ повелѣвалось строго слѣдить за расколоучителями и раскольниками, ловить ихъ и представлять въ епархіальные приказы для увѣщанія и монастырскаго смиренія. Послѣ увѣщанія расколоучители и упорные раскольники подвергались смертной казни, а раскаявшіеся раскольники наказывались кнутомъ, посылались въ ссылку или отдавались на поруки. За утайку раскольниковъ виновные подвергались различнымъ наказаніямъ— денежнымъ штрафамъ, наказанію кнутомъ, ссылкѣ, а иногда даже смертной казни. Отъ православныхъ правительство требовало, чтобы они прервали всѣ сношенія съ раскольниками и даже не говорили съ ними, особенно о вѣрѣ. Послѣ *Стрѣлецкаго возмущенія* положеніе раскольниковъ еще болѣе *ухудшилось*. Въ 1684 и 1685 гг. царевной Софьей были изданы указы, которыми запрещалось самое содержаніе раскола.

Такія мѣры сильно ожесточали раскольниковъ, но цѣли не достигали, потому что раскольники или скрывали свои убѣжденія, или убѣгали за границу и въ пустынныя, непроходимыя дебри, или же кончали жизнь самоубійствомъ.

2) Мѣры, предпринятыя въ первой половинѣ XVIII вѣка. Съ начала XVIII в. отношенія гражданскаго правительства къ расколу и мѣры противъ него значительно измѣнились. Императоръ *Петръ I* въ своихъ отношеніяхъ къ расколу руководился, съ одной стороны, вѣротерпимостью, открыто провозглашенною имъ въ

1702 г., а съ другой—государственными разсчетами. Подъ вліяніемъ этихъ началъ, онъ относился къ нѣкоторымъ раскольникамъ благосклонно; таковы, напр., выговцы, ревностно исполнявшіе его приказанія и за это пользовавшіеся свободой въ отправленіи богослуженія по старопечатнымъ книгамъ и правами внутренняго самоуправленія; таковы же стародубцы, оказавшіе правительству услуги во время войны со шведами и получившіе за это разныя льготы и свободу въ дѣлахъ вѣры. Но такъ какъ большинство раскольниковъ относилось къ Высшей власти враждебно (были даже случаи дерзкаго покушенія на жизнь Петра I), то взглядъ его на раскольниковъ становился все болѣе и болѣе суровымъ. Подъ конецъ царствованія у него выработалось убѣжденіе, что раскольники вредны и по религіознымъ своимъ заблужденіямъ, и по нарушеніямъ государственныхъ порядковъ.

Первый указъ, касающійся всѣхъ раскольниковъ, былъ изданъ въ 1716 г. По этому указу, раскольники получали право жить въ городахъ и селеніяхъ безъ всякаго сомнѣнія и страха,—съ условіемъ записываться въ раскольническіе списки и платить двойной окладъ (женщины—половинный). Послѣдующими указами имъ позволено было не ходить на исповѣдь, вѣнчаться не въ церкви, носить бороду и стариннаго покроя платье,—опять съ условіемъ платы за все это. Въ виду такихъ льготъ, одни изъ раскольниковъ съ радостію стали записываться въ раскольническіе списки, другіе же, отчасти вслѣдствіе обременительности процедуры записи и нежеланія платить двойной окладъ, а отчасти вслѣдствіе фанатизма, видѣвшаго въ этой записи отреченіе отъ христіанскаго имени, всячески уклонялись отъ нея: прибѣгали къ подкупамъ, притворству, бѣжали въ непроходимые лѣса, въ Сибирь и даже за границу. Противъ такихъ *тайныхъ* раскольниковъ употреблялись самыя строгія мѣры. Для розысканія ихъ были назначены особыя лица изъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, въ помощь которымъ иногда давались военныя команды. Должностныя лица, духовенство и всѣ обыватели должны были оказывать всевозможное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Чтобы отличить раскольниковъ отъ православныхъ, были указаны особые признаки, какъ-то: уклоненіе отъ исповѣди и причастія, употребленіе двуперстія и др. При отсутствіи такихъ признаковъ, подозрѣваемыхъ въ расколѣ лицъ было велѣно приводить къ присягѣ, при чемъ они должны были проклинать всѣ раскольническіе толки; отказывавшихся отъ присяги велѣно было писать въ двойной окладъ. За укрывательство раскольниковъ полагались такія же наказанія, какъ за противленіе власти. Священниковъ, виновныхъ въ утайкѣ раскольниковъ, лишали сана, предавали суду, подвергали тѣлесному наказанію, а иногда ссылали въ каторжныя

работы. Раскольническіе скиты, гдѣ жило особенно много тайныхъ раскольниковъ, подвергались обыскамъ; тайные скиты велѣно было отыскивать и раззорять. Найденныхъ раскольниковъ отправляли сначала къ духовному начальству на увѣщаніе, а затѣмъ подвергали наказанію и ссылкѣ.

Подъ конецъ жизни Петръ Великій сталъ относиться довольно *строго ко всѣмъ* раскольникамъ. Въ 1722 г. онъ выдумалъ для нихъ особое смѣшное платье—для мужчинъ зипунъ съ стоячимъ краснымъ козыремъ, а для женщинъ опашни и шапки съ рогами; на этой одеждѣ они должны были носить особый знакъ съ буквами: е, р, и. т. е. еретикъ, раскольникъ, отступникъ. Въ это же время, въ видахъ сближенія раскольниковъ съ Церковію, особымъ указомъ велѣно было дѣтей раскольническихъ крестить въ православной Церкви; воспріемниками ихъ могли быть только лица православныя, а родители обязывались подпискою не совращать своихъ дѣтей въ расколъ. За совращеніе въ расколъ наказывали ссылкой. Бѣглымъ попамъ и безпоповщинскимъ учителямъ было запрещено всякое отправленіе требъ даже у раскольниковъ. Кромѣ того, раскольникамъ было запрещено занимать какія-либо общественныя должности, являться свидѣтелями въ судебныхъ дѣлахъ, кромѣ дѣлъ между раскольниками же, и переселяться съ того мѣста жительства, гдѣ были записаны по переписи, въ другое. Въ 1724 году раскольническія дѣла были причислены къ «злодѣйственнымъ» за то, что «раскольничья прелесть, упрямства наполненная, *православію противна*».

Послѣ смерти Петра Великаго († 1725 г.), система дѣйствій противъ раскола оставалась таже самая. Въ издаваемыхъ за это время, по какимъ либо частнымъ случаямъ, указахъ нерѣдко повторялись тѣ же самыя выраженія, какія находились въ указахъ Петра. Какихъ либо общихъ распоряженій относительно раскола до Петра III не было издано. Въ 1725 г., при восшествіи на престолъ Екатерины I, московскіе раскольники были привлечены къ присягѣ. Въ 1726 г. выговцы были обложены двойнымъ окладомъ. Въ 1732 г. былъ изданъ указъ относительно раскольниковъ, чтобы ссылать ихъ по монастырямъ для увѣщаній и въ тѣхъ монастыряхъ держать подъ крѣпкимъ присмотромъ неисходно и водить въ церковь ко всякому божественному пѣнію, а въ случаѣ упорства, предавать гражданскому суду. Въ томъ же году было запрещено выдавать паспорты жителямъ черноременскихъ скитовъ. Въ 1734 г. раскольникамъ было запрещено строить часовни. Въ слѣдующемъ году была произведена первая выгонка раскольниковъ съ Вѣтки. Въ 1736 г. были переписаны и обложены двойнымъ окладомъ слободы стародубскія.

При императрицѣ *Елизаветѣ Петровнѣ* мѣры по отношенію къ расколу сдѣлались строже. Въ это время были подтверждены законы Петра I о расколоучителяхъ и возобновлены постановленія его объ особомъ платьѣ и двойномъ окладѣ. Всѣ раскольники обязаны были при переѣздахъ съ мѣста на мѣсто имѣть паспорты, при чемъ производилось строжайшее дознаніе о нуждѣ въ отлучкѣ и продолжительности срока ея. Запрещено было принимать вновь кого-либо въ скиты на жительство, именоваться «старовѣрцами, скитскими общежителями и пустынножителями»: и сами они должны были писаться, и православные должны были называть ихъ не иначе, какъ раскольниками. Въ 1752 г. былъ приведенъ въ исполненіе указъ Петра I—нашивать на верхнее платье мѣдный знакъ съ надписью: «борода—лишняя тягота, съ бороды пошлина взята».

Всѣ указанныя мѣры *мало приводили къ цѣли.* Въ раскольническіе списки записывались далеко не всѣ раскольники. Законы, направленные къ прекращенію раскола, безнаказанно нарушались. Вмѣсто уменьшенія расколъ увеличился. Своихъ дѣтей, крещенныхъ въ православной Церкви, раскольники записывали въ раскольническіе списки и, такимъ образомъ, дѣлали ихъ оффиціально раскольниками. Кромѣ того, своимъ богатствомъ и свободою отъ различныхъ повинностей (при уплатѣ двойного оклада) они привлекали въ расколъ многихъ православныхъ. Строгія мѣры усиливали фанатизмъ, а потому не рѣдки бывали случаи самосожженія.

3) Мѣры, предпринятыя во второй половинѣ XVIII и первой четверти XIX ст. Со второй половины XVIII в. мѣры гражданскаго правительства по отношенію къ расколу сдѣлались значительно *мягче* и *снисходительнѣе*. При императорѣ *Петрѣ III* было издано два указа: однимъ раскольники приравнивались къ послѣдователямъ инославныхъ исповѣданій, жившимъ въ Россіи, а другимъ, въ предупрежденіе самосожженій, прекращались слѣдствія о раскольникахъ, обвиняемыхъ въ содержаніи раскола. Хотя указы эти, вслѣдствіе кратковременности царствованія Петра III (1761—2 г.), не имѣли практическаго примѣненія, но зато положили начало новымъ отношеніямъ власти къ расколу.

Екатерина II (1762—1796 г.) дѣйствовала въ духѣ полной терпимости. Въ первый же годъ, по вступленіи своемъ на престолъ, она издала указъ, которымъ дозволялось всѣмъ раскольникамъ, бѣжавшимъ за границу, вернуться на родину; объявлялось полное прощеніе за побѣгъ и за всѣ преступленія, совершенныя до него; предоставлено селиться на любыхъ мѣстахъ и не платить никакихъ податей, избирать любой образъ жизни, носить бороду, ходить не въ указномъ платьѣ и пр. Не смотря на всѣ эти льготы, раскольники не возвращались на родину; поэтому въ 1764 г.

на Вѣтку былъ посланъ съ командой генералъ-маіоръ Масловъ, который и вывелъ оттуда около 20,000 человѣкъ. Послѣ этого Екатерина II обратила вниманіе и на живущихъ въ Россіи раскольниковъ. Послѣдніе получили право носить бороду и ходить не въ указномъ платьѣ; тѣ изъ нихъ, которые находились въ монастыряхъ и, въ случаѣ упорства въ своихъ заблужденіяхъ, должны были жить тамъ безвыходно, были освобождены. Въ 1769 г. раскольниковъ стали допускать къ свидѣтельству на судѣ; съ 1782 г. они были освобождены отъ двойного оклада, а въ слѣдующемъ запрещено было употреблять въ духовныхъ росписяхъ и другихъ вѣдомостяхъ, а также въ словесныхъ разговорахъ, и самое слово «раскольникъ». Въ 1785 г. раскольникамъ было предоставлено право занимать городскія общественныя должности. Но, издавая такія снисходительныя постановленія по отношенію къ записнымъ раскольникамъ, правительство очень *строго* относилось къ *тайнымъ*. Съ послѣдними велѣно было поступать по всей строгости законовъ, и нѣкоторые изъ нихъ были сосланы въ нерчинскіе заводы. Столь же строго относилось правительство и къ религіозной сторонѣ жизни раскола, такъ какъ видѣло, что открытыя обнаруженія раскола и предоставленіе ему религіозныхъ правъ производятъ соблазнъ между православными. Поэтому бѣглые попы были лишаемы священства и должны были скрываться; раскольникамъ запрещено было строить часовни и церкви и имѣть при нихъ колокола (указы 1768 и 1778 гг.).

Въ царствованіе императора *Александра I* (1801—1825 г.) *снисходительность* по отношенію къ раскольникамъ достигла *крайней степени*. Единственно цѣлесообразнымъ средствомъ противъ всѣхъ отдѣлившихся отъ православной Церкви правительство признавало теперь одно вразумленіе и наставленіе на путь истинный «духовными особами», притомъ безъ навязчивости, безъ споровъ, безъ состязаній и принужденій, но съ кротостію, терпѣніемъ и усерднымъ настояніемъ, — такое вразумленіе, которое «изливалось бы на заблудшихъ само собой и непримѣтно изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и, наконецъ, изъ непринужденныхъ, къ случаю и съ видомъ ненамѣренности направленныхъ на ихъ положенія, разговоровъ». Внѣшнія стѣсненія и ограниченія по отношенію къ раскольникамъ оно считало совершенно неприличными для христіанскаго государства, несогласными съ ученіемъ Спасителя и вредными, потому что всякій видъ жестокости «не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ». Согласно съ такимъ взглядомъ, правительство предписывало не дѣлать раскольникамъ ни малѣйшаго притѣсненія за вѣру: «не дѣлать насилія совѣсти и не входить въ розысканіе внутренняго исповѣданія

ихъ вѣры»; бѣглыхъ поповъ терпѣть, «смотря на нихъ, такъ сказать, *сквозь пальцы*», потому что «изгнаніе ихъ изъ волостей могло бы болѣе ожесточить раскольниковъ и лишить ихъ способовъ крещенія и погребенія мертвыхъ». Правда, въ то же время оно приказывало имѣть надъ раскольниками строгій полицейскій надзоръ, «не допускать никакихъ внѣшнихъ оказательствъ отступленія отъ Церкви и строго воспрещать всякіе въ семъ соблазны, не въ видѣ ереси, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка». Но такія предписанія оставались безъ исполненія; въ большинствѣ случаевъ правительство доводило свое послабленіе раскольникамъ до явнаго покровительства имъ. Такъ, въ это время раскольникамъ села Городца дозволено имѣть священниковъ съ Иргиза, утверждено существованіе Преображенскаго кладбища подъ именемъ Преображенскаго богадѣленнаго дома, негласно дозволено совершеніе богослуженія въ Климовскомъ стародубскомъ монастырѣ, въ одномъ мѣстечкѣ Вятской губ. разрѣшено построить новый молитвенный домъ и т. п. Въ случаѣ нарушенія раскольниками и православными какихъ-либо законовъ, первые наказывались слабѣе, потому что въ отношеніи къ нимъ всегда принимались въ соображеніе ихъ заблужденія и изувѣрство. Такъ продолжалось до 1817 г. Съ этого времени отношенія правительства къ расколу сдѣлались *строже*. Начальникамъ губерній теперь запрещено было давать дозволенія по предметамъ, принадлежащимъ къ духовному вѣдомству (по поводу постройки раскольнической церкви въ г. Вольскѣ съ разрѣшенія саратовскаго губернатора). Въ 1817 г. саратовскому и слободско-украинскому губернаторамъ былъ сдѣланъ Высочайшій выговоръ за невнимательное отношеніе къ противозаконной постройкѣ старообрядческой обители и часовенъ въ Чугуевѣ и Боровскѣ, при чемъ главу на чугуевской часовнѣ велѣно было уничтожить, а «мѣстнымъ начальствамъ подтвердить о строжайшемъ наблюденіи, чтобы вновь такія заведенія отнюдь не были учреждаемы». Въ 1820 г. за ѳедосѣевцами и, въ частности, за Преображенскимъ кладбищемъ установленъ строгій надзоръ; при купеческихъ и мѣщанскихъ выборахъ велѣно отдавать предпочтеніе православнымъ; раскольниковъ, не пріемлющихъ брака и не молящихся за царя, запрещено выбирать въ какія-либо общественныя должности. Въ 1823 г. относительно раскольническихъ церквей было Высочайше предписано: 1) о тѣхъ, кои давно построены, не входить ни въ какое разсмотрѣніе; 2) вновь же строить не дозволять ни въ какомъ случаѣ. Наконецъ, въ 1825 г. былъ учрежденъ въ С.-Петербургѣ особый Секретный Комитетъ [1]) по дѣламъ о раскольникахъ. Правда,

[1]) Впервые Секретный Комитетъ былъ учрежденъ въ 1817 г.; въ немъ присутствовали Михаилъ, архіеп. черниговскій, Филаретъ, впослѣдствіи митр. московскій, и кн. Голицынъ; о существованіи этого Комитета никто не зналъ.

и теперь правительство толковало о непреслѣдованіи за вѣру; «сквозь пальцы» смотрѣло на совершеніе раскольниками богослуженія въ ихъ обществахъ; а въ 1822 г. былъ изданъ указъ объ оставленіи у раскольниковъ бѣглыхъ поповъ, если они до своего побѣга не совершали уголовнаго преступленія; однако за оказательство раскола и совращеніе въ расколъ преслѣдовало строже, чѣмъ прежде.

Послѣдствія снисходительныхъ мѣръ по отношенію къ расколу были *двоякія:* количественно расколъ увеличился, а качественно нѣсколько ослабѣлъ. По свидѣтельству самого правительства, съ распубликованіемъ первыхъ указовъ Екатерины II о расколѣ, «многіе въ расколъ, акибы въ растворенныя двери, побѣжали».

Пользуясь снисхожденіемъ, раскольники постоянно нарушали, прямо или косвенно, стѣснительныя для нихъ постановленія и старались распространять свое лжеученіе между православными. Случаи совращенія въ расколъ годъ отъ году увеличивались, и расколъ росъ чрезвычайно быстро, такъ что въ Пермской губерніи явилось даже опасеніе, чтобы «не опустѣли приходы и храмы».

Большинство раскольниковъ оставило свои трущобы и стало селиться въ городахъ и селахъ и даже столицахъ, обзаводиться хозяйствомъ, заниматься торговлею. Мало того, въ это время почти у всѣхъ толковъ были устроены общины, часовни съ богадѣльнями и монастыри даже въ столицахъ, особенно въ Москвѣ. Столичныя общины вскорѣ стали во главѣ иногородныхъ и сдѣлались центрами, въ которыхъ и сосредоточилась жизнь раскола. Расколъ высоко поднялъ голову; случаи дерзкаго оказательства раскола были часты. Раскольники самовольно строили часовни и церкви съ крестами и колоколами, производили въ нихъ богослуженіе и открыто совершали крестные ходы при колокольномъ звонѣ. Они смѣло и открыто распространяли свои сочиненія, наполненныя хулами на св. Церковь, и даже печатали ихъ въ своихъ типографіяхъ; а въ своихъ притязаніяхъ предъ правительствомъ на пользу раскола заходили такъ далеко, что нужно только удивляться ихъ дерзости. Но, съ другой стороны, подъ вліяніемъ спокойной и правильной жизни, раскольники стали сближаться съ православными въ обыденной жизни и обычаяхъ; нѣкоторые настолько ослабѣли въ фанатизмѣ, что ярые ревнители раскола стали бояться погибели мнимо — истинной вѣры. Мало того, подъ вліяніемъ свободы и спокойствія, раскольники стали вдумываться въ свои вѣрованія и повѣрять ихъ соборными разсужденіями. Возникли или возобновились споры объ іерархіи, чинопріемѣ въ расколъ бѣглыхъ поповъ, о бракѣ и др.; началась оживленная полемика между раз-

личными толками и явилось не мало раскольническихъ сочиненій. Поповщина и безпоповщина взаимно обличали другъ друга, невольно становясь въ своихъ возраженіяхъ на сторону православной Церкви. Болѣе благомыслящіе изъ старообрядцевъ поняли несостоятельность раскола и стали искать единенія съ православною Церковію.

4) *Мѣры противъ раскола, предпринятыя въ царствованіе императоровъ Николая I, Александра II и Александра III.* Въ царствованіе императора *Николая I* взглядъ гражданскаго правительства на расколъ старообрядчества значительно измѣнился: на раскольниковъ стали смотрѣть не только какъ на «церковныхъ мятежниковъ», но и какъ на «тайныхъ мятежниковъ вообще». Поэтому измѣнились и отношенія къ расколу. Правда, въ основу этихъ отношеній положено было, какъ и прежде, начало вѣротерпимости: за мнѣнія о вѣрѣ раскольники не преслѣдовались; но терпимость эта была значительно ограничена какъ въ дарованіи имъ гражданскихъ правъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи. Всѣ ограничительныя постановленія этого времени представляютъ изъ себя строгую, стройную систему, преслѣдующую ту цѣль, чтобы «по возможности не давать распространяться лжеученію и направлять заблуждающихся къ сближенію съ Церковію». Сознавая, что мѣры, предпринятыя и не выдержанныя, нерѣдко бываютъ вреднѣе, чѣмъ если бы совсѣмъ не были предприняты, и считая главнѣйшими условіями приведенія въ дѣйствіе предположенныхъ относительно раскола мѣръ «постепенность, послѣдовательность и содержаніе ихъ въ совершенной тайнѣ, до времени приведенія въ исполненіе», правительство старалось соблюсти эти условія; чтобы не произвести толковъ между раскольниками, дѣлало прежде общаго распоряженія частные опыты,—вообще требовало дѣйствій осторожныхъ и «безъ всякаго вида насилія»; въ случаяхъ же нарушенія раскольниками дѣйствующихъ узаконеній, предписывало производить разбирательство «со всею строгостію и неуклонностію», но «безъ произвольнаго притѣсненія и преслѣдованія». Чтобы точнѣе узнать современное состояніе раскола и обнаружить всѣ его стороны, правительство ежегодно собирало, по каждой епархіи, свѣдѣнія о числѣ раскольническихъ часовенъ, монастырей и скитовъ, съ показаніемъ числа живущихъ въ послѣднихъ, и посылало въ нѣкоторыя губерніи особыя экспедиціи для обслѣдованія мѣстнаго раскола. Для бо́льшаго успѣха гражданское правительство привлекало и духовную власть къ содѣйствію въ дѣлѣ наблюденія, чтобы не было отпаденія отъ Церкви въ расколъ и оказательства заблужденій; а для достиженія единства въ распоряженіяхъ со стороны губернскаго и епархіальнаго начальства, бо́льшей точности и твердости въ исполненіи пра-

вительственныхъ распоряженій, по губерніямъ были учреждены «секретные совѣщательные комитеты», съ центральнымъ комитетомъ въ Петербургѣ. Самъ государь неустанно слѣдилъ за общимъ теченіемъ дѣлъ по расколу, и они доводились до его свѣдѣнія особо установленнымъ порядкомъ.

Ограничительныя мѣропріятія правительства коснулись всего раскола, только не въ одинаковой степени. Всѣ раскольники были раздѣлены, по степени ихъ вреда, на три разряда,—на «вреднѣйшихъ», къ которымъ отнесены безпоповцы, отвергающіе бракъ и молитву за царя, «вредныхъ»—это всѣ остальные безпоповцы, и «менѣе вредныхъ», составляющихъ поповщину, и сообразно съ этимъ принимались противъ нихъ мѣры.

Относительно *личныхъ* правъ сдѣланы были слѣдующія ограниченія. Всѣмъ вообще раскольникамъ запрещено было пріобрѣтать населенныя имѣнія и земли въ остзейскихъ губерніяхъ, селиться въ пограничныхъ губерніяхъ Западнаго края и уходить за границу. Всѣхъ раскольниковъ запрещалось принимать въ свидѣтели въ дѣлахъ тяжебныхъ и гражданскихъ, особенно противъ православныхъ, выдавать имъ свидѣтельства на право обученія дѣтей, записываться въ иконописные цехи и купеческія гильдіи; они могли торговать только на временномъ правѣ, получать виды на отлучку только для законныхъ надобностей; лицамъ же, возвращеннымъ изъ скитовъ и замѣшаннымъ въ новыхъ безпорядкахъ по расколу, отлучки совсѣмъ запрещались.

Кромѣ этихъ общихъ законовъ о расколѣ примѣнялись слѣдующіе *частные*, имѣвшіе спеціальное назначеніе. Послѣдователи «менѣе вредныхъ» сектъ допускались къ занятію нѣкоторыхъ выборныхъ должностей, когда число православныхъ и единовѣрцевъ было ограниченно, и могли участвовать въ самыхъ выборахъ; однако должности, соединенныя съ особеннымъ вліяніемъ на общество, напр., городского или ремесленнаго головы, поручались непремѣнно православнымъ или единовѣрцамъ, а въ 1853 г. послѣдовало распоряженіе совсѣмъ не утверждать раскольниковъ въ выборныхъ должностяхъ—съ тѣмъ, чтобы въ мѣстахъ, гдѣ раскольники составляютъ не менѣе $^1/_4$ народонаселенія, «исправляющимъ сіи должности лицамъ, для уравненія повинностей, производить жалованье изъ сбора съ раскольниковъ». Не имѣя права на орденъ, поповцы нѣкоторое время были украшаемы почетными званіями и отличіями, если того требовала точно превосходная заслуга и оказавшій ее не былъ изобличенъ или заподозрѣнъ въ распространеніи раскола; но въ 1853 г. и они были лишены права на всѣ знаки отличія и почетные титулы.

Раскольниковъ «болѣе вредныхъ» сектъ было запрещено выби-

рать въ какіе-либо общественныя должности [1]); они могли быть назначаемы только въ полѣсовщики, десятскіе и сторожа, но съ тѣмъ, чтобы число ихъ не превышало числа православныхъ или поповцевъ (если общество состояло изъ однихъ раскольниковъ), выбранныхъ на высшія общественныя должности. Затѣмъ имъ нельзя было приписываться къ городскимъ сословіямъ нигдѣ, кромѣ Закавказскаго края, и для предупрежденія ошибокъ, при отобраніи у нихъ подписокъ о непринадлежности къ особенно вреднымъ сектамъ, велѣно было требовать отъ каждаго изъ нихъ объявленія, какую именно онъ ересь содержитъ. Въ 1843 г. имъ запрещенъ былъ пріемъ къ себѣ въ семейство, подъ какимъ бы то ни было видомъ, дѣтей православнаго исповѣданія. Тогда же раскольники болѣе вредныхъ сектъ лишены были права нанимать за себя въ рекруты кого-либо изъ православныхъ, а должны были искать охотниковъ изъ своей среды (въ Ригѣ же лично). Они «не имѣли права ни на какія общественныя отличія, въ томъ числѣ и на почетное гражданство». Дѣти ихъ записывались въ полицейскихъ вѣдомостяхъ и ревизскихъ сказкахъ «незаконнорожденными», а жены, при производствѣ IX народной переписи (1850 г.), вносились въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ принадлежали по своему рожденію, притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы виды на отлучки они брали отъ начальствъ по мѣсту этой записи.

Ограничивъ личныя права раскольниковъ, правительство тѣмъ болѣе должно было ограничить права *раскольническихъ обществъ*. Такъ оно и поступило. Раскольническія общества не считались дозволенными закономъ и потому были совершенно безправны. На ихъ имя запрещено было пріобрѣтать недвижимыя имущества какъ куплею, такъ и по завѣщанію; имъ не позволялось имѣть печати, выдавать книги для сбора подаяній; ихъ метрическія записи считались недѣйствительными. Отъ имени раскольническихъ обществъ не принимались даже пожертвованія, въ ихъ заведеніяхъ запрещено было выставлять доски о Высочайшемъ посѣщеніи. Но такъ какъ раскольническія общежитія въ прежнее время получили уже право на законное существованіе и владѣли недвижимыми имуществами, то имъ былъ приданъ характеръ благотворительныхъ учрежденій на общихъ основаніяхъ. Вслѣдствіе этого Преображенское и Рогожское кладбища въ Москвѣ, Волковская и Малоохтенская богадѣльни въ Петербургѣ и нѣкоторыя другія были подчинены вѣдѣнію Приказовъ общественнаго призрѣнія, а съ 1853 года—вѣдѣнію Императорскаго человѣколюбиваго общества.

[1]) Исключеніе было сдѣлано для Екатеринбурга, гдѣ позволено было избирать немногихъ членовъ въ общія городскія присутствія, и для Мезенскаго и Кемскаго уѣздовъ (Арханг. г.), гдѣ разрѣшено было выбирать въ сотскіе.

Относительно *религіозной* стороны раскола правительство руководилось началомъ вѣротерпимости: оно не входило въ обсужденіе богослуженія и др. религіозныхъ дѣйствій, если они совершались въ кругу послѣдователей раскола, но не придавало никакого значенія этимъ религіознымъ дѣйствіямъ. Поэтому браки, заключаемые въ расколѣ, считались не дѣйствительными. Кромѣ того, не преслѣдуя раскольниковъ за совершеніе богослуженія, законъ воспрещалъ отправлять требы публично и съ явнымъ оказательствомъ своего ученія и богослуженія.

Относительно *бѣглыхъ поповъ* былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣропріятій, которыми власть старалась ограничить незаконныя дѣйствія ихъ. Правила 1822 г. были отмѣнены. Новыми же распоряженіями устанавливалось то общее правило, чтобы прежде бѣжавшихъ поповъ оставлять въ покоѣ, новыхъ же отнюдь не дозволять принимать. При этомъ прежнимъ попамъ запрещено переходить изъ уѣзда въ уѣздъ, а особенно изъ губерніи въ губернію, для совершенія требъ. Вновь бѣжавшихъ поповъ велѣно возвращать въ распоряженіе епархіальныхъ преосвященныхъ (1832 г.). Начальникамъ губерній было предписано отыскивать и учреждать до рѣшенія дѣла секретный полицейскій надзоръ за каждымъ, вновь бѣжавшимъ къ раскольникамъ, попомъ, о которомъ только заявляло епархіальное начальство. Взятыхъ у раскольниковъ поповъ лишали сана и исключали изъ духовнаго сословія; имъ воспрещено было «имѣть пребываніе, а тѣмъ менѣе приписываться къ городскимъ или сельскимъ обществамъ въ той губерніи, гдѣ они были священниками, или находились у раскольниковъ, равно какъ и въ обѣихъ столицахъ». Въ 1839 г. послѣдовало распоряженіе—не допускать наименованія раскольническихъ священниковъ, а писать: «остающійся у раскольниковъ попъ», или «исправляющій у раскольниковъ требы».

Молитвенныя зданія, построенныя до 1826 г., постановлено было оставить въ томъ положеніи, въ какомъ они въ то время были, но не дозволять вновь строить ничего похожаго на церкви, не дозволять даже перестраивать и починять старые молитвенные дома (27 апр. 1841 г.). Съ наличныхъ молитвенныхъ зданій правительство велѣло снимать кресты и запрещало колокольный звонъ. Въ раскольническихъ скитахъ запрещались всякія исправленія зданій. Проживавшимъ тамъ раскольникамъ дозволено было доживать свой вѣкъ, но запрещено отлучаться оттуда и вновь принимать раскольниковъ. Но такъ какъ послѣднее распоряженіе не исполнялось, то въ 1853 г. министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено постепенное упраздненіе скитовъ и монастырей, а жителей ихъ, имѣющихъ свыше 60 лѣтъ, велѣно было переводить въ богоугодныя

заведенія. Такими распоряженіями правительство преслѣдовало ту цѣль, чтобы наличнымъ раскольникамъ дать возможность дожить свой вѣкъ, а дальнѣйшее распространеніе раскола прекратить.

Въ предупрежденіе пропаганды со стороны раскола и въ видахъ сближенія съ православною Церковію, велѣно было отбирать у раскольниковъ, обнаруженныя какимъ-либо образомъ, печатныя и письменныя книги, и вредныя для православія не возвращать владѣльцамъ; заключеніе браковъ православныхъ съ раскольниками въ раскольническихъ часовняхъ преслѣдовать, какъ совращеніе въ расколъ; напротивъ, дозволять раскольникамъ вѣнчаться въ православныхъ или единовѣрческихъ храмахъ, не требуя отъ нихъ предварительнаго присоединенія къ Церкви; при выборахъ на должности, приводить раскольниковъ къ присягѣ въ православныхъ храмахъ, дозволить погребать раскольниковъ на православномъ кладбищѣ, съ отпѣваніемъ священническимъ, если родственники умершаго будутъ просить объ этомъ, или въ предположеніи, что умершій раскаялся въ своемъ заблужденіи; крестить дѣтей раскольниковъ, по приглашенію родителей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и обязательно, въ православной Церкви, послѣ чего они не считались уже въ числѣ раскольниковъ; въ качествѣ публичнаго оказательства раскола было запрещено допускать въ заведенія Приказовъ общественнаго призрѣнія и въ тюремные замки раскольническихъ наставниковъ для явнаго исправленія требъ, пѣніе и употребленіе особенныхъ одеждъ (напр. мантія, клобукъ и др.), при сопровожденіи тѣла на кладбище.

Виновные въ совращеніи или въ публичномъ оказательствѣ раскола подвергались или отдачѣ въ военную службу, или ссылкѣ. Уклонившимся въ расколъ дѣлались увѣщанія не только на мѣстѣ, но и въ Духовныхъ Консисторіяхъ. Но если отступившій отъ православія имѣлъ во владѣніи своемъ крѣпостныхъ людей, то имѣніе его поступало въ опеку. При этомъ совратившійся изъ православія не могъ имѣть православныхъ въ услуженіи (21 марта 1840 г.). Если подсудимые, по дѣламъ о проступкахъ противъ православія, обращались къ Церкви, то судопроизводство о нихъ прекращалось. Дѣти умершихъ раскольниковъ, присоединившіяся къ православной Церкви, считались законными, хотя бы родители ихъ и не были вѣнчаны въ Церкви; равнымъ образомъ и тѣ, которыя обращались въ православіе съ однимъ отцомъ безъ матери или наоборотъ, считались законными. Духовныя лица, обратившія къ Церкви значительное количество раскольниковъ, особенно вреднѣйшихъ сектъ, имѣли право на полученіе ордена св. Анны; а свѣтскимъ лицамъ, выдавалась за это денежная награда или объявлялась Монаршая признательность.

Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ правительственныхъ распоряженій былъ учрежденъ строгій полицейскій надзоръ. Поэтому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили раскольники, полиція была усилена (10 іюня 1853 г.). Кромѣ того, въ 1840 году въ Черниговской губерніи въ нѣкоторыхъ слободахъ, для ограниченія своеволія раскольниковъ, былъ расположенъ военный постой, а въ 1847 году была образована тамъ особая полиція.

«Не смотря на ясно выраженную цѣль, на полноту и строгую послѣдовательность, правительственная система Николаевскаго времени цѣли не достигла. Это произошло отъ того, что она опиралась на полицейскій надзоръ. А надзоръ этотъ, съ одной стороны, былъ недостаточенъ для того, чтобы обнаружить всѣ противозаконные поступки раскольниковъ, которые они совершали въ строгомъ секретѣ; съ другой же стороны, и полицейскіе чиновники, нерѣдко подкупаемые раскольниками, послабляли имъ. Раскольническіе монастыри и скиты, по выраженію лѣтописца Преображенскаго кладбища, покупали «право молиться въ своихъ моленныхъ и увлажали ниву антихристовыхъ приставниковъ» (Кельсіевъ, т. I). Отъ этого и зданія продолжали исправляться и насельщики прибывали на мѣсто выбывшихъ. Иногда высшее правительство назначало экстренныя ревизіи, но объ этихъ ревизіяхъ раскольники были предупреждаемы и все противозаконное увозилось изъ монастырей. Такъ случалось на Преображенскомъ кладбищѣ. Конечно, это было не вездѣ. Но неодинаковое приложеніе закона только усиливало фанатизмъ, а къ цѣли не приводило» (Иванов.).

Со смертію Николая I († 1855 г.), кончилось для раскольниковъ тяжелое время и настали времена болѣе благопріятныя. Съ самаго начала *царствованія императора Александра II, рѣзко измѣнился* правительственный взглядъ на расколъ и мѣры противъ него. 20 января 1858 г. правительство рѣшительно выразило заботливость о раскольникахъ и опредѣлило свою задачу, предположивъ сначала изслѣдовать и изучить расколъ, а потомъ уже начертать строгоопредѣленную систему дѣйствій. Выполнить эту задачу, конечно, нельзя было скоро. Поэтому императоръ Александръ II, не ожидая окончательнаго рѣшенія вопроса о расколѣ, старался, по мѣрѣ возможности, примѣнить и ввести въ жизнь раскола гуманные принципы терпимости тамъ, гдѣ это было удобно и не требовало законодательной реформы. Такимъ духомъ проникнуты и запечатлѣны всѣ Высочайшія повелѣнія Монарха первыхъ лѣтъ его царствованія. Такъ, раскольникамъ дано было право записываться въ купеческія гильдіи (13 ноября 1863 года и 5 февраля 1864 г.), ихъ стали награждать не только медалями, но и орденами (15 іюня 1862 г., 3 апрѣля и 11 декабря 1864 г.). Ра-

скольниковъ менѣе вредныхъ сектъ разрѣшено было выбирать въ общественныя должности, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями и съ предоставленіемъ министру внутреннихъ дѣлъ, при утвержденіи избранныхъ въ означенныя должности раскольниковъ руководствоваться личнымъ усмотрѣніемъ и въ предѣлахъ разумной возможности (27 іюля 1861 года, 16 іюня 1870 года и 9 марта 1863 года). Относительно религіозныхъ правъ правительство руководилось началомъ терпимости. Раскольники за мнѣнія о вѣрѣ не преслѣдовались, но имъ строго запрещено было совращать православныхъ и совершать свои требы публично, съ явнымъ оказательствомъ своего ученія и богослуженія. На этомъ основаніи открытіе вновь молитвенныхъ зданій и возобновленіе старыхъ не должно бы быть допускаемо; но на самомъ дѣлѣ были даваемы частныя разрѣшенія [1]). Наконецъ, отмѣнено было прежнее требованіе, чтобы дѣтей раскольниковъ крестить въ православной Церкви.

Всѣ эти распоряженія правительства давали значительную свободу раскольникамъ, но въ дѣйствительности раскольники пользовались еще большею свободою. Въ этомъ не мало виновна свѣтская либеральная печать. Въ противоположность прежнему взгляду на расколъ, какъ явленіе церковное, *вредное* для церкви и государства, въ ней былъ высказанъ взглядъ очень благопріятный для него. По этому взгляду, расколъ—«самое выдающееся, самое яркое явленіе умственной и нравственной жизни нашего народа». Онъ поднялся и росъ, воспринимая всегда лучшіе жизненные соки русскаго народа; въ него идутъ люди наиболѣе способные и даровитые. Ученіе раскола постепенно освобождается отъ разнаго рода уродливостей, суевѣрій и предразсудковъ, постепенно становится все чище, разумнѣе и свѣтлѣе. Расколъ стремится къ умственному просвѣтлѣнію и нравственному совершенству. По своему нравственному развитію, раскольники большею частію выше православныхъ; въ матеріальномъ отношеніи они составляютъ лучшую часть нашего народа; въ ихъ домашнемъ быту царитъ образцовый порядокъ и замѣчательная опрятность. Поэтому расколъ вовсе — «не врагъ общественнаго порядка, а лучшій другъ его». Такой взглядъ былъ усвоенъ многими лицами и оказалъ большое вліяніе на измѣненіе всего законодательства по отношенію къ расколу.

Въ 1863 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ въ докладной

[1]) Въ 1863 г., по Высочайшему повелѣнію, были распечатаны двѣ часовни въ Западномъ краѣ, во вниманіе къ политическимъ событіямъ и тому участію, которое принимало въ нихъ населеніе западныхъ губерній. Въ 1865 г. была распечатана одна часовня въ Подольской губерніи (18 іюня); въ томъ же году разрѣшено было починить моленную въ Витебской губерніи (27 августа). Въ 1868 году было разрѣшено безпоповцамъ Преображенскаго кладбища собираться для отправленія молитвъ въ исправленную часовню, посреди̇нѣ двора въ женскомъ отдѣленіи (24 августа).

запискѣ Государю изложилъ въ духѣ новыхъ уже вѣяній проектъ законодательной реформы по расколу. Для разсмотрѣнія этого проекта въ 1864 г. былъ учрежденъ особый временный комитетъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Труды этого комитета, послѣ просмотра ихъ митрополитомъ Филаретомъ, были одобрены государемъ 16 августа того же года. Въ 1868 г. была учреждена особая комиссія для разработки предначертаній комитета, результатомъ дѣятельности которой былъ законъ о метрической записи браковъ, рожденій и смерти раскольниковъ, утвержденный 19 апрѣля 1874 г. Въ 1875 г. была учреждена при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ изъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ новая комиссія для всесторонняго обсужденія и разработки остальныхъ предначертаній комитета 1864 г. Не сойдясь во мнѣніяхъ, комиссія выслушивала заключенія эксперта П. И. Мельникова и давала свои работы на обсужденіе другихъ спеціалистовъ. Но труды ея (съ 6 марта по 14 іюня 1875 г.), въ теченіе 8 лѣтъ не получали законодательной санкціи. Въ это время вопросъ о дарованіи раскольникамъ гражданскихъ правъ и по отправленію религіозныхъ требъ былъ отодвинутъ на задній планъ многими политическими событіями послѣдняго времени и крупными фактами внутренней жизни государства. Наконецъ *3 мая 1883* года Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ, а 20-го мая того же года и обнародовано во всеобщее свѣдѣніе и руководство. Съ этого времени прежняя система правительственныхъ отношеній къ расколу значительно измѣнилась не только практически, но и юридически.

По закону 3 мая, раскольники-старообрядцы *въ гражданскомъ отношеніи* почти ничѣмъ не отличаются отъ другихъ гражданъ. Такъ, 1) всѣмъ имъ, за исключеніемъ скопцовъ, выдаются паспорты на отлучки внутри имперіи на общемъ основаніи; 2) имъ дозволяется производить торговлю и промыслы съ соблюденіемъ общедѣйствующихъ по сему предмету постановленій; 3) съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, раскольники допускаются ко вступленію въ иконописные цехи; 4) наконецъ имъ дозволяется занимать общественныя должности, съ утвержденія подлежащихъ властей; но въ томъ случаѣ, когда въ волости, состоящей изъ православныхъ и раскольниковъ, въ должности старшины утвержденъ будетъ раскольникъ, помощникъ его долженъ быть изъ православныхъ. Принадлежащіе къ расколу волостные старшины и ихъ помощники не допускаются къ участію въ дѣлахъ приходскихъ попечительствъ.

Въ *религіозномъ* отношеніи раскольники пользуются полною

терпимостію и свободою, за исключеніемъ лишь такихъ дѣйствій, которыя могутъ производить соблазнъ между православными и давать мысль, что раскольническія общества признаются закономъ наравнѣ съ православною Церковію. Такъ, имъ дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы при этомъ не были нарушаемы общія правила благочинія общественнаго порядка (Уст. о предупр. и прес. прест. ст. 48). Поэтому имъ разрѣшается имѣть особые молитвенные дома [1]), или же обращать часть дома въ молельню для публичнаго богослуженія по своему обряду (Рѣш. Угол. Кассац. Деп. Прав. Сен. 1888 г. 12 апр. по д. Рябинина, 1897 г. 16 дек. по д. Сорокина) и устраивать необходимую для моленія обстановку (Кас. рѣш. по д. Рябин. и 1892 г. 13 окт. по д. Тулупова). Съ разрѣшенія губернатора раскольники могутъ исправлять и возобновлять молитвенныя зданія, пришедшія въ ветхость; съ разрѣшенія министра внутр. дѣлъ, послѣ предварительнаго его сношенія съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, распечатывать прежде запечатанныя, за исключеніемъ скитовъ и монастырей, и, съ разрѣшенія того-же министра, обращать для общественнаго богомоленія существующія строенія. Молитвенныя зданія раскольниковъ, однако, не могутъ имѣть вида христіанскихъ храмовъ; при нихъ не дозволяется имѣть наружныхъ колоколовъ, а на верху—крестовъ; наддверные же кресты и иконы надъ входомъ въ часовню или молитвенное зданіе имѣть не возбраняется.

Что же касается внутренняго ихъ устройства, то законъ этого не касается. Устройство раскольническихъ скитовъ запрещается. (Улож. о наказ. ст. 206). Уставщики, наставники и др. лица, исполняющія духовныя требы у раскольниковъ, не подвергаются за это преслѣдованію; но за ними не признается духовнаго сана или званія: они считаются, въ отношеніи къ правамъ состоянія, принадлежащими къ тѣмъ сословіямъ, въ которыхъ состоятъ.

Относясь съ полною терпимостію къ раскольникамъ, законъ 3 мая строго запрещаетъ имъ публичное оказательство раскола. Таковымъ признаются: а) крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ; б) публичное ношеніе иконъ, за исключеніемъ случая предношенія иконы покойнику; в) употребленіе внѣ домовъ, часовенъ и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія или монашескаго и священно-служительскаго одѣянія и г) раскольническое пѣніе на улицахъ и площадяхъ, хотя на кладбищѣ, при по-

[1]) По разъясненію Правит. Сената, подъ молитвенными зданіями должно понимать зданія, особо предназначенныя для публичнаго богослуженія.

гребеніи умершихъ, дозволяется творить молитвы по принятымъ у раскольниковъ обрядамъ, съ пѣніемъ.

5) Пересмотръ законовъ о расколѣ въ царствованіе императора Николая II. Избѣгая всего, что могло бы имѣть видъ послабленія расколу, законъ 3 мая 1883 г. удовлетворялъ религіознымъ потребностямъ раскольниковъ, лишь посколько этимъ не могло быть нанесено вреда господствующей церкви. Въ соотвѣтствіе съ такой мыслью, допущеніе на дѣлѣ указанныхъ въ законѣ для раскольниковъ льготъ поставлено было, въ значительной мѣрѣ, въ зависимость отъ усмотрѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дѣйствовавшаго въ этихъ случаяхъ по соглашенію съ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія. Поэтому примѣненіе закона стало производиться на практикѣ съ крайнею, иногда излишнею осмотрительностью, а съ теченіемъ времени появились для раскольниковъ вновь стѣсненія со стороны мѣстныхъ начальствъ. Такимъ образомъ благодѣтельныя намѣренія законодателя не достигли цѣли. Со стороны раскольниковъ начались новыя ходатайства о дальнѣйшихъ льготахъ. Правительство вняло ихъ просьбамъ. 26 февраля 1903 г. съ высоты престола было выражено неуклонное душевное желаніе охранять терпимость въ дѣлахъ вѣры, а 12 декабря 1904 г. Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату (пунк. 6) повелѣно подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ и принять дѣйствительныя мѣры къ устраненію стѣсненій въ области религіи. Во исполненіе этого повелѣнія Комитетомъ Министровъ, съ участіемъ с.-петербургскаго митр. Антонія, были выработаны положенія объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, которыя 17 апрѣля 1905 г. Высочайше утверждены. Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля повелѣно: а) установить въ законѣ различіе между вѣроученіями, объемлемыми нынѣ наименованіемъ «расколъ», раздѣливъ на 3 группы: 1) старообрядческія согласія, 2) сектантство и 3) послѣдователи изувѣрныхъ ученій, при чемъ права совершенія общественныхъ богомоленій и гражданскія распространить какъ на раскольниковъ, такъ и на сектантовъ; б) присвоить послѣдователямъ старообрядческихъ согласій наименованіе старообрядцевъ, взамѣнъ употребляемаго нынѣ названія раскольниковъ; в) разрѣшать сооруженіе, ремонтъ и закрытіе старообрядческихъ молитвенныхъ домовъ на основаніяхъ, существующихъ для храмовъ инославныхъ исповѣданій; г) присвоить духовнымъ лицамъ, избираемымъ общинами старообрядцевъ для отправленія духовныхъ требъ, наименованіе «настоятелей и наставниковъ», при чемъ лица эти, по утвержденіи въ должностяхъ подлежащею правительственною властью, подлежатъ исключенію изъ мѣщанъ или сельскихъ обывателей, если принадлежали къ нимъ,

освобожденію отъ призыва на дѣйствительную военную службу и именованію, съ разрѣшенія той же гражданской власти принятымъ при постригѣ именемъ, а равно допустить обозначеніе въ выдаваемыхъ имъ паспортахъ принадлежащаго имъ среди этого духовенства положенія, безъ употребленія однако православныхъ іерархическихъ наименованій; д) разрѣшить тѣмъ же духовнымъ лицамъ свободное отправленіе духовныхъ требъ какъ въ частныхъ и молитвенныхъ домахъ, такъ и въ иныхъ потребныхъ случаяхъ, съ воспрещеніемъ лишь надѣвать священнослужительское облаченіе, когда это будетъ возбранено закономъ; присвоить настоятелямъ и наставникамъ при свидѣтельствѣ духовныхъ завѣщаній права равныя съ другими духовными лицами; е) уравнять старообрядцевъ съ лицами инославныхъ исповѣданій въ отношеніи заключенія ими смѣшанныхъ браковъ съ православными и ж) распечатать всѣ закрытые ранѣе молитвенные дома. Такимъ образомъ этимъ указомъ старообрядцевъ была обезпечена свобода исповѣданія вѣры и общественной молитвы. Затѣмъ новымъ указомъ (17 окт. 1906 г.), въ видахъ устроенія внутренней жизни старообрядческихъ согласій, были опредѣлены точными правилами порядокъ образованія и дѣйствія ихъ общинъ, а также права и обязанности лицъ, входящихъ въ составъ этихъ общинъ. По этимъ правиламъ, старообрядцамъ предоставляется а) свободное исповѣданіе ихъ вѣры и отправленіе религіозныхъ обрядовъ по правиламъ ихъ вѣроученій, а также образованіе религіозныхъ общинъ съ цѣлію удовлетворенія религіозныхъ, нравственныхъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ потребностей, при чемъ для образованія общины достаточно письменнаго заявленія не менѣе 50 человѣкъ; б) сооруженіе храмовъ, молитвенныхъ домовъ, скитовъ и обителей, съ разрѣшенія губернаторовъ или градоначальниковъ. Зарегистрованнымъ губернскимъ или областнымъ правленіемъ общинамъ предоставляется: избирать духовныхъ лицъ, настоятелей и наставниковъ, содержать храмы и молитвенные дома, учреждать богоугодныя заведенія и школы, владѣть движимыми и недвижимыми имуществами, заключать договоры, вступать въ обязательства, имѣть свою печать и т. п. Управленіе общиной предоставлено общему собранію членовъ ея и, по усмотрѣнію общаго собранія, или избираемому имъ совѣту или духовному лицу, настоятелю и наставнику. Съ изданіемъ указа 17 окт. 1906 г., заботы правительства о старообрядцахъ не прекратились. Въ настоящее время въ законодательныхъ учрежденіяхъ разсматривается новый законопроектъ о старообрядцахъ, въ которомъ проектируются для нихъ новыя льготы и права.

ГЛАВА VI.

Присоединеніе старообрядцевъ къ Церкви на условіяхъ содержанія старыхъ книгъ и обрядовъ.

Въ то время какъ одни изъ ревнителей «старыхъ» книгъ и обрядовъ все больше и больше блуждали по дебрямъ раскола, другіе поняли его несостоятельность и стали искать сближенія со святою православною Церковію, и та, какъ любящая мать, пошла на встрѣчу ихъ исканіямъ, снизошла къ ихъ немощи и дозволила имъ употреблять такъ называемыя старыя книги и обряды. Такимъ образомъ явилось *единовѣріе*.

Единовѣріемъ называется *условное единеніе* старообрядцевъ съ православною Церковію; оно состоитъ въ томъ, что нѣкоторые изъ старообрядцевъ вступаютъ въ союзъ съ Церковію и принимаютъ законно поставленныхъ священниковъ, подъ условіемъ дозволенія содержать, такъ называемыя, старыя книги и обряды. Какъ *единеніе*, единовѣріе не составляетъ чего-либо отдѣльнаго отъ православной Церкви, а какъ единеніе *условное*, оно имѣетъ нѣкоторыя несущественныя особенности. Возможность такого единенія признавалась и ранѣе оффиціальнаго его осуществленія. Въ началѣ царствованія Екатерины II вопросъ о единовѣріи обсуждался уже въ Св. Синодѣ. Два члена его — Димитрій Сѣченовъ, митр. новгородскій (1757 — 1767 г.), и Гедеонъ, епископъ псковскій (1761—1763) высказались тогда въ положительномъ смыслѣ и представили вѣсскія соображенія въ пользу своего мнѣнія, но ихъ мнѣніе не получило практическаго осуществленія.

Впервые мысль о единовѣріи была осуществлена архіеп. *Никифоромъ Θеотокіемъ* (1779—1792 г.). Раскольники селенія Знаменки, Елисаветградскаго уѣзда, обратились къ нему (въ 1779 или 1780 г.) съ просьбою дозволить имъ «построить церковь, имѣть священника изъ своей среды и употреблять старинныя книги». Вмѣстѣ съ прошеніемъ они представили свое исповѣданіе вѣры, въ которомъ «отъ всего сердца и отъ всей души отрицались отъ всѣхъ раскольническихъ толковъ и признавали греческую церковь истинною, вселенскою, каѳолическою и апостольскою Церковію, всѣ ея

догматы, таинства и обряды—согласными слову Божію, преданіямъ св. апостолъ и седми вселенскихъ соборовъ, и находящихся внѣ греко-россійской Церкви—заблуждающимися». Въ устныхъ же объясненіяхъ добавили, что просятъ сохраненія старыхъ книгъ и обрядовъ только «ради немощнѣйшихъ и недостаточно разсудительныхъ». Принявъ это во вниманіе и основываясь на церковномъ ученіи о дозволительности различія обрядовъ при единствѣ вѣроученія, а также имѣя въ виду сказанное объ этомъ предметѣ въ «Увѣщаніи», изданномъ отъ лица Св. Синода, преосвящ. Никифоръ призналъ возможнымъ удовлетворить ихъ просьбу, не входя даже въ сношеніе съ Св. Синодомъ. Вскорѣ было совершено присоединеніе раскольниковъ села Знаменки къ Церкви. Немного спустя былъ выстроенъ въ Знаменкѣ храмъ для присоединенныхъ и освященъ самимъ архіепископомъ. Священникомъ сюда былъ назначенъ Стефанъ Поповъ, бывшій ранѣе въ православномъ приходѣ. Преосвященный далъ ему благословеніе отправлять богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ и употреблять именуемые старые обряды. Обо всемъ этомъ преосв. Никифоръ увѣдомилъ письмомъ, отъ 3 авг. 1780 г., новгородскаго архіепископа (впослѣдствіи митрополита) Гавріила (1775—1800 г.) и препроводилъ ему оффиціальное донесеніе о своихъ распоряженіяхъ въ Св. Синодъ въ полной увѣренности, что тамъ они будутъ приняты съ радостію и утверждены. Между тѣмъ, Св. Синодъ принялъ ихъ съ недоумѣніемъ и неудовольствіемъ: хотѣлъ даже отмѣнить и только изъ-за опасенія волненій среди новоприсоединенныхъ рѣшилъ предать ихъ молчанію. Узнавъ объ этомъ, преосв. Никифоръ очень огорчился. Конечно, онъ готовъ былъ подчиниться рѣшенію Св. Синода, однако, счелъ необходимымъ объясниться и указать основанія, которыми руководился въ своихъ распоряженіяхъ. Они изложены въ его сочиненіи «Краткое повѣствованіе о обращеніи раскольниковъ селенія Знаменки». Сочиненіе это онъ препроводилъ архіеп. Гавріилу, съ просьбою обсудить его и представить въ Св. Синодъ, и къ кн. Потемкину, принимавшему живое участіе въ обращеніи раскольниковъ селенія Знаменки. Можетъ быть, его доводы повліяли не только на архіепископа Гавріила, но и на Св. Синодъ, потому что начавшееся затѣмъ дѣло объ учрежденіи единовѣрія въ Стародубьѣ и другихъ мѣстахъ нашло себѣ уже одобреніе и поддержку.

Главнымъ дѣятелемъ по учрежденію единовѣрія въ *Стародубьѣ* былъ послѣдователь дьяконова согласія, инокъ *Никодимъ*. Сознавая незаконность бѣглыхъ поповъ, онъ принималъ живое участіе въ попыткахъ раскольниковъ найти себѣ епископа. Когда же эти попытки не удались, то Никодимъ рѣшился достичь своей

цѣли другимъ путемъ. Въ 1781 г. онъ былъ въ имѣніи графа Румянцева, тогдашняго намѣстника Малороссіи, и въ разговорѣ съ нимъ указалъ на нужды старообрядчества. Тотъ посовѣтовалъ ему обратиться къ правительству съ просьбой о законномъ священствѣ и дозволеніи отправлять богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, при чемъ обѣщалъ со своей стороны полное содѣйствіе. Совѣтъ этотъ Никодиму понравился, и онъ началъ убѣждать своихъ собратій принять его, на что многіе согласились. Тогда Никодимъ началъ сношенія объ этомъ дѣлѣ съ представителями тогдашней іерархіи — Платономъ, митрополитомъ московскимъ, Гавріиломъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ и Иннокентіемъ, архіепископомъ псковскимъ (1763—1798 г.), ѣздилъ въ Москву и Петербургъ и даже лично представлялся императрицѣ Екатеринѣ II. Послѣ этихъ предварительныхъ хлопотъ Никодимъ рѣшился начать дѣло формальнымъ порядкомъ. Въ 1783 г. было составлено и подписано почти полутора тысячью раскольниковъ прошеніе о возсоединеніи ихъ съ православною Церковію. Въ этомъ прошеніи, состоявшемъ изъ 12 пунктовъ, было три главныхъ: 1) чтобы были отложены пореченія и клятвы, 2) чтобы было разрѣшено богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, съ соблюденіемъ «старыхъ» обрядовъ, и 3) чтобы данъ былъ отъ Синода особый епископъ, или хорепископъ, который зависѣлъ бы непосредственно отъ Св. Синода и завѣдывалъ дѣлами всѣхъ старообрядцевъ, пожелавшихъ вступить въ церковное единеніе, и управлялъ старообрядческимъ духовенствомъ по всей Россіи. Хлопоты Никодима были не безуспѣшны. Въ 1784 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе на имя митрополита Гавріила сообщить архіепископамъ могилевскому и славенскому о дарованіи стародубцамъ священниковъ, согласно ихъ прошенію, и о дозволеніи отправлять службы съ соблюденіемъ старыхъ обрядовъ. Съ этою вѣстію Никодимъ вернулся въ Стародубье, но здѣсь вскорѣ заболѣлъ и умеръ († 12 мая 1784 г.). За три дня до смерти онъ написалъ трогательное письмо митр. Гавріилу съ просьбою сопричислить его къ избранному стаду сыновъ православной Церкви, даровать ему прощеніе и молиться о немъ при принесеніи безкровной жертвы.

Послѣ смерти Никодима, *продолжателями* его дѣла были казначей *Виталій*, монахи *Іоасафъ* (получившій на востокѣ санъ архимандрита) и *Евдокимъ* и бѣлецъ *Иванъ Кузнецовъ*. Они извѣстили Потемкина и Румянцева о смерти Никодима и просили ихъ покровительства. Затѣмъ послѣдніе трое отправились въ Петербургъ, въ качествѣ довѣренныхъ, и подали митрополиту Гавріилу прошеніе, въ которомъ просили его оставить Іоасафа строителемъ Успенскаго скита, около котораго стали группироваться

лица, искавшія единенія съ Церковію, и дозволить ему священнодѣйствіе. По вліянію Потемкина, задавшагося въ то время цѣлію заселить Таврическую область и потому желавшаго, чтобы старообрядцы переселились изъ стародубскихъ слободъ въ его намѣстничество, отвѣтъ на его прошеніе получился не совсѣмъ благопріятный для стародубскихъ «согласниковъ» [1]). Въ 1785 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ дать священниковъ тѣмъ старообрядцамъ, которые пожелаютъ поселиться въ Таврической области, выстроить здѣсь каменный монастырь и нѣсколько приходскихъ церквей; не желающимъ переселиться также обѣщано было дать священниковъ, но въ церковномъ отношеніи они были подчинены таврическому епископу. Тогда же Іоасафъ получилъ дозволеніе отправлять богослуженіе въ Успенскомъ монастырѣ, но прослужилъ здѣсь не долго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ опредѣленъ настоятелемъ единовѣрческаго монастыря, устроеннаго Потемкинымъ въ Таврической области. Послѣ его отъѣзда, стародубцы остались безъ священника и пробыли въ такомъ положеніи около 4 лѣтъ. Число «согласныхъ» за это время значительно убавилось; оставшіеся твердыми въ согласіи жили безъ церкви, безъ исповѣди и причащенія, а дѣти ихъ—безъ крещенія. Несогласные, во главѣ съ попомъ Михаиломъ, насмѣхались надъ ними и притѣсняли ихъ. Много разъ «согласные» просили Амвросія, архіепископа таврическаго, дать имъ священниковъ, но получили отказъ, потому что на удовлетвореніе ихъ просьбы не было согласія князя Потемкина; обратились къ Потемкину, но тотъ заявилъ, что онъ выпросилъ благословенное священство только для своего намѣстничества. Тогда они обратились съ трогательнымъ письмомъ къ митрополиту Гавріилу. Тотъ не нашелъ ничего лучше, какъ послать къ нимъ священника Большой Охты (въ С.-Петербургѣ) *Андрея Іоаннова Журавлева*, человѣка умнаго и начитаннаго. Послѣдній самъ былъ въ молодости раскольникомъ, поэтому принялъ къ сердцу затруднительное положеніе старообрядцевъ и явился усерднымъ ходатаемъ за нихъ предъ митрополитомъ. Прибывъ (въ 1788 г.) въ Стародубье, о. Журавлевъ совершалъ богослуженіе и требы у «согласныхъ» и занялся образованіемъ приходовъ. Но успѣху послѣдняго не мало препятствовало отсутствіе у «согласныхъ» храмовъ. Правда, въ Стародубьѣ были храмы, но они принадлежали какъ «согласнымъ», такъ и «несогласнымъ». Сначала Журавлевъ хотѣлъ насильно отнять у «несогласныхъ» нѣсколько храмовъ и передать «согласнымъ». Но «несогласные» начали процессъ и отстояли храмы.

[1]) «Согласниками» называли въ это время тѣхъ изъ раскольниковъ, которые пожелали присоединиться къ православной Церкви и принять «благословенное священство».

Тогда согласные стали строить новые храмы, изъ коихъ нѣкоторые и были освящены о. Журавлевымъ. Послѣдній пробылъ въ Стародубьѣ около 3 лѣтъ, пріучилъ мѣстныхъ жителей къ законному священству и такимъ образомъ упрочилъ единовѣріе въ этой мѣстности. Кромѣ того, въ бытность свою здѣсь, онъ собралъ много раскольническихъ преданій, записокъ и писемъ, на основаніи которыхъ составилъ сочиненіе, подъ заглавіемъ «Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ», въ 4 частяхъ. Въ первой части его сообщаются краткія свѣдѣнія о стригольникахъ и излагается исторія раскола до раздѣленія на безпоповщину и поповщину; во второй части излагается исторія безпоповщинскихъ толковъ, а 3 и 4 трактуютъ о поповщинѣ. Сочиненіе это до сихъ поръ не потеряло своей цѣны.

Кромѣ Новороссійскаго края и Стародубья, единовѣріе въ XVIII в. распространилось и въ другихъ мѣстахъ, именно: на Дону, на Уралѣ, на Иргизѣ и въ нынѣшнихъ губерніяхъ — Нижегородской, Казанской и Петербургской. На *Иргизѣ* ревностнымъ поборникомъ единовѣрія былъ инокъ *Сергій*; но дѣятельность его не имѣла успѣха вслѣдствіе крайняго невѣжества и фанатизма иргизскихъ раскольниковъ. Ненависть къ нему дошла до того, что онъ вынужденъ былъ для спасенія своей жизни удалиться съ Иргиза и поселиться въ Стародубьѣ. Тамъ онъ вступилъ въ число «согласныхъ», вскорѣ былъ посвященъ въ іеромонахи и сдѣланъ настоятелемъ Успенскаго «согласническаго» монастыря (въ Новороссіи). Въ 1797 г. вступили въ единеніе съ Церковію нѣкоторые изъ *казанскихъ* старообрядцевъ. Казанскій архіепископъ (впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій) Амвросій (1785—1818 г.), по сношеніи съ Св. Синодомъ, передалъ имъ церковь во имя 4-хъ евангелистовъ (въ Казани) и назначилъ священникомъ Архипа Андреева. Въ томъ же году пожелали обратиться въ единовѣріе до 1000 человѣкъ въ *Нижегородской* епархіи. По донесеніи объ этомъ Св. Синоду, послѣдовало Высочайшее соизволеніе (12 марта 1798 г.) «имѣть у себя тѣмъ старообрядцамъ церковь и особенныхъ священниковъ, рукоположенныхъ отъ епархіальнаго архіерея, для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ», при чемъ Св. Синоду разрѣшено давать подобное же дозволеніе и по другимъ епархіямъ, когда изъ нихъ поступятъ подобныя же заявленія раскольниковъ. Поэтому, въ томъ же году Св. Синодъ безпрепятственно удовлетворилъ ходатайства старообрядцевъ гг. Торжка, Твери и Верхнеудинскаго округа Иркутской губ. Тогда же, по благословенію новороссійскаго митр. Гавріила, устроена единовѣрческая церковь въ г. Александріи. Въ 1799 г. вступили въ «согласіе»

съ православною Церковію нѣкоторые изъ *петербургскихъ* старообрядцевъ, во главѣ съ почетнымъ гражданиномъ Ив. Миловымъ. Изъ моленной, бывшей въ его домѣ, была устроена церковь во имя св. Николая. Императоръ Павелъ I лично посѣтилъ эту церковь и слушалъ въ ней литургію, а потомъ пригласилъ «миловцевъ» въ свою придворную церковь, и тѣ также простояли тамъ литургію. Въ 1800 г. Св. Синодомъ было дозволено устроить единовѣрческую церковь въ Курскѣ.

До 1800 г. почти всѣ старообрядческія общества соединялись съ православною Церковію на своихъ собственныхъ условіяхъ. Но такой порядокъ, очевидно, былъ не нормаленъ: необходимо было выработать опредѣленныя, общія для всѣхъ, правила соединенія старообрядцевъ съ Церковію. Такія правила, дѣйствительно, и были выработаны въ 1800 г. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Въ 1799 г. московскіе старообрядцы изъявили желаніе принять благословенныхъ священниковъ. Вслѣдствіе этого казанскому архіепископу Амвросію было велѣно посвятить такихъ священниковъ. Но такъ какъ просители не желали поминать по напечатаннымъ формамъ и табелямъ ни Императорской фамиліи, ни Св. Синода, ни епархіальнаго архіерея, а равно и брать мѵро, то государь Павелъ Петровичъ приказалъ прекратить съ ними всякія сношенія. Тогда они составили подробныя условія, на которыхъ желали принять благословенныхъ священниковъ. Условія эти изложены въ 16 пунктахъ и представляютъ собою отчасти *старыя* правила, указанныя въ 1783 г. въ прошеніи стародубскихъ согласниковъ, а отчасти *новыя*. Къ числу *первыхъ* относятся: разрѣшеніе клятвъ (§ 1) и позволеніе служить по «старымъ» книгамъ, назначеніе къ единовѣрцамъ священниковъ изъ наличныхъ православныхъ священниковъ или вновь поставляемыхъ, но отнюдь не изъ бѣглыхъ поповъ (§ 2), оставленіе званія иноковъ за тѣми изъ единовѣрцевъ, которые принимали монашество въ расколѣ, и полученіе мѵра отъ епархіальнаго архіерея (§ 7). *Новыя* правила касались *отношеній* единовѣрцевъ *къ православной Церкви*. Въ нихъ московскіе старообрядцы просили: 1) чтобы единовѣрческіе храмы освящать единовѣрческому духовенству, или же преосвященному, но непремѣнно по старопечатнымъ книгамъ, антиминсы употреблять въ нихъ освященные 5-ю первыми патріархами или вновь освященные по старопечатнымъ книгамъ (§ 4); 2) единовѣрческихъ священниковъ не требовать на общія соборныя моленія и крестные ходы, но отправлять имъ моленія въ своихъ церквахъ; также не принуждать единовѣрцевъ къ допущенію на моленіе изображающихъ на себѣ крестное знаменіе тремя перстами и брѣющихъ брады, кромѣ Высочайшихъ особъ; напротивъ, православнымъ, издавна удалившимся отъ

общенія съ православною Церковію, не возбранять переходить въ единовѣріе (§ 5); 3) единовѣрческому духовенству подчиняться непосредственно преосвященному, помимо другихъ епархіальныхъ учрежденій (§ 6 и 12); 4) единовѣрческимъ священникамъ исповѣдываться только у единовѣрческихъ (§ 8); 5) преосвященному благословлять этихъ священниковъ, равно и всѣхъ единовѣрцевъ, двуперстно (§ 9); 6) священнодѣйствія и другія требы христіанскія, совершенныя бѣгствующими іереями, оставить въ существующей силѣ, за исключеніемъ совершенныхъ неправильно, равно и таинъ, совершенныхъ въ греко-россійской Церкви, не поправлять (§ 10); 7) не воспрещать православнымъ пріобщаться святыхъ таинъ у единовѣрческаго священника, а единовѣрцамъ — у православнаго (§ 11); 8) единовѣрцевъ, почему-либо не бывшихъ у исповѣди и св. причастія, не штрафовать, а наказывать ихъ духовнымъ отцамъ; 9) браки, гдѣ одна половина православная, а другая — единовѣрческая, вѣнчать по согласію брачущихся (§ 14); 10) раздорамъ и хуламъ за содержаніе обрядовъ и книгъ ни съ какой стороны не быть (§ 16).

Прошеніе съ такими условіями было подано митрополиту Платону, который разсмотрѣлъ его и сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія. Такъ, принятіе единовѣрія было разрѣшено только отписнымъ отъ Церкви раскольникамъ и тѣмъ изъ неотписныхъ, которые, по изслѣдованію епископа, оказывались *никогда* не ходившими въ церковь и не принимавшими таинствъ. Недопущеніе на моленіе крестящихся троеперстно и брѣющихъ бороды митрополиту Платону казалось предосудительнымъ, и потому онъ рѣшилъ предоставить это на благоусмотрѣніе священниковъ. Причащеніе православныхъ у единовѣрческаго священника было ограничено смертнымъ случаемъ и невозможностью добыть православнаго священника. Сдѣлавъ эти измѣненія, а также нѣкоторыя поясненія и замѣчанія, митрополитъ Платонъ назвалъ присоединяющихся изъ раскола къ православной Церкви *единовѣрцами* и раскрылъ причину, по которой православная Церковь оказываетъ присоединяющимся снисхожденіе. Прошеніе съ его замѣчаніями было утверждено въ 1800 г. (27 окт.) императоромъ Павломъ I. Правила, въ немъ изложенныя, стали обязательными условіями для принятія старообрядцевъ въ церковное единеніе. Съ изданіемъ ихъ, явилось опредѣленное единовѣрческое общество, однообразное по условіямъ соединенія съ Церковію и съ однимъ для всѣхъ названіемъ. Теперь единовѣріе стало мыслиться нераздѣльно съ правилами 1800 г. Съ этого собственно времени начинается и *исторія единовѣрія*.

Не смотря на льготныя условія, *единовѣріе* въ первой че-

тверти XIX стол. *распространялось очень медленно* и въ немногихъ епархіяхъ. Извѣстно, напр., что вскорѣ послѣ утвержденія правилъ единовѣрія образовались единовѣрческіе приходы въ Москвѣ, Калугѣ, Екатеринбургѣ, Черниговской, Костромской и нѣкоторыхъ др. епархіяхъ. Но въ царствованіе императора Николая I оно распространялось очень быстро. По оффиціальнымъ документамъ, старообрядцы ежегодно обращались тысячами; единовѣріе проникло даже на Рогожское и Преображенское кладбища. Однако справедливость требуетъ сказать, что въ это время было больше всего случаевъ неискренняго присоединенія къ Церкви. Со времени царствованія императора Александра II старообрядцы хотя рѣже и не въ столь большомъ количествѣ обращаются въ православіе, но зато рѣже и возвращаются въ расколъ.

Прежде всего единовѣріе было введено на *Иргизѣ*. Въ 1828 г. саратовскій губернаторъ, князь Голицинъ, представилъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ докладъ о постепенномъ уничтоженіи иргизскихъ монастырей, такъ какъ въ нихъ «совершаются разныя непотребства». Оттуда отвѣтили, что на Иргизъ обращено уже серьезное вниманіе. Тогда губернаторъ лично отправился въ Нижне-Воскресенскій монастырь увѣщевать иноковъ принять единовѣріе. Нѣсколько человѣкъ изъявили свое согласіе и, несмотря на неудовольствіе и угрозы другихъ, подали (въ 1829 г.) прошеніе саратовскому епископу Моисею о принятіи ихъ въ Церковь на правилахъ единовѣрія. Въ виду такой просьбы, монастырь въ томъ же году былъ объявленъ единовѣрческимъ и существующія въ немъ двѣ церкви освящены. Въ 1837 г., согласно Высочайшей волѣ, былъ обращенъ въ единовѣрческій Средне-Никольскій монастырь. Раскольники не соглашались отдать его и оказали сопротивленіе, такъ что цѣлыхъ двѣ недѣли гражданская власть совмѣстно съ духовною не могла привести Высочайшей воли въ исполненіе и только съ помощію военной команды Высочайшее повелѣніе было исполнено. Изъ монаховъ Средне-Никольскаго монастыря ни одинъ не принялъ единовѣрія: «сія послѣдняя Христова инвалидная команда пошла на пропаганду». Въ 1841 г., по волѣ и желанію Государя Императора, были обращены въ единовѣрческіе Верхне-Преображенскій (мужской) и Покровскій (женскій) монастыри. Совершенно нечаянно и секретно явились власти съ единовѣрческимъ духовенствомъ сначала въ мужской, а потомъ въ женскій монастырь, губернаторъ прочиталъ Высочайшее повелѣніе, духовенство отслужило молебенъ и окропило церковь и часовню св. водой. Иноки и иноки, выслушавъ Высочайшее повелѣніе, принять единовѣріе не согласились и потому должны были удалиться изъ монастыря. Такое обращеніе Иргизскихъ монастырей въ единовѣр-

ческое увеличило раскольничью пропаганду въ другихъ мѣстахъ и усилило фанатизмъ раскольниковъ, но въ то же время показало, что такова воля Государя, и содѣйствовало распространенію единовѣрія въ Саратовской епархіи. Кромѣ Иргизскихъ монастырей, были обращены въ единовѣрческіе—Покровскій мужской монастырь (въ 1847 г.) и женскій Казанскій (въ 1850 г.) въ *Стародубьѣ*, при содѣйствіи свящ. Петербургской единовѣрческой церкви Тимофея Верховскаго, два скита—мужской Благовѣщенскій (1849 г.) и женскій Осиновскій (1850 г.) на *Керженцѣ* и нѣкоторые другіе.

Въ 1854 г. единовѣріе возникло на *Преображенскомъ* кладбищѣ. Дѣло было такъ. Въ 1853 г. митр. Филаретъ обратился къ правительству съ просьбою обратить вниманіе на разныя противозаконія, совершаемыя на Преображенскомъ кладбищѣ. Наряжено было слѣдствіе. Это слѣдствіе обнаружило множество злоупотребленій на Преображенскомъ кладбищѣ, вслѣдствіе чего старшины кладбища—Гучковъ, Егоровъ и др. и настоятель Семенъ Кузьминъ были привлечены къ отвѣтственности. Они были обличены въ разныхъ преступныхъ и корыстныхъ дѣйствіяхъ и высланы изъ Москвы въ разныя мѣста подъ строжайшій надзоръ, а сыновья Гучкова, вмѣстѣ съ нѣкоторыми старообрядцами, изъявили готовность присоединиться къ православной Церкви. За ними изъявили желаніе присоединиться и другіе. Въ 1854 г. на мужскомъ отдѣленіи Преображенскаго кладбища была освящена для нихъ первая единовѣрческая церковь (освященіе совершалъ самъ митрополитъ), въ концѣ того же года—другая, а въ 1857 г.—третья.

Въ то же время (въ 1854 г.) нѣкоторые изъ поповцевъ, во главѣ съ *Владиміромъ Андреевымъ Сапѣлкинымъ*, видя совершенное оскудѣніе «бѣгствующихъ іереевъ» и не имѣя расположенія къ австрійскому священству, рѣшились, по примѣру прихожанъ Преображенскаго кладбища, устроить единовѣрческую церковь на *Рогожскомъ кладбищѣ*. Въ августѣ 1854 года они подали прошеніе митрополиту Филарету объ обращеніи одной изъ часовенъ Рогожскаго кладбища въ единовѣрческую церковь. На это прошеніе послѣдовала милостивая резолюція вмѣстѣ съ грамотой на устроеніе единовѣрческой церкви. 29 сентября 1854 г. одна изъ часовенъ Рогожскаго кладбища была обращена въ церковь во имя святителя Николая. Но прежде, чѣмъ это случилось, Сапѣлкину пришлось вынести много непріятностей отъ жителей и жительницъ Рогожскаго кладбища. Такъ, «наканунѣ освященія церкви, когда онъ ѣхалъ на кладбище, его встрѣтили здѣсь криками негодованія и ругательствами; во время всенощной онъ получилъ извѣстіе, что въ его домѣ выбиты окна и что грозятъ ему пожаромъ. Всѣ эти огорченія онъ переносилъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ и спокойствіемъ».

На первыхъ порахъ число единовѣрцевъ, прихожанъ Никольской церкви, было не велико, но затѣмъ оно все болѣе и болѣе увеличивалось. Особенно много способствовало успѣхамъ единовѣрія въ Москвѣ Высочайшее повелѣніе 1854 г. выдавать раскольникамъ «свидѣтельства по гильдіямъ только на временномъ правѣ». Когда это повелѣніе было обнародовано, то представители и члены богатыхъ раскольническихъ домовъ въ Москвѣ толпами шли записываться изъ раскола въ единовѣріе. Впрочемъ, и помимо этой принудительной мѣры, единовѣріе распространялось здѣсь успѣшно. Особенно замѣчателенъ по своимъ обращеніямъ 1865 г.

Бѣлокриницкая іерархія, не смотря на недавнее свое происхожденіе (въ 1846 г.), успѣла уже и въ это короткое время выказать свою несостоятельность. Вопросъ о временномъ (въ теченіе 180 лѣтъ) прекращеніи іерархіи, настойчиво требовавшій рѣшенія и не находившій его, въ связи съ неурядицами между членами бѣлокриницкой іерархіи, побудилъ нѣкоторыхъ видныхъ членовъ ея искать единенія съ православною Церковію. 13 іюня 1865 г., по благословенію митрополита Филарета, Леонидомъ, епископомъ дмитровскимъ, было совершено присоединеніе изъ раскола къ православію *Онуфрія*, епископа браиловскаго, намѣстника бѣлокриницкой митрополіи, *Пафнутія* коломенскаго, архимандрита *Филарета*, бывшаго библіотекаремъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, *Іоасафа*, бывшаго іеромонахомъ Бѣлокриницкаго монастыря, и іеродіакона *Мелхиседека*. Примѣру ихъ послѣдовали *Сергій*, именовавшійся епископомъ тульскимъ, и протодіаконъ московскаго лжеархіепископа Антонія Шутова *Кириллъ Загадаевъ*, потомъ *Іустинъ*, епископъ тульчинскій, архимандритъ *Викентій* и нѣкоторые другіе [1]).

Присоединеніе такихъ видныхъ представителей раскола имѣло весьма важное значеніе для православной Церкви. Въ мірѣ раскола оно произвело сильное впечатлѣніе и вліяніе его тамъ продолжается до настоящаго времени, проявляясь, съ одной стороны, въ присоединеніяхъ къ Церкви, а съ другой—въ недоумѣніяхъ и сомнѣніяхъ относительно новой іерархіи, возникшихъ съ того времени и продолжающихся доселѣ.

Вскорѣ послѣ этого совершилось такое же событіе въ безпоповщинѣ: ее оставилъ инокъ *Павелъ*, называемый *Прусскимъ*. Павелъ, въ мірѣ Петръ Ледневъ, былъ родомъ изъ Сызрани, Симбирск. губ. (род. въ 1821 г., а умеръ въ 1895 г.). При замѣчательныхъ природныхъ способностяхъ, онъ рано и скоро выучился гра-

[1]) Подробнѣе см. въ Брат. Сл. за 1890 г. въ статьѣ «Двадцатипятилѣтіе присоединенія къ церкви раскольническихъ епископовъ и др. членовъ бѣлокриницкой іерархіи» и въ отдѣльной брошюрѣ.

мотѣ и обнаружилъ сильную склонность къ чтенію книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и къ разсужденіямъ о религіозныхъ вопросахъ, чему не мало способствовала и самая семья, въ которой онъ родился и воспитался. Съ 18 лѣтъ о. Павелъ началъ иноческіе подвиги и вскорѣ строгостію жизни, начитанностію и разсудительностію пріобрѣлъ большое уваженіе со стороны раскольниковъ. Сначала онъ былъ ревностнымъ послѣдователемъ ѳедосѣевскаго толка, но затѣмъ сталъ замѣчать нѣкоторыя несообразности въ его ученіи о бракѣ и отношеніи къ староженамъ и новоженамъ. Внимательное разсмотрѣніе этого ученія сдѣлало его ревностнымъ проповѣдникомъ брачной жизни. Въ 1846 г. о. Павелъ поселился на Преображенскомъ кладбищѣ, а отсюда въ 1847 г. отправился въ Пруссію, гдѣ было значительное количество русскихъ, чтобы завести тамъ безпоповскій монастырь. Устроившись немного, онъ съѣздилъ (въ нач. 1850 г.) въ Злынскій раскольническій монастырь, Черниговской губ., принялъ иночество и, по возвращеніи оттуда, усердно занялся устройствомъ своего монастыря, но вслѣдствіе неудовольствій вскорѣ удалился въ селеніе Климоуцы, въ Австріи, и устроилъ другой безпоповскій монастырь. Ревнуя о славѣ раскола, о. Павелъ со своимъ единомышленникомъ Голубевымъ устроилъ въ Іоганнисбергѣ, въ Пруссіи, типографію для печатанія книгъ въ пользу раскола. Но внимательное изученіе раскола убѣдило его въ неистинности послѣдняго, а разсмотрѣніе вопроса о Церкви привело къ тому заключенію, что одна только греко-россійская Церковь есть истинная Церковь Христова. Въ 1868 г. о. Павелъ присоединился къ этой Церкви, а съ нимъ вмѣстѣ и 15 учениковъ его. Безпоповцы были чрезвычайно поражены этимъ событіемъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ и раньше предугадывали переходъ о. Павла въ православіе, такъ какъ онъ не разъ высказывалъ мысли въ пользу православной Церкви и по этому поводу вступалъ въ пререканія съ знаменитыми раскольническими начетчиками, однако, когда фактъ совершился, они говорили: «если бы это во снѣ приснилось, и тогда напугало бы...». Дѣйствительно, обращеніе его въ православіе составляетъ эпоху въ новѣйшей исторіи безпоповщины и цѣнное пріобрѣтеніе для православной Церкви; благодаря его миссіонерскимъ и литературнымъ трудамъ очень многіе изъ старообрядцевъ вернулись въ лоно православной Церкви.

Всѣ присоединившіеся изъ раскола были помѣщены сначала въ Чудовомъ монастырѣ. Но тѣснота помѣщенія и отсутствіе вблизи единовѣрческихъ храмовъ, необходимыхъ для дѣйствія вновь присоединенныхъ, навели митрополита Филарета на мысль объ устройствѣ въ Москвѣ единовѣрческаго монастыря. Мѣстомъ для него было избрано мужское отдѣленіе Преображенскаго кладбища.

Мысль митрополита Филарета Высочайше одобрена и въ 1866 г. не смотря на сильное противодѣйствіе князя Суворова, хлопотавшаго за раскольниковъ, единовѣрческій монастырь былъ открытъ. Въ теченіе 25-лѣтняго существованія этотъ монастырь оказалъ не мало услугъ Церкви, какъ трудами своей братіи, особенно настоятеля архим. Павла Прусскаго, такъ и своей библіотекой, знаменитой древними рукописями и книгами церковной печати и открытой для всѣхъ желающихъ ею пользоваться [1]).

Неодинаковый способъ обращенія въ единовѣріе отразился на состояніи самихъ единовѣрцевъ. Многіе изъ нихъ, получивъ благословенныхъ священниковъ и разрѣшеніе содержать «старые» обряды, не считали нужнымъ внутреннее единеніе съ православною Церковію, а стремились къ большему разъединенію съ нею и давали поводъ нѣкоторымъ считать самое единовѣріе чуть не расколомъ. Такъ, одни изъ нихъ не хотѣли именовать Государя благочестивымъ и молиться за Царствующій домъ, другіе—отказывались принять въ свой храмъ православнаго архіерея; третьи—подвергали присланныхъ имъ священниковъ «исправѣ»; четвертые—исправляли требы у раскольническихъ поповъ и т. п. Въ началѣ 60-хъ годовъ явились даже такіе единовѣрцы, которые пытались уничтожить самое имя «единовѣрія». Поэтому не удивительно, что нѣкоторые изъ нихъ домогались получить особаго, самостоятельнаго епископа, который посвящалъ бы для нихъ священниковъ и діаконовъ и заправлялъ дѣлами всѣхъ единовѣрцевъ; просили свободнаго перехода изъ православія въ единовѣріе и уничтоженія клятвъ собора 1667 г. Главнымъ и виднымъ представителемъ подобнаго рода единовѣрцевъ былъ Петербургскій единовѣрческій священникъ *Иванъ Верховскій*, который 20 лѣтъ устно и письменно ратовалъ противъ единовѣрія и кончилъ бѣгствомъ къ заграничнымъ раскольникамъ (въ 1885 г.), за что Св. Синодомъ былъ извергнутъ изъ сана. Церковная власть, конечно, отклоняла подобныя домогательства, стараясь со своей стороны выяснить единовѣрцамъ, что они и православные составляютъ одну Церковь, что все различіе между ними въ обрядахъ. Въ такомъ именно смыслѣ Св. Синодомъ было сдѣлано въ 1881 г. *измѣненіе нѣкоторыхъ пунктовъ единовѣрія*. Поводомъ къ этому послужила просьба самихъ единовѣрцевъ. Собравшись на нижегородскую ярмарку въ 1877 и 1878 годахъ, прихожане московскихъ единовѣрческихъ церквей и единовѣрцы разныхъ мѣстъ Россіи обратились къ Св. Синоду съ прошеніями, въ которыхъ, указывая на необходимость предоставленія единовѣрческой церкви большихъ правъ относительно дѣйствій ея

[1]) Эта библіотека пожертвована купцомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Хлудовымъ и извѣстна подъ названіемъ *Хлудовской*.

на расколъ и для полнѣйшаго единенія съ Церковію православною, ходатайствовали о пересмотрѣ, исправленіи и дополненіи нѣкоторыхъ пунктовъ правилъ единовѣрія 1800 г. При этомъ они выражали желаніе и надежду, что Св. Синодъ «нарочитымъ актомъ» раскроетъ смыслъ клятвъ, положенныхъ Московскимъ соборомъ 1667 г. и тѣмъ успокоитъ совѣсть какъ единовѣрцевъ, такъ и раскольниковъ, ищущихъ единенія съ православною Церковію на правилахъ единовѣрія.

По внимательномъ разсмотрѣніи этихъ прошеній, Св. Синодъ прежде всего нашелъ необходимымъ сказать, что учрежденіе единовѣрія послѣдовало по снисхожденію православной Церкви для облегченія отторгшимся отъ нея пути возвращенія въ лоно Церкви; что единовѣрцы, исповѣдуя догматы христіанской вѣры въ духѣ и истинѣ вселенскаго православія, однако, отправляютъ богослуженіе и церковныя требы по книгамъ, не чуждымъ, въ словахъ и обрядностяхъ, погрѣшностей, и что посему нѣкоторое дополненіе правилъ единовѣрія хотя и можетъ быть допущено, но съ устраненіемъ всякаго соблазна и недоразумѣнія, и лишь въ смыслѣ вящшаго облегченія отщепенцамъ, упорствующимъ возвратиться въ нѣдра Церкви путемъ единовѣрія. Согласно съ этимъ, Св. Синодъ нашелъ возможнымъ сдѣлать дополненія къ 5, 11 и 14 пунктамъ правилъ единовѣрія 1800 г., а именно: а) разрѣшилъ присоединять къ единовѣрію тѣхъ изъ записанныхъ православными, которые, по надлежащемъ изслѣдованіи окажутся издавна, не менѣе 5 лѣтъ (прежде 10-ти), уклоняющимися отъ принятія таинствъ православной Церкви, но не иначе, какъ съ разрѣшенія, относительно каждаго изъ нихъ, епархіальнаго преосвященнаго; б) позволилъ православнымъ, въ особоуважательныхъ случаяхъ, исповѣдываться и пріобщаться св. таинъ у единовѣрческаго священника, съ тѣмъ, однако, чтобы это не служило поводомъ къ перечисленію православнаго въ единовѣріе и чтобы православные представляли приходскому священнику полученное ими отъ единовѣрческаго священника свидѣтельство о бытіи у исповѣди и св. причастія, и в) дозволилъ дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ единовѣрцевъ съ православными, крестить, по общему согласію ихъ родителей, въ православной или единовѣрческой церкви, равно сподоблять и прочихъ таинствъ (Извлеч. изъ всеподданнѣйш. отчета обер.-прокур. Св. Синода К. Побѣд. по Вѣд. Пр. Исп. за 1881 г., стр. 41—43).

Въ 1885 г. было сдѣлано еще небольшое дополненіе къ правиламъ 1800 г.: по просьбѣ Уфимскаго преосвященнаго, Св. Синодъ разъяснилъ, что, при присоединеніи изъ раскола въ единовѣріе, слѣдуетъ довольствоваться выдаваемыми присоединяющимися лицами подписками, не требуя засвидѣтельствованія послѣднихъ

волостными и сельскими правленіями.—Не смотря на сдѣланныя дополненія правилъ 1800 г., единовѣрцы не успокоились, а продолжали свои домогательства. Такъ, въ томъ же 1885 г. московскіе единовѣрцы подали въ Св. Синодъ прошеніе «объ изданіи отъ его имени постановленія, въ коемъ было бы разъяснено, что православная греко-россійская Церковь не утверждаетъ и не раздѣляетъ тѣхъ порицательныхъ выраженій объ именуемыхъ старыхъ обрядахъ, которыя содержатся въ противораскольническихъ сочиненіяхъ прежняго времени». Въ основаніе своей просьбы они указывали на то, что «означенныя порицательныя выраженія, смущая единовѣрцевъ, препятствуютъ и обращенію раскольниковъ въ лоно православной Церкви на правилахъ единовѣрія». Чтобы успокоить единовѣрцевъ и отнять у раскольниковъ всякій предлогъ къ оправданію своего отдѣленія отъ православной Церкви, Св. Синодъ издалъ въ 1886 г. «*изъясненіе объ истинномъ смыслѣ и значеніи* содержащихся въ полемическихъ противораскольническихъ сочиненіяхъ прежняго времени *порицаній на именуемые старые обряды*». Въ этомъ «изъясненіи» онъ со всею убѣдительностію, твердостію и ясностію раскрываетъ дѣйствительное значеніе «порицательныхъ выраженій объ именуемыхъ старыхъ обрядахъ у полемическихъ писателей» прежняго времени и дѣйствительное отношеніе къ нимъ самой Церкви. Въ изъясненіи говорится, что православная Церковь признаетъ содержащіеся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ прежняго времени порицательные отзывы и выраженія о старыхъ обрядахъ принадлежащими лично писателямъ сихъ сочиненій; сама же она не раздѣляетъ и не подтверждаетъ сихъ отзывовъ и выраженій, потому что признавала и признаетъ старые обряды—сами по себѣ и независимо отъ значенія, усвоеннаго имъ раскольниками,—ничего противнаго православію не представляющими, и употребленіе ихъ не въ знакъ противленія Церкви, но въ полномъ общеніи съ нею и по ея собственному благословенію, вполнѣ дозволительнымъ. Если же Св. Синодъ разрѣшаетъ новыя изданія прежнихъ полемическихъ противъ раскола сочиненій, безъ исключенія или исправленія въ нихъ порицательныхъ выраженій, то разрѣшеніе его касается не въ частности этихъ именно порицательныхъ выраженій, но общаго содержанія помянутыхъ сочиненій; съ другой стороны, исключать изъ сихъ сочиненій порицательныя выраженія и подвергать ихъ какимъ-либо исправленіямъ признается нынѣ неудобнымъ, потому что эти сочиненія составляютъ историческіе памятники прошлаго столѣтія, изданіе которыхъ должно въ точности соотвѣтствовать подлинному ихъ тексту». Раскрывъ, такимъ образомъ, истинный смыслъ и значеніе порицаній на именуемые старые обряды въ прежнихъ

полемическихъ сочиненіяхъ, Св. Синодъ точно и рѣшительно высказалъ свое мнѣніе и о клятвахъ собора 1667 г. «На соборѣ 1667 г., говорится въ «изъясненіи», опредѣленіе котораго имѣетъ и должно имѣть непререкаемую твердость, православная Церковь различала употребляющихъ именуемые старые обряды отъ самыхъ обрядовъ, которые въ существѣ ихъ и истинномъ значеніи не признавала подлежащими порицанію и безусловному воспрещенію. Православная Церковь признаетъ подлежащими осужденію и клятвѣ не покоряющихся постановленію великаго Московскаго собора о новоисправленныхъ церковно-богослужебныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ, т. е. всѣхъ тѣхъ, которые въ противность сему постановленію признаютъ исправленныя книги, чины и обряды неправо исправленными, даже еретическими, объявляютъ православную Церковь за исправленіе ихъ безблагодатною и въ знакъ своего противленія Церкви и въ порицаніе содержимыхъ ею обрядовъ употребляютъ и требуютъ исключительно употреблять такъ называемые старые обряды, которымъ усвояютъ притомъ значеніе неизмѣняемыхъ догматовъ вѣры и противный православію смыслъ» (Извлеч. изъ отч. Оберъ-прок. Св. Син. К. Побѣд. по Вѣд. Прав. Испов. за 1885 г., стр. 87—90).

27 октября 1900 г. исполнилось столѣтіе единовѣрія; это событіе было отпраздновано съ подобающею торжественностію. Въ празднованіи его принимали участіе высшіе іерархи нашей православной Церкви. Въ Петербургѣ митр. Антоніемъ было совершено богослуженіе въ Николаевскомъ единовѣрческомъ храмѣ, въ Москвѣ— митр. Владиміромъ въ Троицкомъ единовѣрческомъ храмѣ. Отъ лица Св. Синода было издано особое посланіе «чадамъ православной грекороссійской каѳолической и апостольской церкви, содержащимъ глаголемые старые обряды». За время своего столѣтняго существованія единовѣріе значительно возросло въ числѣ своихъ членовъ; церкви единовѣрческія существуютъ во всѣхъ епархіяхъ и даже за границей. Такъ, стараніями ученика Павла Прусскаго— Петра, инока устроенной Павломъ Климоуцкой безпоповской киновіи, и вниманіемъ черновицкаго митрополита Блажевича, посвятившаго (въ 1879 г.) Петра въ іеромонахи для климоуцкихъ единовѣрцевъ, было учреждено единовѣріе въ селеніи Климоуцахъ (въ Австріи), а затѣмъ по ходатайству жителей Майноса, въ азіатской Турціи, начавшихъ еще въ 1872 г. хлопоты о введеніи у нихъ единовѣрія, было учреждено единовѣріе и здѣсь, при чемъ причтъ для Майносскаго прихода «былъ поставленъ рукою русскаго іерарха». Конечно, и теперь не всѣ единовѣрцы правильно понимаютъ единовѣріе; среди многихъ изъ нихъ еще и теперь въ значительной степени бродятъ разныя мысли о нуждахъ единовѣрія, о неудовле-

творительности его положенія и т. п.; многихъ продолжаютъ волновать старыя желанія, волновавшія единовѣрцевъ въ прошломъ столѣтіи. Однако заслуга единовѣрія несомнѣнна: благодаря ему десятки тысячъ заблудшихъ братій возсоединились съ православною Церковію и многіе изъ нихъ своею дѣятельностію на миссіонерскомъ и литературномъ поприщахъ принесли уже большую пользу православной Церкви, а не мало ихъ и посейчасъ трудится.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
22	18—19 св.	пра-вильной	правильной
25	22 сн.	абрящеши	обрящеши
—	14 »	исправленіи	исправленію
28	1 св.	мнѣнія о	мнѣнія русскихъ о
40	21 »	вовсе не состоитъ	состоитъ вовсе не
47	21 »	Ѳедоръ	Ѳеодоръ
49	21 сн.	матеріею	матерію
64	8 св.	успѣхомъ спустя	успѣхомъ: спустя
84	22 и 8 сн.	Іисусъ	Ісусъ
93	7 св.	числа	чина
104	21 »	безграматнаго	безграмотнаго
109	11 сн.	хринимые	хранимые
115	1 св.	Ѳеодосій	Іоасафъ
—	2—3 св.	смертію († въ 1710–11 г.)	смертію,
—	4 св.	Ѳеодосій	Ѳеодосій († въ 1710—11 г.)
125	22 сн.	возможности	возможнымъ
126	17 »	ѣздъ	уѣздъ
127	21 »	усѣхомъ	успѣхомъ
138	19 »	Никиту	Никиты
143	10 св.	Іисуса	Ісуса
148	15 »	и положеніе	, положеніе

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО АНТИРЕЛИГИОЗНОГО МУЗЕЯ